

Ив. Ив. ПАНАЕВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ив. Ив. ПАНАЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА.

Ив. Ив. Панаевъ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

1834—1840.

МОСКВА.—1912.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СПАЛЬНЯ СВѢТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

(Эпизодъ изъ жизни поэта въ обществѣ.)

Посвящается В. П. Панаеву.

I.

. . . .
Что жъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?

Александръ Пушкинъ.

Въ свѣтлый и теплый день апрѣля мѣсяца 183* года, въ началѣ 3-го часа, Невскій проспектъ суетился толпами пѣшеходцевъ, гремѣлъ скачущими экипажами и чопорно красовался вывозною мишурностью своего убранства, на которое глядѣло гордое солнце, съ истинно-русскою щедростью разсыпая золото лучей своихъ. Пестрота, переливъ красокъ, пронзительные крики форейторовъ, карканье разнозчиковъ, стукъ колесъ, хлопанье бичей, громъ барабана и пискъ флейты, возвѣщавшіе окончаніе развода, — все это съ перваго взгляда очаровывало зрѣніе и пріятно отзывалось въ ушахъ новопріѣзжаго провинціала, было такъ привычно слуху безсмѣннаго жителя столицы...

«Пади! пади!» — грозно кричалъ плечистый и длиннобородый кучеръ, ловко управлявшій парою статныхъ коней, запряженныхъ въ щегольски отдѣланную коляску... «Пади!» повторялъ онъ; но молодой человѣкъ, къ которому относилось это громозвучное *пади*, будто окаменѣлый, стоялъ посреди улицы. Стремительный бѣгъ коней угрожалъ ему рѣшительной гибелью, — одна минута — и онъ былъ бы раздавленъ.

какъ вдругъ кто-то сзади схватилъ его за руку и оттащилъ въ сторону. Онъ обернулся. То былъ адъютантъ съ плутовскимъ взглядомъ, съ ироническою улыбкою и съ блестящимъ аксельбантомъ.

— Что съ тобой, Громскій? тебя, милый, раздавятъ, — сказалъ онъ дружески молодому человѣку, подводя его къ тротуару. — Безпечно мечтать можно только въ своемъ кабинетѣ.

Тотъ будто очнулся отъ сновидѣнія, протеръ глаза, взглянулъ на своего избавителя, не произнесъ ни слова, крѣпко сжалъ ему руку и исчезъ въ толпѣ...

Съ перваго взгляда этотъ молодой человѣкъ не былъ замѣчателенъ. Довольно мѣшковатая одежда его придавала ему странный, даже, если хотите, смѣшной видъ, а шляпа съ широкими полями бросала грубую тѣнь на лицо. Походка его была скора, связана неловкостью и не разсчитана модою. Но если бы вы взглянули на него въ ту минуту, когда онъ, пробѣжавъ до своей скромной квартиры, на углу Итальянской улицы, съ быстротою помѣшаннаго, усталый, кинулся на диванъ, сбросивъ свою шляпу, — о! васъ вѣрно поразили бы благородныя и привлекательныя черты его, несмотря на то, что онѣ выражали какое-то необыкновенное разстройство и были напряжены усталостью.

— Это опять *она!* — произнесъ онъ съ энергическимъ восторгомъ, съ дикою радостью, какъ человѣкъ, долго искавшій чего-то и наконецъ нашедшій желанное.

— Это опять *она!* — повторялъ онъ — и черные глаза его сверкали ослѣпительнымъ заревомъ страсти, и длинныя кудри темныхъ волосъ его распадались въ завидномъ безпорядкѣ....

Ему было не болѣе 20-ти лѣтъ!..

Читатели вѣрно не удивятся, если узнаютъ, что поразило его до такого окаменѣнія и едва не подвергло безвременной смерти. То была, говоря изобрѣтательнымъ языкомъ свѣтскаго человѣка, очаровательная, какъ поцѣлуй, соблазнительная, какъ грѣхъ, задумчивая, какъ мечта, головка женщины, едва отѣненная легкою блондою шляпки и граціозно

высунувшаяся изъ окна богатой кареты, которую мчала четверня. Головка, которая уже въ третій разъ являлась юношѣ, какъ роскошное сновидѣніе, и которая такъ жестоко вскружила ему голову!..

Въ мучительномъ и отрадномъ волненіи провелъ онъ весь этотъ день; а ночь утопалъ въ волнистой, усладительной грезѣ или вздрагивая отъ страшнаго замиранія сердца... То передъ нимъ разстилался необозримый садъ съ невиданною роскошью цвѣтовъ, между коими была всѣхъ привлекательнѣе, всѣхъ душистѣе пышная роза. Онъ хотѣлъ сорвать эту розу, но стебелекъ ея вырывался изъ рукъ его, а роза росла, росла, — и вдругъ сладострастно раскидывалась передъ нимъ чудною незнакомкою, идеаломъ души его... То бурное море плескало у ногъ его съ воплемъ гибели — и изъ своей бездонной челюсти выкидывало трупъ женщины. И эта женщина была все *она*, она, далекая отъ него, невѣдавшая объ немъ, но такъ давно знакомая его распалявшемуся воображенію! она, — поэтическая греза его фантазіи, вырывавшейся на свободу. Она, — божество, передъ которымъ, колѣнопреклоненный, онъ залепеталъ первую гармоническую молитву!..

Но мы оставимъ до времени разложеніе внутренняго быта героя нашей повѣсти и перейдемъ къ наружному, въ нетерпѣніи короче познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Викторъ Громскій почти не зналъ своихъ родителей. Онъ лишился ихъ въ такіе годы, когда не могутъ чувствовать вполнѣ муки этой потери. Порой, какъ сквозь фату сновидѣнія, мелькалъ передъ нимъ легкой тѣнью образъ его матери, простиравшей къ нему съ любовью руки; порой съ неизъяснимою прелестью рисовались передъ нимъ сцены изъ его дѣтской жизни: старая его няня съ очками на носу, съ платкомъ на головѣ, скрывавшимъ ея сѣдые волосы, съ чулкомъ въ рукахъ, съ чудною сказкою въ устахъ, прерываемой брюзгливымъ ворчаніемъ при спусканіи петель; портретъ Кульнева съ длинными страшными усами, украшавшій обитыя пестрыми обоями стѣны гостиной, вмѣстѣ съ какими-то другими портретами, портретъ, который болѣе всѣхъ впечатлѣлся

въ памяти юноши, потому что имъ пугали его дѣтское воображеніе, стараясь предупредить отъ шалостей, и который замѣнялъ ему стращанье трубочистомъ. Но воспоминаніе обо всемъ этомъ безотчетно и прихотливо пробѣгало по струнамъ его сердца, не извлекая полнаго потрясающаго аккорда. Онъ не зналъ даже, что эти наивныя сцены первыхъ беззаботныхъ сознаній его бытія разыгрывались въ небольшомъ домикѣ небольшой деревни его матери, въ одномъ изъ уѣздовъ П** губерніи. Ему передали объ этомъ послѣ. Яркая, благодѣтельная, часто неумолимая память вполнѣ начала освѣщать его только съ пребыванія въ Петербургѣ. Его привезли туда 9-ти лѣтъ для того, чтобы опредѣлить въ казенное заведеніе учиться, а учиться для того, чтобы, не препинаясь чиномъ титулярнаго совѣтника въ силу Указа, прямо быть произведену въ коллежскіе асессора, безъ рокового экзамена на 40-лѣтнемъ возрастѣ жизни; къ тому же, какія удивительныя привилегіи: прямо чинъ *10-го класса* при вступленіи въ службу!.. Это необъемлемо роскошная мысль для провинціальнаго чиновника.

Время отъ складовъ азбуки до *окончанія полнаго курса наукъ по аттестату* казалось другимъ вѣчностію, ему — мгновеніемъ. Въ 16 лѣтъ, при громѣ музыки, при многочисленномъ собраніи посѣтителей, ему вручили аттестатъ — и распахнули передъ нимъ широкую парадную дверь, за которой манила его свобода и роскошно соблазняла своими объятіями.

Пансіонскія занятія его были слишкомъ ограничены для полнаго дарованія. Онъ стремился въ даль, онъ жаждалъ познаній и, неудовлетворенный, часто наказанный за опрометчивость, пристыженный товарищами, которые называли его *выскочкой*, — онъ горько плакалъ!..

Одно изъ укоритательныхъ словъ, неразлучно связывавшихся съ его именемъ — было *поэтъ*. Такъ величали его школьные товарищи съ насмѣшливой улыбкой, потому что порой заставали молодого человѣка задумавшагося надъ клочкомъ бумаги съ сверкающими очами, съ восторгомъ самозабвенія въ выразительныхъ чертахъ лица!

— Что, у кого укралъ? у кого выписалъ? — съ хохотомъ кричали школьники, вырывая у него этотъ клочокъ, который онъ готовъ былъ защищать, какъ свое единственное сокровище.

Шумъ, громъ, неистовыя забавы дѣтства никогда не запутывали его въ тѣсный кружокъ свой. Отъ этого онъ былъ нелюбимъ большею частію своихъ товарищей. — Льстюха! — дразнили его нѣкоторые, — трусъ! — кричали другіе... — Да онъ фискалъ! — съ таинственностью прибавляли третьи.

Громскій не оскорблялся всѣми этими титлами, которыми такъ щедро награждало его безразсудное и беззавѣтное дѣтство. Онъ былъ выше ничтожныхъ и неотразимыхъ мелочей ученическаго быта. Онъ уже тогда начиналъ жить въ другомъ мірѣ, въ заманчивомъ мірѣ воображенія, который онъ населилъ по своей прихоти очаровательными въ поэзіи, несбыточными въ существенности, образами. Съ этими образами онъ любовно сжился — и думалъ всегда роскошно лелѣять ихъ у своего горячаго сердца. На нихъ онъ создалъ впослѣдствіи смѣшное и шаткое, высокое и прекрасное понятіе объ обществѣ!..

Несмотря на свою любовь къ одинокости и уединенію, онъ, съ свойственною благороднымъ душамъ пылкостію, жаждалъ дѣлиться чувствами и мыслями съ другимъ существомъ. Чувства и мысли переполняли его и вырывались наружу, будто пѣна кипящей влаги, льющейся чрезъ края бокала.

Между всѣми товарищами своими онъ давно отличалъ одного, — и этотъ одинъ безъ зова подалъ ему руку, и онъ крѣпко сжалъ ее въ знакъ согласія. Они прежде были раздѣлены классами, потомъ соединились въ одномъ и еще лучше поняли другъ друга. Съ той минуты они были неразлучны.

Графъ Вѣрскій, надѣленный способностями, гибкимъ умомъ, привлекательною наружностью, граціозный и ловкій сыздѣтства, самодовольный знатностію своего рода, не упускавшій изъ виду мелкихъ блестокъ образованія и умѣвшій, несмотря на свою молодость, понимать въ другихъ без-

корыстное стремленіе къ познанію науки, любившій гармонію поэтическихъ звуковъ, по противоположностямъ, такъ часто сходящимся въ природѣ, сошелся съ дикаремъ Громскимъ. Онъ подмѣтилъ въ немъ рѣзкій, хотя и нелюдимый умъ, и провидѣлъ пылкое дарованіе.

Съ этой минуты всѣ товарищи Громскаго перемѣнили свое насмѣшливое обращеніе съ нимъ, потому что они имѣли высокое понятіе о графѣ, а графъ сдѣлался его открытымъ другомъ.

Тотъ, чье воспитаніе выбѣгало одинокой струей изъ-за четырехъ угловъ домашней комнаты и, упадая, сливалось съ шумящими безчисленными струями истока, стремящагося съ силою вдаль въ безграничное и неисчерпаемое море просвѣщенія, или, выражаясь проще и вѣрнѣе по-русски, кто высиживалъ въ общественномъ заведеніи время до полученія привилегированнаго аттестата, тотъ хорошо знаетъ, что̀ такое школьная дружба и школьное первенство, рѣзко отличающее почему-нибудь одного передъ десятками товарищей.

Школьная жизнь есть тѣсная рама будущей обширной жизни; литографированный листъ бумаги, въ жалкихъ размѣрахъ силящейся представить огромную картину великаго художника. На этомъ листѣ вы не видите ни бури души, ни молніи вдохновенія, ни восторга, который уноситъ художника какъ летучую звѣзду въ объятія необъемлемаго неба, или, съ гигантскимъ свѣточемъ, низвергаетъ въ тьму преисподней; на этомъ листѣ только одинъ абрисъ, только одинъ очеркъ, только одна легкая тѣнь; но, несмотря на это, вы все-таки по немъ будете имѣть слабое, хотя запутанное, и изглаживающее понятіе о чудномъ величіи картины!

Школьная жизнь — это клубокъ нравственныхъ силъ человѣка, который со временемъ, по волѣ всемогущей судьбы — или развертываетъ вполнѣ безконечную нить свою, или останавливается на половинѣ, или иногда остается вовсе неразвернутымъ. Страшная игра! Судьба прихотливо и беззавѣтно, съ улыбкой забавы, держитъ въ рукѣ этотъ клубокъ — и небрежно бросаетъ его съ большею или меньшею силою!

Куда же укатывается онъ!

. . . .

Бѣдные! мы съ трепетомъ безумнаго ожиданія, въ нетерпѣніи юности, хотимъ, чтобы этотъ клубокъ катился вдаль, чтобы онъ развернулся скорѣе, и не заботимся, по какому направленію побѣжитъ онъ. Мы жаждемъ и ищемъ впечатлѣній, спѣшимъ мужать и въ раму 20-ти лѣтъ вмѣстить тяготу 40-лѣтней опытности.

Замѣтьте: съ самыхъ юныхъ и несознательныхъ лѣтъ, начиная играть съ неизмѣримою книгою жизни и перебирая листы ея, мы невольно, если хотите, инстинктивно, останавливаемся на самыхъ заманчивыхъ главахъ этой книги. Слова: *дружба*, *любовь* — такъ утѣшительно ластятся около нашего воображенія, которое съ каждымъ днемъ раскрывается сильнѣй и сильнѣй; такъ манитъ наше любопытство, что мы уже начинаемъ мечтать объ осуществленіи этихъ словъ. Эти слова дѣлаются для насъ новыми игрушками — и мы съ жаромъ принимаемся обновлять ихъ: мы ищемъ друга, еще не понимая значенія сего слова и, кажется, находимъ его, создаемъ въ головѣ своей предметъ любви и обожаемъ его. Это забавная игра въ дружбу и любовь!

Въ школьной жизни вы встрѣтите всего человѣка въ миніатюрѣ, съ его честолюбіемъ, гордостью, самоотверженіемъ, эгоизмомъ. Отсюда проявленіе политической дѣятельности, заключенной въ четырехъ стѣнахъ классной комнаты; сила временщиковъ и низость льстецовъ, партіи, безпорядки и проч.

И все это, повторяю, не болѣе, какъ игра въ куклы!

Вѣрскій былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ временщиковъ — и его товарищи робко преклонялись предъ нимъ. Онъ былъ мускулистъ, силенъ и вмѣстѣ съ этимъ статенъ и ловокъ. Качества, почти несоединимыя и всего болѣе замѣчательныя въ лѣта развитіи... Сила всегда заставляетъ трепетать безсильныхъ, а тотъ, передъ кѣмъ мы трепещемъ, невольно дѣлается нашимъ идоломъ. Физическая сила—есть единственная аристократія пансіонскаго міра; другой въ немъ не существуетъ. Товарищи Вѣрскаго никогда не называли его графомъ, всегда силачомъ-Вѣрскимъ.—Дружба его была

значительна, и слѣдствія такой дружбы благодѣтельны для Громскаго: его перестали дразнить именемъ *поэта*; это имя придавали ему попрежнему, но съ уваженіемъ, стали даже находить въ немъ множество другихъ достоинствъ, которыхъ не хотѣли замѣчать прежде, и съ гордостію присвоивать себѣ его рѣзкія, хотя часто опрометчивыя сужденія о предметахъ.

Поэтъ-Громскій и силачъ-Вѣрскій были всегда вмѣстѣ:— и во время отрадныхъ гуляній, и во время мимолетныхъ повтореній, и въ классахъ на безконечныхъ и монотонныхъ лекціяхъ профессоровъ. Дружба ихъ не колебалась.

Оставалось полгода до ихъ выпуска.

Въ одинъ вечеръ послѣ ужина, въ половинѣ 10-го часа вечера, Громскій, одинокій и задумчивый, сидѣлъ въ классѣ. На длинномъ и высокомъ столѣ, окрашенномъ темно-зеленою краскою, стояла въ низкомъ оловянномъ подсвѣчникѣ нагорѣвшая свѣча, едва освѣщая глубокую комнату. Въ послѣднее время дозорные взгляды товарищей начали подмѣчать, что Громскій какъ бы старался убѣгать своего друга, что онъ чаще прежняго уединялся и становился задумчивѣе.— Тихомолкомъ шли разные толки; вслухъ еще ничего не говорили.

Дверь скрипнула, Громскій вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ молодой графъ.

— Что съ тобою, Викторъ?—безпечно произнесъ онъ, зѣвая...—Вотъ уже три недѣли, какъ не одинъ я замѣчаю въ тебѣ страшную перемѣну. Ужъ не грядущій ли экзаменъ заставляетъ тебя задумываться? Право, тебѣ нечего бояться тупой ферулы профессора.

Викторъ горько улыбнулся.

— Ты слишкомъ мало знаешь меня,—возразилъ онъ,—иначе не вытаскивалъ бы грусти моей изъ такого мутнаго источника... Къ тому же развѣ моя задумчивость диковинка?— развѣ я въ первый разъ бѣгу отъ шума и зажимаю уши отъ пусторѣчья? Мнѣ можно задумываться о будущемъ: передо мной еще лежитъ много труда: о-бокъ съ трудомъ долженъ я итти въ жизни, чтобы продлить существованіе. Тебѣ извѣстно: *я бѣденъ!* я не имѣю имени въ свѣтѣ...

Александръ! я не могу думать ни о жирныхъ обѣдахъ, ни о знаменитыхъ покровителяхъ, ни о *блестящихъ друзьяхъ*...

И, произнеся эти послѣднія слова, юноша устремилъ боязливые и проницательные взоры на своего товарища.

— Вѣрно ты всѣ эти дни вставалъ лѣвой ногой съ постели, — шутя замѣтилъ Вѣрскій. — Какія черныя мысли! передъ нами разстилается необозримая зала удовольствій: роскошь, нѣга, очаровательныя женщины. Мы будемъ дѣлиться всѣмъ, всѣмъ, даже и наслажденіями. Вѣдь ты мой единственный другъ, Викторъ? Я не измѣнюсь къ тебѣ никогда. Мы такъ же, какъ теперь, будемъ неразлучны. Не правда ли?

— Мнѣ кажется, ты позабываешь, что не всегда одна кровля будетъ соединять насъ. Какой-нибудь домикъ на Пескахъ, вросшій въ землю, слишкомъ далеко отъ грандіозныхъ палатъ Англійской набережной... Знаешь ли, сколько верстъ разстоянія между ними? Для дружбы необходимо единодушіе, для единодушія — равенство... Раззолоченныя прихоти аристократа не сойдутся съ воздушными фантазіями плебея!

— Между нами нѣтъ никакого разстоянія, никакого различія! — съ примѣтнымъ негодованіемъ воскликнулъ Вѣрскій... — Въ моихъ понятіяхъ существуютъ однѣ только нравственныя границы между людьми... Я знаю, что умъ и глупость никогда не могутъ сойтись. Разсужденія въ сторону, — прибавилъ онъ съ улыбкою. — Если бы какой-нибудь фокусникъ изобрѣлъ нравственные вѣсы и мы захотѣли бы узнать, чей мозгъ потянетъ тяжеле, — право, я остался бы въ накладѣ... Кто жъ, какъ не я, долженъ дорожить послѣ этого твоей дружбой?

— Такъ ты не измѣнишься ко мнѣ, такъ наша школьная дружба не будетъ казаться тебѣ смѣшною?

— Да избавитъ тебя Аполлонъ отъ такой мысли! Такая мысль недостойна тебя! Ты всегда смотришь на міръ изъ окна пансіона въ радужное стеклышко поэзіи, а на меня вздумалъ смотрѣть въ какія-то закопченыя стекла! Брось

ихъ ради Бога! взгляни на меня попрежнему своими глазами, и я вѣрно не буду тебѣ казаться арабомъ.

Мы привели здѣсь этотъ разговоръ для того, чтобы точнѣе показать читателямъ отношенія, которыя связывали Громскаго съ молодымъ графомъ. Наступило время выпуска — и они должны были поневолѣ разстаться: графъ вступилъ въ военную службу; Громскій нанялъ небольшую комнату въ Итальянской улицѣ. Графъ черезъ полгода произведенъ былъ въ офицеры; Громскій продолжалъ свое образованіе въ университетѣ. Графъ на лихой четвернѣ разъѣзжалъ по театрамъ и баламъ, кружился въ вихрѣ большого свѣта и кружилъ другимъ головы; Громскій всякій день, несмотря на дождь и грязь, смиренно проходилъ пѣшкомъ опредѣленное пространство отъ Итальянской до Семеновскаго полка. Черезъ три года послѣ выпуска графъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ адъютантомъ къ своему дядѣ барону М**; Громскій получилъ аттестатъ на званіе кандидата. Графъ пріобрѣлъ много опытности, коротко ознакомясь съ свѣтомъ; Громскій остался съ прежними понятіями о людяхъ, потому что онъ такъ же, какъ и прежде, былъ далекъ отъ нихъ. Несмотря на все это, въ свободное отъ занятій время Громскій бывалъ у графа, графъ изрѣдка посѣщалъ Громскаго и одинаково былъ съ нимъ радушенъ. Но Громскій въ роскошномъ кабинетѣ графа, окруженный новыми его друзьями — знатною молодежью, чувствовалъ себя лишнимъ, боялся разстроивать его своимъ появленіемъ, но все не переставалъ любить его попрежнему. Графъ въ тѣсной и голой комнатѣ поэта былъ какъ бы не на своемъ мѣстѣ, казался озабоченнымъ чѣмъ-то, нѣсколько принужденнымъ. Оба избѣгали разговора, который бы могъ напомнить имъ прежнюю ихъ короткость и оправдать Громскаго, котораго предположенія такъ скоро сбывались.

Онъ не скучалъ въ своемъ уединеніи, потому что ему некогда было думать о скукѣ. Цѣлые дни просиживалъ онъ, углубленный въ чтеніе... Наука широкимъ и вѣтвистымъ деревомъ раскидывалась надъ его головою, и онъ съ наслажденіемъ рвалъ плоды съ этого дерева. Любимымъ поэтомъ

его былъ Шиллеръ; онъ изучалъ пламеннаго, вѣчно юнаго, вѣчно восторженнаго выродка изъ германцевъ... Дѣвственная душа его отрадно разнѣживалась гармоніей небесныхъ звуковъ. Онъ дивился могущему, всеобъемлющему генію Шекспира и Гёте; онъ укрѣплялся въ борьбѣ съ исполинами нѣмецкой философіи, заимствуя отъ нихъ стальную крѣпость рѣчи, быстрый лаконическій напоръ идей, и все это закаляя пламенемъ своей души, ярко и блистательно вспыхивавшей.— Время летѣло для него незамѣтно, и уже весеннее солнце 183* года рѣзко вонзало лучи свои въ тонкія и грязныя льдины Невы. Мартъ былъ въ половинѣ. Утромъ 13-го марта Громскій шелъ по Большой Морской... Вдругъ карета, запряженная четвернею сѣрыхъ рысаковъ, съ шумомъ подкатилась къ подъѣзду дома, къ которому подходилъ онъ. То былъ магазинъ Сихлеръ. Ступеньки кареты хлопнули, показалась очаровательная ножка, затянутая въ черный атласный башмачокъ, потомъ маленькая свѣтлозеленая шляпка съ развѣвающеюся блондою, подъ шляпкой темная тесьма каштановыхъ волосъ и личико, будто сейчасъ снятое съ картины Рафаэля... Мигъ... Плѣнительная дама вспорхнула на лѣстницу и уже была въ магазинѣ... Громскій, окаменѣлый, стоялъ у подъѣзда съ помутившимися глазами. Это было чудное, соблазнительное явленіе для затворника. Его идеалы: Теклы, Маріи, Маргариты, Дездемоны, вдругъ затѣснились въ головѣ его, путались, смѣшивались и уничтожались— предъ этимъ живымъ существомъ, предъ этою граціозною, едва мелькнувшею незнакомкою, образъ которой неизгладимо съ перваго мгновенія врѣзался въ растопившееся сердце юноши. Минута любви прозвучала на часахъ его жизни.

Надобно имѣть 20 лѣтъ, душу, стремящуюся ко всему высокому, сердце, несознаемо жаждущее любви, воображеніе, освященное величественнымъ заревомъ поэзіи, чтобы понять такую неуловимую вспышку. Не помню, кто-то сказалъ, что сердце юноши — пороховой ящикъ, и довольно одной пролетной искры, чтобы видѣть разрушающій взрывъ. Съ этого дня жизнь его совершенно измѣнилась: онъ большую часть своего времени сталъ проводить внѣ дома. Онъ взадъ и впе-

родъ прохаживался по широкимъ улицамъ Петербурга, съ одною надеждою, съ одною цѣлію встрѣтить незнакомку. И надежда его сбылась только одинъ разъ въ длинный промежутокъ 2-хъ недѣль.

Наступилъ апрѣль мѣсяцъ. Громскій не переставалъ быть на дозорѣ, и читатели въ началѣ сей повѣсти видѣли его среди улицы безумно слѣдящаго прогремѣвшую карету и подвергавшагося опасности быть раздавленнымъ... То была его третья встрѣча съ прелестною дамою. Адъютантъ, отведшій его отъ опасности, былъ графъ Вѣрскій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Громскій сидѣлъ въ своей комнатѣ, передъ нимъ на небольшомъ столѣ лежала развернутая книга. Онъ машинально перебиралъ страницы. Въ душѣ его кипѣла буря, страшная буря любви. Смута чувствъ, мыслей, фантазіи въ эту минуту была въ немъ неизслѣдима. Образъ *ея* хотѣлъ вытѣснить изъ него и чувства, и мысли, и фантазію! Онъ извѣдывалъ неотразимую необходимость видѣть ее каждую минуту, топить свои взоры въ ея бирюзовыхъ очахъ. Она казалась ему ненаглядною, божественною. Ни одна грѣшная мечта не проскользала въ его лучезарной идеѣ объ ней; ни одно смѣлое желаніе не дерзало прикоснуться къ нему... Она была для него и чиста, и недоступна въ существенности. Онъ даже не смѣлъ думать, что провидѣніе когда-нибудь доставитъ ему отраду слушать ея привѣтныя рѣчи, упиваться ея музыкальнымъ голосомъ, быть наединѣ съ нею. Эта мысль поглотила бы его своею необъятностію. Онъ только хотѣлъ, незамѣченный, любоваться ею издалека, какъ заключенный грѣшникъ любуется безпредѣльною свободою лазореваго неба, безъ надежды быть когда-нибудь его избраннымъ.

Къ тому же—судьба, попросившая ее качаться на эластическихъ подушкахъ богатой кареты, заставила его растаптывать грязь тротуаровъ калошами. Между ними была страшная бездна, брошенная безжалостно людскимъ тщеславіемъ, эгоизмомъ и прихотью.

Кто живалъ и бывалъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, какъ безчисленно раздѣлено его общество; знаетъ, какъ переходъ

отъ одного къ другому невозможенъ. Первое впечатлѣніе, которое производитъ Петербургъ на новопріѣзжаго—это очарованіе... Его великолѣпные дворцы; его широкія и прямыя улицы, обстроенныя высокими и гладкими домами; его тротуары и гранитныя набережныя; Нева, весело обхватывающая его станъ голубою лентою; его Петръ, взлетѣвшій вихремъ на обрывокъ скалы и въ нетерпѣніи осадившій коня, чтобы обозрѣть орлинымъ окомъ свое созданіе, кажется, смиряющій маніемъ руки бурю стихіи — все и все поражаетъ васъ съ перваго взгляда. И хотя стоитъ оглядѣться и обсидѣться въ гранитномъ городѣ, чтобы волшебство исчезло, однако васъ долго будетъ увлекать его шумъ, его неумолкаемое движеніе, его просторныя гульбища, его парадные балы... одного только тщетно будете искать вы — самобытности.

Среднія общества Петербурга, странно развѣтвившіяся, монотонны, изысканны. Изящная сторона удовольствій чужда имъ: группы дамъ и мужчинъ раздѣлены волшебною чертою, очерчены заколдованнымъ кругомъ, сходятся только для танцевъ и потомъ снова расходятся, говорятъ заученныя французскія фразы, смѣшанныя съ русскими, и, проговоривъ чинно, смолкаютъ.

Аристократическія гостиныя, разсѣянныя по всему городу, не имѣющія своего особеннаго центра, какъ предмѣстіе Saint-Germain въ Парижѣ, но старающіяся сближаться между собою по набережнымъ, по Морской и по Милліоннымъ, заключаютъ снимокъ парижской изящности... Однако самый вѣрный, самый подробный снимокъ никогда не можетъ достичь красоты оригинала. Это аксіома, утвержденная на пьедесталѣ вѣковъ!.. Въ этихъ гостиныхъ вы, разумѣется, встрѣтите роскошь, ослѣпляющую глаза, утонченность, свѣтящуюся блестками образованія, свободное соединеніе обоихъ половъ, отборныя французскія фразы и невынужденную французскую рѣчь; но и здѣсь, къ несчастію, господствуетъ духъ напыщенности, отъ котораго сжимается красота и образованіе будто листъ травы *не тронь меня!* — Какъ бы то ни было, аристократическія гостиныя вездѣ и всюду суть дивныя раковины, заключающія въ себѣ многоцѣнныя жемчужины!..

Жаль, что онѣ въ Петербургѣ вовсе лишены самобытности и рѣдко доступны для безсiятельныхъ именъ, хоть будь эти имена съ ногъ до головы позолочены червоннымъ золотомъ просвѣщенiя.

Громскiй зналъ это, и безнадежность когда-нибудь наслаждаться образомъ его чудной незнакомки сильнѣй и сильнѣй подтачивала его сердце... Онъ только догадывался, что она должна принадлежать къ аристократическому кругу: все изобличало въ ней утонченность высшаго тона: и ловкость, и легкость, и изящность наряда. Экипажъ ея блестѣлъ мастерскою отдѣлкою, и два лакея, огромнаго роста, были облачены въ красную ливрею, отороченную золотымъ газомъ съ гербами. Все это Громскiй успѣлъ замѣтить въ три мимолетныя съ нею встрѣчи: глазъ юноши всегда быстръ и объемлющъ... Одну только догадку онъ утратилъ изъ виду въ первую встрѣчу: — спросить у лакея: «чья карета?»; отвѣтъ на этотъ вопросъ открылъ бы ему *ея* имя. Но въ ту минуту Громскому было не до того; онъ не могъ разсуждать, онъ не могъ бросать небрежно равнодушные вопросы проходящаго *фата*, который подмѣтилъ въ стеклышко своего лорнета хорошенькую женщину. Громскiй былъ весь чувство и зрѣнiе.

Почти черезъ мѣсяцъ послѣ первой встрѣчи, какъ мы сказали уже, онъ сидѣлъ задумчиво въ своей комнатѣ, машинально перебиралъ листы Гётева «Вертера»... вдругъ, съ силой ударивъ по столу сжатымъ кулакомъ, будто проникнутый искрою счастливой мысли, онъ соскочилъ со стула и быстрыми шагами прошелся по комнатѣ...

«Эта мысль ускользала отъ меня цѣлый мѣсяцъ!» — произнесъ онъ почти вслухъ. — «Да! Вѣрскiй долженъ вспомнить нашу старую дружбу. Онъ знаетъ ее, онъ мнѣ доставитъ случай видѣть ее!..»

II.

Онъ такъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ. Какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена!

Александръ Пушкинъ.

Въ 183* году въ Петербургѣ существовало только два театра. Одинъ, взгроможденный на огромной площади въ Коломнѣ возлѣ Коммиссаріата и такъ немилосердно удаленный отъ средины города. Этотъ театръ, нынѣ вовсе почти покинутый, назывался и называется до сей минуты *Большимъ*... Онъ посвящался зрѣлищамъ русскимъ и почти исключительно красовался неугомонною вереницею произведеній князя А. А. Шаховского, который въ послѣднее время такъ мило и удачно окунулся въ *національность*. Другой въ глубинѣ обширнаго двора между Аничкинымъ дворцомъ и Императорскою библіотекою, немного лѣвѣе того мѣста, гдѣ стоитъ теперь Александринскій театръ. Предмѣстникъ его былъ весьма незавидной наружности, и потому, для приличія, скрытъ былъ полукаменнымъ, полудеревяннымъ заборомъ, который тянулся по Невскому проспекту вровень съ бесѣдкою дворцоваго сада и библіотекою. Онъ назывался *Малымъ* и былъ три раза въ недѣлю посѣщаемъ аристократическою публикою, которая пріѣзжала туда для препровожденія времени, посмотрѣть на игру французской труппы.

Теперь, вмѣсто скромнаго двора, гордо раскидывается Александринская площадь съ обширнымъ палисадникомъ; вмѣсто уничтоженнаго Малаго театра свѣтится новый небольшой театръ на Михайловской площади, устроенный Брюловымъ просто и изящно.

Вся эта метаморфоза совершилась незамѣтно передъ нашими глазами.

Но кто не помнитъ скромности и домашней уютности Малаго театра? Кто не жалѣлъ объ немъ, когда узнали, что онъ рѣшительно предназначается въ ломку?

2-го апрѣля, въ семь часовъ вечера, въ послѣдній годъ его существованія, экипажъ за экипажемъ останавливался у его незатѣйливаго подъѣзда, ножка за ножкой пролетомъ скользила по его сѣнямъ, дверь за дверью открывалась въ ложахъ 1-го яруса. Занавѣсъ еще не подымался, музыканты строили инструменты...

Въ 4-мъ ряду креселъ стояли два молодые человѣка почти одинаковыхъ лѣтъ: одинъ статскій, другой военный. Темные волосы, небрежно завитые природой, упадали на большой и открытый лобъ статскаго; лицо его, нѣсколько продолговатое, еще сохраняло рѣдкій и плѣнительный цвѣтъ нетраченной жизни: оно то вспыхивало яркимъ румянцемъ, то покрывалось рѣзкою блѣдностью. Черные глаза его сверкали, какъ тонкіе лучи звѣздъ въ морозную ночь. Они то съ волненіемъ устремлялись на незанятую ложу въ 1-мъ ярусѣ, возлѣ царской, то вопросительно обращались къ военному. Военный былъ адъютантъ, стройный и тонкій, блѣдный до изнеможенія, съ тонкими заманчивыми глазами, съ беззаботнымъ видомъ свѣтскаго человѣка.

Музыка загремѣла. Черезъ нѣсколько минутъ дверь ложи, на которую такъ постоянно и пристально глядѣлъ статскій, стукнула и медленно отворялась. Сердце его билось съ невыразимою силою. Въ ложу вошли двѣ дамы: одна лѣтъ 45-ти, одѣтая съ кокетствомъ 20-лѣтней женщины, другая... другая вполнѣ развернувшая блистательность красоты своей, съ бирюзовыми очами, подернутыми поволокою, съ темно-каштановыми прядями шелковистыхъ волосъ, которые прятались подъ небольшимъ беретомъ чернаго бархата. Большая бѣлая роза, приколотая съ лѣвой стороны берета, страстно качалась на стебелькѣ своемъ — будто хотѣла дотронуться до розовой щечки красавицы. Она съ неуловимою ловкостью сѣла въ кресла своей ложи и съ невообразимо-упоительной улыбкой небрежно кивнула головкой кланявшемуся ей адъютанту.

— Это она! она! — произнесъ статскій, не стараясь скрыть своего восторга, дергая адъютанта за его матовый аксельбантъ и не сводя съ нея глазъ.

— По твоему восторженному описанію я тотчасъ узналъ ее. Я не ошибся въ твоемъ вкусѣ. Княгиня Гранатская блещетъ въ кругу петербургскихъ красавицъ, будто луна въ толпѣ звѣздъ, по выраженію поэта!.. Послѣ театра ты у меня — и мы на раздольѣ поговоримъ объ ней...

— Ея мужъ живъ? — произнесъ юноша, съ примѣтно измѣнившимся лицомъ...

Въ эту минуту занавѣсъ поднялся, и два друга разстались. Громскій не успѣлъ получить отвѣта.

Если бы на другой день вы вздумали спросить у него, что представляли на сценѣ? Драму, комедію, водевиль или балетъ? Въ русскомъ или во французскомъ театрѣ былъ онъ? — Викторъ вѣрно не могъ бы удовлетворить вашего любопытства. Онъ ни разу не взглянулъ на сцену; онъ не думалъ ни о сохраненіи приличія, ни о томъ, что нѣкоторые, посматривая на него, коварно улыбались, что другія просто смотрѣли на него съ полупрезрительною гримасою, какъ на чудака. Онъ не воображалъ, что на другое утро будетъ предметомъ разговора, игрушкою свѣтскаго пусторѣчія... И что ему было до свѣта? Его свѣтъ, его рай, его жизнь заключались въ ней одной. Она была передъ его очами — и онъ ничего не видалъ, кромѣ ея... Онъ пилъ ея взоры, онъ слѣдилъ ея движенія, онъ хотѣлъ уловить въ измѣненіяхъ лица ея душу. Но она вся казалась ему *душою.*

Пылающія очи юноши, небрежныя волны его кудрей, дикое вдохновеніе, осѣнявшее чело его, неизысканная, можетъ быть, слишкомъ простая одежда — все заставило княгиню обратить на него невольное вниманіе... Она навела на него лорнетъ... Съ перваго взгляда онъ показался ей чрезвычайно страннымъ. Эта странность задѣла ея любопытство, а говорятъ, будто бы женщины любятъ все, что выходитъ изъ ряду обыкновеннаго... И княгиня, желая вполнѣ удовлетворить эту слабость, — общую всѣмъ женщинамъ, начиная съ ихъ прабабушки Евы, — начала внимательно разсматривать Громскаго.

Послѣ такого созерцанія она задумчиво обратилась въ сторону; она угадала состояніе души молодого человѣка, но

и сквозь эту задумчивость можно было провидѣть самодовольство женщины, привыкшей побѣждать, потому что страстныя уста ея пошевелились улыбкою.

При разъѣздѣ, когда она садилась въ карету, ея взоръ нечаянно встрѣтился со взоромъ молодого человѣка. Онъ стоялъ будто окаменѣлый въ толпѣ со сложенными руками, слѣдя шаги ея; она сѣла въ карету... Кони двинулись... И она два раза выглянула изъ окна, чтобы посмотрѣть на него.

Цѣлый вечеръ она была необыкновенно разсѣянна. — Это передала намъ раздѣвавшая ее горничная.

Когда послѣ театра Громскій, по приглашенію своего друга, явился къ нему, графъ съ необыкновеннымъ участіемъ бросился къ нему навстрѣчу.

— Я тебя искалъ вездѣ послѣ окончанья спектакля, — говорилъ онъ, — обѣгалъ всѣ коридоры и не могъ найти. Мы вмѣстѣ доѣхали бы въ каретѣ...—И, схвативъ его за руку, онъ увлекъ его въ свой кабинетъ.

Кабинетъ графа красовался умышленно поэтическимъ безпорядкомъ. Вы сказали бы съ перваго взгляда, что это роскошное святилище поэта или заманчивая мастерская художника. Тамъ и сямъ на столахъ съ привлекательною небрежностью были разбросаны новѣйшія книги, журналы, эстампы; въ углу стояли: станокъ художника, зрительная труба; всѣ стѣны были увѣшаны снимками съ картинъ Рафаэля, Доминикино, Корреджіо, Мюрилло, въ богатыхъ золотыхъ рамахъ; въ амбразурѣ оконъ висѣли портреты великихъ поэтовъ и замѣчательныхъ современниковъ на политическомъ поприщѣ. На доскѣ мраморнаго камина стояли небольшіе бюсты: Петра Великаго, Екатерины, Наполеона, Говарда, Вольтера, Ньютона. Яркое освѣщеніе прихотливо играло на вычурныхъ бездѣлкахъ бронзы. Но, разсмотрѣвъ эту комнату, вы приняли бы ее за выставку вещей, продающихся съ публичнаго торга и соблазнительно разставленныхъ для глазъ покупателей.

Графъ посадилъ своего друга на широкій диванъ, который, вѣроятно, созданъ былъ для лежанья, и, придвинувъ къ

дивану огромныя кресла, спинка которыхъ упадала назадъ, позвонилъ и разлегся въ нихъ.

— Чаю и трубокъ! — сказалъ онъ вошедшему человѣку.

Чай и трубки были принесены.

Викторъ отбросилъ свою трубку и устремилъ нетерпѣливыя очи на Вѣрскаго...

— Не правда ли, Александръ, — произнесъ онъ, — ты сдержишь свое обѣщаніе и разскажешь мнѣ о *ней*...

— Ого! Княгиня видно не на шутку защемила твое сердце... Въ самомъ дѣлѣ она чудесная женщина! Она создана быть идеаломъ поэта: ея образованность, ловкость, тонкое познаніе незамѣтныхъ оттѣнковъ свѣтскости, пламенная душа, огненное воображеніе...

— А ея мужъ? — перебилъ влюбленный.

— Минута терпѣнія!.. Я передамъ тебѣ хронологически короткую исторію этой женщины, короткую потому, что ей только 23 года.

Громскій придвинулся къ кресламъ графа, и послѣдній началъ разсказъ свой почти въ слѣдующихъ словахъ:

«Генералъ-адъютантъ Всеславскій имѣлъ одну дочь. Эту дочь звали — Лидіей. Говорятъ, малютка была такъ нѣжна и очаровательна, какъ мысль ангела. Ея голубые глазки, ея бѣлокурая головка, разсыпавшаяся локонами, ея поразительная бѣлизна и легкій розовый оттѣнокъ на щечкахъ — все давало ей право, безъ всякаго ходатайства, быть включенною въ число прелестныхъ малютокъ. Она была неоцѣнимый бриллiантъ. Мать ея, женщина съ необыкновеннымъ умомъ и съ утонченнымъ образованіемъ, любила ее до изступленія. Генералъ не могъ на нее наглядѣться... Наступилъ 1812 годъ. Наполеонъ шелъ на Россію. Россія приготовляла гостю кровавое пиршество. Незабвенный Барклай очищалъ ему дорогу и заводилъ его въ самое сердце Россіи. Москва пустѣла, чтобы дать полный раздолъ несмѣтнымъ полчищамъ исполина. Генералу назначенъ былъ важный постъ въ арміи. Онъ простился съ женою, прижалъ къ сердцу 4-хлѣтнюю Лидію и сѣлъ на коня... Лидія съ каждымъ днемъ становилась милѣе, съ каждымъ днемъ проявляла удивительныя способ-

ности, необыкновенную смѣтливость для своихъ лѣтъ... Генералъ, возвратившійся изъ похода, съ грудью, увѣшанною орденами, ушпиленною звѣздами, съ одной ногой и съ двумя костылями, былъ въ восхищеніи отъ своей дочери... Время шло. Событіе за событіемъ совершалось. Уже русскіе успѣли прогуляться въ Парижъ и съ запасомъ французскихъ фразъ воротиться домой. Въ исходѣ 1819 года генералъ скончался. День 5-го мая 1821 года палъ въ океанъ вѣчности— и Бурбоны вздохнули свободно на тронѣ...

«Въ исходѣ этого мѣсяца Всеславская уѣхала въ чужіе края, вмѣстѣ съ 14-лѣтнею своею дочерью, которая уже рѣшительно поражала остротою ума, красотою и ловкостью.

«Четыре года провели онѣ въ Парижѣ: три года Лидія никуда не выѣзжала, эти три года были посвящены ея образованію; на четвертый яркая русская звѣзда блеснула на горизонтѣ парижскихъ обществъ, ослѣпляя взоры самыхъ взыскательныхъ парижанъ. Ея нравственное образованіе было кончено, начиналось образованіе свѣтское. Въ 1825 году онѣ возвратились въ Петербургъ.

«Въ началѣ зимы 1826-го года гостиныя петербургскія ознаменовались новымъ явленіемъ... Въ этихъ гостиныхъ показалась очаровательная, несравнимая дѣвушка. Эта дѣвушка была Лидія... Ея блестящее образованіе, ея покоряющая красота неожиданно изумили всѣхъ. Дворъ обратилъ на нее свое благосклонное вниманіе — и на слѣдующую зиму она была пожалована во фрейлины. — Въ ту же зиму она лишилась матери. Въ 1828-мъ году она должна была выйти замужъ за полковника князя Гранатскаго, который присоединилъ къ ея огромному состоянію свои милліоны. Этотъ бракъ не могъ быть выборомъ ея сердца: князь ничего не имѣетъ, кромѣ своего имени и золота. Вотъ уже годъ, какъ онъ посланъ съ какими-то порученіями на Кавказъ. Время его возврата не опредѣлено. Княгиня покуда дышитъ свободою...»

При этомъ словѣ и Громскій, все время слушавшій разсказъ графа съ напряженнымъ вниманіемъ, вздохнулъ легче и свободнѣе.

«Молодая княгиня, — продолжалъ графъ, — два года сряду

постоянная владычица обществъ самаго высшаго тона, неизмѣнимая законодательница модъ. Она окружена неотразимою толпою обожателей: ея взглядъ — жизнь, ея желаніе — законъ, ея вниманіе — рай.

«Можетъ быть исторія княгини не имѣетъ поэтической стороны: это исторія многихъ свѣтскихъ женщинъ. Поэзія — сверкаетъ страстью и дышитъ любовью... Но согласись, что такая женщина не можетъ долго существовать безъ любви...

— Настала ли пора ея любви или нѣтъ?..

— Во всякомъ случаѣ любовь должна быть тайною, — прибавилъ съ странною улыбкою Вѣрскій...

Викторъ Громскій задумался. Было нѣсколько минутъ молчанія...

Графъ выпустилъ изо рта длинную ленту дыма.

— Хочешь ли, я тебя представлю къ ней? — сказалъ онъ.

Лицо Виктора подернулось страшною блѣдностью... Сердце его било тревогу. Эта мысль доселѣ была для него такъ недоступна, что онъ оскорбился предложеніемъ своего товарища.

— Я не знаю, кстати ли твоя шутка? — возразилъ холодно юноша.

— Что съ тобой, Громскій? я не думалъ шутить. Я очень серьезно спрашивалъ и спрашиваю тебя: хочешь ли быть съ ней знакомымъ?

Юноша не могъ ничего отвѣчать, онъ соскочилъ съ дивана и съ непередаваемымъ волненіемъ чувствъ бросился на грудь графа... Измѣненія лица его были неизслѣдимо быстры: въ это мгновеніе оно вдругъ вспыхнуло темнымъ румянцемъ.

Аристократъ снова улыбнулся; но эта улыбка, казалось, замѣнила въ немъ вздохъ. Онъ подумалъ: — я ужъ не имѣю наслажденія такъ сильно чувствовать; для меня не будетъ такой минуты!

— Я завтра же предувѣдомлю о тебѣ княгиню. Ручаюсь, что она приметъ тебя какъ нельзя лучше...

— Неужели завтра? — возразилъ Викторъ, котораго волненье едва начинало стихать.

— Да, но *одно условіе*, прежде чѣмъ ты представишься къ ней! — Произнеся это, графъ сжалъ руку товарища въ своей рукѣ. — Ты не знаешь общества, его нелѣпыхъ предразсудковъ, его мишурныхъ прихотей, его ничтожныхъ мелочей. Я тебѣ говорю объ этомъ, какъ твой старый товарищъ, твой другъ, надѣясь, что слова мои будутъ имѣть вѣсъ въ твоихъ мысляхъ... Чтобы не сдѣлаться страннымъ въ близорукихъ глазахъ общества, ты долженъ низойти до него и обратить вниманіе на мелочи. Знаешь ли, что эти мелочи иногда удивительно дѣйствуютъ и на самую умную, но свѣтскую женщину?.. Тебѣ надобно одѣться, сообразуясь съ теперешней модою. Покрой твоего платья годится только для уединеннаго кабинета. Онъ будетъ смѣшонъ въ роскошномъ будуарѣ женщины. Я берусь въ этомъ случаѣ быть твоимъ руководителемъ, несмотря на то, что я военный. Если же у тебя нѣтъ теперь денегъ, мой портфель ссудитъ тебя необходимымъ... Ты не сердишься на меня за это замѣчаніе, не правда ли?

Слезы брызнули изъ глазъ молодого человѣка...

— Александръ! — произнесъ онъ съ чувствомъ, — этою откровенностью ты напоминаешь мнѣ старое время, нашъ школьный быть, который прошелъ невозвратимо. Я полагаюсь на тебя во всемъ. Я твой. Видѣть эту женщину сдѣлалось для меня необходимостью. Для нея, но только для нея, я готовъ сдѣлаться куклою...

Пробилъ часъ... Старые школьные товарищи разстались. Съ самаго выпуска никогда графъ не казался такъ расположеннымъ къ Виктору, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ разжегъ въ Викторѣ отрадную надежду видѣть въ немъ попрежнему друга... Восторженный, переполненный ожиданіями, онъ возвращался домой. Фантазіи его разыгрывались на слѣдующей мысли: я буду видѣть ее, говорить съ нею, дышать однимъ воздухомъ! Можетъ быть я снова буду имѣть друга!

Когда Громскій вышелъ отъ графа, графъ зѣвнулъ, потянулся и подумалъ:

«Какъ неуклюжъ и неловокъ будетъ онъ въ обществѣ! Какой превосходный и поразительный контрастъ: влюбленный

чудакъ-студентъ рядомъ съ свѣтской женщиной лучшаго тона! Право, я доставлю не одной княгинѣ случай отъ души посмѣяться!»

Знаете ли вы, что̀ такое вполнѣ *свѣтскій человѣкъ?* Вы встрѣчаете его въ обществѣ въ разныхъ видахъ: или въ франтовскомъ фракѣ съ желтыми перчатками и тросточкой, или затянутаго въ мундиръ, гремящаго шпорами и махающаго бѣлымъ султаномъ. Свѣтскій человѣкъ — существо, дышащее только атмосферою гостиныхъ, вздумайте лишить его этой атмосферы: онъ уничтожается, гибнетъ. Вы у него отняли жизнь. Вы посадили комнатную птичку подъ пневматическій колоколъ. Свѣтскій человѣкъ ежедневно кружится безъ цѣли около лжи, сплетней, напыщенности, предразсудковъ, прихотей, выдумокъ, — словомъ, около всего толкучаго рынка жалкой человѣческой ничтожности, и, наконецъ, одурѣваетъ отъ круженія... Онъ будто флюгеръ, вертящійся во всѣ стороны по прихоти вѣтра и погибающій отъ ярости бури. Въ этомъ человѣкѣ постепенно стираются самобытность и чувства, вѣрованія и мысли, какъ стирается вычеканенная поверхность монеты отъ долгаго употребленія. Онъ имѣетъ совершенно одинаковую съ нею участь: истертый свѣтскій человѣкъ и истертая монета перестаютъ быть въ ходу, потому что всѣ начинаютъ бояться ихъ фальшивости. Въ самомъ дѣлѣ, сохрани васъ Богъ довѣриться опытному свѣтскому человѣку: для него нѣтъ ничего высокаго! Онъ топчетъ въ грязь все прекрасное, онъ смѣется надъ всѣмъ благороднымъ, онъ ни отъ чего не краснѣетъ, онъ ничему не удивляется, онъ не хочетъ ничего чувствовать! И со всѣмъ этимъ не воображайте, чтобы онъ походилъ на *Атамана разбойниковъ* г-жи Радклифъ или на *Саффи* Евгенія Сю... Нимало! Дѣйствія свѣтскаго человѣка не имѣютъ никакой опредѣлительности, никакой цѣли... Онъ безбожно растрачиваетъ свою душу и не подозрѣваетъ этой растраты. Порокъ и безчувствіе вкрадываются къ нему безъ сознанія и одолѣваютъ его безъ сопротивленія. Онъ не злодѣй, — это имя для него черезчуръ громко: онъ ничтожный рабъ случая, онъ жалкій поденщикъ моды... не болѣе!

Идеалы Виктора Громскаго о свѣтскихъ людяхъ и обществѣ никакъ не сходились съ существенностью... Его выводы были извлечены изъ лучезарныхъ фантазій, а не основаны на гранитныхъ фактахъ! Хотя графъ Вѣрскій успѣлъ разочаровать его во многомъ, но онъ старался оправдывать его передъ собою, какъ могъ. Еще призракъ дружбы не распадался въ глазахъ молодого человѣка, еще онъ былъ счастливъ.

Оставляя безъ сожалѣнія уединенность занятій, онъ съ трепещущимъ сердцемъ, съ неопредѣленными ожиданіями, вступалъ въ общество.

Ему готовилось испытаніе!

Мы едва не забыли сказать читателямъ, что около этого времени имя Громскаго, разсѣяннаго по всѣмъ повременнымъ изданіямъ, дѣлалось извѣстнымъ не одному только записному цеху литераторовъ... Это имя зажигалось звѣздой надежды на безпривѣтномъ горизонтѣ русской литературы...

Черезъ полторы недѣли послѣ описаннаго нами свиданія Виктора съ графомъ, въ сумерки одного вечера, по Большой Милліонной съ громомъ катилась ямская карета, запряженная четвернею разгонныхъ коней... Въ этой каретѣ сидѣлъ графъ съ молодымъ поэтомъ, сердце котораго билось такъ сильно, будто хотѣло прорваться... Черезъ минуту громъ смолкъ. Карета остановилась у гранитныхъ колоннъ подъѣзда княгини Гранатской. Подножки хлопнули... у Громскаго захватило духъ...

Княгиня сидѣла въ своемъ будуарѣ, ярко блестѣвшемъ огнями, на широкомъ оттоманѣ, окруженная махровыми розами, которыя роскошно красовались на тонкихъ стебелькахъ своихъ и плѣнительно оттѣнялись отъ ея лебединой груди... Маленькія ножки княгини завидно покоились на цвѣтистой ткани богатаго ковра; передъ ней стояло огромное трюмо въ золоченой рамѣ. Поодаль на малахитовой доскѣ стола красовались большіе бронзовые часы... Стѣны будуара были обиты волнистой шелковой матеріей бѣлаго цвѣта, отороченной вверху позолоченными карнизами. Надъ головой княгини висѣла широкая лента звонка съ золотою, искусно

обдѣланною ручкою; возлѣ нея стоялъ небольшой столикъ, на столѣ развернутая книжка, а на книжкѣ большой перламутровый ножъ.

«Графъ Вѣрскій и г. Громскій», сказалъ размѣреннымъ голосомъ вошедшій лакей.

Княгиня посмотрѣлась въ трюмо.

Обѣ половинки зеркальной двери растворились.

Графъ Вѣрскій показался первый.

За нимъ шелъ поэтъ... но то не былъ поэтъ Громскій, старый знакомецъ нашъ, всегда непринужденный въ движеніяхъ, всегда небрегшій о своей одеждѣ, закутанный въ длинный сюртукъ или фракъ стариковскаго покроя съ короткими фалдами, съ таліей на спинѣ и съ буфами на рукавахъ, въ бѣломъ галстукѣ съ маленькимъ бантикомъ, затянутымъ съ нѣмецкою аккуратностію. Совсѣмъ нѣтъ! то былъ молодой человѣкъ, наряженный по послѣдней модѣ: въ узкій фракъ, совершенно обтягивавшій его, съ двумя лацканами, отлетѣвшими далеко отъ груди и выказывавшимися за спиною, будто остроконечныя крылья летучей мыши; съ небрежно развѣвавшимися концами чернаго галстука, въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, съ обстриженною и завитою, какъ у барашка, головою, съ неловкою и странною поступью, съ руками, отпятившимися назадъ, будто просившимися вонъ изъ фрака... Вы нехотя улыбнулись бы, взглянувъ на эту фигуру, вы подумали бы, что это уморительная пародія на послѣднюю картинку Petit Courier des Dames или нашего Телеграфа.

Кто же былъ этотъ молодой человѣкъ?

Краснѣя и потупляя глаза, мы должны признаться, что это точно былъ Викторъ Громскій.

До какихъ глупостей не доводитъ любовь 20-тилѣтняго юношу!

Княгиня, быстро осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, едва скрыла улыбку, кусая нижнюю губу... Но видно было, что она тотчасъ узнала въ неуклюжемъ франтѣ того молодого человѣка, который такъ сильно заманилъ ея любопытство въ театрѣ.

Послѣ улыбки первое ея чувство было — досада: она хо-

тѣла видѣть его въ эту минуту точно такимъ же, какъ увидѣла его впервые.

Графъ подвелъ къ ней Громскаго: лицо поэта было подернуто заревомъ, онъ дрожалъ всѣми членами, будто преступникъ, приведенный передъ судьею для того, чтобы выслушать изъ устъ его роковое слово: *смерти*.

Но въ эту минуту смѣшная сторона его незамѣтно уничтожалась: онъ возбуждалъ не жалость, а участіе.

Княгиня съ очаровательнымъ кокетствомъ, котораго ни уловить, ни выразить невозможно, предупредила бѣднаго юношу отраднымъ привѣтомъ, который сверкалъ позолотой ума и былъ распрысканъ обаятельнымъ ароматомъ гостиныхъ.

Она показалась ему какимъ-то божественнымъ видѣніемъ, какою-то плѣнительною грезою. Сердце его сжималось, расширялось и трепетало. Онъ залетѣлъ бы за предѣлы неба, но поневолѣ былъ прикованъ къ землѣ, потому что мучительно чувствовалъ неловкость каждаго своего шага, каждаго движенія, каждаго взгляда.

Грустно, непередаваемо грустно, когда душа, трепещущая восторгомъ, хочетъ вспорхнуть въ свою родину — небо и бьется, какъ голубь въ сѣтяхъ, въ грубой оболочкѣ тѣла! Она, расширивъ крылья и стрѣлой разрѣзавъ перловое пространство воздуха, взвилась бы далеко, далеко... Но нѣтъ! Существенность, едва прикрывшая наготу свою грязными лохмотьями, всюду слѣдитъ бытіе человѣка и дерзко заслоняетъ передъ нимъ бездозорный, гигантскій яхонтъ — подножіе Божьяго престола! Существенность тянетъ его къ землѣ, указываетъ ему на землю, будто хочетъ сказать, что съ нею сопряжено его грядущее... О, для чего же духъ и тѣло сцѣплены неразрывно, для чего переходъ отъ настоящей къ грядущей жизни — могила, стукъ заступа и пѣніе ангеловъ?

Громскій хотѣлъ бы безъ мысли о жизни, безъ трепетанія вѣкъ любоваться ея очами, подслушивать ея дыханіе, подмѣчать волненіе груди, а конецъ галстука щекоталъ его подбородокъ, и накрахмаленные воротнички рубашки рѣзали шею. Онъ заготовлялъ такія прекрасныя поэтическія фразы для разговора съ княгиней, — и ни разу не могъ отвѣчать

связно на самые обыкновенные вопросы ея. Самолюбіе грызло его, какъ вампиръ; онъ чувствовалъ, что долженъ казаться чудакомъ въ глазахъ ея и глупцомъ въ мысляхъ... А между тѣмъ графъ разсыпался любезностью. Онъ говорилъ о самыхъ простыхъ вещахъ съ такою оборотливостью и ловкостью; рѣчь его заострялась ироніей, играла невынужденной веселостью и блистала красивой изысканностью, какъ вычурная бумажка, завертывающая самую простую конфетку.

Таковъ языкъ свѣтскаго человѣка!

Несмотря на все это, княгиня не казалась внимательною къ его разговору. Она была задумчива, она играла съ листкомъ стебелька розы...

Громскій немилосердно повертывалъ въ рукахъ свою новую модную шляпу.

Било одиннадцать.

Графъ Вѣрскій всталъ съ креселъ. Громскій, поглядывая на него, приподымался.

Когда они оба раскланивались съ княгиней, она оборотилась къ поэту съ такимъ божественнымъ взглядомъ, который не всегда удается видѣть человѣку въ его земномъ существованіи.

— Г. Громскій, — произнесла она своимъ музыкальнымъ голосомъ... — Я надѣюсь васъ скоро видѣть у себя. По вечерамъ вы меня почти навѣрно можете заставать дома. Мнѣ всегда пріятно быть въ вашемъ обществѣ..

«Странно,—подумалъ графъ,—по вечерамъ она, кажется, очень рѣдко бываетъ у себя».

Громскій едва сдержалъ свое восхищеніе отъ послѣднихъ словъ княгини, и когда вышелъ изъ ея будуара, слезы упоительнаго самодовольствія брызнули изъ очей его.

Эти слезы были для него ярче и освѣжительнѣе небесной росы!

Когда онъ проснулся на слѣдующее утро, его знакомство съ княгинею, ея благодатный привѣтъ представлялись ему очаровательнымъ сномъ. Онъ протеръ глаза и старался распутать грезу съ вещественностію, и въ грезѣ и вещественности — была она, одна она, одинъ ея образъ! Послѣ пролет-

ной минуты задумчивости онъ быстро вскочилъ съ постели, онъ бѣгалъ по комнатѣ, онъ смѣялся, онъ плакалъ, онъ тысячу разъ повторялъ вслухъ: «мнѣ всегда пріятно быть въ вашемъ обществѣ».

Онъ походилъ на помѣшаннаго!..

Послѣ первыхъ минутъ такого волненія молодой человѣкъ снова задумался.

— Можетъ быть это заученная обыкновенная фраза, которую всѣ свѣтскія женщины повторяютъ изъ приличія? — мыслилъ онъ.

Воспользоваться ли мнѣ ея приглашеніемъ?

Можетъ ли общество бѣднаго, незначащаго человѣка, не имѣющаго понятія о свѣтскомъ приличіи, о свѣтскомъ языкѣ, нравиться блистательной княгинѣ, которая привыкла къ вѣчнымъ комплиментамъ паркетныхъ любезниковъ?

Я неловокъ, мои ноги измѣняютъ мнѣ на паркетѣ... Что, если я встрѣчусь въ ея гостиной съ какимъ-нибудь изъ этихъ франтовъ? Вѣдь я уничтожусь предъ нимъ?..

Сколько подобныхъ вопросовъ толпилось въ головѣ молодого человѣка! Какъ кружилась голова его! Какъ жестоко страдалъ онъ!

— А ея взглядъ? ея взглядъ? — продолжалъ онъ голосомъ постепенно звучнымъ и сильнымъ... Ея взглядъ, когда она произносила мнѣ этотъ привѣтъ!!

О, нѣтъ! нѣтъ! то не были заученныя слова необходимости... Нѣтъ! милліонъ разъ нѣтъ! Искра души художника, тонкій лучъ небесной радуги, серебристый блескъ луны, ничто не могло быть ярче, вдохновеннѣе взгляда! Взглядъ младенца — не благословеннѣй его.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, часовъ въ 8 вечера, Громскій съ тѣмъ же волненіемъ ходилъ взадъ и впередъ по Большой Милліонной и, блѣднѣя, нѣсколько разъ проходилъ мимо подъѣзда съ гранитными колоннами... Наконецъ рука его крѣпко сжала ручку замка огромной двери подъѣзда — и онъ очутился лицомъ къ лицу съ разряженнымъ швейцаромъ...

— Княгиня дома? — спросилъ молодой человѣкъ дрожащимъ голосомъ.

— Какъ объ васъ прикажете доложить?

— Громскій.

— Пожалуйте наверхъ. Княгиня принимаетъ, — почтительно произнесъ швейцаръ.

— У нея есть кто-нибудь?

— Княгиня *одна*.

Одна! это слово электрически объяло его сердце; онъ не хотѣлъ встрѣтить кого-нибудь у княгини, но мысль быть съ ней одной... ужаснула его!

Мы предоставляемъ читателямъ вообразить положеніе его въ ту минуту, когда онъ всходилъ по ковру лѣстницы... и съ каждой ступенькой приближался къ княгинѣ.

— А! г-нъ Громскій! — воскликнула она, при видѣ поэта, съ робостью отворявшаго дверь, — я думала, что вы забыли меня; признаться ли, я уже теряла надежду видѣть васъ у себя?

— Княгиня, я... не смѣлъ... не могъ...—И онъ стоялъ передъ нею, несвязно лепеча что-то.

— Садитесь. Что жъ вы не сядете? — Княгиня немного привстала и придвинула къ себѣ стулъ.

Ободренный Громскій сѣлъ на кончикъ этого стула.

— Я думала,—продолжала княгиня,—что человѣку, такъ углубленному въ занятія, какъ вы, не достанетъ времени на пустые визиты, выдуманные нами отъ бездѣлья. Я очень хорошо знаю,—замѣтила она съ улыбкою,—какое различіе, какія границы между поэтомъ и свѣтскимъ человѣкомъ.

— Развѣ вы принимаете меня за поэта? — осмѣлился возразить Громскій.

Она взяла со столика, стоявшаго возлѣ нея, какой-то печатный листъ, развернула его и, указывая своимъ пальчикомъ на средину листа...

— Кажется, это ваше имя? — произнесла она.

Этотъ листъ—былъ однимъ изъ послѣднихъ №№ «Литературной Газеты», которую издавалъ покойный Дельвигъ.

Громскій вспыхнулъ огнемъ: на этомъ листкѣ точно было

напечатано его имя, въ этомъ листкѣ было точно помѣщено его стихотвореніе.

— Видите ли вы, что я иногда читаю и русскія книги— молвила она съ той же улыбкой.

— Поэзія — мой отдыхъ отъ другихъ занятій, княгиня...

— О, это самый утѣшительный отдыхъ! Самыя отрадныя минуты,—перебила она...—А вы меня познакомите съ вашими сочиненіями, не правда ли; вы будете такъ добры?..

— Я не думаю, чтобы мои легкіе опыты заслуживали ваше вниманіе, княгиня. Вы избалованы гармоніей европейскихъ писателей...

Видно было, что Громскій оживалъ подъ благотворнымъ ея вниманіемъ, и хотя рѣчь его еще не переставала вытягиваться принужденностью, однако онъ начиналъ говорить не запинаясь, а это было уже довольно на первый разъ!

— Развѣ у васъ нѣтъ желанія заохотить меня къ русскому чтенію? Я, не шутя, хочу знать литературу моей родины... Можетъ быть вы слишкомъ нетерпѣливы? Можетъ быть вы не возьмете на себя труда быть моимъ учителемъ? Право, я буду прилежною ученицей.

Можно ли передать, что̀ было тогда съ сердцемъ молодого человѣка?

Онъ былъ такъ счастливъ, такъ полонъ, такъ упоенъ нѣгою ея взоровъ!

Его очи таяли отъ ея обаянія, выражались душою, сверкали страстью.

Не завидовать ему въ эту минуту было свыше силъ человѣческихъ!

Съ этого дня Викторъ чаще и чаще посѣщалъ княгиню. Княгиня сильнѣй и сильнѣй чувствовала необходимость видѣть Виктора. Она стала рѣже появляться въ гостиныхъ. Между тѣмъ графъ Вѣрскій ничего не зналъ объ успѣхахъ своего неуклюжаго пансіонскаго товарища. — Въ это время появилась въ петербургскихъ обществахъ баронесса Р***— и онъ, предводителемъ толпы обожателей, преклонялся предъ новымъ свѣтиломъ!

Въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца княгиня переѣхала на свою каменноостровскую дачу.

Любовались ли вы островами — этою лѣтнею жизнью петербургскихъ жителей? Всходили ли вы въ часъ утра на Каменноостровскій мостъ, въ тотъ часъ утра, когда просыпающаяся природа еще не возмущена шумомъ и громомъ людской суеты? Когда она еще не стряхнула съ своего личика капли алмазной росы? Когда она еще не успѣла запылиться прахомъ, взвѣваемымъ гордостью людскою? Когда она еще не успѣла затускнѣть отъ тлетворнаго дыханія людей?

Ничто не шелохнется. Солнце встаетъ, разрѣзая лучами своими вуаль, сотканный туманами... Природа-красавица трепещетъ пробужденіемъ и улыбается свѣтлою улыбкой солнца... Туманъ разрѣдился... Яхонтъ небесъ подернулся позолотою — и солнце, ослѣпивъ блескомъ, кокетничаетъ и смотрится въ зеркало Невки. Взойдите на правую сторону моста отъ дороги. Опаловыя струи Невки омываютъ изумрудный берегъ дворца и тѣнистый лѣсокъ дачи княгини Лопухиной, расходятся въ обѣ стороны и исчезаютъ вдали. Прямо противъ васъ, между кудрями лѣса, возвышается каменный двухъэтажный домъ съ свѣтло-зеленымъ куполомъ; далѣе по всему противоположному берегу пестрѣютъ легкіе домики въ густой зелени. Обернитесь налѣво: по обѣимъ сторонамъ берега дача за дачей еще живописнѣй играютъ разноцвѣтностью красокъ, и все на той же зелени, *любимой краскѣ природы*... Правда, не ищите здѣсь никакой торжественности, никакой величавости: это прекрасный ландшафтъ, не болѣе! Сама природа, будто примѣняясь къ мѣстности, дѣлается здѣсь немного изысканною, немного кокеткой, зато эта кокетка обворожительна ночью. Взгляните — луна, закраснѣвшись, будто дѣвственница, пойманная впервые наединѣ съ милымъ, будто разгорѣвшись отъ страсти, робко выглядываетъ изъ чащи деревъ и, успокоенная безмолвіемъ, тишью земной, блѣднѣе выступаетъ, будто *пава*, по звѣздистому паркету... Она не увѣрена въ самой себѣ, она робка — но ея поступь по гигантскому помосту небесъ и страстна, и соблазнительна! Какъ мило освѣщаетъ она тѣнистую аллею Строгановскаго сада,

какъ задумчиво глядится въ Елагинскій паркъ, какъ серебритъ окна дачъ и какъ манитъ мечтательницу изъ душной комнаты погулять и повздыхать съ нею вмѣстѣ на раздольѣ... Шалунья, она то окунется въ водахъ Невки, то, завернувшись въ прозрачную мантилью облака, кажется, хочетъ играть въ жмурки, то переливомъ обманчивыхъ лучей свѣта строитъ такіе фантастическіе чертоги тамъ, вдали, за моремъ...

Небольшая двухъэтажная дача княгини, расположенная съ тонкимъ и разборчивымъ вкусомъ образованной женщины, лежала налѣво отъ Каменноостровскаго моста, по дорогѣ, ведущей къ лѣтнему театру. Эта дача вверху обведена была кругомъ стеклянною галлереею, уставленною цвѣтами, которые совершенно закрывали ея стѣны и только давали мѣсто однимъ диванамъ, расположеннымъ перерывисто вдоль стѣны. Половина галлереи, выходившей въ садъ, отдѣлена была ширмами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, такъ что составляла совершенно особую прелестную комнату. Она украшалась обыкновенно, будто на заглядѣнье, отборными цвѣтами, была окружена эластическими диванами и устилалась превосходнымъ ковромъ, который былъ выписанъ мужемъ княгини въ подарокъ ей изъ чужихъ краевъ. Эта комната, освѣщенная лунною лампою, была невообразимо упоительна!

Вы сказали бы, взглянувъ на нее, что то святилище любви, созданное искусною рукою художника. Круглая, отвѣсная, витая лѣстница краснаго дерева, спускавшаяся незамѣтно изъ этой комнаты внизъ, была такъ легка, что казалась нечаянно наброшенною...

Здѣсь чаще всего сиживала княгиня, задумчивая, съ тяжелымъ укорительнымъ вздохомъ о прошедшемъ, съ яркою поэтическою мечтою о будущемъ!.. Иногда слезы, слезы очень походившія на раскаяніе, туманили ея свѣтлыя очи; иногда грудь ея облегчалась долгимъ вздохомъ, иногда ея нѣжная, бѣлая какъ мраморъ ручка поддерживала отяжелѣвшую голову. Правда, такія минуты бывали рѣдки, потому что она рѣдко была одинока, но тѣмъ не менѣе онѣ показывали страдательное, болѣзненное состояніе души ея. Совсѣмъ не такова была она, сидя возлѣ Громскаго, который уже безъ

всякой смуты любовался ею и говорилъ съ нею безъ принужденности. Молодой человѣкъ дышалъ воздухомъ будущей жизни; съ нѣкотораго времени онъ замѣчалъ въ очахъ княгини, устремленныхъ на него, пламя... Но онъ не смѣлъ назвать это пламя — любовью; съ нѣкотораго времени въ очахъ ея прорывалась недвусмысленность страсти, но мысль—*быть любимымъ* этою женщиною, казалась ему слишкомъ дерзкою. Онъ не былъ избалованъ счастьемъ! И хотя Викторъ уже свыкся съ ея присутствіемъ, но ни одинъ взглядъ его, устремленный на нее съ невольно вырывавшеюся любовью, не былъ возмущенъ волненіемъ жаждущей страсти... Нѣтъ! — душа его въ эти минуты растоплялась молитвою.

Да! Викторъ былъ очень неопытенъ! Она для него порой забывала музыкальные вечера, опаздывала на балы, рѣже выѣзжала въ театръ: его присутствіе у нея никогда и ни кѣмъ не было возмущаемо!.. Боже мой! Да при такихъ признакахъ другой, на его мѣстѣ, выстроилъ бы тысячи воздушныхъ замковъ на своемъ сердцѣ.

Часто Громскій просиживалъ цѣлые вечера съ нею, читая ей Шиллера; въ немъ онъ хотѣлъ передать ей себя... и она вполнѣ понимала *его!* Часто, вдругъ прерывая чтеніе, онъ проникалъ ее своимъ взглядомъ, будто выспрашивая у нея отвѣта на мысль свою. Часто она была такъ близка къ нему, что онъ ощущалъ вѣяніе ея дыханія на щекахъ своихъ. Часто при чтеніи вылеталъ изъ груди ея вздохъ, а изъ очей выкатывалась слеза, и въ немъ колыхалось желаніе коснуться устами этой слезы и испить ее... Эти вечера были несравненны!

Время шло быстро. Уже августъ былъ въ послѣднихъ числахъ. Однажды вечеромъ, послѣ долгаго разговора, въ которомъ Громскій изливалъ свою восторженную душу, свой твердо образованный умъ, онъ и она сидѣли задумавшись. Послѣ минуты молчанія юноша вынулъ изъ кармана исписанный листокъ бумаги и началъ читать княгинѣ стихи... Въ этихъ стихахъ выражалось мучительное пламя любви, сердце глубоко раздраженное... Поэзія радужными отливами сверкала въ нихъ, музыкальность заворожала слухъ... Кня-

гиня поняла, *къмъ* и *для кого* они написаны. Когда онъ кончилъ, она положила свою руку въ его руку и устремила на него проницательный взглядъ. Сердце ея тонуло въ нѣгѣ, было упоено восторгомъ; темныя кудри ея, развившись, упадали на лицо; грудь, стѣсненная полнотою дыханія, гордо вздымалась. Онъ крѣпко сжалъ ея руку и благоговѣйно поцѣловалъ ее... Это было первое прикосновеніе его къ женщинѣ! Княгиня вздрогнула: ее проникалъ сладостный трепетъ... Въ первый разъ въ жизни она испытывала такое божественное чувство!.. Когда звонъ часовъ напомнилъ имъ время разлуки, она произнесла: До завтра, Викторъ! — Она впервые назвала его Викторомъ...

Тогда онъ почувствовалъ, что онъ владѣетъ одною изъ тѣхъ минутъ, которыя рѣдко даются человѣку въ земномъ быту! Тогда онъ тихо повѣрялъ самому себѣ святую и страшную тайну; да, точно, *она* любитъ меня!

Не правда ли, любовь непорочнаго юноши не походитъ на любовь свѣтскаго человѣка?

Когда Громскій вышелъ, княгиня упала на диванъ — и залилась слезами...

— Боже мой! — лепетала она сквозь слезы, — я недостойна его. Онъ свѣтелъ, какъ младенецъ, я темна, какъ грѣшница. Я уже разъ измѣнила клятвѣ, клятвѣ, которую давала я Богу! Я безумно разорвала обязанности супруги — и для кого? для кого?..—Княгиня въ ужасѣ вскочила съ дивана: она трепетала, какъ въ лихорадкѣ; она подбѣжала къ небольшому столику, со скоростью выдвинула ящикъ, выхватила изъ ящика связку писемъ, перевязанную розовою ленточкой, и съ дикою радостью бросила ихъ въ огонь топившагося камина. Съ жадностью слѣдила она испепелившіеся листки — и сердцу ея становилось легче и легче.

На другой день, когда Громскій явился въ опредѣленный часъ, онъ засталъ княгиню за флигелемъ. Она пѣла *Цвѣтокъ* Пушкина. Юноша, безмолвенъ, бездыханенъ, остановился въ дверяхъ, пораженный ея восхитительными звуками; онъ таялъ и млѣлъ... Когда она кончила, онъ неслышно подошелъ къ ней... Она почувствовала его присутствіе и

вздрогнула... — Ахъ, это ты, Викторъ! — вскрикнула она съ довольною улыбкою... — Это вы, — произнесла она, одумавшись. — А вы притаились, вы подслушивали меня?..

— Я не былъ здѣсь, я не былъ на землѣ, княгиня!..

— Это поэтическая фраза! — замѣтила она.

— Это языкъ души, — возразилъ онъ...

Она задумалась — и, будто увлеченная вдохновеніемъ, снова начала пѣть... Онъ сѣлъ возлѣ нея...

Коротки часы жизни, но какъ не отдать и ихъ за такія минуты!

Упоительно слышать гармоническое пѣніе женщины, но внимать голосу той, которую любишь, — это значитъ уноситься отъ земли выше и выше, чувствовать расширеніе души!

О, какъ плѣнителенъ былъ юноша въ эту минуту, какъ говорилъ онъ безъ словъ, какъ роскошно жилъ безъ жизни!

Она смолкла... Настало продолжительное молчаніе... Тихо было въ комнатѣ, лишь слышалось прерывистое жаркое дыханіе двухъ любовниковъ... Уста ихъ слились!

Это мгновеніе надобно было вычеркнуть изъ книги ихъ жизни. Въ это мгновеніе они не существовали!

— Я люблю тебя, Викторъ! Жизнь и ты, ты и жизнь! — шептала она замирая.

— Я не перенесу моего счастія! — задыхаясь, говорилъ Громскій.

Вдругъ княгиня, подавленная какою-то мыслью, отскочила отъ Виктора и подбѣжала къ окну галлереи... Она отворила окно, взоръ ея утонулъ во мглѣ, мелкій дождь кропилъ распаленное страстью лицо ея.

Минуты черезъ двѣ она возвратилась къ нему...

— До завтра, до завтра, Викторъ, — произнесла она, — по завтра мы будемъ благоразумнѣе. Ты еще не читалъ мнѣ Шиллерова «Донъ-Карлоса».

III.

.....Говорятъ, что есть въ Швейцаріи дубы, коихъ корни раздираютъ скалы.

№ IX Брошюрокъ Кронеберга.

Мы не беремся передать всѣхъ догадокъ, предположеній, сплетней, которыя кружились въ обществахъ насчетъ княгини. Сплетни начались, какъ вамъ извѣстно, съ Адамова семейства, и потомъ постепенно росли и укоренялись подъ благотворнымъ развитіемъ этого почтеннаго семейства въ поколѣніе, а изъ поколѣнія въ толпу народа, а изъ толпы народа въ отдѣльныя массы. Сплетни—необходимая принадлежность, если хотите, второй воздухъ, вторая жизнь грязной, закопченой избы крестьянина, свѣтлой и опрятной комнаты чиновника и раззолоченныхъ палатъ аристократа... съ тою только разницею, что въ избѣ крестьянина сплетни обыкновенно одѣваются въ сарафаны, въ комнатѣ чиновника являются въ ситцевыхъ платьяхъ, а въ палатахъ аристократа изволятъ облекаться въ шелкъ и бархатъ... Да и въ самомъ дѣлѣ, согласитесь, можно ли жить безъ сплетней? Жизнь безъ того такъ скучна, такъ однообразна, такъ монотонна: ее необходимо надобно *прикрашивать, облекать вымыслами, фантазіями*. Предмета для этихъ фантазій мы должны искать въ вещахъ одушевленныхъ, которыя сподручнѣе, ближе къ намъ. Отъ этого-то наши ближніе—самый лучшій предметъ для сплетней, или утонченнѣе, для вымысловъ; къ тому же, вникните: сплетни—поэзія общества; въ сплетняхъ требуется изобрѣтеніе, творчество, а для изобрѣтенія—талантъ, а для творчества—геній! Большею частью такіе таланты и геніи проявляются между женщинами.

Г-жа М*, женщина лѣтъ сорока пяти, находившаяся около десяти лѣтъ въ разъѣздѣ со своимъ мужемъ, принадлежала къ числу геніевъ по этой части. Въ одно октябрьское утро она сидѣла съ своей пріятельницей, двадцатипятилѣтней баронессой Р**, о которой уже мы говорили мимоходомъ

читателямъ, и разсказывала ей со всѣмъ поэтическимъ энтузіазмомъ слѣдующую повѣсть:

— Какъ жаль, что княгиня Гранатская отказалась отъ обществъ въ такія лѣта, съ такой красотой, съ такимъ образованіемъ! Она была обворожительнымъ украшеніемъ гостиныхъ, какъ теперь ты, мой милый ангелъ!.. Правда, въ ней не было этой легкости, этой граціозности, которая такъ необходима свѣтской женщинѣ; ея манеры были немножко небрежны... однако, несмотря на то, она еще до сихъ поръ могла бы играть роль, хотя не такъ значительную, какъ прежде. Еще обиднѣе, что мы лишились, и безвозвратно, ея вечеровъ: а эти вечера были очень милы, очень одушевлены. Говорятъ, ея домъ навсегда запертъ для всѣхъ, кромѣ *одного*: вотъ уже четыре мѣсяца, какъ она никого не принимаетъ; около полугода, какъ едва показывается въ гостиныхъ, и двѣ недѣли, какъ рѣшительно никуда не выѣзжаетъ...

— Я была раза два у нея, когда она еще жила на своей дачѣ, — перебила баронесса, — и она оба раза принимала меня; это было... кажется, въ концѣ іюня... Въ августѣ я ее видѣла на музыкальномъ вечерѣ у княгини Л* и на балу у графини З**...

— Право? — то были ея послѣдніе выѣзды. Я тебѣ сказала, мой другъ, что ея домъ запертъ для всѣхъ, кромѣ *одного*... Знаешь ли, кто этотъ *одинъ?* Человѣкъ никуда невыѣзжающій, ни съ кѣмъ незнакомый, какой-то чудакъ, самаго простого происхожденія, ужасно дурной собою... и къ тому же, говорятъ, поэтъ! А ты знаешь, Адель, какъ эти люди чудовищны въ обществѣ!.. Бѣдный мужъ княгини! Она, кажется, совсѣмъ забыла о его существованіи!.. Къ тому же, какой ужасъ, какое пятно для фамиліи князя: если бы зналъ онъ, что жена его имѣетъ связь съ человѣкомъ низкаго происхожденія!! другое дѣло, ея прежняя любовь...— Баронесса нахмурила личико.—У насъ, кажется, нравы еще не такъ испорчены: наши дамы не позволяютъ ухаживать за собой людямъ, которые Христа ради поддерживаютъ свое существованіе, этимъ художникамъ, этимъ поэтамъ! Къ тому же, слава Богу, эти ремесленники почти и не показы-

ваются въ нашихъ обществахъ... Какъ бы то ни было, княгиня до того рѣшилась *компрометировать* себя, что отворила дверь своего будуара для этого чудака. Онъ топчетъ ея ковры грязью своихъ сапогъ, онъ, говорятъ, коптитъ ея комнаты табачнымъ дымомъ! Фи! одна мечта о такомъ невѣжествѣ ужасаетъ меня, мнѣ становится дурно.—Г-жа М* понюхала скляночку съ духами, которая стояла передъ нею.—Можно ли низойти до этого? Она проводитъ, запершись съ нимъ, цѣлые вечера... Онъ всегда ходитъ съ кинжаломъ; онъ дикъ, какъ индѣецъ, онъ страшенъ, какъ арабъ—и бѣдная княгиня, натурально, дрожитъ отъ страха, сидя возлѣ него... Послѣ этого ты видишь, милая, почему она не можетъ ни принимать къ себѣ, ни выѣзжать... Я воображаю, какая жестокая сцена будетъ разыгрываться въ ея домѣ по пріѣздѣ ея мужа. Мнѣ отъ души жаль добраго князя!

Въ это время вошедшій лакей подалъ г-жѣ М* запечатанную записку. Она прочитала и вся вспыхнула.

— Какая странность, милая!—продолжала она, отдавая записку баронессѣ.—Какъ ты думаешь, что это? Пригласительная карточка на вечеръ отъ княгини! Непостижимо! И вечеръ назначенъ послѣ завтра! Неужели ея дикарь покажется въ обществѣ?

— Ты ошибаешься, Аделаида,—произнесла наконецъ баронесса,—онъ вовсе не дикарь! Мнѣ говорилъ объ немъ Александръ; напротивъ, онъ только странный, неловкій... Онъ былъ когда-то его пансіонскимъ товарищемъ... и графъ былъ такъ любезенъ, что хотѣлъ доставить случай посмѣяться всѣмъ надъ его неловкостью, представивъ его къ княгинѣ... Александръ увѣрялъ меня, что онъ хорошо знаетъ его характеръ, что онъ тихъ, какъ ягненокъ, и что княгиня вовсе не въ связи съ нимъ. Ей пришла одна изъ самыхъ странныхъ и невстрѣчаемыхъ прихотей: заниматься нѣмецкою литературой; онъ хорошо знаетъ этотъ языкъ—и въ ея домѣ не болѣе, какъ учитель. Впрочемъ, Александръ давно не видалъ его, нарочно же разспрашивать у этого чудака, какую роль играетъ онъ у княгини, вовсе незанимательно для графа!..

— Съ нѣкотораго времени я этому очень вѣрю, — возразила съ насмѣшливою улыбкою г-жа М*.—И я знаю, что ты имѣешь причины болѣе слушать графа Вѣрскаго, чѣмъ меня!

Черезъ день послѣ этого разговора зала княгини Гранатской блистала огнями; въ этой залѣ собрано было все: роскошь, изящество, утонченная свѣтскость, образованіе, острота, умъ, гордость, тщеславіе, изысканность, любовь, волокитство, юность, дряхлость, красота... и все смѣшивалось, все сливалось, все кружилось въ глазахъ, оставляя въ памяти недоговоренныя фразы, недоконченныя мысли, недоясненные взгляды. Среди этого хаоса возставало одно существо упоительнѣе всѣхъ, совершеннѣе всѣхъ... То была хозяйка дома. Съ самаго появленія своего въ обществахъ никогда и нигдѣ она еще не была такъ поразительна... Казалось, она одушевлена была новою жизнью, доселѣ невѣдомою ей: жизнью души; новымъ чувствомъ, котораго она прежде тщетно искала: чувствомъ высокой любви!.. Взглядъ ея сверкалъ искрами сердца, уста трепетали поцѣлуями, грудь волновалась полнотою сладостныхъ вздоховъ... Это было видѣніе, ниспосланное небомъ поэту. Это была мечта художника, мечта Рафаэля, когда душа пробудила его и въ волшебномъ заревѣ указала стоявшую предъ нимъ Мадонну!

Всѣ съ почтительнымъ удивленіемъ преклонялись предъ княгинею, всѣ были заворожены ею въ этотъ вечеръ...

Когда графъ Вѣрскій, совершенно до того забывшій ее, вдругъ взглянулъ на нее и потомъ бросилъ испытующіе глаза на свою баронессу, она показалась ему такою жалкою, такою ничтожною! Онъ едва могъ скрыть свое волненіе — онъ обернулся въ сторону: прямо противъ него стоялъ статный, ловкій, заманчивый молодой человѣкъ, одѣтый съ самымъ тонкимъ, заботливымъ вкусомъ... Лицо его обведено было рѣзкими, поэтическими чертами; огненный взоръ его слѣдилъ въ ту минуту княгиню, будто говоря: «Дивитесь, дивитесь, безумные! Вѣдь я вложилъ въ это обворожительное

существо душу, я раздулъ въ немъ искру огня! Это мое созданіе!»

Графъ невольно вздрогнулъ. Молодой человѣкъ былъ его прежній товарищъ — Викторъ Громскій.

Какая-то неопредѣленная мысль промелькнула въ головѣ графа.

— Княгиня сегодня очень интересна! — говорила г-жа М* стоявшей возлѣ нея баронессѣ.

— Да, она не дурна, — блѣднѣя, отвѣчала послѣдняя.— А хочешь ли, Аделаида, я тебѣ покажу ея любовника, этого страшнаго дикаря съ неразлучнымъ кинжаломъ. Вотъ онъ, направо отъ насъ, со сложенными руками...

Г-жа М* покрылась багровымъ румянцемъ... она вполнѣ поняла ядовитую иронію баронессы.

— Это онъ?—сказала одна молодая дама стоявшему возлѣ нея камеръ-юнкеру, указывая на Громскаго.

— Кажется, *да*.

— Ah! qu'il est beau, ce jeune homme! — Музыка гремѣла, все прыгало и вертѣлось съ беззаботнымъ самодовольствіемъ...

Княгиня, проскользнувъ незамѣтно мимо Виктора, устремила на него свой волшебный взглядъ, — взглядъ, который говорилъ ему: это все для тебя, для тебя одного, милый!..

Когда балъ приближался къ концу, когда утомительная мазурка была на исходѣ, нетанцовавшій графъ Вѣрскій, стоя возлѣ окна, разговаривалъ съ самымъ короткимъ своимъ другомъ, кавалергардскимъ ротмистромъ. Громскій, незамѣченный ими, очутился нечаянно сзади ихъ въ амбразурѣ окна и сдѣлался невольнымъ слушателемъ разговора.

— Княгиня восхитительна! — восклицалъ ротмистръ... — Ты счастливецъ, Александръ! Но вмѣстѣ съ этимъ ты и безумецъ: можно ли было промѣнять ее на баронессу, разстаться съ ней! Какая нелѣпая мѣна!.. Она не проститъ тебѣ оскорбленія, ты потерялъ ее, и навѣчно! Говорятъ, уже твое мѣсто занято: и непостижимо! Какой-то неизвѣстный никому уродъ пользуется ея благосклонностью...

У Громскаго поднялся дыбомъ волосъ, но не отъ послѣднихъ словъ ротмистра.

— Вздоръ! — отвѣчалъ съ небрежною задумчивостью и съ выразительною хвастливостью молодой графъ. — Сущій вздоръ! она моя, она не уйдетъ отъ рукъ моихъ! Она была и будетъ моею! Я перешагну черезъ этого глупца — и снова брошусь въ ея объятія... Я завтра же буду въ ея будуарѣ!

Громскій былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, страшенъ, какъ помѣшанный; губы его синѣли; онъ весь дрожалъ въ лихорадкѣ; кулаки его были стиснуты, перчатки разорваны въ сгибѣ пальцевъ, и въ обоихъ кулакахъ онъ держалъ по половинѣ батистоваго платка...

Когда всѣ разъѣхались, Громскій неслышно подошелъ къ княгинѣ...

— До завтра! — произнесъ онъ убійственнымъ голосомъ и какъ тѣнь скрылся.

Она вскрикнула.

Громскій сдержалъ обѣщаніе: на другой день, въ 11 часовъ утра, онъ былъ въ ея спальнѣ. Цвѣтъ лица его былъ такъ же страшенъ, какъ наканунѣ, въ ту минуту, когда онъ выслушивалъ роковыя слова, — будто жизнь его съ той минуты замерла въ немъ. Только глаза юноши сверкали молніей страсти, только походка была порывиста... Онъ засталъ княгиню, противъ обыкновенія, въ этотъ часъ уже совершенно одѣтою. Видно было по изнеможенію лица ея и по истомѣ во всѣхъ движеніяхъ, что она во всю ночь не смыкала глазъ. Онъ ходилъ по комнатѣ; она съ замираніемъ сердца слѣдила шаги его.

Онъ остановился противъ нея.

— Знаете ли, княгиня, — произнесъ онъ ледянымъ голосомъ, — я теперь только понимаю, что̀ такое жизнь... Одна минута, только одна минута — и человѣкъ, слѣпецъ, стоитъ озаренный страшнымъ пламенемъ, пламенемъ, которое ниспосылаетъ ему само небо. Часто среди благодатной тиши лазореваго неба набѣгаютъ черныя тучи, спускаются ниже и ниже, захватываютъ дыханіе — и молнія, блеснувъ, распах-

нетъ гнѣвный свѣтъ свой по неизмѣримому пологу. Не правда ли, такая картина и неожиданна, и чудесна... Бури очищаютъ воздухъ, бури благодѣтельны, княгиня!..

Она молча, съ темнымъ предчувствіемъ чего-то, смотрѣла на Виктора.

Онъ опять сталъ ходить поперекъ комнаты...

Былъ тяжелый промежутокъ молчанія.

Онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Княгиня! дѣло о жизни или смерти двухъ человѣкъ. Ихъ приговоръ въ устахъ вашихъ. Вчера вечеромъ случай открылъ мнѣ многое. Я хочу стрѣляться...

— Что это значитъ, Викторъ?—произнесла она дрожащимъ голосомъ.

— Вы не понимаете, а прежде вы такъ хорошо понимали меня! Что жъ вы не спрашиваете, съ кѣмъ я хочу стрѣляться?..

— Викторъ! Викторъ!—лепетала она умоляющимъ голосомъ.

— Я долженъ вступиться за честь женщины, за честь той женщины (и онъ сжалъ ея руку), которая для меня дороже жизни. Ее клевещутъ...

Холодный потъ крупными каплями выступилъ на спинѣ княгини.

Онъ наклонился къ ея уху и произнесъ что-то.

Она простонала.

— Не бойтесь, княгиня, вы будете отмщены. Мщеніе со мной, я ношу его на груди моей...—Онъ вынулъ изъ кармана заряженный пистолетъ и брякнулъ роковою сталью о столъ.

— Дайте мнѣ напиться его кровью... Я хорошо умѣю стрѣлять въ цѣль. О, рука не измѣнитъ мнѣ, наводя на него дуло этого пистолета... Произнесите одно слово, благословите меня въ послѣдній разъ, можетъ быть, въ послѣдній... Кто вѣдаетъ волю Провидѣнія?.. То будетъ благословеніе отца, благословеніе матери, благословеніе любящей женщины. У меня нѣтъ никого, кромѣ васъ, княгиня...

Уста ея не шевелились.

— Ты молчишь, Лидія! Заклинаю тебя, произнеси же одно слово, только одно слово...

Онъ упалъ на колѣни предъ нею.

— Вѣдь это кровавая, адская клевета? Вѣдь онъ не смѣлъ...

Юноша скрежеталъ зубами, плакалъ безъ слезъ, распростертый у ногъ ея.

Въ смертной тиши безмолвія послышался звонъ колокольчика въ швейцарской...

— Это онъ, — произнесъ Викторъ вставая; лицо его было покрыто пятнами.

— Одно слово! одно слово!

Она молчала.

Тогда какая-то мысль горячею лавою разлилась въ немъ; въ изступленіи онъ схватилъ ея руку и увлекъ за собою къ другому концу комнаты. Онъ подвелъ почти безчувственную княгиню къ небольшому дивану противъ трюмо.

— Вы можете стоять, ходить, сидѣть, все, что вамъ угодно, но только здѣсь, противъ этого зеркала. Вы должны принять графа... Я стану за этой ширмой и буду слѣдить оттѣнки вашихъ взглядовъ, желанія вашихъ движеній... Зеркало будетъ вполнѣ отражать васъ; вы молчите, а оно будетъ говорить за васъ... *Онъ* не долженъ знать, что я здѣсь. Хорошо ли вы поняли меня?

Она утвердительно кивнула головой, она безъ словъ повиновалась.

Пистолета на столѣ уже не было.

Графъ Вѣрскій впорхнулъ въ дверь...

Княгиня встрѣтила его съ улыбкой; это была улыбка на лицѣ трупа.

Графъ остолбенѣлъ отъ ужаса, взглянувъ на нее.

А однако только ночь раздѣляла ее отъ вчера!

— Ты нездорова, Лидія!—произнесъ онъ.

— Да, я чувствую себя нездоровою, — отвѣчала она едва слышно.

Это *ты* разрушительно коснулось Громскаго... Взоры его сковались съ зеркаломъ. Зеркало измѣняло тайнамъ кня-

гини. Онъ недвижимъ и бездыханенъ стоялъ за ширмами, у самой ея постели.

— Я исцѣлю тебя, — продолжалъ графъ, — я согрѣю тебя моимъ дыханіемъ. Кающійся грѣшникъ у ногъ твоихъ...— Онъ сѣлъ возлѣ нея и хотѣлъ взять ея руку... Княгиня отодвинулась.

— Вы забываетесь, графъ... я привыкла, чтобы ко мнѣ сохраняли уваженіе...

— О, я вижу, что ты на меня сердишься. Въ самомъ дѣлѣ, я не стою поцѣлую ручки твоей... Но я куплю свое прощеніе, во что бы то ни стало, хотя самымъ тяжелымъ и долгимъ покаяніемъ!

Онъ сталъ разсматривать комнату.

— Кажется, это трюмо стояло у той стѣны, — говорилъ онъ. Цвѣтъ занавѣсъ былъ гораздо темнѣе; кажется, новая ширма... я не знаю, что можетъ сравниться съ превосходной отдѣлкой *Гамбса*. Какой вкусъ, какое изобрѣтеніе! Вѣдь и какія-нибудь ширмы требуютъ созданія, а не работы. Какъ ты объ этомъ думаешь, Лидія?..

— Да перестань же сердиться...

Княгиня испытывала страшную муку пытки.

— Я много нашелъ перемѣнъ въ твоей спальнѣ. Это заставляетъ меня задумываться. Твоя спальня! Помнишь ли ты тотъ вечеръ, когда я...

— Ради Бога... Графъ! Я васъ умоляю.

— Какъ это *вы* несносно отдается въ ушахъ. Ты можешь и сердясь называть меня ты...

— А можно ли заглянуть сюда?

Графъ приподнялся, съ намѣреніемъ сдѣлать шагъ за ширму...

Она собрала оставлявшія ее силы и громко произнесла:

— Я вамъ приказываю остаться здѣсь!

— Какъ мило!.. О, произнеси еще разъ это слово! Я такъ привыкъ его слушать изъ устъ твоихъ, я такъ привыкъ повиноваться тебѣ...

Онъ наклонился, чтобы поцѣловать ее въ грудь.

Въ эту минуту за ширмой раздался выстрѣлъ, и пороховой дымъ окурилъ спальню.

Графъ устремилъ на нее вопросительный взглядъ.

Вслѣдъ за выстрѣломъ будто эхо послышался на улицѣ громъ какого-то тяжелаго экипажа, остановившагося у подъѣзда.

Княгиня не слыхала этого грома. Когда выстрѣлъ отозвался смертью въ ушахъ ея, она бросилась къ ширмѣ, она уже ступила за ширму... Вдругъ къ ногамъ ея упалъ трупъ юноши, загородивъ ей дорогу: кровь забагровила узоры ковра.

Жизнь то вспыхивала, то застывала въ ней; она, казалось, еще не потеряла присутствія духа, потому что давно ожидала чего-то страшнаго. Предчувствіе не обмануло ее. Она схватила свой платокъ, чтобы зажать рану несчастнаго... Она припала къ лицу его, какъ бы желая раздуть въ немъ искру жизни... Она произнесла только: я его убійца! Онъ дышалъ еще, онъ устремилъ на нее прощальный, безукорный взглядъ и старался схватить ея руку.

Пораженный такою сценою, такимъ феноменомъ, совершившимся въ спальнѣ свѣтской женщины, безмолвно стоялъ графъ, взирая на умирающаго товарища. Трудно было рѣшить, что происходило въ немъ.

Тогда послышался необыкновенный разгромъ суматохи во всемъ домѣ... мигъ — и въ спальню княгини вбѣжалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый по-дорожному, въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ.

То былъ мужъ ея.

Графъ невольно вздрогнулъ отъ такой нечаянности.

Княгиня увидала пріѣзжаго, но она не измѣнилась въ лицѣ, она даже не вздрогнула отъ страха, она попрежнему стояла на колѣняхъ надъ трупомъ. Блѣдно, открыто, благородно, невыразимо-прекрасно было лицо этой женщины. Оно рѣзко обозначало ея нерушимый характеръ и силу любви ея.

Глаза бѣднаго мужа остолбенѣли, руки его опустились отъ картины, представившейся ему.

— Боже мой!—произнесъ онъ, указывая на юношу, истекавшаго кровью.—Что все это значитъ? убійство! кровь!! Лидія! Лидія!.. Кто этотъ человѣкъ?

Она отвѣчала твердымъ голосомъ:

— Это мой любовникъ!

Говорятъ, будто бы рана Громскаго не была смертельна, будто бы послѣ 4-мѣсячныхъ страданій онъ совершенно выздоровѣлъ и на другой день своего выздоровленія неизвѣстно куда уѣхалъ изъ Петербурга... Для княгини онъ не существовалъ болѣе: онъ не хотѣлъ вновь смущать ее своимъ появленіемъ! Кто знаетъ, поборолъ ли онъ страсть свою? Вѣрно только то, что любовь *ея* къ поэту была послѣднею очистительною жертвою, которую съ такимъ самоотверженіемъ принесла она на жертвенникъ любви; что остальная жизнь была для нея несносимою цѣпью, тяжкими веригами, страшною карою Провидѣнія, передъ которымъ лежала грѣшница во прахѣ съ кровавыми слезами раскаянія.

ОНА БУДЕТЪ СЧАСТЛИВА..

(Эпизодъ изъ воспоминаній петербургской жизни.)

. . .'tis in ourselves, that we are thus or thus...

Shakspeare.

I.

Есть двѣ вещи безвкуснѣе и холоднѣе льда: юноша мудрствующій и старикъ молодящійся.

Персидская пословица.

У одного изъ самыхъ модныхъ ресторатеровъ Петербурга, а это было, кажется, въ февралѣ 183*, пировала въ особенной комнатѣ толпа молодежи. За столомъ, тянувшимся во всю длину небольшой, ярко освѣщенной комнаты, сидѣло двѣнадцать человѣкъ. Столъ былъ уставленъ опорожненными и полуопорожненными бутылками, красовался стаканами, раскрашенными виномъ, которые мѣшались съ причудливыми рюмками рейнвейна. Видно было, что обѣдъ перешелъ за половину, потому что лица застольниковъ одушевлялись румянцемъ, глаза ихъ сверкали огнемъ и движенія становились вольнѣй и вольнѣй. Уже послѣдовательность рѣчи смѣнялась вспышкой фразъ, разсказъ прерывался восклицаніями. Но во всемъ этомъ еще былъ какой-то порядокъ, еще выдавались минуты тишины, можетъ быть, предвѣстники бури.

Между этой разгульной гурьбой, между этими нерасчетливыми, дерзкими новичками жизни, безразсудно посмѣивавшимися надъ жизнью, былъ замѣшанъ одинъ человѣкъ:

ему смѣло можно было дать сорокъ лѣтъ; его черные волосы слишкомъ посеребрились годами; его лицо слишкомъ было изрѣзано штрихами минувшихъ страстей; его глаза, мутные, меленькіе, странно свѣтились изъ-подъ нависшихъ бровей: въ его улыбкѣ, которая придавала ироническій очеркъ лицу его, было горькое разочарованіе, равнодушная безнадежность и еще какое-то ядовитое чувство. Въ петлицѣ темнаго фрака его, сшитаго со всею тонкостью модной взыскательности, пестрѣлъ разноцвѣтный, небрежный узелокъ орденскихъ лентъ.

— Шампанскаго!—вскричалъ онъ стоявшему сзади лакею, опрокинувшись на задокъ стула. И его возгласъ повторился двѣнадцать разъ эхомъ.

Бутылку поставили передъ нимъ, онъ отвернулъ рукава и, съ искусствомъ опытнаго знатока, сталъ обрѣзывать ножомъ проволоку.

— Я никому никогда не даю откупоривать шампанскаго,— говорилъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку, сидѣвшему противъ него.—Теперь для меня осталось только одно это наслажденіе!

— О, гг.,—прибавилъ онъ черезъ минуту со вздохомъ, обращаясь ко всѣмъ,—я долженъ бы смотрѣть на васъ съ завистью, но вмѣсто того, признаться ли, я сожалѣю объ васъ. Скажите, какъ проводите вы свое время въ ваши лѣта, съ вашими средствами! Вы являетесь въ залахъ съ нахмуренными бровями, съ важнымъ видомъ занятыхъ людей, съ мудрыми фразами на устахъ. Вы отыскиваете истину *въ книгахъ* и забываете великое изреченіе, что истина *въ винѣ*. *In vino veritas!*

— Она здѣсь, гг.,—продолжалъ онъ, напѣнивая бокалы; напрасно вы будете искать ее въ книгахъ. Она смѣется надъ вашими усиліями. Она играетъ и звѣздится въ этой влагѣ, ловите ее здѣсь.

— Браво, браво! *In vino veritas!*—раздалось хоромъ, и бокалы мигомъ были осушены.

Одинъ бокалъ оставался только непочатый. Этотъ бокалъ стоялъ противъ молодого человѣка, который, облокотясь од-

ною рукою на столъ, казалось, былъ въ какомъ-то раздумьѣ. Его длинные темные волосы, красиво завитые природой, закрывали половину широкаго лба; его черные большіе глаза выражали раннее утомленіе; его осунувшееся лицо было безцвѣтно, но въ очеркѣ этого лица, но въ этой томности глазъ было такъ много привлекательнаго; еще онъ едва достигъ двадцати трехъ лѣтъ, а казался пятью или шестью годами старѣе. Въ модномъ покроѣ его одежды было что-то собственно принадлежавшее ему: эта умышленная небрежность, эта невыразимая ловкость, которая скрашиваетъ моду и тотчасъ характеризуетъ человѣка, принадлежащаго къ избранному обществу.

— Ты и не начиналъ своего бокала, Горинъ? это худой знакъ! — говорилъ, обращаясь къ нему, сосѣдъ его. — Ты, видно, влюбленъ или безъ денегъ. И то, и другое дурно; но теперь не время думать ни о томъ, ни о другомъ. Въ весельѣ должно быть единодушіе, вѣдь ты знаешь:

.. одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокалъ!

— Разумѣется! Мы собрались сюда не для того, чтобы мечтать! — Кто заговорилъ о слезахъ? — Къ чорту сантиментальность! — Горинъ, допивай свой бокалъ! — кричали каждый отдѣльно и всѣ вмѣстѣ. И въ этомъ хаосѣ словъ громче всего раздавалось пѣнье одного изъ застольниковъ:

Будемъ пить и любить,
Припѣваючи жить.
Жизнь на мигъ намъ дана,
Подавайте вина!
Безъ вина — Божій міръ
Не утѣха для глазъ;
Онъ постылъ и уныль.
Расшатайся жъ, нашъ пиръ,
Чтобы каждый изъ насъ,
До утраты всѣхъ силъ,
Припѣваючи пилъ?

Онъ выпилъ свой бокалъ, и вино снова замахровило верхушки осушенныхъ бокаловъ.

Когда громъ пѣсенъ и восклицаній смолкъ, пожилой человѣкъ, улыбаясь, обратился къ Горину.

— Знаете ли,—началъ онъ, глядя на него пристально и поддерживая рукою свой подбородокъ,—знаете ли, что въ васъ я вижу представителя нынѣшней молодежи: вы человѣкъ, въ высшей степени заключающій въ себѣ всѣ ея достоинства и всѣ недостатки. Я всегда любуюсь вами и часто негодую на васъ: съ такимъ внутреннимъ образованіемъ, съ такими наружными средствами, съ такою свѣтскою ловкостью вы часто хандрите, вы всегда бездѣйствуете въ обществѣ. Это непростительно! И между тѣмъ, повторяю, это общій порокъ нынѣшней молодежи. Эхъ, гг., не забудьте: вы призваны кружиться въ гостиныхъ, побѣждать, покорять, торжествовать побѣды, а вы лишаете общество души, тогда какъ должны быть душою его; вы безжалостно оставляете дамъ въ жертву тоски и одиночества: онѣ жаждутъ взглядовъ страсти, словъ любви, и что же находятъ вмѣсто всего этого? Недѣли двѣ тому назадъ я нечаянно слышалъ, какъ одинъ молодой человѣкъ, и, замѣтьте, чрезвычайно образованный и умный человѣкъ, въ продолженіе трехчасовой мазурки очень серьезно разглагольствовалъ съ своей дамой о погодѣ, о скользкости паркета, объ удобствѣ освѣщенія улицъ газомъ...

Хохотъ прервалъ разсказчика.

— Кто этотъ любезникъ?—вскрикнуло вдругъ нѣсколько голосовъ.—Кто была эта дама?—Гдѣ это было?—И между тѣмъ *оттычки* шампанскаго вторили крикамъ.

— Поневолѣ станешь хвалить свое время,—началъ снова ораторъ, уловивъ минуту тишины.—Я имѣю не слѣпое пристрастіе къ прошедшему, не это безотчетное и смѣшное стариковское: «а вотъ какъ при насъ-то бывало!» Нѣтъ, мы въ самомъ дѣлѣ жили не по-вашему въ ваши лѣта; мы бѣгали за удовольствіями, мы ловили ихъ на лету, мы отыскивали ихъ на днѣ морскомъ; и ужъ зато намъ некогда было считать времени. Правда, мы иногда ставили послѣдній запятой грошъ ребромъ, но въ насъ кипѣла молодость. Мы извѣдали ее со всѣми безумствами, со всѣми бурями, со всею нѣгою.

— Ваша правда, Свѣтлицкій,—перебилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, разваливаясь на стулѣ и заложивъ палецъ руки за жилетъ.—Да! поколѣніе нашей молодежи жалкое; но развѣ мы виноваты въ томъ, что судьбѣ угодно было выбросить насъ не прежде и не послѣ, а именно теперь? Мы составляемъ собою переходъ отъ невѣжества къ истинному просвѣщенію, отъ животности къ высокому познанію самихъ себя, отъ тьмы къ свѣту. Вы жили въ періодѣ младенчества, мы живемъ въ періодѣ дѣтства: вотъ разница между вами и нами! Въ насъ уже проявилось сознаніе, въ насъ уже есть порывы къ ученію, жажда къ познанію—конечно, это уже шагъ впередъ; но мы, дѣти, воображаемъ о себѣ гораздо болѣе и *желаніе* смѣшиваемъ съ *исполненіемъ*. Вотъ откуда должно вывесть тысячи неизбѣжно смѣшныхъ сторонъ нашихъ. Мы между бездѣльемъ и дѣломъ, въ вѣчномъ колебаніи между тѣмъ и другимъ. Я стою за крайности, гг.; разумѣется, крайности лучше; но отъ насъ ли зависитъ выборъ?

— Я не доискиваюсь причинъ вашей нелюбезности, гг.,— продолжалъ Свѣтлицкій,—но говорю только, что есть, что вижу, что мнѣ кажется; говорю потому, что принимаю во всѣхъ васъ участіе. Вы черезъ себя теряете все въ обществѣ, вы выпускаете изъ рукъ собственное счастіе. Я знаю одну прелестную женщину, одну изъ тѣхъ женщинъ, при появленіи которыхъ слышится въ гостиныхъ говоръ восторга и шипѣніе зависти, женщину съ ангельскою душою и съ огненнымъ сердцемъ, которая очень неравнодушна къ одному изъ сидящихъ здѣсь съ нами за столомъ.

Свѣтлицкій обозрѣлъ всѣхъ и улыбнулся.

Любопытство выразилось на всѣхъ лицахъ. Лица юношей обратились къ пожилому человѣку съ вопросительными взглядами. Каждый принималъ слова его на свой счетъ, каждый былъ въ ту минуту и гордѣе, и самодовольнѣе. Фантазіи каждаго стали прихотливѣе разыгрываться, воспаляемыя виномъ. Вино заставляло вѣрить и довѣрять, вино сорвало цѣпи съ воображенія и пустило его рыскать по волѣ.

— Кто этотъ счастливецъ? — Скажите, кто изъ насъ? пусть ея имя будетъ тайной! — Закладую сто противъ одного,

что это или я или графъ Вѣрскій!—За здоровье счастливѣйшаго изъ насъ!—За здоровье прекрасной незнакомки!

Наконецъ крики слились въ одинъ нестройный гулъ...

— О! въ эту минуту я отдамъ жизнь!—воскликнулъ Горинъ,—цѣлую жизнь съ безконечною цѣпью наслажденій за одинъ поцѣлуй любви, за одно пожатіе страсти! Скажите мнѣ, что есть женщина, которая любитъ меня, и я окачу васъ шампанскимъ!

Этотъ возгласъ потерялся въ шумѣ раздвигавшихся стульевъ.

Нѣкоторые встали изъ-за стола и разлеглись на диваны, которые тянулись вдоль стѣнъ. Табачный дымъ, разстилаясь по комнатѣ, задергивалъ туманомъ эту картину.

Тогда пожилой человѣкъ незамѣтно подкрался къ Горину и съ видомъ участья схватилъ его руку. Вино не произвело на него замѣтнаго дѣйствія, онъ былъ свѣжѣе всѣхъ...

— Хотите ли знать имя счастливца?—сказалъ онъ молодому человѣку, наклонясь къ его уху;—но молчаніе, ради Бога—мертвое молчаніе! Я вамъ ввѣряю тайну женщины.

Онъ съ демонскою проницательностью посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Можете ли вы сомнѣваться?..

— Это вы, вы счастливѣйшій изъ людей! Знаете ли, что въ васъ безъ памяти влюблена Зинаида П*.

Какое-то неизъяснимо-сладкое ощущеніе пробѣжало по тѣлу молодого человѣка. Онъ не думалъ допрашивать Свѣтлицкаго, какъ и почему извѣстна ему тайна этой женщины. Онъ вѣрилъ ему въ ту минуту вполнѣ; онъ крѣпко сжалъ его руку. Восторгъ задушалъ его. Онъ недавно узналъ эту женщину, но уже отличалъ ее между другими; въ послѣднее время даже замѣтилъ въ ней что-то необыкновенное въ отношеніи къ себѣ; и вдругъ въ одинъ мигъ передъ нимъ все разгадано, все открыто; и въ какой мигъ? когда воображеніе разливалось по немъ струями огня, когда сердце его било тревогу, когда передъ очами его рисовался идеалъ пламенной женщины... Онъ хотѣлъ что-то сказать неожиданному вѣстни-

ку своего счастья, но слова не сходили съ языка его, и мысли кружились. Онъ снова только сжалъ его руку.

— Шампанскаго! — закричалъ тотъ.

— Скорѣй шампанскаго! — повторилъ Горинъ, и глаза его засвѣтились полнымъ, невынужденнымъ весельемъ.

— Ай да молодецъ! — кричали ему со всѣхъ сторонъ. — Давно бы такъ! Славно! Мы всегда видѣли въ тебѣ зачатки прекраснаго! Ты понимаешь стихіи разгула!

Снова начались выстрѣлы откупориваемыхъ бутылокъ, въ громѣ несвязныхъ словъ, безтолковаго крика, буйныхъ оргическихъ пѣсенъ... Голоса смѣшивались, крикъ заглушался крикомъ; но въ этомъ хаосѣ голосовъ громче и звучнѣй всѣхъ раздавался голосъ Горина:

— *Она* будетъ моею! она моя!

Наконецъ все смолкло, и звонъ бутылокъ, и крикъ, и неистовыя пѣсни. Табачный туманъ еще ходилъ по комнатѣ, и въ этомъ туманѣ тускло, печально блистали нагорѣлыя свѣчи. Въ ихъ мерцающемъ блескѣ виднѣлись безобразные остатки вакханаліи, жалкія развалины страстей человѣческихъ. Пожилой человѣкъ осторожно пробрался между столомъ и ногами, которыя торчали съ дивановъ. Онъ взглянулъ на столъ, загроможденный пустыми бутылками и грудами битаго стекла, потомъ на помертвѣлыя лица молодыхъ людей, лежавшихъ на диванахъ... и губы его искривились улыбкою...

— *Она* моя, — бормоталъ полусонный Горинъ, — моя!..

Это бормотанье дошло до слуха Свѣтлицкаго. Онъ протеръ глаза и, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

Въ эту минуту стѣнные часы пробили десять...

II.

. . . .
Et l'ange que le ciel commit à votre garde
N'a jamais à rougir, quand, rêveur, il regarde
Ce qui se passe en vous.

V. Hugo.

Она въ самомъ дѣлѣ очаровательна!.. Вы заглядѣлись бы на ея темные, роскошные волосы, иногда упадающіе прихотливыми локонами на мраморъ груди, иногда лежащіе на лбу гладкими, шелковистыми тесьмами; на ея брови, будто проведенныя тонкою, изящною кистью художника; на ея губы тонкія, розовыя, въ которыя бы такъ роскошно впился поцѣлуй; на ея черные глаза... Но эти глаза, кажется, преслѣдовали бы васъ, какъ ваша собственная тѣнь, какъ судьба ваша, если бы вы хоть одинъ разъ взглянули въ нихъ. Они выражали ту неизъяснимую прелесть дѣтскаго простодушія, которую всегда такъ отрадно, но такъ рѣдко встрѣчаешь въ женщинѣ, и между тѣмъ томились огнемъ страсти, завѣряли въ существованіи земного блаженства...

Она въ самомъ дѣлѣ была очаровательна, хотя блѣдность, можетъ быть, слишкомъ рѣзко покрывала лицо ея, хотя въ ея пріемахъ не было этой аристократической, величавой недоступности, которая такъ нравится многимъ. Правда, она и не принадлежала къ аристократическимъ гостинымъ Петербурга; для ея личика, нѣжнаго, идеальнаго, былъ бы тяжелъ сіятельный вѣнецъ. Ея красота не нуждалась въ мишурномъ блескѣ, который слѣпитъ толпу; она не бросалась въ глаза, но говорила душѣ...

Она была очаровательна и въ простомъ утреннемъ пеньюарѣ, когда ея длинную шелковую косу едва придерживала небольшая гребенка, когда ея дивный, роскошный станъ и лебединая грудь скрывались подъ длинною шалью, когда ея маленькая ножка не сжималась башмакомъ, а покойно лежала въ бархатныхъ туфляхъ...

Она была еще очаровательнѣй въ залѣ, когда летала подъ

ладъ музыки, едва касаясь паркета, и бѣлый эшарпъ, будто сотканный изъ воздуха, обвиваясь около ея шеи, развѣвался тѣнью облака вокругъ нея.

Многіе называли ее кокеткой, но эти люди не понимали различія между заученнымъ кокетствомъ и простодушною игривостью характера. Она не умѣла быть притворною; она никогда не была подъ маской, она не скрывала ни грусти, ни веселья, изъ приличія, изъ познаній свѣтскости. Она покорялась вполнѣ состоянію души: или веселилась съ дѣтскимъ самозабвеніемъ, или открыто скучала... Вотъ почему нѣкоторыя женщины изъ общества, къ которому принадлежала она, собираясь иногда въ длинные зимніе вечера за круглымъ столомъ и, отъ нечего дѣлать, критически перебирая своихъ знакомыхъ, завистливо повторяли объ ней: «она такая простенькая!» Вотъ почему дамы высшаго круга, или, какъ говорятъ теперь, «*высшаго полета*», которыя иногда видали ее въ гостиныхъ, спускаясь изъ милости съ своей недоступной высоты одною ступенью пониже, тономъ отличающаго ихъ равнодушія, смѣшаннаго съ жалостью, говорили: «она была бы не дурна, но въ ея манерахъ такая мѣщанская откровенность!»

Она принадлежала къ одному изъ самыхъ скучныхъ и напыщенныхъ обществъ въ Петербургѣ, къ одному изъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ, какъ я сказалъ уже, появляются иногда дамы высшаго круга, изъ милости, на минуту, сопровождаемыя толпою своихъ поклонниковъ—для того, чтобы открыто показать, что онѣ хотѣли сдѣлать честь своимъ посѣщеніемъ, чтобы блеснуть и исчезнуть, чтобы потомъ отъ души посмѣяться надъ тономъ этого общества, надъ добродушіемъ хозяйки дома и надъ несносными вѣжливостями, которыя она расточала имъ. И согласитесь, что все это очень смѣшно! Женщина, которая готова сдѣлать всевозможныя пожертвованія для того, чтобы видѣть на своемъ вечерѣ даму высшаго тона; которая непремѣнно хочетъ, не разбирая средствъ, сама попасть въ аристократическія гостиныя, тянуться во всемъ наравнѣ съ аристократками, вымѣривать ихъ движенія, подмѣчать ихъ взгляды, подслушивать ихъ разговоры и потомъ передразнивать ихъ при случаѣ; жен-

щина, которая съ выраженіемъ необыкновеннаго тщеславія и невыразимаго самодовольствія говоритъ своей пріятельницѣ: «у меня была княгиня С*, ко мнѣ назвалась графиня Ф*, на моемъ завтрашнемъ вечерѣ будетъ баронесса Л*» — не правда ли, такая женщина неоцѣненное лицо для комедіи современныхъ нравовъ? Не правда ли, что такое лицо будетъ занимательно и необыкновенно ново на сценѣ?.. А отыскать такихъ лицъ въ Петербургѣ вамъ не будетъ стоить многаго труда, если вы попадете въ общество, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь....

И послѣ всего этого не мудрено, что молодая И* не могла быть любима женщинами ея круга. Ей вмѣняли въ непростительный порокъ простодушіе и самобытность: то̀, что она, нехотя, рельефомъ выдавалась изъ этого общества, тогда какъ другія, при всемъ стараньѣ выказаться, едва скользили по его поверхности. Между толпою разряженныхъ куколъ, между расцвѣченными автоматами, она одна сверкала жизнью, заворожала сердечностью, разливала окрестъ себя одушевленіе.

И все это несомнѣнно было слѣдствіемъ воспитанія. Воспитаніе развило въ ней чувства, образовало сердце, вложило въ нее душу... А внутреннее образованіе надѣлило ее наружною прелестью. Вотъ отчего каждое слово этой женщины шло отъ сердца и къ сердцу, каждая рѣчь заставляла задумываться, каждый взглядъ говорилъ душѣ, каждое движеніе дивило непринужденностью. Здѣсь заключалась тайна ея очарованія. Въ восемнадцать лѣтъ, по приказанію отца, она должна была выйти замужъ за гвардейскаго полковника И*, потому что полковникъ имѣлъ въ виду большія связи. Вы вѣрно знаете, что̀ значитъ имѣть *большія связи*; и кто же не знаетъ этого? Дѣвушка, которая выходитъ замужъ за *человѣка съ связями — дѣлаетъ хорошую партію*: такъ говорятъ въ свѣтѣ. Но полковникъ имѣлъ такія связи только въ виду, а на этомъ бракѣ отецъ основывалъ свое будущее и упивался восторгомъ при мысли, какъ ярко будетъ рисоваться звѣзда на его черномъ фракѣ, съ какою жадностью будетъ искать его дружбы какой-нибудь директоръ департамента, а иногда,

при случаѣ, благосклонно пожимать ему руку даже генералъ-адъютантъ.

Дочь исчезала для него въ блескѣ звѣзды и въ сіяніи генералъ-адъютантскихъ эполетъ.

Зять его принадлежалъ къ тому разряду офицеровъ, которые щегольски носятъ мундиръ, опрыскиваются съ ногъ до головы духами, носятъ на вечерахъ лайковыя перчатки, ловко танцуютъ, ѣздятъ на рысакахъ, безжалостно расточаютъ слова и не могутъ связать въ головѣ ни одной мысли. Замѣчательно, что эти люди, большею частью, слывутъ въ обществѣ любезными, потому что много говорятъ, и славными товарищами потому что много пьютъ. Ко всему этому, полковникъ, какъ говорятъ, былъ человѣкъ *хорошаго тона*, по своей важной осанкѣ и по едва замѣтному киванью головы, когда ему кланялся человѣкъ, непринадлежавшій къ обществу, въ которомъ заблагоразсудила поставить его природа. Не знаю, гдѣ и какъ, года за два до того времени, съ котораго начинается мой разсказъ, полковникъ встрѣтилъ Зинаиду К*. *Влюбиться* было для него дѣломъ одного мгновенія. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того онъ съ самодовольной гримасой погладилъ усы, поправилъ хохолъ передъ зеркаломъ, надушился болѣе обыкновеннаго и съ дерзкою самоувѣренностью отправился въ домъ К* съ рѣшительнымъ предложеніемъ. Тамъ онъ встрѣтилъ отца, который едва не принялъ его съ распростертыми объятіями; но, несмотря на это, желаніе полковника исполнилось не такъ легко и не такъ скоро, какъ онъ думалъ. Зинаида имѣла мать, которая любила ее со всѣмъ самоотверженіемъ, со всею нѣжностью и пылкостью!

Напрасно здѣсь я старался бы передать борьбу этого высокаго, святого чувства съ бездушностью, съ ядовитымъ эгоизмомъ. Что за польза поднимать закулисныя тайны семействъ, для того, чтобы безвременно отнимать у людей, еще не замѣченныхъ рокомъ, еще счастливыхъ невѣдѣніемъ, ихъ теплыя вѣрованія, ихъ свѣтлыя надежды? Для чего говорить имъ, что иногда тамъ, гдѣ они видятъ образцы домашняго счастья, кажется, ничѣмъ ненарушаемаго, всегда такъ от-

раднаго сердцу — тамъ подъ пріятною улыбкою скрываются кровавыя слезы и въ мертвой тишинѣ ночей разыгрываются драмы, отъ которыхъ при одномъ разсказѣ леденѣетъ кровь и которымъ, право, порой, позавидовала бы современная французская литература.

Какъ бы то ни было, Зинаида К* сдѣлалась женой полковника. Она повиновалась волѣ отца безъ всякаго сопротивленія: она была въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ живутъ только настоящею минутою и увлекаются обольстительной радугой свѣтскихъ игрушекъ. Къ полковнику она не имѣла отвращенія, и этого было довольно. Сердце ея еще не умѣло биться, она еще не восчувствовала самой себя; она была цвѣткомъ, только еще пророчившимъ роскошное развитіе. И все прекрасное, посѣянное въ ней воспитаніемъ, и все высокое, дарованное ей свыше, должно было развиться тогда, когда уже заботливость людей опутала ее неразрываемыми цѣпями. Углубясь впервые въ самое себя, она ужаснулась: свобода ея далеко отлетѣла въ свою родину—небо... и она даже не видала отлета ея!..

По желанію мужа Зинаида должна была явиться въ общество. Этотъ скелетъ, обвѣшанный мишурою и побрякушками, принялъ ее въ свои ледяныя объятія. Здѣсь готовился ей второй ударъ: розовые листки ея воображенія сжимались отъ холода, блекли и постепенно облетали. На двадцатомъ году она успѣла испытать многое. Но прелесть жизни еще не такъ скоро оставляетъ насъ: ея черную сторону мы начинаемъ видѣть вполнѣ гораздо позже. Сначала грустныя, тяжкія минуты идутъ рука объ руку съ минутами отраднаго забвенія, чистой радости. Въ двадцатыхъ годахъ еще для насъ большая часть сторонъ жизни неразгаданныхъ, темныхъ, а потому привлекательныхъ; еще много развлеченій, еще много надеждъ. Опытъ не вдругъ, а постепенно, съ истинно злодѣйскимъ наслажденіемъ вырываетъ эти надежды одна за другою.

Женщина въ эти лѣта, несмотря на испытанія, несмотря на душевную боль, еще легка и воздушна какъ Пери, еще радужна какъ бабочка. Она часто порхаетъ въ залахъ

съ беззаботною радостью, забывая о тяготѣ своего положенія. Такова была двадцатилѣтняя Зинаида. Люди, толпами окружая ее и любуясь ею, думали: «о, какъ она счастлива!» Они не знали, эти люди, что̀ сторожило ее за дверьми бала. Толпа привыкла смотрѣть на одну только наружность... такова всегда и вездѣ толпа!

Къ числу этой толпы принадлежалъ и молодой Горинъ, хотя онъ имѣлъ все право выйти изъ толпы и по своему уму, и по своему образованію, и по своей наружности. Правда, онъ и выходилъ изъ толпы, какъ *человѣкъ свѣтскій*, но упорно вертѣлся въ кругу ея, какъ *человѣкъ*... Несмотря на это, тотъ, кто слѣдилъ людей и общество наблюдательными глазами, вѣрно подмѣтилъ бы въ Горинѣ что-то такое, много говорившее въ его пользу. Въ его рѣчахъ, покрытыхъ блестящимъ лакомъ свѣтскости, порой проявлялась природная энергія, блестки души. Въ его глазахъ изрѣдка блестѣла поэтическая молнія, страстное одушевленіе. Да! онъ понималъ прекрасное, въ немъ тлѣлась искра божественности, того, что̀ отличаетъ человѣка отъ тысячи людей; но эту искру надобно было отрыть въ пеплѣ ничтожности. Вмѣсто того, чтобы съ высокимъ самоотверженіемъ посвятить жизнь свою человѣчеству, онъ безжалостно истрачивалъ ее въ гостиныхъ. Онъ чувствовалъ пустоту своего положенія, хотѣлъ управлять самъ собою и между тѣмъ преклонялся предъ волею другихъ. Сегодня рѣшался онъ выѣхать изъ Петербурга, удалиться отъ развлеченій, уединиться въ самого себя, продолжать образованіе, начатое съ успѣхомъ; а завтра уже забывалъ объ этой мысли, примѣрялъ новый фракъ, вертѣлся передъ зеркаломъ, перемѣнялъ прическу, безпечно насвистывалъ аріи изъ «Донъ-Жуана».

Рожденный *быть чѣмъ-нибудь*, онъ добровольно дѣлался *ничѣмъ*, незамѣчаемо запутывался въ общественныхъ мелочахъ и даже иногда доходилъ до того, что гордился своимъ фракомъ, выписаннымъ изъ Парижа, и своимъ короткимъ знакомствомъ съ молодежью высшаго петербургскаго круга.

День уходилъ за днемъ, здоровье и состояніе Горина разстраивались. Театры, балы, раздольные обѣды, оргическіе

ужины—это была цѣпь его жизни. Въ двадцать три года онъ уже скучалъ, сквозь дремоту мечталъ о любви въ обществѣ, потомъ смѣялся надъ самимъ собою и говорилъ, что въ наше время любовь можетъ существовать въ однихъ только романахъ. Но это не была обдуманная мысль, а такъ—фраза, слова, произнесенныя отъ нечего дѣлать, за трубкой табаку, въ эластическихъ креслахъ... Порой палящая мысль о трудѣ и наукѣ еще пробѣгала по немъ, и онъ вздрагивалъ: но эта мысль была мимолетнѣе зарницы въ черную августовскую ночь.

Было уже около полугода, какъ онъ сошелся съ полковникомъ и сталъ посѣщать его домъ. Въ Зинаидѣ нравились ему, какъ онъ признавался самъ: *миловидное личико* и *манеры хорошаго тона*. Но онъ готовъ былъ раздѣлять мнѣніе княгини М* и замѣчаніе графини Б*, что Зинаида слишкомъ *натуральна*, слишкомъ *наивна* и что эта наивность часто переходитъ въ простоту. Вотъ до чего Горинъ увлекался свѣтскостью! Онъ готовъ былъ соглашаться съ самымъ нелѣпымъ мнѣніемъ, лишь бы оно было произнесено словами аристократки.

Можетъ быть, все это покажется очень страннымъ нѣкоторымъ изъ моихъ читателей; но тотъ, кто живалъ въ Петербургѣ, видалъ и наблюдалъ общество, тотъ не станетъ сомнѣваться въ существованіи Горинымъ.

Такія лица, къ сожалѣнію, не рѣдко встрѣчаются въ петербургскихъ гостиныхъ... И кто знаетъ, сколько блестящихъ надеждъ погубили эти гостиныя?..

Зинаида въ первое время знакомства съ Горинымъ причисляла его къ разряду этихъ существъ, которыя отличаются только важною дипломатическою осанкою въ двадцать лѣтъ, желтыми лайковыми перчатками, богатыми тросточками въ рукахъ, круглыми бакенбардами и вычурными рѣчами; которыя стыдятся знакомствъ съ людьми не ихъ *тона*, хоть будь эти люди надѣлены всеобъемлющимъ умомъ Гёте; которыя, самодовольно прогуливаясь подъ руку съ какимъ-нибудь княземъ, краснѣютъ до ушей, если имъ попадется навстрѣчу и поклонится человѣкъ, не посѣщающій высшихъ обществъ...

Зинаида подмѣтила этихъ безхарактерныхъ, жалкихъ куколъ общества и, какъ женщина, проникнутая высокими, благородными чувствованіями, презирала ихъ. Она съ холодною вѣжливостью обращалась съ Горинымъ и избѣгала случаевъ сближаться съ нимъ. Зато полковникъ былъ отъ него безъ ума, возымѣлъ къ нему безпредѣльную довѣренность, ставилъ его въ образецъ всѣмъ молодымъ людямъ и разиня ротъ выслушивалъ каждое его слово. Скоро Горинъ сдѣлался необходимою вещью для полковника, какъ щегольскіе матовые эполеты для его мундира, какъ зыбкій, роскошный, бѣлый султанъ для его трехугольной шляпы.

Однажды, въ началѣ длиннаго декабрьскаго вечера, полковникъ привелъ Горина въ будуаръ жены своей. Она сидѣла на низенькомъ эластическомъ диванѣ, работы Гамбса, облокотясь одною рукою о столъ; между ея нѣжными бѣлыми пальчиками струились и ниспадали длинные, темные локоны. На столѣ передъ диваномъ стоялъ небольшой бронзовый подсвѣчникъ, и въ безпорядкѣ лежали гравюры къ изданію Байрона, снятыя съ прелестныхъ картинъ братьевъ Жоанно. Видно было, что Зинаида, только за минуту передъ тѣмъ, разсматривала эти гравюры и погасила свѣчу. Напротивъ дивана на мраморной доскѣ камина стояла алебастровая ваза съ томившимся свѣтомъ внутри.

Этотъ свѣтъ слабо, но привлекательно разливался по комнатѣ, будто поэтическій свѣтъ луны. Онъ тонко посеребрялъ тысячи изящныхъ бездѣлокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ принадлежностей будуара. Онъ бросалъ свои блѣдные лучи на очаровательное лицо Зинаиды.

Она обратилась къ вошедшему мужу и легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчала на поклонъ Горина...

Полковникъ началъ разсказывать, чрезвычайно важнымъ тономъ, о какомъ-то пустомъ происшествіи, случившемся въ то время въ городѣ, и безпрестанно посматривалъ на своего пріятеля, будто желая получить отъ него одобреніе за искусство разсказа.

Зинаида старалась казаться внимательною, но мысли ея были далеко... И могли ли занимать эту женщину пошлые

разсказы, анекдоты, дурно сплетенные отъ праздности, которые ежеминутно бѣгаютъ по городу, безпрестанно обновляются и служатъ пищею толпѣ?

Горинъ стоялъ, прислонясь къ доскѣ камина.

Утромъ этого дня онъ получилъ одно непріятное извѣстіе, которое было очень близко къ нему. Это извѣстіе заставило его притти въ себя, задуматься, даже вздохнуть о ничтожности своей жизни. Такъ справедливо то̀, что только въ горькія минуты человѣкъ вполнѣ сознаетъ самого себя, съ стѣсненнымъ сердцемъ развертываетъ передъ собою свитокъ своего прошедшаго и дѣлается собственнымъ, иногда неумолимымъ судьею. Въ эти только минуты онъ возносится надъ вседневными мелочами, окружающими его, и чувствуетъ свое высокое назначеніе.

О, какъ великъ, какъ гордъ, какъ прекрасенъ человѣкъ въ эти минуты! Будто орелъ, онъ величаво возносится духомъ, онъ смѣло говоритъ:

Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

Смотрите на человѣка и любуйтесь имъ въ эти минуты... Онѣ мимолетны... Вдохновеніе вспыхиваетъ какъ молнія, исчезаетъ какъ падающая звѣзда...

Зинаида, выслушавъ длинный разсказъ мужа и разсѣянно перебирая листки гравюръ, спросила его о чемъ-то. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые часто предлагаютъ женщины для того, чтобы замѣстить нѣсколькими словами промежутокъ молчанья, вовсе не заботясь объ отвѣтѣ. Потомъ, можетъ быть, удивленная тѣмъ, что Горинъ, всегда разсыпавшійся въ рѣчахъ, еще не произнесъ ни слова, она обернулась къ камину, у котораго стоялъ молодой человѣкъ: блѣднѣе обыкновеннаго казался онъ въ полусвѣтѣ комнаты: грусть придавала невыразимую привлекательность лицу его; въ его глазахъ выражалась душа, въ его положеніи не было этой вынужденной картинности *фата;* онъ весь былъ проникнутъ мыслію, весь озаренъ чувствомъ.

Зинаида не вѣрила глазамъ своимъ: она не хотѣла вдругъ, безотчетно поддаться ихъ обману и пристальнѣй стала вглядываться въ Горина. Но чѣмъ болѣе смотрѣла она на него, тѣмъ болѣе открывала въ немъ привлекательности. Боже мой! думала она, неужели это тотъ Горинъ, который безпрестанно вертится какъ флюгеръ по движенію вѣтра, который съ тономъ педантства и безчувственности разлагаетъ теоретически всѣ чувства на длину мазурки или французской кадрили, неужели это тотъ ходячій адресъ-календарь князей и графовъ, камергеровъ и камеръ-юнкеровъ?

— Ты сегодня въ самомъ несносномъ расположеніи духа, Валеріанъ! — воскликнулъ полковникъ, подходя къ Горину и ударивъ его по плечу.—Что̀ съ тобой? Куда дѣвалась твоя обычная любезность? Вотъ ужъ полчаса, какъ ты въ будуарѣ женщины, и еще не вымолвилъ слова.

— Для чего же мнѣ было перебивать *тебя?* я слушалъ!— равнодушно отвѣчалъ тотъ.

Полковникъ пріятно улыбнулся.

— Нѣтъ, это что̀-нибудь да значитъ, — продолжалъ онъ... — Какая-нибудь тайна! Я тебя оставлю одного съ Зинаидой... Мнѣ надо кой-куда съѣздить. Надѣюсь, что ты будешь любезнѣе и не дашь ей почувствовать моего отсутствія.

— Ты, кажется, никуда не хотѣлъ выѣзжать сегодня?— замѣтила Зинаида, глядя на мужа съ такимъ выраженіемъ, будто просила его остаться.

— Я тотчасъ ворочусь, — произнесъ онъ, пожавъ ей руку и выходя изъ комнаты.

Здѣсь, можетъ быть, кстати будетъ замѣтить, что уже болѣе года прошло, какъ полковникъ былъ женатъ на Зинаидѣ: его любовь продолжалась недолго; онъ сталъ смотрѣть на жену, какъ на необходимую принадлежность своей квартиры.

И гдѣ же ему было оцѣнить эту женщину? Надобно имѣть сердце, чтобы понять другое сердце, надобно чувствовать въ себѣ душу, чтобы почувствовать ее въ другомъ существѣ. Для человѣка, понимающаго любовь, для человѣка, вполнѣ

любящаго, цѣлый міръ заключается въ очахъ избранной имъ женщины; потому что въ этихъ очахъ отражается душа ея, потому что эти очи — языкъ сердца.

Полковникъ зналъ, что люди могутъ влюбляться, потому что онъ самъ былъ влюбленъ. Въ этихъ двухъ словахъ: «*любить женщину*» для него заключался особенный смыслъ. Часто слыхали, какъ полковникъ, съ важностью человѣка ученаго, говаривалъ, что онъ *матеріалистъ*.

Самое любимое препровожденіе времени его были карты. Въ картахъ онъ былъ истиннымъ артистомъ. Во время игры онъ забывалъ всѣхъ и все. Въ картахъ заключалась его жизнь, его надежды, его настоящее и будущее. На картахъ разыгрывались его фантазіи, развивались мысли. Небольшое вліяніе, которое имѣла Зинаида на мужа въ первое время послѣ брака, съ каждымъ днемъ уменьшалось. Полковникъ скучалъ оставаться наединѣ съ нею, хотя еще старался скрывать это отъ другихъ. Городская молодежь говорила, будто онъ мало измѣнилъ привычкамъ своей холостой жизни. Но на слухи, распускаемые молодежью, не всегда можно положиться...

Вотъ почему онъ такъ равнодушно оставлялъ ее наединѣ съ молодымъ человѣкомъ, раздушеннымъ и ловкимъ, любезнымъ и образованнымъ.

Когда полковникъ вышелъ изъ комнаты, Зинаида, проводивъ его глазами, съ лицомъ свѣтлымъ улыбкою, или, вѣрнѣе, съ лицомъ, выражавшимъ желаніе улыбнуться, оборотилась къ Горину.

— Въ самомъ дѣлѣ, — произнесла она, — я замѣчаю въ васъ необыкновенную перемѣну...

— Вы угадали, — отвѣчалъ онъ, не двигаясь съ мѣста и будто говоря съ самимъ собою.

Она посмотрѣла на него значительно.

— Мнѣ наскучило общество, — продолжалъ онъ голосомъ, завѣрявшимъ въ истинѣ словъ его; — я думалъ найти въ обществѣ жизнь, облеченную въ мысль и чувство; вмѣсто того я увидѣлъ, что оно трупъ, только разукрашенный нарядными тряпками.

Зинаидѣ странно было слышать такое горькое замѣчаніе объ обществѣ изъ устъ человѣка, для котораго, казалось, все заключалось въ одномъ обществѣ. Могла ли она въ нарядномъ попугаѣ, какимъ до сихъ поръ считала Горина, подозрѣвать мысль и наблюдательность? Замѣчаніе это глубоко заронилось въ душу ея, потому что въ голосѣ его была раздражительность чувства, потому что въ выраженіи лица его была убѣдительность истины. Къ тому же, она хорошо поняла слова молодого человѣка, потому что эти слова были выжжены и на ея сердцѣ. Она впервые узнала, что̀ такое сочувствіе; она догадалась, чего недоставало ей въ жизни; она нашла то, чего такъ давно и напрасно искала. Это была одна изъ счастливыхъ минутъ ея. Лицо Зинаиды загорѣлось румянцемъ, она была плѣнительнѣе и ненагляднѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете объ обществѣ? — спросила она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, глядя на Горина, съ этимъ невиннымъ любопытствомъ ребенка, которое не можетъ не нравиться.

— Я бы желалъ думать иначе, — отвѣчалъ онъ, — но для этого надобно сбросить пять лѣтъ опытности, пять лѣтъ ежедневныхъ наблюденій, которыя, право, не легко доставались мнѣ.

— А теперь, когда опытъ и наблюденія съ вами, когда вы извѣдали ничтожность, пустоту общества, для чего же вы все еще въ кругу его и, кажется, съ такимъ самодовольствіемъ?

Онъ улыбнулся.

— Потому что человѣку дана здѣсь одна отрада, безъ которой существованіе его было бы тяжко; эта отрада — надежда. Кто знаетъ, можетъ быть, я встрѣчу въ обществѣ существо, которое пойметъ, отличитъ меня отъ толпы?.. Вѣдь мы всѣ живемъ будущимъ...

— И развѣ до сихъ поръ я напрасно былъ въ обществѣ, когда въ немъ встрѣтилъ васъ?

Произнеся на вѣтеръ эту одну изъ тысячи свѣтскихъ

любезностей, такъ нещадно расточающихся въ гостиныхъ, Горинъ бросилъ на Зинаиду проницательный взглядъ...

Она сидѣла съ поникнутою головкой и одной рукой прихотливо дергала бахрому голубого платочка, который былъ небрежно накинутъ на ея бѣлую мраморную грудь; другая рука ея, опираясь о диванъ, рисовалась на темной шелковой ткани.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ слышался однозвучный стукъ маятника огромныхъ бронзовыхъ часовъ, стоявшихъ на пьедесталѣ.

Когда Горинъ выходилъ изъ будуара, было за половину двѣнадцатаго. Ни онъ, ни она не замѣтили, какъ пролетѣло время... Онъ былъ плѣненъ ея свѣтлою, ангельскою наружностью, довѣріемъ ея младенческаго сердца; она, удивленная, была въ восторгѣ отъ его образованнаго ума, отъ его поэтической души.

Она давно составила въ мысляхъ своихъ идеалъ мужчины. И вотъ теперь этотъ идеалъ такъ неожиданно явился передъ нею изъ-за отуманенныхъ очерковъ фантазіи; онъ, казалось, переходилъ въ образъ вещественный, изъ мечты въ жизнь...

Съ этого вечера Горинъ замѣтилъ, можетъ быть, слишкомъ рѣзкую перемѣну въ обращеніи съ нимъ Зинаиды. Свѣтлицкій открылъ ему ея задушевную тайну, которую она боялась открыть даже самой себѣ, но которую тщетно старалась скрыть отъ людей.

И участь этой женщины, и участь этого ангела рѣшалась съ такою дерзостью въ чаду вина, въ безумствѣ опьянѣнія, въ грязныхъ развалинахъ оргіи!..

III.

. . «I am not what I am.» . I.

Shakspeare.

На другой день послѣ этого буйнаго обѣда, который я только очеркнулъ вначалѣ, избавляя читателей отъ слишкомъ рѣзкихъ и ненужныхъ подробностей, часовъ въ одиннадцать утра, Горинъ лежалъ въ огромныхъ эластическихъ креслахъ, игравшихъ самую важную роль въ его затѣйливомъ кабинетѣ. Такія кресла — необходимая вещь для свѣтскаго человѣка: взлелѣянный нѣгою, въ нихъ покоится онъ, утомясь мятежною игрою страстей, уставъ отъ неизбѣжныхъ своихъ обязанностей. Съ картинною небрежностью прислонивъ свою голову къ подушкѣ этихъ креселъ, такъ удобно падающихъ назадъ, онъ лѣниво развертываетъ въ памяти свой прошедшій день; собираетъ свои отборныя фразы, разбросанныя въ продолженіе этого дня; взвѣшиваетъ эффектъ, произведенный ими, самодовольно улыбается, прихотливо пускаетъ изъ своей длинной трубки огромные клубы дыма. Въ этихъ креслахъ истинно свѣтскій человѣкъ — эгоистъ болѣе чѣмъ когда-нибудь. Разнѣживая только свою физическую жизнь, окружая только свое тѣло роскошью удобствъ, онъ невольно грубѣетъ, онъ, не замѣчая, притупляетъ свои чувствованія, уничтожаетъ высокую часть самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, соблазнительно, покойно развалившійся въ такихъ креслахъ, съ ногами, свѣсившимися на богатый коверъ, съ огромнымъ янтаремъ у рта, вдыхающій въ себя чары ароматическихъ испареній; человѣкъ, въ воображеніи котораго мелькаютъ разноцвѣтныя, плѣнительныя гирлянды женщинъ, огромныя мраморныя залы, освѣщенныя тысячами огней, ложи перваго яруса во французскомъ спектаклѣ, заказные обѣды у Дюме — не счастливѣйшій ли это человѣкъ въ мірѣ? Скажите, когда, и кстати ли, и не низко ли ему думать о людяхъ, лишенныхъ всего этого, можетъ быть, со слезами вырабатывающихъ себѣ кусокъ хлѣба?

Знаетъ ли онъ о существованіи такихъ людей? Можетъ ли онъ имѣть въ нихъ участіе? Понимаетъ ли онъ, что̀ такое значитъ на языкѣ человѣческомъ горе? О, это слово, вѣрно, съ трудомъ отыщешь въ аристократическомъ словарѣ!..

Къ счастію, Горинъ не былъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, онъ только принуждалъ себя быть имъ. Не аристократъ по рожденію, не имѣвшій милліоновъ въ виду, онъ держался въ этомъ раззолоченномъ кругу своимъ рѣзкимъ умомъ и замѣчательнымъ образованіемъ. Онъ могъ сочувствовать несчастію, потому что могъ самъ легко испытать несчастіе; онъ зналъ людей съ ихъ нуждами, съ ихъ горемъ, и понималъ ихъ страданія. Аристократъ только по одной наружности, онъ былъ гражданинъ по сердцу. Онъ хотѣлъ казаться опытнымъ и равнодушнымъ ко всему и не былъ ни тѣмъ, ни другимъ на самомъ дѣлѣ.

Пять лѣтъ свѣтской жизни не доставили ему ни одного отраднаго воспоминанія, ни одной счастливой минуты. Онъ только ловилъ на лету плѣнительные взоры этихъ роскошныхъ женщинъ, которыя достаются только или именамъ или выгодамъ, которыя, какъ мотыльки, летятъ на огонь, на блескъ, на золото.

Сердце Горина требовало любви; и какое сердце не требуетъ ея въ двадцатыхъ годахъ? Со всѣмъ жаромъ юноши онъ представлялъ себѣ счастіе быть любимымъ.

Вотъ почему на другой день послѣ извѣстнаго читателямъ обѣда, лежа въ эластическихъ креслахъ, какъ я сказалъ уже, одушевленный словами Свѣтлицкаго, Горинъ не чувствовалъ своего нездоровья. Онъ былъ любимъ: эта неразлучная съ нимъ мысль, эта поэтическая греза его осуществлялась теперь!—Боже мой! Неужели то не обманъ, не сонъ, не призракъ услужливаго воображенія?.. И тысячи этихъ придирчивыхъ *«неужели»* толпились въ отуманенной головѣ Горина.

Невозможно передать ощущеній юноши въ ту минуту, когда онъ въ первый разъ начинаетъ увѣряться въ томъ, что любимъ. Не два раза въ жизни бываетъ такая минута! Уловимы ли тѣ чудныя, пламенныя картины, которыя разви-

ваются тогда передъ глазами его; тѣ яркіе, лазурные, очаровательные цвѣта, которыми разрисовывается для него весь міръ? О, въ эту минуту онъ легче мечты, быстрѣе времени! Онъ переходитъ изъ веществованія въ жизнь, изъ дѣйствительности въ миѳъ...

Горинъ испытывалъ все это. Зинаида была передъ нимъ, увѣнчанная чистыми вымыслами поэзіи: то ослѣпительная какъ солнце, то томная, упоительная какъ луна. Въ одно время — недоступная святыня христіанскаго и чувственная героиня миѳологическаго міра...

Послѣ такой минуты безотчетнаго восторга, цвѣтныхъ видѣній распаленнаго воображенія, въ головѣ его черною тѣнью пробѣжала досадная мысль, что Зинаида не принадлежитъ къ дамамъ высшаго круга, что имя ея не внесено въ бархатную книгу аристократическихъ гостиныхъ. И потомъ, когда онъ, можетъ быть, устыдился этой мысли, въ немъ зародилось сомнѣніе. Точно ли я любимъ ею? спрашивалъ онъ самого себя и старался припоминать выраженіе рѣчей ея, силу взглядовъ. Можно ли положиться на слова Свѣтлицкаго? думалъ онъ: и какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ проникнуть тайну женщины?

Но Свѣтлицкій былъ одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ людей, образцы которыхъ вы вѣрно иногда встрѣчаете въ Петербургѣ, и не можете дать себѣ отчета, къ какому разряду причислить ихъ. Являющійся то на имянинномъ вечерѣ въ низенькихъ и душныхъ комнатахъ чиновника, то на затѣйливомъ балѣ помѣщика, пріѣхавшаго для взрослыхъ своихъ дочекъ пожить въ столицѣ, то въ пышныхъ палатахъ аристократа; играющій въ вистъ отъ пяти до двухсотъ рублей роберъ; одинаково равнодушный въ выигрышѣ и проигрышѣ; всегда неумолчный говорунъ, движущееся собраніе анекдотовъ въ разныхъ родахъ; родословная книжка и сводъ формулярныхъ списковъ всѣхъ жителей Петербурга: Свѣтлицкій представлялъ собою одушевленную шараду, которую разгадать было не такъ легко... Путешествуя по чужимъ краямъ, онъ собралъ поверхностныя свѣдѣнія обо всемъ; могъ три часа сряду говорить непрерываемо о чемъ угодно и бросать

пылъ въ глаза *многимъ*, которые, дивясь его всеобъемлющимъ знаніямъ, слушали его, разиня рты. Такимъ образомъ, онъ слылъ въ городѣ за человѣка необыкновенно умнаго и даже *ученаго*. Никто не зналъ и не заботился узнать, служитъ онъ или нѣтъ; по крайней мѣрѣ, было достовѣрно то, что онъ служилъ прежде; это доказывали орденскія ленточки въ его фракѣ. Говорили, что онъ не имѣетъ никакого состоянія; но этотъ говоръ врядъ ли былъ основателенъ, потому что карманъ Свѣтлицкаго былъ всегда набитъ деньгами; потому что на рукѣ его былъ перстень съ огромнымъ сверкающимъ бриллiантомъ; потому что онъ одѣвался съ изысканностью, былъ безпрестанно въ театрахъ и концертахъ, велъ большую игру и ѣздилъ въ славномъ наемномъ экипажѣ. Онъ былъ коротко знакомъ со всею петербургскою молодежью, которая, Богъ знаетъ почему, имѣла къ нему довѣренность и для которой онъ былъ чрезвычайно занимательнымъ и почти необходимымъ лицомъ. Носились темные слухи, будто Свѣтлицкій... Но для чего говорить о слухахъ, которые не подтверждались ничѣмъ?

И Горинъ успокоился немного... Зачѣмъ, кажется, выдумать Свѣтлицкому на Зинаиду, и именно на нее? Къ тому же, развѣ мудрено, что этотъ человѣкъ проникнулъ ея тайну; любовь невольно выскажется сама въ одномъ движеніи, въ одномъ взглядѣ... надобно только умѣть подмѣтить это движеніе, этотъ взглядъ. А онъ проникалъ и не въ однѣ любовныя тайны. Молодой человѣкъ улыбнулся; онъ пріискивалъ въ головѣ всевозможныя доказательства для подтвержденія отрадной для него мысли. Онъ не могъ вдругъ обнять своего счастія, и грустное сомнѣніе щемило его сердце.

Когда Горинъ дернулъ за ленту звонка и взглянулъ на лежавшіе возлѣ него часы, было уже половина третьяго.

Неохотно приподнялся онъ съ креселъ, и только приподнявшись, почувствовалъ головную боль, слѣдствіе вчерашняго пира.

Черезъ день послѣ того онъ гдѣ-то встрѣтилъ полковника и назвался къ нему обѣдать. Съ этихъ поръ онъ чаще обыкновеннаго сталъ посѣщать домъ его. А полковникъ былъ въ

восторгѣ: онъ всѣмъ и каждому разсказывалъ о своей дружбѣ съ Горинымъ и прибавлялъ къ этому свое длинное разсужденіе о эгоизмѣ людей и о томъ, какъ трудно сдѣлать выборъ друга.

Между тѣмъ Горинъ совершенно измѣнился. Онъ оставилъ эти разгульныя и разрушительныя игры юности, онъ перестал ѣздить въ общества, какъ прежде, отъ нечего дѣлать, для того, чтобы убить время. Жизнь его уже имѣла цѣль, имѣла мысль. Послѣ каждаго свиданія съ Зинаидою онъ открывалъ въ ней какую-нибудь новую обворожительную сторону, которой не подмѣчалъ прежде. Съ каждымъ днемъ она становилась для него привлекательнѣе, и съ каждымъ мигомъ жажда любви росла въ немъ, распаляемая воображеніемъ; но онъ еще не былъ вполнѣ увѣренъ, точно ли она любитъ его. Ему нужны были уже не одни слабые признаки, а полная увѣренность. Это была первая эпоха любви—самая счастливая, самая усладительная! Передъ нимъ лежалъ вѣнокъ, составленный изъ душистыхъ цвѣтовъ мечты и надежды.

Зинаида сначала незамѣтно увлекалась пламенными рѣчами Горина, его роскошнымъ даромъ выраженія, часто этою заносчивостью юнаго чувства; потомъ она стала любоваться его сверкающими очами, привлекательнымъ очеркомъ лица его... Ей хотѣлось вглядѣться въ него пристальнѣй, чтобы короче ознакомиться съ нимъ. Онъ заманилъ ея любопытство. То обыкновенный паркетный любезникъ, то человѣкъ глубокомыслящій, то досадно равнодушный ко всему, то проникнутый чувствомъ; въ одно время восхищающійся посредственною игрою французской актрисы и благоговѣющій передъ дивнымъ величіемъ Наполеона и Байрона: онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, занимательно страненъ.

Но стараться понять его, но разсматривать его вблизи не было ли опасно для женщины, окруженной обстоятельствами Зинаиды? Ея любопытство въ этомъ случаѣ не походило ли на любопытство дитяти, которое невинно протягиваетъ свою ручонку къ огню и потомъ вскрикиваетъ отъ боли, обжигаясь?

Однажды, когда въ будуарѣ Зинаиды сомнительное мер-

цаніе сумерокъ смѣшивалось съ красноватымъ фантастическимъ свѣтомъ огня, разгоравшагося въ каминѣ, она раздумчиво сидѣла противъ этого огня, и мысли ея, съ легкостью плѣнительной бабочки, перелетая въ очарованный кругъ прошедшаго, порхали съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ воспоминанія на воспоминаніе; когда она забывалась въ этомъ мірѣ, имѣвшемъ для нея уже всю поэтическую прелесть отдаленности; когда передъ очами ея возставали свѣтлые, святые образы ея дѣтства; когда грудь ея хотѣла облегчиться долгимъ вздохомъ; когда глаза ея начинали туманиться слезами и эти слезы засверкали на длинныхъ темныхъ рѣсницахъ... дверь будуара скрипнула.

Она вздрогнула, сердце ея сильно забилось; она съ судорожнымъ движеніемъ поднесла платокъ къ глазамъ и, тотчасъ отдернувъ его, оборотилась къ двери.

У этой двери стоялъ Горинъ, казалось, не смѣя сдѣлать шагъ впередъ и будто выжидая ея привѣта.

Лицо Зинаиды примѣтно измѣнилось.

— Ахъ, это вы!—произнесла она слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Простите меня,—произнесъ онъ, бросая на нее испытующій взглядъ, — можетъ быть, я не кстати прервалъ ваше уединеніе...

— О, нѣтъ, нѣтъ... ничего...—возразила она, но голосомъ замѣтно робкимъ... — Вы видѣли Вольдемара?

— Кажется, его нѣтъ дома,—хладнокровно отвѣчалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы правы, его нѣтъ съ самаго утра... Что жъ вы не сядите?

— Скажите откровенно: я помѣшалъ вамъ...

— Отчего вы такъ думаете?—торопливо прервала она.— Право, нѣтъ! Знаете ли, передъ вашимъ приходомъ я замечталась. Со мной это часто случается.—Она улыбнулась.—Сегодня утромъ я получила письмо изъ деревни отъ матушки, и мои мысли невольно обратились къ прошедшему. Мнѣ такъ бы хотѣлось въ эту минуту видѣть ее, быть съ нею... Но правда ли, это простительная прихоть?—прибавила она послѣ минутнаго молчанія.

— Теперь я еще больше, еще сильнѣе вижу мою неловкость. Но я, право, нехотя разрушилъ ваши мечты, и, несмотря на то, я безпощадно заслуживаю наказанія.... Неправда ли, я теперь похожъ на тѣхъ злодѣевъ, которые часто своими докучливыми посѣщеніями, вовсе не подозрѣвая того, вырываютъ лучшія минуты у поэта, минуты его вдохновенія? О, это безбожно! А мечтающая женщина—развѣ это не поэтъ? Она еще выше поэта. Она сама вдохновляется и вдохновляетъ другихъ...

Зинаида потупила очи, пригладила рукою гладкія шелковистыя тесьмы волосъ—и отодвинулась отъ камина, потому-что лицо ея пылало...

Горинъ смотрѣлъ на нее и чувствовалъ, какъ могучими кольцами, будто змѣя, страсть обвивала его... и сильнѣй и крѣпче давила въ своихъ кольцахъ и впускала въ него свое ядовитое жало... Тутъ онъ впервые понималъ вполнѣ, что мужчина можетъ сдѣлаться рабомъ женщины.

Когда Зинаида подняла очи и украдкою, боязливо, взглянула на него, въ этомъ взглядѣ блеснулъ для него небесный лучъ, радужный лучъ надежды—и сердце его затрепетало, отозвалось на этотъ взглядъ...

— Отчего вы такъ задумчивы?..—спросила Зинаида Горина, который, опустивъ свою голову на руку, смотрѣлъ на тѣнь ея ножекъ, соблазнительно лежавшихъ на богатомъ коврѣ.

— Я думалъ,—отвѣчалъ онъ,—о томъ, что я скоро долженъ или совершенно помириться съ жизнью, или разссориться съ нею навсегда...

— Зачѣмъ же разссориться?—возразила она.

— Потому что съ нѣкотораго времени... я не принадлежу самому себѣ...

Онъ остановился, онъ хотѣлъ договорить ей страстнымъ пламеннымъ языкомъ очей то, чего не смѣлъ произнести словами, чего не могъ выразить бѣдными условными звуками.

Легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

Дрова почти догорѣли въ каминѣ, и только легкій ого-

некъ, разноцвѣтно и прихотливо перебѣгая, потухалъ, оставляя на черномъ пеплѣ яркія звѣздочки, будто на флерѣ, обсыпанномъ блестками... Въ будуарѣ было темно...

Зинаида пришла въ себя... Она теперь только замѣтила, что будуаръ не былъ освѣщенъ, что она сидѣла наединѣ съ нимъ, и торопливо схватила лежавшій на столѣ колокольчикъ...

— Поскорѣй освѣтить комнаты!—сказала она вошедшей горничной.

Черезъ четверть часа Горинъ, лежа въ коляскѣ, мчался домой...

— Эта женщина несравненна... но она, кажется, *недоступна*,—мыслилъ онъ.

Кровь кипѣла въ юношѣ, и мысли его бродили въ какомъ-то туманѣ, и образъ ея роскошно обнималъ его воображеніе. Въ это время онъ былъ готовъ на все—за одинъ любовный взглядъ ея...

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Горинъ сдѣлался уже необходимымъ лицомъ въ домѣ полковника. Онъ былъ, какъ говорятъ, *другъ дома*. Можетъ быть, онъ не сомнѣвался болѣе въ любви Зинаиды, но эта любовь не подвинулась ни на шагъ противъ прежняго. Она съ тяжкою болью таила въ своемъ сердцѣ преступное чувство, она силилась побороть себя и желала отдалить Горина. А эта борьба распаляла его еще болѣе...

Разъ какъ-то между довольно длиннымъ разговоромъ, который могъ служить прекраснымъ образомъ энциклопедической болтовни гостиныхъ, Свѣтлицкій намекнулъ Горину, что въ обществахъ стали замѣчать его отсутствіе. Горинъ молчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Свѣтлицкій подвелъ разговоръ къ тому же.

— Въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени,—говорилъ онъ,—васъ почти не встрѣчаютъ ни въ театрахъ, ни въ залахъ. Это добрый знакъ... Видно вамъ наскучило безъ пользы расточать любезность передъ всѣми. Вы сосредоточились, вы посвятили себя одному предмету. Такъ и должно. Нельзя же вдругъ гоняться за нѣсколькоми бабочками... Не такъ ли?

Онъ засмѣялся и взялъ Горина за руку.

Брови Горина примѣтно надвинулись на глаза... Онъ кусалъ нижнюю губу.

Слова Свѣтлицкаго, равнодушныя, заостренныя холодной проніей, прикрашенныя натянутымъ смѣхомъ, взбѣсили его, и онъ не могъ скрыть этого.

— А правда,—продолжалъ Свѣтлицкій, будто не замѣчая измѣненія лица молодого человѣка,—правда, я васъ-таки встрѣчалъ въ гостиныхъ... Гдѣ-бишь это? Да, кажется, у И*. Полковникъ очень милъ, согласитесь? Боже мой! И онъ, онъ имѣетъ такую жену! вѣрьте послѣ этого въ вышнее правосудіе...

Голосъ и лицо Свѣтлицкаго приняли какую-то торжественность...

— Послушайте меня, Горинъ, вы мнѣ всегда нравились. я говорю это не всѣмъ и каждому, повѣрьте мнѣ. Вы человѣкъ благородный, я не сомнѣваюсь въ томъ. Мои лѣта и опытъ не обманутъ меня. Ради Бога, не подавайте всякому безперому птенцу руки для дружбы. Это не мой совѣтъ, я не смѣлъ бы совѣтовать вамъ. Такъ говорилъ старикъ Шекспиръ, а онъ, право, зналъ, что говорилъ... Не ввѣряйте вашихъ чувствъ никому, я сорокъ лѣтъ трусь съ людьми, я знаю, что такое люди... Но всего болѣе бойтесь молодежи. Она разнесетъ вашу тайну на своихъ вѣтреныхъ крыльяхъ... и тогда...

— Я, право, не понимаю васъ; развѣ я имѣю какія-нибудь-тайны?

— Полноте скрываться... Вы знаете, что мнѣ извѣстны ея чувства къ вамъ. Не удивляйтесь, не спрашивайте меня, почему я знаю?.. Я вамъ не могу дать другого отвѣта, кромѣ того, что я живу сорокъ лѣтъ. Она любитъ васъ, это вѣрнѣе всѣхъ аксіомъ въ мірѣ. Подобной женщины вы не встрѣтите въ обществѣ, я ручаюсь вамъ... Ея мужъ самое глупое животное. Къ тому же, онъ день ото дня равнодушнѣй къ ней...

Свѣтлицкій осмотрѣлся кругомъ, наклонился къ уху молодого человѣка и едва слышно произнесъ:

— *Она будетъ ваша!..* Вы вѣдь также любите ее?..

Горинъ видѣлъ, что скрываться ему отъ этого человѣка

напрасно. Онъ даже былъ тронутъ его участіемъ и дружески пожалъ ему руку...

— Да, я люблю ее! — произнесъ онъ сквозь зубы.

И вотъ одна минута рѣшила все. Свѣтлицкій сдѣлался его повѣреннымъ; онъ отдалъ себя въ его руки.

— Прекрасно! все покровительствуетъ вамъ. Мужъ съ утра до ночи внѣ дома, съ ночи до утра за картами... О, вы должны развернуть передъ нею новый міръ, заставить узнать ее, что такое *счастіе*, окружить ее, эту бѣдную женщину, душистыми розами любви, задернуть для нея *прошедшее* и...

— Свѣтлицкій! вы забываетесь!—прервалъ его молодой человѣкъ съ жаромъ. —Она не принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ встрѣчаете дюжинами повсюду: ее не ослѣпишь грудою брилліантовъ, ее не расплавишь огнемъ очей. Ея нервы не раздражены ароматическими испареніями, какъ у княгини С*, она не распустится, какъ княгиня, розовой водой отъ одного прикосновенія страсти... Нѣтъ! вы знаете, что Зинаида вооружена религіей, надѣлена высокими чувствованіями чистой души.

Свѣтлицкій наклонился, будто поправляя запонку рубашки: онъ улыбнулся.

— Гм! вы правы,—возразилъ онъ. Чистая душа, религія, все это такъ; но вѣдь съ такими женщинами надобно и дѣйствовать иначе... На одной половинѣ вѣсовъ небо, на другой земля... О, вѣрьте мнѣ, земля тяжелѣе, земля всегда перетянетъ... Можетъ быть, лишній мѣсяцъ колебанія, боренія, а страсть всегда возьметъ свое... Ну, да это дѣло рѣшеное. Гдѣ вы сегодня обѣдаете, Горинъ?..

— А который часъ?

— Уже половина пятаго.

— Поѣдемте къ Дюме.

— Меня, было, звалъ сегодня обѣдать баронъ М*.

— О, нѣтъ, нѣтъ! я не пущу васъ... Мы вмѣстѣ.

И вотъ Свѣтлицкій, почти всякій день, пировалъ такимъ образомъ на счетъ неопытности и дѣтскаго довѣрія ближнихъ.

И послѣ этого не справедливо ли пользовался онъ громкимъ титуломъ умнаго человѣка?

Слово «*умный*» на языкѣ свѣтскомъ имѣетъ особенное значеніе. Да и впрочемъ много ли словъ, которыя принимаются на этомъ языкѣ въ прямомъ ихъ смыслѣ? Свѣтскій языкъ совершенно условный, и надобно быть посвящену въ таинства этихъ условій, чтобы совершенно понимать его.

Кто не позавидуетъ тѣмъ, для которыхъ закрыта книга свѣта, для которыхъ непонятны и чужды условія общества? Пріятно глядѣть на Божій міръ свѣтлыми очами юности, видѣть во всѣхъ высокій идеалъ человѣка, возстающій такъ гордо и привлекательно въ дѣвственномъ воображеніи юноши, обнимать людей отъ полноты сердца, носить въ груди святое желаніе принести себя въ жертву человѣчеству, не знать другой поэзіи кромѣ поэзіи Шиллера!

Почему же называютъ несчастіемъ рановременную кончину?... Если вы когда-нибудь нечаянно зайдете на кладбище, если, утомленные, уснете на могилѣ, и сонъ вашъ будетъ легокъ и безмятеженъ, какъ майское утро, и слухъ вашъ освятится гармоническимъ пѣніемъ ангеловъ въ воздушномъ пространствѣ: вѣрьте мнѣ, вы были на могилѣ семнадцатилѣтняго юноши!.

Но небо только удѣлъ избранныхъ, остальные должны страдать и переносить страданія. Опытъ развернетъ передъ ними картину, отъ которой, можетъ быть, сердце ихъ обольется кровью; опытъ сорветъ маски съ людей, которые окружаютъ ихъ, и, вмѣсто сладкаго радушія и увѣреній въ горячей привязанности, они увидятъ ледяной эгоизмъ и невыносимую бездушность, вмѣсто восторженнаго поцѣлуя друга— ядовитый поцѣлуй Іуды. Опытъ покажетъ имъ на черныя, закулисныя дѣянія этихъ людей, которыхъ всѣ считаютъ героями правды, чистыми и непогрѣшимыми, на людей, съ такимъ энтузіазмомъ проповѣдующихъ о добродѣтели и нравственности. Опытъ шепнетъ имъ на ухо, что люди, въ теплотѣ души которыхъ они никогда не посмѣли бы сомнѣваться, эти чинные, тихіе, опрятные люди, которые ужасаются торжества порока въ романахъ и неизмѣняемо носятъ

пѣтушій хохолокъ на головѣ, оскорбляясь всѣми нововведеніями, которые всегда сидятъ за книгой и говорятъ безпрестанно о книгахъ—непонятно равнодушны и къ людямъ, и къ книгамъ, и ко всему въ мірѣ, исключая собственной пользы. И въ заключеніе всего этого, разрушительный, мрачный геній Байрона стѣною наляжетъ на грудь ихъ!

Надежды и очарованія юности зальются отравой познанія, увянутъ въ удушливомъ чаду общества. Юноша сдѣлается мужемъ.

Горинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ характеровъ, по которымъ впечатлѣнія могутъ долго скользить, не нарѣзывая морщины на челѣ. Къ тому же жизнь такъ соблазнительно улыбалась передъ нимъ, и онъ съ самозабвеніемъ кружился въ толпѣ, а невѣдомое грядущее *зрѣло* для него въ *лонѣ таинственныхъ судебъ*.

«Свѣтлицкій—человѣкъ чудесный!» думалъ онъ, стоя передъ зеркаломъ и поправляя булавку, которая зашпиливала длинные концы его галстука: «совѣты его дышатъ мудростью, каждое его слово извлекается изъ опыта. Такіе люди, какъ онъ, чрезвычайно полезны!»

— Эй, велите подавать коляску!

И онъ, вооруженный совѣтами Свѣтлицкаго, несся, по обыкновенію, къ И*, и, по обыкновенію, просиживалъ съ Зинаидой цѣлый вечеръ. Если его не было до восьми часовъ въ ея будуарѣ, она всегда, съ примѣтнымъ безпокойствомъ, начинала поглядывать на часовую стрѣлку и прислушиваться къ стуку экипажа на улицѣ. Она такъ привыкла къ нему, онъ былъ такъ необходимъ для нея, потому что ему одному она повѣряла съ младенческою довѣренностью свои мысли и замѣчанія. Онъ такъ хорошо понималъ ее. Она мечтала видѣть въ немъ—друга!

Иногда увлеченная пылкостью спора, съ сверкающими очами, съ разгорѣвшимися щечками, она—вдохновенная и прекрасная—незамѣтно схватывала своей бѣлой, нѣжной ручкой его руку... По немъ пробѣгалъ трепетъ отъ этого прикосновенія.

Равнодушный къ обязанностямъ религіи, какъ большая

часть молодыхъ людей въ этомъ вихрѣ общественныхъ отношеній, Горинъ, казалось, вдругъ измѣнился. Конечно, то не было раскаяніе, сознаніе прежнихъ заблужденій, желаніе искупить грѣхи прошедшаго, а можетъ быть новый и болѣе тяжкій грѣхъ. Церковь, домъ молитвы и покаянія, сдѣлалась для него средствомъ видѣть Зинаиду, которую онъ слѣдилъ повсюду. Но прислонясь къ колоннѣ храма, незамѣченный ею, Горинъ, не спуская очей, смотрѣлъ на нее, смиренную и молющуюся, и познавалъ, что такое святыня.

Женщина, съ лицомъ ангела, на колѣняхъ передъ Божіимъ алтаремъ, въ прозрачномъ облакѣ куренія, съ слезами раскаянія или умиленія на очахъ, съ устами, лепечущими сердечную молитву, внимающая торжественное, звучное пѣніе, хвалебные гимны человѣка Богу, улетученные вѣщими звуками и возносящіеся къ престолу Его—женщина, въ эти минуты, полная священнаго трепета, вся—покорность, вся—любовь, вся — вѣра: вотъ когда она несравнима, величественна!

Такова была Зинаида во храмѣ

— Знаете ли,—сказала она однажды Горину,—я не могла бы существовать безъ религіи, мои дни были бы тяжки и грустны безъ молитвы. Но теперь я часто забываю обязанности къ Богу, а теперь-то болѣе чѣмъ когда-нибудь мнѣ нужна Его помощь.

Она вся вспыхнула, будто испугавшись, что молодой человѣкъ проникнетъ таинственный смыслъ ея словъ, и тотчасъ перемѣнила разговоръ.

Горинъ не слыхалъ ничего болѣе: эти слова и это смятеніе завѣряли его въ настоящемъ счастіи и, можетъ быть, предзнаменовали будущее блаженство.

Въ это самое время полковникъ, заманенный большимъ выигрышемъ въ одномъ изъ такихъ домовъ, гдѣ собирались всѣ знаменитости картежнаго петербургскаго міра, лица прославленныя и ославленныя картами, предался игрѣ еще съ бо̀льшимъ энтузіазмомъ. Онъ составлялъ въ головѣ своей блистательную для себя будущность, ему всюду мерещились груды золота. И полковникъ былъ правъ. Одно

только золото могло поддерживать его въ свѣтѣ, одна надежда на выигрышъ. Состояніе его не было такъ велико, чтобы могло поддерживать жизнь, какую онъ привыкъ вести, а обстоятельства успѣли измѣниться — и *связи* и *высшая протекція*, за которыя отецъ Зинаиды отдалъ ее полковнику, уже не могли болѣе лелѣять ихъ воображеніе. Бѣдный отецъ поздно увидѣлъ и почувствовалъ свою ошибку. Онъ поневолѣ сдержалъ свои честолюбивыя фантазіи и сталъ заботиться только о вещественномъ и настоящемъ, т.-е. объ удержаніи за собой подолѣе губернаторскаго мѣста, которое онъ получилъ вскорѣ послѣ замужества своей дочери.

Въ концѣ мая окна квартиры полковника были забѣлены мѣломъ, потому что онъ и жена его переѣхали на дачу.

Старинный деревянный домъ этой дачи, выстроенный со всѣми затѣями роскоши золотыхъ временъ Екатерины Великой, возвышался на горѣ или, вѣрнѣе выражаясь, на искусственной насыпи. Окруженный сзади вѣтвистою рощею березъ, онъ былъ совершенно открытъ съ лицевой стороны, мимо которой тянулась большая Петергофская дорога. Противъ самаго дома, на скатѣ пригорка, пестрѣли разноцвѣтныя клумбы — блѣдное богатство сѣверной флоры, а по другую сторону дороги исчезала вдали къ морю аллея, сжато обсаженная разросшимися ивами.

Внутренность дома гармонировала вполнѣ съ его наружнымъ видомъ: большія, мрачныя комнаты, обтянутыя полинялыми отъ времени штофомъ и обоями, и паркетъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ расщелявшихся кусочковъ.

Въ залѣ, которой окна выходили на сторону дороги и изъ которой дверь въ серединѣ фасада вела на массивную галлерею передъ домомъ — въ этой залѣ прямо бросался въ глаза огромный каминъ изъ каррарскаго мрамора, изукрашенный самыми вычурными барельефами.

Зинаида изо всѣхъ этихъ огромныхъ комнатъ выбрала для своего будуара одну, которая располагалась чрезвычайно уютно надъ залой, въ широкомъ мезонинѣ дома. Изъ окна

этой комнаты виднѣлась сизая, взволнованная полоса моря, утопавшаго въ туманѣ.

Ея взоръ часто, разсѣкая воздушное пространство, останавливался на этой полосѣ моря и, убаюканный его колебаніемъ, сливался съ неопредѣленностью. И долго, долго потомъ, пригорюнясь, съ очами, устремленными въ мутную даль, безъ мечты, безъ мысли, безъ думы, въ состояніи совершенно безотчетномъ, но глубоко поэтическомъ, она сидѣла у окна будуара.

Она любила море: его болѣзненный стонъ, его прихотливые всплески, его благородную гордость; все это было близко съ порывами ея души. И какъ не любить моря? И какъ не плѣняться порой дикою поэзіей сѣвера?.. Взгляните на эту темную рощу елей у самаго поморья, такъ рѣзко отдѣляющуюся отъ сѣраго неба. То кажется грозный отрядъ великановъ, то отважная ватага черныхъ латниковъ, жаждущая бурь, посмѣивающаяся надъ вьюгами и морозами, и остановившаяся впервые, въ какомъ-то благоговѣйномъ раздумьѣ передъ величіемъ и необъятностью моря, и угрюмо помавающая ему своими щетинистыми главами.

Выдаются минуты и въ жизни человѣческой, когда сердце требуетъ только впечатлѣній грустныхъ, когда глаза ищутъ величія и дикости, а въ такія минуты идите къ морю. Оно своимъ стономъ заглушитъ стонъ вашего сердца, оно будетъ взрывать передъ вашими глазами страшныя, черныя бездны и подымать горы, ограняя серебромъ ихъ вершины...

О, въ такія минуты изучайте красоту русской природы и прислушивайтесь къ звучнымъ напѣвамъ заунывныхъ пѣсенъ русскаго народа!

Сроднитесь съ этой поэзіей, она прекрасна, потому что истинна, потому что невольно щемитъ сердце, потому что невольно извлекаетъ слезу... И послѣ улыбнитесь на эти жалкія усилія людей, которые во время оно величались у насъ *поэтами* и съ такими забавными гримасами *натягивались страдать и плакать!*

Зинаида часто стояла у берега моря; часто, сидя за фортепіано и отдаваясь вся гармоніи своенравныхъ звуковъ,

не докончивъ пѣнія, смолкала, и слезы, одна за другой, будто свѣтлыя жемчужины, падали на клавиши, потому что она отыскивала какой-нибудь звукъ, на который сердце ея отвѣчало другимъ отзывнымъ звукомъ...

Горинъ не могъ уже такъ часто бывать у Зинаиды; но его пугало не разстояніе, потому что для любви нѣтъ разстоянія, но вѣроятно мысль, что онъ подастъ поводъ къ этимъ невиннымъ и простодушнымъ замѣчаніямъ и разсказамъ, которые можетъ быть довели до гроба не одну женщину.

Общество всегда имѣетъ своихъ «*Княженъ Мими*»: и какъ избѣжать ихъ дозора? и какъ спастись отъ нихъ?..

Въ одинъ изъ его пріѣздовъ на дачу И*—(это было, кажется, въ іюлѣ, въ то время, когда полковникъ расточалъ свою храбрость на манёврахъ)—часовъ въ восемь прекраснаго вечера, *онъ* и *она* сидѣли на галлереѣ, обставленной цвѣтами, которые картинно спускались по ступенямъ этой галлереи къ красной дорожкѣ сада.

Мимо ихъ, по большой дорогѣ, изрѣдка проѣзжала огромная четвероместная карета, запряженная чахоточною ямскою тройкою, или мчалась четвернею коляска, исчезая въ облакѣ пыли, или тянулась пустая телѣга со скрипомъ и протяжною пѣснью крестьянина...

Въ воздухѣ, растворенномъ ароматомъ цвѣтовъ, была совершенная тишь; только порой кой-гдѣ на деревѣ шевелился листочекъ отъ дуновенія. Природа начинала нѣжиться въ тонкой прохладѣ, едва избавясь отъ удушающаго жара, но еще на лицѣ ея горѣлъ яркій румянецъ заката.

— Знаете ли, какое самое счастливое время въ жизни?— говорилъ Горинъ задумчиво, ощипывая листки цвѣтка, который онъ вертѣлъ въ рукѣ...—Это переходъ изъ дѣтскаго въ юношескій возрастъ, это первый шагъ изъ школы въ гостиную, когда воображеніе представляетъ передъ нимъ чудныя картины будущаго, когда всѣ предметы, кажется, разрисовываются передъ нами радужными красками, когда сердце ваше бьется ожиданіемъ и надеждою... И я былъ счастливъ, потому что испыталъ все это...

— А развѣ теперь вы несчастливы? — возразила она шутя. — О чемъ вы грустите, на что̀ вы вѣчно жалуетесь, будто русская элегія? Развѣ ваше настоящее такъ черно, развѣ для васъ нѣтъ будущаго?

— И *вы* меня спрашиваете объ этомъ?

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Да, я думаю, что для меня нѣтъ счастія ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, потому что оно давно въ рукахъ другого... а этотъ другой...

Если бы вы могли въ ту минуту видѣть бѣдную Зинаиду... Блѣдная, помертвѣлая, она внимала его рѣчамъ; каждое его слово падало раскаленнымъ углемъ на ея сердце; она безпрестанно вздрагивала, она хотѣла скрыть волненіе — и не могла. Она хотѣла не понимать смысла словъ его — и такъ хорошо понимала этотъ смыслъ. Идеалъ друга исчезалъ передъ ея глазами: передъ ней стоялъ любовникъ. Она чувствовала себя на краю бездны, она смотрѣла въ глубину ея — и ея дыханіе захватывалось невольно, и голова ея начинала кружиться.

— Какъ здѣсь сыро, какъ воздухъ становится холоденъ! — произнесла она безотчетно, безцѣльно, не зная сама, что̀ говоритъ...

Но она боялась одного слова въ устахъ его, она желала отдалить отъ себя его признаніе. Она искала вокругъ себя опоры, защиты, и видѣла себя оставленною, одинокою.

«Матушка! матушка! зачѣмъ ея нѣтъ здѣсь?.. О, она спасла бы меня», думала Зинаида... «Я разлилась бы въ слезахъ на груди ея, и мнѣ стало бы легче!..»

Горинъ не видѣлъ измѣненія ея лица, не видѣлъ, какъ очертилась на немъ мучительная боль; подстрекаемый совѣтами Свѣтлицкаго, воспламеняемый собственною страстію, уже увѣренный въ любви къ нему Зинаиды, онъ рѣшился, не отлагая, открыть ей состояніе своей души и вымучить отъ нея доказательствъ любви болѣе земныхъ, болѣе вещественныхъ.

Хотя онъ думалъ, что уже довольно знакомъ съ обществомъ, но, въ самомъ дѣлѣ, это знакомство было слишкомъ

поверхностно, потому что онъ зналъ его только наружно, изучалъ его только въ обрядахъ и формахъ. Онъ зналъ женщину по романамъ Бальзака или по драмамъ А. Дюма; сказать ли все? онъ отыскивалъ въ петербургскихъ обществахъ Аделей Дерве, графинь де-Босеанъ... но, разумѣется, стыдился признаваться въ этомъ. Правда, все это было очень смѣшно, но и естественно: Горинъ имѣлъ двадцать три года и раздражительную мысль о любви. Онъ смотрѣлъ съ грустнымъ негодованіемъ на людей и на жизнь; но то не было желѣзное, страшное разочарованіе опыта, о которомъ я уже намекнулъ здѣсь, а скорѣе *воздушная мечта о разочарованіи*, схваченная изъ нравоописаній современнаго парижскаго общества и странно приспособленная къ собственной жизни.

Онъ никогда не углублялся внутрь, не проникалъ въ душу того общества, въ которомъ самъ начиналъ быть дѣйствователемъ. Онъ не зналъ, что для этого нужно прежде задуматься надъ самимъ собою, разложить самого себя. Если въ Петербургѣ онъ бывалъ въ будуарахъ, одинаково меблированныхъ съ парижскими будуарами Бальзака, изъ этого не слѣдовало, чтобы тѣ, которымъ принадлежали эти будуары, непремѣнно походили на героинь временъ реставраціи. А онъ почти соединялъ одно съ другимъ.

Какъ же ему было знать русскую женщину, ея отношеніе къ обществу? Какъ открыть въ ней тысячи незамѣтныхъ сторонъ, которыя развиваются изъ своенародной жизни?

Все это я замѣтилъ здѣсь мимоходомъ, говоря о Горинѣ и желая показать, что онъ не понималъ и не оцѣнялъ вполнѣ души женщины, которую любилъ, и не заботился измѣрить силу своей любви къ ней.

Увлекаясь горячкою страсти, онъ слѣпо покорился ея разрушительному влеченію, какъ большая часть молодыхъ людей, пренебрегая послѣдствіями, забывая о будущемъ... Какъ дитя, онъ держалъ въ рукахъ найденную имъ игрушку и, любуясь ею, можетъ быть, готовъ былъ безъ жалости разломать ее по минутному влеченію прихоти.

Но и дитя, когда игрушка выпадаетъ изъ рукъ его и

распадается на части, стоитъ надъ обломками съ упрекомъ себѣ, съ горькимъ сознаніемъ своей шалости — и по розовымъ щечкамъ его катится слеза за слезой... Горинъ, прислонясь къ столбу галлереи, возлѣ стула Зинаиды, влюбленный и прихотливый, приступилъ къ рѣшительному открытію всего, что̀ таилось такъ долго на душѣ его — и читатели видѣли, съ какимъ страхомъ она выслушивала его.

Когда до слуха молодого человѣка дошли слова ея, странно прервавшія его пламенную рѣчь, вмѣсто отвѣта, который выжидалъ онъ съ трепетомъ, слова, выхваченныя изъ вседневнаго обихода: «здѣсь сыро, воздухъ становится холоденъ!» — кровь бросилась въ голову молодого человѣка.

Подойдя къ двери, которая вела въ залу, отворивъ эту дверь и оборотясь къ Зинаидѣ, съ выраженіемъ рѣзко проническимъ, онъ произнесъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, вы можете простудиться, такъ долго оставаясь на галлереѣ, и еще наединѣ съ человѣкомъ, разговоромъ котораго вы такъ скучаете... Не угодно ли вамъ войти въ комнату?..

Она бросила на него быстрый и значительный взглядъ и, не произнеся ни слова, вошла въ залу.

Горинъ вошелъ вслѣдъ за нею и притворилъ дверь.

Она сѣла или, вѣрнѣе сказать, бросилась въ широкія кресла и устремила безцѣльный взглядъ на огромную картину въ старинной, уже почернѣвшей золотой рамѣ, висѣвшую на противоположной стѣнѣ.

Онъ взялъ со стола свою шляпу и сдѣлалъ шагъ, чтобы подойти къ Зинаидѣ съ прощальнымъ поклономъ.

Она замѣтила это движеніе и оборотилась къ нему.

— Какъ! Неужели вы сбираетесь ѣхать? — спросила она слабымъ голосомъ.—Развѣ вы не хотите остаться здѣсь, по крайней мѣрѣ, до чаю?

— Мнѣ кажется, я и безъ того обезпокоилъ васъ... Я не привыкъ быть въ тягость другимъ... А длить посѣщеніе можно только тогда, когда оно доставляетъ удовольствіе.

Она тяжело вздохнула.

Этотъ вздохъ противъ воли вырвался изъ стѣсненной гру-

ди ея, можетъ быть обнаруживъ всю тягость положенія беззащитной женщины.

Богъ знаетъ, былъ ли понятъ и почувствованъ молодымъ человѣкомъ этотъ болѣзненный вздохъ?

Но онъ отбросилъ свою шляпу на диванъ и съ быстрымъ движеніемъ придвинулъ кресла къ ея кресламъ.

— Если вы позволите, я остаюсь, — произнесъ онъ голосомъ, который отражалъ сильное душевное волненіе,—и остаюсь для того, чтобы объяснить вамъ причину моего грустнаго, *элегическаго* состоянія, какъ вамъ угодно было выразиться...

Она вздрогнула.

— Четверть часа терпѣнія — не болѣе! Я не утомлю васъ моимъ разсказомъ; я знаю, что женщины скучаютъ выслушивать длинныя объясненія, точно такъ же, какъ читать длинные романы...

И онъ очеркнулъ передъ Зинаидой картину своей жизни смѣлыми и рѣзкими штрихами, выразительно, но безъ подробностей, понятно, но быстро. То была заглавная виньетка къ современному роману, плѣнительная виньетка Тони Жоанно. Онъ передалъ ей эти заповѣдныя тайны души, которыя передаются только испытанному другу или любящей женщинѣ.

Когда онъ кончилъ, минута молчанія длилась долго — и Зинаида сидѣла все съ потупленными очами; только густой румянецъ, покрывавшій ея щеки, обличалъ въ ней волненіе сильнѣе прежняго — и Горинъ, смотря на нее, думалъ проникнуть: что̀ значитъ это волненіе?

— Теперь вы видите, — продолжалъ онъ,—что̀ такое я, и возьмете на себя трудъ объяснить мои странности въ отношеніи къ вамъ... Да, я только страненъ здѣсь, въ этой комнатѣ, съ вами... О, рано или поздно, я долженъ былъ говорить съ вами откровенно... теперь, сію минуту, я чувствую болѣе смѣлости, чѣмъ когда-нибудь... Тысячу разъ, сидя наединѣ съ вами, я хотѣлъ произнести — и не смѣлъ... Выслушайте же меня теперь: вы видите, я очень несчастливъ... Я люблю васъ!..

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ ее. Она сидѣла не шевелясь, холодна и безчувственна, какъ могильный мраморъ; только эта рука, которую цѣловалъ онъ, дрожала подъ страстнымъ поцѣлуемъ юноши.

Вдругъ слезы вырвались, долго удерживаемыя слабою волею женщины; она встала съ креселъ съ быстрымъ движеніемъ, но это движеніе, эта быстрота были благородно плѣнительны.

Поправивъ локонъ волосъ, упадавшій на глазъ и смоченный слезами, она подняла голову съ какою-то невыразимою величавостью.

— Г. Горинъ, — проговорила она довольно твердымъ голосомъ, — я никогда не перестану упрекать себя за опрометчивость: я поступила очень безразсудно, ища вашей дружбы. Я, можетъ быть, подала вамъ поводъ думать, что не считаю ни во что свои обязанности. И вотъ почему вы считаете себя въ правѣ говорить мнѣ то, чего я не должна была слушать... Г. Горинъ, я имѣю мужа и могу быть матерью семейства.

Молодой человѣкъ, окаменѣлый, стоялъ среди комнаты. Видно было, что онъ вовсе не ждалъ такой развязки.

Потомъ онъ обернулся вокругъ себя: въ комнатѣ уже никого не было...

IV.

Но можешь ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ клеветника,
Отъ коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?

И. А. Крыловъ.

Мелкій, осенній дождь разстилался густымъ туманомъ.

Фонари едва виднѣлись въ опустѣлыхъ улицахъ Петербурга.

Въ одной изъ улицъ, обитатели которой вѣрно наслаждались уже полнымъ спокойствіемъ сна, среди темныхъ оконъ тускло свѣтился огонекъ въ одномъ только окнѣ. То гнѣвъ

огонекъ блѣдный, слабый, мерцающій; огонекъ, наводящій грусть, а не бросающійся въ глаза вдругъ, весело, когда вы окружены удушливой тьмой.

У кого и зачѣмъ мерцалъ этотъ огонекъ?

Не была ли то лампада, затепленная усердіемъ передъ огромнымъ образомъ простодушнаго, бородатаго и богобоязливаго купца?

Не былъ ли то сальный огарокъ, мутно освѣщавшій чахоточную, судорожную фигуру человѣка, дрожавшаго надъ грудами золота?

Не была ли то прозрачная, тонкая восковая свѣча въ изящномъ бронзовомъ подсвѣчникѣ, въ раздушенной спальнѣ очаровательной женщины, которая, пользуясь тишиною и тайною ночи, съ робостью зажгла эту свѣчу, безпрестанно озираясь кругомъ себя, чтобы перечитать въ десятый разъ записку своего любовника?

Правда, то былъ сомнительный свѣтъ ночной лампады въ спальнѣ, у постели женщины, но женщины чистой и святой, у изголовья, безмолвно, безропотно омочавшагося горькими слезами... въ спальнѣ Зинаиды!

Блѣдная, облокотившаяся на столъ, въ бѣломъ легкомъ ночномъ пеньюарѣ, съ длинными волосами, опускавшимися на обнаженную грудь, она съ необыкновеннымъ одушевленіемъ пробѣгала строки какого-то письма, лежавшаго на столѣ передъ нею. Глаза ея впивались въ это письмо, сверкали радостью и наслажденіемъ... Потомъ она задумывалась, отрывала взоры отъ письма, подымала головку, протирала глаза, снова принималась читать — и, казалось, все еще не совсѣмъ вѣрила прочитанному.

Радость, одушевлявшая Зинаиду въ эту минуту, была свѣтла и ярка, какъ солнечный день; къ этой радости не примѣшивалось чувства боязни, на нее не набрасывала своей мрачной тѣни тайна.

То была боязливая радость дитяти, радость, которая хочетъ непремѣнно высказаться, ищетъ участниковъ, безгрѣшная, безукорная радость!

И она заключалась въ одной строчкѣ письма, которое лежало передъ нею...

Это было письмо матери. Эта строчка содержала въ себѣ слѣдующія слова:

«Черезъ полтора мѣсяца, а можетъ быть и ранѣе, я обниму тебя, другъ мой».

Матушка будетъ здѣсь, опять со мною, она будетъ ласкать меня попрежнему, я крѣпко прижму ее къ моему сердцу: вотъ что̀ наполняло ее, вотъ почему она не могла разстаться съ письмомъ, вотъ почему она въ двадцатый разъ перечитывала его — и все еще сомнѣвалась въ своемъ счастьи, и задумывалась, и спрашивала себя: неужели это въ самомъ дѣлѣ? неужели она точно будетъ возлѣ меня, со мною?..

Ей хотѣлось спать, она не думала о снѣ, ей досадно было, что такъ скоро наступила ночь... поскорѣе бы утро, поскорѣе бы забрежжилъ свѣтъ...

Въ ближней комнатѣ часы однозвучно пробили три четверти перваго.

Какъ долго идетъ время! Еще сколько часовъ до разсвѣта!

Вдругъ колокольчикъ у подъѣзда зазвенѣлъ, дернутый сильною, нетерпѣливою рукой... Она вздрогнула — и лицо ея въ минуту вспыхнуло, и какая-то темная дума сморщила брови.

— Это онъ! — прошептала она.

Въ домѣ послышался стукъ. Полуспящіе лакеи неловко, спотыкаясь, забѣгали по лѣстницѣ. Раздался громкій, сердитый голосъ; глухо отозвались въ пустыхъ комнатахъ безпокойные шаги человѣка и звонъ шпоръ. Ближе и ближе, слышнѣй и слышнѣй...

Она еще разъ вздрогнула и еще разъ прошептала:

— Это онъ!

Черезъ минуту дверь спальни отворилась, и передъ Зинаидой стоялъ мужъ ея.

Его лицо было блѣдно, его волосы въ безпорядкѣ, его мундиръ разстегнутъ...

Она взглянула на него, она прочла на лицѣ его гнѣвъ

и досаду, она поняла съ замираніемъ сердца, что̀ значитъ этотъ гнѣвъ и досада.

— Отчего вы не легли спать до сихъ поръ? — спросилъ онъ грубо.

— Я дожидалась тебя, я хотѣла...

— Дожидаться меня?—Ну, а если бы я не могъ быть домой до утра? Вы все дожидались бы меня?

Онъ засмѣялся.

— Я хотѣла сообщить тебѣ мою радость, Вольдемаръ: знаешь ли что́? Я получила письмо отъ матушки...

И она устремила на него свой ангельскій взоръ, и она слѣдила, какое впечатлѣніе произведутъ эти слова на лицѣ его.

Онъ нахмурилъ брови, отвернулся и сталъ ходить поперекъ комнаты.

— Какъ, она будетъ сейчасъ, теперь, скоро? — говорилъ онъ прерывисто...—Зачѣмъ? что̀ ей угодно здѣсь?

Слезы выступили на глазахъ бѣдной женщины, но она скрыла ихъ.

— Ей угодно видѣть меня, видѣть дочь свою, которую она не видала вотъ уже скоро два года.

— Два года! Вѣдь она получаетъ постоянно каждую недѣлю ваши письма, вѣдь она знаетъ, что вы здоровы. Чего же больше?

— Другъ мой! Ты сегодня очень разстроенъ... Боже мой! Вольдемаръ, неужели ты хотѣлъ бы лишить меня одного наслажденія, одного, которое остается мнѣ въ жизни — видѣть матушку?

— Все это очень хорошо, только не теперь, не сію минуту; мои дѣла и безъ того разстроены, каждая копейка для меня составляетъ счетъ...

— О, не безпокойся, не безпокойся... я не заставлю тебя, я не захочу, чтобы ты издерживалъ свои деньги на этотъ расходъ... Нѣтъ, никогда!.. Она будетъ вѣрно не надолго сюда, ея пребываніе здѣсь не будетъ стоить дорого... Къ тому же у меня есть брилліанты, которые я получила въ приданое... Я продамъ мой фермуаръ и...

— Твои брилліанты! а! Послушай, Зинаида...

И онъ отвелъ ее въ сторону, къ окну...

— Мнѣ сію минуту нужны, необходимо нужны твои брилліанты... крайность... я тебѣ отдамъ ихъ черезъ мѣсяцъ, можетъ быть прежде... Я проигралъ большую сумму... Мнѣ нужны теперь деньги... иначе я потеряю кредитъ, ты понимаешь меня?

И онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— Я радъ за тебя, что твоя матушка будетъ сюда... Послушай, Зинаида, мнѣ нужны деньги, я не надолго заложу твои брилліанты...

— Если тебѣ угодно; но, другъ мой...

— Да, да! и сейчасъ, потому что я долженъ выѣхать завтра рано утромъ, очень рано...

Черезъ минуту она молча поставила передъ нимъ на столъ три красныя сафьянныя коробки.

Онъ съ жадностью бросился къ этимъ коробкамъ и открылъ ихъ...

— Тутъ нѣтъ твоего большого креста! — нетерпѣливо произнесъ полковникъ...— Гдѣ же онъ?

— Этотъ крестъ подаренъ мнѣ матушкою... я берегу его... онъ мнѣ дороже всѣхъ вещей... я никогда не разставалась съ нимъ...

— Я возвращу его тебѣ черезъ мѣсяцъ...

— Вольдемаръ! другъ мой! Я тебѣ отдамъ все, все, что̀ ты хочешь, все, что̀ ты прикажешь мнѣ, но ты оставишь у меня этотъ крестъ? Не правда ли?

И она посмотрѣла на него такъ убѣдительно, съ такою мольбой.

Онъ снова нахмурился.

— Мнѣ нуженъ и этотъ крестъ! Слышишь ли ты? и этотъ крестъ! Чего мнѣ болѣе отъ тебя требовать? Здѣсь все мое, все... Развѣ ты забыла, что я взялъ тебя только съ одиѣми этими тряпками, которыя навѣшиваютъ на себя женщины?

Она схватилась за ручку табуретки.

— Что̀ жъ — вамъ не угодно исполнить мою просьбу? Вы хотите, чтобы я васъ еще упрашивалъ?

— Сейчасъ, сейчасъ... — произнесла она слабымъ голосомъ и едва могла дойти до комода.

Ноги ей измѣняли.

— Вотъ крестъ.

Она протянула руку съ коробкой, и рука ея дрожала.

Онъ взялъ всѣ эти коробки и положилъ въ боковой карманъ мундира...

Часы пробили половину второго.

— Тебѣ, я думаю, пора спать, уже такъ поздно...

Онъ вышелъ изъ комнаты, дверь захлопнулась.

Она упала безъ чувствъ. . . . .

. . . .

. . . .

Это была тайная сцена изъ домашней жизни Зинаиды: одна только сцена, выхваченная наудачу изъ тысячи сценъ, отъ которыхъ бы вы отвернулись съ негодованіемъ; а изъ этихъ сценъ сцѣплена была жизнь ея. Это темная сторона брака; это только одинъ примѣръ брака изъ выгодъ, изъ расчетовъ, гдѣ нѣтъ другой идеи, кромѣ *звѣздъ*, или *имени*, или *золота*, или надеждъ и на то, и на другое, и на третье, одинъ только изъ тысячи подобныхъ браковъ!..

Какъ разсказать, какъ передать все, что̀ терпѣла бѣдная Зинаида? Въ продолженіе двухъ лѣтъ ни одного взора участія, ни одного сердечнаго слова, ни одного отвѣта на мысль души. И ко всему этому преступное чувство любви къ другому, страшная борьба любви съ святынею долга, и желаніе затаить и затушить въ себѣ эту любовь... Вотъ исторія этой женщины; вотъ драма, которую бы можно было развернуть съ ужасающею послѣдовательностью, драма, которая, вѣрно, не требовала бы *притянутыхъ эффектовъ*, драма поразительной истины, передъ которую должно бы привести отцовъ и матерей, заставить ихъ содрогнуться и потомъ указать имъ на громовый судъ Бога!

И что̀, если бы въ этомъ состояніи, безнадежномъ и мучительномъ, кто-нибудь еще шепнулъ ей на ухо, что ея участью, съ хладнокровнымъ расчетомъ, люди располагали заранѣе; что эти люди равнодушно придумывали средства къ

ея паденію; что они, можетъ быть, разсказывали другъ другу за тайну объ ея связи съ другимъ; что эта тайна росла, росла и наконецъ сдѣлалась общимъ достояніемъ; и пустой разсказъ, ни на чемъ не основанный, сплетенный такъ, по догадкамъ, вылился во всѣ формы истины.

Что̀, если бы она узнала объ этомъ?

Свѣтлицкій, въ самомъ дѣлѣ, собирая около себя кружокъ молодежи, съ важностью заложивъ руки въ карманы, говорилъ съ таинственнымъ видомъ:

— Господа, посмотрите-ка на Горина: право, онъ молодецъ! Онъ пользуется жизнью; онъ въ связи съ одною изъ лучшихъ женщинъ Петербурга... Знаете ли, кто эта женщина?

И онъ произносилъ имя *Зинаиды*, и не хотѣлъ думать о томъ, что пятнаетъ чистое, святое имя. Что̀ ему было до этого? Онъ сообщалъ *новость*.

А эту новость разносила повсюду молодежь, выслушивавшая его и вѣрившая ему.

И вотъ однажды въ богатой гостиной княгини С*, освѣщенной тысячами свѣчъ, горѣвшей огнями и золотомъ, у малахитоваго стола, уставленнаго бронзою, отражавшеюся въ огромномъ зеркалѣ, стояли двѣ женщины въ бальныхъ платьяхъ, каждая съ букетомъ цвѣтовъ въ рукѣ, раздушенныя и прекрасныя.

— Знаешь ли, Lise, отчего такъ давно нигдѣ не было видно Горина? — говорила одна изъ нихъ съ улыбкой ироніи, которая смѣшивалась съ какою-то надменностью.—Знаешь ли, отчего? Онъ влюбленъ. И въ кого? Въ эту Н* — ты видала ее? Женщина такого страннаго *тона*! — Она, разумѣется, бросилась къ нему на шею — и онъ въ восторгѣ! — А несчастный полковникъ, мужъ ея — весь проигрался...

— Браво!— перебила другая:—и *эти женщины* разыгрываютъ романы *à la Balzac!* только эти романы вѣрно отзываются русской передѣлкой и пахнутъ не парижскими духами, а *l'eau de Cologne* съ гостиннаго двора.

Въ этой же самой гостиной, только въ другомъ концѣ

ея, стояли двое пожилыхъ мужчинъ во фракахъ. Одинъ изъ нихъ былъ Свѣтлицкій.

Они продолжали вѣроятно давно начатый разговоръ.

Свѣтлицкій говорилъ:

— Да, счастье, неимовѣрное счастье! Почти во всю игру съ нимъ у меня король навскрышѣ! Я бросилъ карты, я говорилъ ему, что я не хочу пользоваться навѣрное его деньгами, что при такомъ счастьи... Но вы знаете? Этотъ И* горячъ въ картахъ до безумія. Доходило до ста тысячъ, онъ рвалъ на себѣ волосы — и я далъ ему отыграться...

— А сколько отыгралъ онъ?

— Тридцать три тысячи.

— Гм!—такъ вы взяли у него шестьдесятъ семь? Это хорошо. Экарте и тинтере — игры чрезвычайно азартныя.

— Нѣтъ, вообще въ играхъ надо благоразуміе, наполеоновскій расчетъ и ледяное хладнокровіе... — А! Горинъ! j'ai deux mots à vous dire!—И Свѣтлицкій взялъ за руку молодого человѣка и увлекъ его въ залу.

Когда они проходили по залѣ, Горинъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ дамъ смотрѣли на него съ коварной улыбкой, и одна сказала ему мимоходомъ:

— Какъ вы перемѣнились, monsieur Горинъ! Вы пополнѣли: видно приморскій воздухъ полезенъ вамъ. Вѣдь вы, кажется, жили по Петергофской дорогѣ? Я васъ часто встрѣчала тамъ.

— Вы ошибаетесь,—отвѣчалъ онъ ей холодно...—Я не жилъ по Петергофской дорогѣ и не имѣлъ удовольствія встрѣтить васъ тамъ ни разу.

— Чего хотятъ отъ меня эти женщины? — продолжалъ онъ, оборачиваясь къ Свѣтлицкому.—И что̀ значатъ эти намеки?

Онъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Будто вы не догадываетесь?—возразилъ Свѣтлицкій.— Онѣ завидуютъ счастью другой женщины, съ которой никогда не могутъ сравниться.

— Завидуютъ счастью другой женщины? Я не понимаю, что вы хотите сказать мнѣ...

— Ну, да: завидуютъ женщинѣ, которую вы любите. Это такъ натурально. Это въ ихъ характерѣ... зависть...

— А какъ знаютъ онѣ, что я люблю кого-нибудь?

И онъ еще разъ посмотрѣлъ на Свѣтлицкаго.

— Вы сегодня все такъ горячо принимаете. Что̀ съ вами? Мы живемъ въ Петербургѣ, и вы хотите скрыть вашу любовь отъ общества, къ которому принадлежите? Это ужъ слишкомъ. Здѣсь все знаютъ, все подмѣчаютъ, все подозрѣваютъ, обо всемъ догадываются. Надобно прожить, сколько прожилъ я, чтобы узнать механизмъ, проникнуть въ закулисныя дѣйствія этихъ обществъ.

— Вы правы; но если эти люди осмѣлятся чернить имя той, которая чиста какъ ангелъ; если эти люди, живущіе сплетнями...

— Ради Бога, тише! не забудьте, что мы окружены со всѣхъ сторонъ взглядами и наблюденіями. Вотъ именно ваша теперешняя горячность можетъ подать поводъ къ пустымъ и непріятнымъ для васъ подозрѣніямъ. Подозрѣнія часто имѣютъ вѣсъ истины въ глазахъ общества. Противъ этого говорить нечего, хоть это очень горько.

— О, это ужасно!

— А сколько разъ вы сами повторяли шутя, такъ, безъ всякой злобы, людской говоръ: этотъ человѣкъ въ связи съ такою-то женщиною, эта женщина дѣлаетъ то-то... Вы не имѣли другихъ основаній, какъ слухи? Все это изстари ведется между людьми.

— Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, я понимаю, что это ужасно! Имя женщины должно быть неприкосновенно и свято. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ узнать женщину, и вы, Свѣтлицкій, съ вашимъ опытомъ и знаніемъ людей, и вы можете иногда ошибиться, иногда можете поставить существо чистое и высокое зауряд съ этими женщинами...

И молодой человѣкъ указалъ головой на цвѣтную гирлянду дамъ, собравшихся въ залѣ.

— И вы ошиблись, — продолжалъ онъ съ значительной улыбкой, увлекая Свѣтлицкаго въ амбразуру окна, — да, согласитесь сами? Знаете ли, я никогда не прощу себѣ, ни-

когда, что я прежде осмѣлился смѣшивать ее со всѣми, что я не понималъ, какъ любитъ она, что̀ такое ея любовь, что я оскорблялъ эту женщину моими безумными выходками! Помните ли то утро, когда я прибѣжалъ къ вамъ, три мѣсяца назадъ тому: я проклиналъ ее въ то утро, а теперь, теперь...

Свѣтлицкій грызъ ноготь пальца, губы его хотѣли искривиться усмѣшкой...

Горинъ не замѣчалъ этого; его пылкая душа требовала участія, сочувствія: и онъ забывалъ, кому и для чего говоритъ; и онъ не зналъ, что человѣкъ, вмѣсто участія, вмѣсто сочувствія, обольетъ слова души его ядомъ насмѣшки и выставитъ ихъ на позоръ первому, кто попадется ему навстрѣчу.

— Помните, послѣ этой сцены на дачѣ, я не хотѣлъ было ѣздить къ И*, ея поступокъ со мной казался мнѣ оскорбительнымъ. Я думалъ никогда болѣе не видать ее, и увидѣлъ черезъ двѣ недѣли послѣ того въ церкви.

Горинъ схватилъ за руку Свѣтлицкаго.

— Она стояла на колѣняхъ и молилась съ глубокимъ чувствомъ. Крупныя слезы катились по блѣдному лицу ея. Это была истинная молитва вѣрующей; это были жгучія слезы страданія. О, за каждую слезу ея потребуется тяжкій отчетъ, если есть правосудіе тамъ!.. Вы удивляетесь словамъ моимъ, не правда ли? Я не похожъ въ эту минуту на прежняго Горина? Да, я перемѣнился, очень перемѣнился; рано или поздно мнѣ надобно было сдѣлаться человѣкомъ; и *она* меня призвала къ новой жизни, ей я обязанъ всѣмъ... Если бы я могъ передать вамъ впечатлѣніе, которое производитъ на меня теперь эта праздничная зала и эти бездушныя лица... Но послушайте: я смотрѣлъ на нее долго, долго; она не видала меня... я и прежде часто смотрѣлъ на нее молящуюся, а никогда не чувствовалъ того, что̀ почувствовалъ въ ту минуту... Надобно было имѣть каменное сердце или быть вовсе безъ сердца, чтобы въ ту минуту не простить ей всего, всего — даже смертельной обиды, чтобы не тронуться величіемъ этой женщины!.. Послѣ обѣдни я долго не рѣ-

шался подойти къ ней; но когда я уже стоялъ передъ лицомъ ея, она меня встрѣтила своей радушной улыбкой. Это была ея прежняя улыбка... Я ожилъ... Она заговорила со мной тѣмъ же голосомъ, проникавшимъ до сердца, будто между нами ничего не было... «Вы насъ совсѣмъ забыли. А я и мужъ мой всегда такъ рады васъ видѣть»... Мужъ мой! Я весь вспыхнулъ. Она, кажется, замѣтила это и сказала мнѣ: «я буду васъ ждать». И вѣрите ли, Свѣтлицкій, я всего въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ былъ у нихъ только четыре раза, потому что я не могу видѣть ее рядомъ съ этимъ полковникомъ. Я не знаю, что будетъ со мной, но если онъ...

— Вы поэтъ, Горинъ! Вы имѣете чудный даръ живописать! Вы сильно чувствуете! — воскликнулъ Свѣтлицкій и пожалъ руку молодому человѣку.

«Какъ несносны эти влюбленные!—думалъ онъ.—Вотъ человѣкъ, мучилъ меня цѣлый часъ, разсказывая всякій вздоръ, какъ будто для меня занимательна его *интрига!*»

— Простите, я долженъ оставить васъ. Я далъ слово на вистъ барону М*... Онъ, я думаю, давно ждетъ меня.

Горинъ остался на томъ же мѣстѣ. Свѣтлицкій проскользнулъ въ тѣ комнаты, гдѣ были открыты зеленые столы.

Когда онъ садился играть, мимо его проходилъ камеръ-юнкеръ *.

— Ахъ, знаете ли что, графъ? Умора! Вообразите, я едва только вырвался отъ Горина. Злодѣй, замучилъ меня. Цѣлый часъ увѣрялъ, что онъ питаетъ самую идеальную и чистѣйшую любовь къ Н*. Насъ съ вами трудно увѣрить въ этомъ. Мы, признаться, что-то давно не вѣримъ въ *идеализмъ!* А?..

И онъ засмѣялся.

V.

> Savez-vous ce que c'est que d'avoir une mère? en avez-vous eu une, vous? savez-vous ce que c'est que d'être enfant, pauvre enfant, faible ....seul au monde... et de sentir que vous avez auprès de vous, autour de vous, au-dessus de vous, marchant quand vous marchez, s'arrêtant quand vous vous arrêtez, souriant quand vous pleurez, une femme.....— non, on ne sait pas encore que c'est une femme—un ange qui est là, qui vous regarde, qui vous apprend à parler, qui vous apprend à rire, qui vous apprend à aimer!
>
> *V. Hugo.*

Въ горячихъ и тѣсныхъ объятіяхъ материнской любви лежала почти бездыханная Зинаида. Это было ровно черезъ полтора мѣсяца послѣ страшной для нея ночи. Старушка хотѣла одушевить ее своими поцѣлуями и вызвать румянецъ жизни на ея мертвыя, блѣдныя щеки, тотъ румянецъ беззаботности и счастія, который нѣкогда украшалъ ея дѣвственность. Она съ ужасомъ смотрѣла на лицо дочери, которое такъ измѣнилось отъ горя, и жгучія слезы старушки одна за другой падали на это лицо. Она читала на немъ всю исторію жизни несчастной, съ перваго дня разлуки съ нею, и ничто не ускользало отъ проницательнаго взора матери!

Когда Зинаида открыла глаза, когда чувства постепенно стали возвращаться къ ней, она еще крѣпче прижимала къ своей груди старушку.

— Это вы, матушка! вы! О, вѣдь это не сонъ? Не правда ли? Пощупайте, какъ бьется мое сердце... Это вы, вы! опять со мною! Вы ужъ болѣе не оставите меня, не правда ли?

И она несвязно лепетала ей эти перерывистыя слова, которыя невозможно передать, эти слова, вырывающіяся изъ души и ложащіяся прямо на душу, эти отрывки раздраженныхъ чувствъ, эти звуки, проникающіе весь составъ вашъ, которые нельзя опредѣлить и которыхъ невозможно не почувствовать, на которые нѣтъ отвѣта, но есть поцѣлуи.

И старушка цѣловала ее и, разглаживая ея шелковые волосы, смотрѣла ей прямо въ глаза.

— Мы такъ давно не видались съ тобой, такъ давно! дай мнѣ насмотрѣться на тебя. Безъ тебя мнѣ было очень грустно.

— И мнѣ также очень грустно, матушка!

Когда эти первыя минуты душевныхъ изліяній прошли, старушка посмотрѣла кругомъ себя. То былъ будуаръ Зинаиды; только ужъ не въ такомъ видѣ, какъ прежде. Все измѣнилось! Комната сохранила только свое названіе, но въ ней не было ни ковра, ни бронзы, ни картинъ, ни мрамора, ни этихъ дорогихъ и прекрасныхъ бездѣлокъ, которыя обыкновенно разбрасываются съ такою умышленной и привлекательной небрежностью. Лишь остатки дорогой мебели, не гармонировавшіе съ голыми стѣнами и вообще съ какою-то непріятною пустотою, были тяжелыми свидѣтелями прежняго великолѣпія.

Сердце бѣдной матери при этомъ видѣ сжалось невыразимою тоскою...

Время шло, и слишкомъ быстро, для обѣихъ: дочь отдыхала на груди матери, у нея теперь было родное сердце, отвѣчавшее на біеніе ея сердца, душа, сочувствовавшая ея душѣ. Мать съ мучительнымъ чувствомъ видѣла, какъ тайная болѣзнь, или тайное горе, съ разрушительною постепенностью дѣйствовали на Зинаиду, какъ потухалъ лучъ за лучомъ ея свѣтлыхъ очей, какъ исчезала свѣжесть съ лица ея. Обѣ онѣ дорожили каждой минутой и боялись разставаться другъ съ другомъ, будто имъ дано было свидѣться на краткій срокъ. Обѣ онѣ были грустны, и одна отъ другой скрывали грусть.

— Ты нездорова, другъ мой?—говорила ей однажды старушка:—не послать ли за докторомъ? Сегодня ты что-то блѣднѣе обыкновеннаго, твои глаза какъ-то мутны. Какъ ты себя чувствуешь?

— Ничего, матушка, я здорова. Вамъ это такъ кажется. Ради Бога, успокойтесь... Ничего...

Она скрывала болѣзнь, которая уже давно таилась въ ней и начинала быстро развиваться.

Послѣ минуты молчанія она сѣла на диванъ возлѣ старушки и, придерживая одною рукой свою отяжелѣвшую голову, пристально посмотрѣла на нее. Лицо Зинаиды пылало румянцемъ. Она сжала руку матери въ своей рукѣ...

— Матушка!—произнесла она робкимъ, боязливымъ голосомъ.—Матушка! У меня давно лежитъ на душѣ такая-то тягость. Я до сихъ поръ не открыла вамъ... Выслушайте меня, но безъ гнѣва, ради Бога, безъ гнѣва, потому что я не буду въ силахъ перенести его... О, я чувствую мое преступленіе, но что же мнѣ дѣлать?

И она закрыла руками лицо свое, чтобы удержать потоки слезъ.

— Что съ тобою, дитя мое, другъ мой? Зачѣмъ ты клеплешь на себя? Ты не можешь быть преступница! Нѣтъ! посмотри, глаза твои сохранили то же простодушіе, какое они выражали въ твоемъ дѣтствѣ. Я гляжу на тебя, какъ бывало, когда ты сидѣла на рукахъ моихъ, я держала твою головку, всю въ кудряхъ; волосы твои тогда были свѣтлѣе, я любовалась тобой и цѣловала тебя, и говорила: «О, Господь долженъ услышать молитву мою: *она будетъ счастлива!*»

Послѣднія слова старушка произнесла едва слышно, потому что горесть задушала ее.

Зинаида положила свою голову на плечо къ ней и цѣловала ея руки.

— Матушка!—говорила она прерывающимся голосомъ:—я всегда свято сохраняла мою обязанность... Богъ видитъ, я всегда свято сохраняю ее! Но я никогда не могла любить... моего мужа... Матушка! я люблю другого.

Она бросилась къ ногамъ матери, и голова страдалицы упала на колѣни.

Она рыдала.

— Не правда ли, это преступленіе? Но что я могла сдѣлать? Я сама не знала, какъ это грѣшное чувство разливалось по мнѣ... я поздно увидѣла мое бѣдствіе... можетъ быть я какъ-нибудь нечаянно высказала ему то, что должна бы

была скрывать какъ ужасную тайну... И онъ любитъ меня— и я допустила его сказать мнѣ это... Слышала, какъ онъ произносилъ слово *«люблю»*... Но я никогда не признавалась ему въ любви моей. Клянусь вамъ, матушка! О, вы сжалитесь надъ вашею бѣдною дочерью! Вы взглянете на меня ласково. Вамъ первой открыла я мое сердце... и мнѣ теперь легче, гораздо легче...

Мать и дочь лежали въ объятіяхъ другъ друга, и ихъ слезы смѣшались...

Въ одинъ изъ длинныхъ зимнихъ вечеровъ Горинъ сидѣлъ у письменнаго стола въ своемъ кабинетѣ. Блѣдное освѣщеніе разливалось въ комнатѣ отъ зеленаго стекла лампы; на столѣ, между грудами книгъ, стояла восковая свѣча, трескомъ своимъ изрѣдка прерывавшая тишину. Онъ былъ углубленъ въ чтеніе. Передъ нимъ былъ развернутъ Шекспиръ на половинѣ третьяго дѣйствія «Ромео и Юліи».

Онъ остановился на этой любовной, очаровательной картинѣ, когда Ромео въ комнатѣ Юліи съ грустью смотритъ въ окно и прислушивается къ пѣнію жаворонка, извѣщающаго разсвѣтъ; когда она, полная непорочности и нѣги, съ такимъ простодушіемъ упрашиваетъ его еще не покидать ее и говоритъ ему своимъ сердечнымъ, убѣдительнымъ голосомъ: «До утра еще далеко! Ты ошибся, супругъ мой, тебѣ слышится голосъ соловья. Повѣрь мнѣ, это соловей...»

Горинъ оставилъ книгу и въ волненіи сталъ прохаживаться по комнатѣ.

Тысячи высокихъ мыслей затѣснились въ головѣ его, и сердце загорѣлось отъ полноты чувствъ...

Въ это самое время вся петербургская молодежь высшаго круга вертѣлась передъ огромными зеркалами, съ улыбкой самодовольствія и гордости собираясь на огромный балъ ** посланника. На столѣ Горина лежала пригласительная записка на этотъ балъ, о которомъ за три недѣли до того кричали во всѣхъ гостиныхъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ выжидали всѣ графини и княгини, для котораго были загру-

жены заказами магазины Ксавье и Сихлеръ; но онъ забылъ объ этомъ балѣ и объ этой пригласительной записочкѣ...

Если бы балъ посланника былъ годъ назадъ тому, вѣрно онъ сталъ бы разъѣзжать по всѣмъ своимъ знакомымъ, для того, чтобы съ недоступнымъ тономъ аристократа проговорить каждому изъ нихъ: завтра балъ у ** посланника; тамъ будетъ весь дворъ; я сегодня получилъ приглашеніе.

Этотъ балъ заставилъ бы его, по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю ходить по Невскому проспекту съ головою вздернутою вверхъ, съ дерзкимъ и напыщеннымъ видомъ человѣка, который воображаетъ, что все встрѣчающееся ему, толпящееся передъ его глазами, все ниже его.

Кто, сколько-нибудь наблюдающій, не встрѣчалъ такія лица на Невскомъ проспектѣ въ морозные и солнечные дни отъ второго до четвертаго часа?

Невскій проспектъ—широкое поприще наблюденій, средоточіе петербургской жизни! Въ самомъ дѣлѣ, на пространствѣ отъ Аничкина моста до Адмиралтейства, вы познакомитесь со всѣмъ Петербургомъ—отъ лачужки бѣднаго, вросшей въ землю, до громадныхъ палатъ аристократа.

Горинъ очень измѣнился! Онъ не показывалъ никому своего пригласительнаго билета на балъ; онъ не ходилъ вздернувъ голову по Невскому проспекту; онъ не поѣхалъ на балъ, который горѣлъ, ослѣпляя глаза, и щедро раскидывалъ бриліанты лучей своихъ на гордыхъ и ледяныхъ петербургскихъ красавицъ.

Онъ почувствовалъ, что Зинаида открыла передъ нимъ новую жизнь, новый міръ духа и мысли, который видѣлся ему нѣкогда будто сквозь сонъ. Образъ этой женщины, распростертой передъ алтаремъ Бога, дышащій молитвою, поразилъ его. Этотъ образъ началъ слѣдить его повсюду. Онъ углубился въ самого себя и разогналъ туманъ, застилавшій его зрѣніе. Съ тѣхъ поръ онъ яснѣе понялъ ничтожность общества, окружавшаго его, мелочную, недостойную человѣка суету своей прежней жизни, безуміе надеждъ своихъ, высокое назначеніе женщины и святость ея имени!..

Но еще черная сторона общества была закрыта передъ

нимъ, онъ еще готовъ былъ довѣриться Свѣтлицкому и, порой, гримасу насмѣшки принять за улыбку радушія.

Дней черезъ десять послѣ великолѣпнаго бала посланника, вечеромъ, Горинъ сидѣлъ у П*. Полковника не было дома. Въ этотъ день собирались всѣ извѣстные петербургскіе игроки въ домѣ *; къ тому же онъ и безъ того рѣдко бывалъ въ своемъ семействѣ.

На большомъ столѣ противъ дивана, въ полукруглой комнатѣ, стояла свѣча, закрытая съ одной стороны транспарантомъ... На диванѣ сидѣла больная Зинаида, возлѣ нея старушка ея мать. Зинаида казалась необыкновенно слабою; ея лицо было то поразительно блѣдно, то вспыхивало яркимъ и страннымъ румянцемъ.

— У меня есть до васъ просьба, Валеріанъ Петровичъ,— сказала Зинаида едва слышно,—если васъ только не обезпокоитъ она. Прочтите намъ что-нибудь: вы такъ хорошо читаете.

Старушка встала съ дивана и подошла къ Горину.

— Ради Бога,—шептала она ему,—выберите что-нибудь веселенькое, чтобы былъ *хорошій конецъ*... У нея здоровье такъ разстроено. Не надобно давать ей повода къ слезамъ. Она у меня такая чувствительная!

Онъ выбралъ что-то изъ огромнаго собранія импровизацій Скриба. Когда онъ кончилъ чтеніе, Зинаида казалась утомленною. Она поддерживала рукой голову, упадавшую на грудь.

Старушка приложила свою ладонь къ головѣ дочери.

— У тебя что-то очень горячая голова. Не чувствуешь ли ты себя хуже? Не устала ли ты?

— Ничего, мнѣ очень легко, матушка!

И она поцѣловала старушку.

— Ахъ, я забыла спросить васъ,—продолжала она, обращаясь къ Горину,—о балѣ ** посланника? Говорятъ, это лучшій изъ баловъ нынѣшней зимы?

— Право, я ничего не могу сказать вамъ. Я не былъ тамъ.

— Отчего же?..

Этотъ вопросъ потерялся. Отвѣта не было. Горинъ стоялъ задумчивый со шляпою въ рукѣ.

Онъ раскланялся.

— Навѣщайте насъ почаще, Валеріанъ Петровичъ,—говорила мать Зинаиды, провожая его,—мы такъ рады васъ видѣть. Если вамъ нечего будетъ дѣлать, заѣзжайте въ четвергъ вечеромъ. Вы такъ добры. Будемте вмѣстѣ развлекать больную; она у меня очень грустить, бѣдная... Сегодня понедѣльникъ... вторникъ... среда...—и она считала по пальцамъ.— Ну да, въ четвергъ. Заѣзжайте пожалуйста на часокъ или на два. Мы долѣе не будемъ держать васъ...

Зинаида, опираясь на ручку дивана, слѣдила за движеніями уходящаго... Дверь затворилась...

Она тяжело вздохнула...

Когда Горинъ воротился домой, не раздѣваясь онъ упалъ въ кресла и неподвижно просидѣлъ въ этихъ креслахъ.

Потомъ онъ машинально взялъ со стола какую-то книгу, отвернулъ переплетъ, остановился на заглавномъ листѣ и наконецъ далеко отбросилъ отъ себя книгу.

— Она страдаетъ,—думалъ онъ:—и этотъ человѣкъ виною ея страданій! Онъ сталъ между ею и мною, между моимъ и ея счастіемъ... Я долженъ на что-нибудь рѣшиться; я избавлю ее отъ муки, или...

Мысль, которая недавно затаилась въ немъ, сначала возставала передъ нимъ въ туманѣ и отдаленіи; теперь она стала приближаться къ нему и принимать очерки безобразные, явственные, осязательные.

Онъ содрогнулся.

Сонъ его въ эту ночь былъ тяжелъ и смущенъ; онъ безпрестанно вздрагивалъ: ему видѣлась кровь, у ногъ его лежалъ трупъ человѣка...

J'irai, Seigneur, ou tu m'envoies....

Наступилъ вечеръ четверга. Семь часовъ прозвонило на стѣнныхъ часахъ въ комнатѣ Горина. Онъ вышелъ изъ своей квартиры и, завернувшись въ шубу, тихими шагами шелъ по

Литейной. Отъ его квартиры до дома полковника было не болѣе четверти часа ходьбы...

Полозья саней скрипѣли по алмазному снѣгу. Морозъ былъ необыкновенно силенъ. Онъ прибавилъ шагу, скоро остановился у подъѣзда и дернулъ за ручку колокольчика.

Ключъ повернулся въ замкѣ, дверь отворилась, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ.

— У насъ, сударь...—началъ старый слуга, снимая съ него шинель.

Онъ не успѣлъ кончить... Горинъ отворилъ и—окаменѣлый остался въ дверяхъ.

Зала была обита черным сукномъ, посрединѣ возвышался катафалкъ, на катафалкѣ стоялъ небольшой гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, блестящими галунами, увѣшанный золочеными кистями и покрытый длиннымъ парчевымъ покровомъ, который спускался до пола. Облако ладона вилось надъ гробомъ; въ этомъ облакѣ тускло мерцали три огромныя свѣчи, и въ тишинѣ раздавался однозвучный, мѣрный голосъ читальщика.

Горинъ безотчетно подвинулся впередъ и съ выраженіемъ какого-то страннаго любопытства, безъ мысли и безъ участья, безъ желанія знать, кто лежитъ въ этомъ гробѣ, взошелъ на ступеньки катафалка.

Тутъ онъ почувствовалъ, что силы оставляютъ его. Онъ схватился одной рукой за край гроба. Онъ узналъ ее! Она нисколько не измѣнилась. Смерть не обезобразила ее, не коснулась до нея разрушеніемъ, а, казалось, только повѣяла на нее небеснымъ воздухомъ. Она заснула, утомленная земною тягостью, и на ея ангельскомъ лицѣ замерла улыбка—предчувствіе будущей жизни. Видно было, что она встрѣтила смерть радостно, какъ давно жданную, милую гостью. За два дня до того онъ видѣлъ на лицѣ ея страдальческое выраженіе жизни, теперь на этомъ лицѣ было величественное, вѣчное спокойствіе—вѣнецъ благодати Господней! Никогда смерть не являлась въ образѣ болѣе привлекательномъ.

— *Она счастлива!*—произнесъ молодой человѣкъ невольно

но вполголоса.—О, она счастлива!—И слезы брызнули изъ глазъ его.

Онъ поцѣловалъ горячимъ поцѣлуемъ святой любви холодныя уста умершей.

Онъ первый разъ коснулся устъ ея!

Память возвратилась къ нему. Онъ сошелъ съ возвышенія, быстро отеръ слезы и остановился внизу у изголовья гроба.

Тогда ему представился этотъ безумный пиръ, на которомъ Свѣтлицкій объявилъ ему впервые о любви къ нему Зинаиды; онъ, казалось, видѣлъ передъ собою этого человѣка, коварно улыбающагося и говорящаго: «Она будетъ ваша!» Онъ вспомнилъ свои прежнія надежды, мечты—и холодный потъ выступилъ на его тѣлѣ.

Жизнь на минуту явилась передъ нимъ въ отвратительномъ видѣ; и онъ понялъ, что смерть можетъ быть высшею наградою, истиннымъ счастіемъ!

Это былъ великій урокъ, такъ нечаянно почерпнутый изъ дѣйствительности, изъ общества, урокъ, глубоко нарѣзавшійся на сердцѣ юноши и имѣвшій вліяніе на всю остальную жизнь его.

Онъ впервые съ благоговѣніемъ палъ на колѣни передъ неисповѣдимою волею Бога!

Вдругъ, въ эту самую минуту раскаянія и благоговѣнія, онъ почувствовалъ чью-то руку на плечѣ своемъ и оборотился.

Передъ нимъ стоялъ полковникъ.

Кровь бросилась въ голову Горина.

— Я зналъ, что ты примешь къ сердцу мое несчастіе,— говорилъ полковникъ,—зналъ, что ты не забудешь обо мнѣ въ такія минуты. Она была несравненная женщина! Моя потеря невыразима! Я употребилъ все, чтобы съ приличною честью и даже съ нѣкоторымъ великолѣпіемъ похоронить ея тѣло. Я былъ обязанъ это сдѣлать.

Горинъ молчалъ.

Полковникъ отошелъ и сталъ по другую сторону гроба, противъ него.

Негодованіе задушило молодого человѣка, онъ готовъ былъ

растоптать полковника подъ своими ногами; но когда первое волненіе стихло въ немъ, онъ снова задумался.

Составить счастіе женщины, продолжительное, ничѣмъ ненарушаемое счастіе! Много ли найдется людей, которые въ состояніи этого выполнить?—спросилъ онъ самого себя...

Двери сосѣдней комнаты отворились.

Горинъ обернулся на скрипъ этихъ дверей.

Двѣ дѣвушки съ усиліемъ поддерживали старушку, которая едва передвигала ноги. Сѣдые волосы ея торчали въ безпорядкѣ изъ-подъ дымковаго чепца; ослабѣвшая голова скатилась къ груди.

Когда она увидѣла гробъ, послѣдній остатокъ силъ оставилъ ее. Она застонала страшнымъ, раздирающимъ голосомъ:

— Зинаида! Дочь моя! Дочь моя!

И рухнулась на полъ къ ступенькѣ катафалка.

Черезъ день послѣ этого Свѣтлицкій, небрежно вертя въ рукахъ тросточку, говорилъ съ толстымъ княземъ П*, счастливымъ супругомъ очаровательной княгини Алины..

— Я сегодня былъ на похоронахъ у Н—ой. Жаль, что она мало выѣзжала въ свѣтъ: это была премилая женщина! Знаете ли что, князь? Нашъ полковникъ, кажется, не въ большомъ горѣ, а есть другой человѣкъ, который за него въ совершенномъ отчаяніи. Право, жаль мнѣ бѣднаго Горина: осиротѣлъ онъ теперь!

И Свѣтлицкій засмѣялся.

— Да, да, осиротѣлъ.

Князь тоже засмѣялся. Въ его смѣхѣ была странная смѣсь аристократической важности съ мѣщанскимъ простодушіемъ.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА.

Повѣсть.

Oh! *demain*, c'est la grande chose!
De quoi demain sera-t-il fait?
L'homme *aujourd'hui* sème la cause,
Demain Dieu fait mûrir l'effet...
V. Hugo.

I.

Какъ-то разъ вечеромъ, въ іюнѣ или іюлѣ—не помню, знаю только, что это было въ воскресенье, нѣсколько лѣтъ назадъ тому, у Елагина моста, поодаль отъ толпы, которая окружала музыку, стоялъ молодой человѣкъ, очень недурной собою, въ новомъ сюртукѣ, съ лорнетомъ на золотой тоненькой цѣпочкѣ и съ толстой палкой въ рукѣ. Онъ невнимательно разговаривалъ съ какимъ-то гвардейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ и съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на все его окружающее, на все мелькавшее передъ глазами его; съ большимъ самодовольствіемъ *охорашивался*, и, казалось, очень былъ доволенъ своимъ новымъ сюртукомъ, лорнетомъ и своею толстой палкой. Видно было, что онъ принадлежалъ еще къ той свѣтлой порѣ жизни, когда не знаешь границъ между мечтой и существенностью, когда не умѣешь отдѣлить поэта отъ человѣка, художника отъ его созданія; когда каждому пожимаешь руку отъ сердца: когда смотришь на поэта, и не можешь на поэта насмотрѣться, и все ищещь на лицѣ его знака святыни, небеснаго наитія... Счастливый возрастъ! Молодой человѣкъ старался скрыть свое самодовольствіе, но

оно противъ воли вырывалось въ каждомъ его движеніи, высказывалось въ каждомъ взглядѣ. И могъ ли онъ скрыть его? Онъ еще не зналъ, что это равнодушіе ко всему, что этотъ непереносимый эгоизмъ, что это вѣчное бездушіе—*разочарованіе* свѣтскаго *фата*, которому онъ хотѣлъ подражать, пріобрѣтается нелегко и нескоро. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы пролежать нѣсколько часовъ въ театрѣ спиною къ сценѣ, съ лорнетомъ вставленнымъ въ глазъ, съ лицомъ, на которомъ крупными буквами, какъ на выставкѣ, начертано: *мнѣ все надоѣло*, о, да для этого сначала надо постигнуть тайну раззолоченныхъ залъ, потереться нѣсколько лѣтъ въ расцвѣченныхъ будуарахъ. Вы думаете, что можно изъ подражанія зѣвать въ то время, когда другіе плачутъ; говорить развалившись съ какой-нибудь блистательной княгиней о прелестяхъ любви и въ ту же минуту смотрѣть въ потолокъ; не отвѣчать на вопросъ, который вамъ дѣлаютъ, или отвѣчать совсѣмъ не на то, о чемъ васъ спрашиваютъ—вы думаете, что все это можно изъ подражанія? Нѣтъ, вы ошибаетесь господа! Я слыхалъ, какъ мальчики въ 19 лѣтъ, впервые появившись въ гостиную, хотѣли корчить разсѣянныхъ, невнимательныхъ, безпечныхъ. Боже мой! какъ, говорятъ, они были карикатурны, смѣшны! они, которые хотѣли слыть умниками, открыто прослыли дураками, — и можетъ быть отъ этого должны были, покраснѣвъ, покинуть гостиныя, гдѣ они мечтали произвесть эффектъ и услышать рукоплесканія.

Но молодой человѣкъ, стоявшій у Елагина моста и разговаривавшій съ офицеромъ, вовсе не подозрѣвалъ, до чего можетъ довести это соблазнительное подражаніе. Впрочемъ, онъ не принадлежалъ къ этимъ 19-тилѣтнимъ юношамъ. Совсѣмъ нѣтъ. Въ его глазахъ было слишкомъ много души и воли, въ его движеніяхъ, несмотря на ихъ неловкость, слишкомъ много благородства.

Какой прелестный былъ этотъ вечеръ, тихій, жаркій, роскошный вечеръ! Сколько было гуляющихъ, разъѣзжающихъ, сколько дамъ въ богатыхъ колясках, которыя остановились у дворцовой караульни слушать музыку, и какъ

эти дамы были плѣнительны и сколько около этихъ колясокъ разсыпалось и развѣвалось бѣлыхъ султановъ, и какъ играла музыка, и какъ это все пестрѣло передъ глазами, блестѣло и очаровывало! Мудрено ли, что молодой человѣкъ былъ въ полномъ самозабвеніи, въ полномъ восторгѣ: что онъ не пропускалъ ни одного экипажа четвернею, за которымъ стоялъ огромный егерь съ эполетами и съ султаномъ, или лакей, увѣшанный гербами, такой нарядный и гордый? Мудрено ли, что онъ немножко завидовалъ этимъ офицерамъ съ бѣлыми султанами, которые такъ ловко, такъ безпечно, такъ небрежно, облокотившись на дверцы колясокъ, разговаривали съ этими прелестными, разноцвѣтными дамами? Мудрено ли, что онъ пропускалъ безъ вниманія людей очень замѣчательныхъ — *молодыхъ чиновниковъ* въ вицъ-мундирахъ или разноцвѣтныхъ сюртучкахъ съ бѣлыми подбоями, съ затянутыми въ рюмочку таліями, съ черными бархатными или плисовыми лампасами на панталонахъ, съ пестрыми сборчатыми галстуками, въ серединѣ которыхъ были искусно вдѣланы розетки и искусно воткнуты булавочки съ разноцвѣтными стеклышками, галстуки—чудо искусства, которыми надѣляли ихъ магазины Чуркина и Розинскаго? Эти чиновники, прогуливавшіеся пѣшечкомъ изъ города или доѣзжавшіе на извозчикахъ до Карповскаго моста, преважно расхаживали около музыки и искусно помахивали тоненькими тросточками подъ мраморъ, и, проходя напримѣръ мимо секретаря посольства или какого-нибудь камеръ-юнкера презначительно измѣряли его съ ногъ до головы своими взорами, и для того, чтобы показать, что и *мы* кое-что значимъ, бормотали по обыкновенію очень пріятнымъ голосомъ *тра-ля-ля тра-ля-ля*, или что-нибудь подобное. Мимо военныхъ они почти всегда проходили, потупивъ глаза въ землю, безъ всякихъ припѣвовъ, и, нагулявшись у музыки, отправлялись догуливать воскресенье на Крестовскій островъ... Мудрено ли, что эти люди, очень, кажется, замѣчательные, были пропущены молодымъ человѣкомъ безъ всякаго вниманія, хотя они часто проходили взадъ и впередъ мимо его, и каждый разъ оглядывали его,

и каждый разъ, подходя къ нему, затягивали носомъ свои обычныя пѣсни?.. Мудрено ли? Передъ нимъ мелькали бѣлые султаны, и радужные цвѣта, и щегольскіе кабріолеты, и молодые камеръ-юнкеры, и блестящіе аксельбанты...

Молодой человѣкъ былъ очень доволенъ гуляньемъ. Офицеръ, который стоялъ съ нимъ, едва успѣвалъ удовлетворять его любопытству, едва успѣвалъ отвѣчать на безпрестанные вопросы его: «кто это такой? кто это такая? чей это экипажъ?»

На другой сторонѣ моста показалась прелестная шляпка, выказалась изъ-за толпы чудесная талія, — онъ схватилъ офицера за руку и хотѣлъ увлечь его на ту сторону, какъ вдругъ мостъ загудѣлъ, и надъ ухомъ его раздался визгливый голосъ форейтора.

Онъ отшатнулся... Промелькнула коляска, запряженная четвернею вороныхъ лошадей, съ двумя огромными лакеями; въ коляскѣ двѣ дамы и рядомъ съ коляскою на картинномъ конѣ офицеръ съ бѣлымъ султаномъ.

Съѣхавъ съ моста, кучеръ, немного пошатнувшись назадъ, мастерски сдержалъ лошадей... Коляска въ минуту остановилась. Офицеръ съ бѣлымъ султаномъ — это былъ кавалергардъ — съ неописанною ловкостью, съ удивительнымъ искусствомъ осадилъ своего коня, погладилъ его шею: благородный конь тряхнулъ головою; зыбкій, бѣлый султанъ прихотливо разсыпался на шляпѣ кавалергарда; кавалергардъ наклонился къ одной изъ дамъ, сидѣвшихъ въ коляскѣ, и заговорилъ съ ней.

Все это было мгновеніе. Молодой человѣкъ очутился у самой коляски, посмотрѣлъ на дамъ, сидѣвшихъ въ ней, потомъ на кавалергарда — и оборотился назадъ, вѣроятно для того, чтобы спросить у своего знакомаго: кто эти дамы? кто этотъ кавалергардъ? Знакомаго не было возлѣ него, онъ потерялъ его въ толпѣ. Десятый часъ! — какъ скоро прошло время!

Заря кончалась. Кавалергардскій караулъ стоялъ подъ ружьемъ...

«На моли-тву!»—раздалась команда дежурнаго. Карабины

дружно брякнули. «Каски долой!» Трубачъ прочиталъ молитву. Экипажи двинулись къ мосту. Коляска, въ которой сидѣли двѣ эти дамы, потянулась также вслѣдъ за другими экипажами... Кавалергардъ возлѣ коляски... Молодой человѣкъ безцѣльно за этою коляскою...

И вотъ коляска съѣхала съ моста; и вотъ помчалась; и вотъ взвилось облако пыли. Молодой человѣкъ остановился... Онъ глядѣлъ вдаль... Коляски уже не было видно; лишь виднѣлся бѣлый султанъ, нѣжно колеблемый вечернимъ вѣтеркомъ...

Бѣдный молодой человѣкъ!

Возвратясь съ Елагина острова, онъ бросился на широкій диванъ въ своемъ новомъ, изящномъ сюртукѣ и не побоялся смять его! Онъ отослалъ лакея не раздѣваясь, и лакей вѣрно былъ очень доволенъ этимъ, потому что, стоя передъ бариномъ со свѣчой въ рукѣ, съ всклокоченными волосами, съ полуоткрытыми глазами, онъ безпрестанно спотыкался физіономіей на свѣчку и преспокойно спалилъ себѣ правый високъ.

Баринъ не замѣчалъ этого: и до того ли ему было! Баринъ закрылъ глаза — и передъ нимъ нарисовалось личико, и какое личико! Оно было во сто разъ лучше всѣхъ фантазій Граведона — и куда же Граведону было создать этакое личико!.. Темноголубые глаза, въ которыхъ сверкали и душа, и мысль, и чувство, и страсть; шелковыя темнорусыя кудри, небрежно выпадавшія изъ-подъ прозрачной воздушной бѣлой шляпки; улыбка, придававшая несказанную прелесть прелестному личику, улыбка — обвороженіе, полуоткрытыя уста, полуоткрытый рядъ зубовъ, которые блистали, какъ перлы...

И это личико не было воздушнымъ идеаломъ, который всегда можно спахнуть однимъ мановеніемъ очей... О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Онъ видѣлъ это личико не въ мечтѣ, онъ любовался имъ не въ грезѣ... Полно, правда ли? Гдѣ же онъ видѣлъ его?.. Елагинъ островъ... четверня вороныхъ коней...

бѣлый султанъ... и вездѣ непремѣнно этотъ бѣлый султанъ, зыбкій, разсыпчатый, красивый... Мысли молодого человѣка стали мѣшаться... и вотъ онъ въ залѣ, и зала вся блещетъ огнями, кавалергардская музыка... и вотъ онъ несется въ вихрѣ вальса, рука его обвилась около тонкаго, гибкаго стана... онъ танцуетъ съ ней! Музыка гремитъ — и онъ летитъ, летитъ подъ ея звучный ладъ... Передъ очами его темноголубыя очи, очи его Мадонны; передъ нимъ это небесное личико; онъ такъ близко къ устамъ ея, онъ пьетъ ея дыханіе... и она такъ привѣтно на него смотритъ...

Не знаю, долго ли онъ лежалъ на диванѣ и много ли грезилъ, но наутро онъ проснулся на своей постели; возлѣ изголовья стоялъ, по обыкновенію, маленькій столъ, а на столѣ колокольчикъ. Онъ позвонилъ; лакей поднялъ штору и остановился передъ постелью его съ безсмысленной улыбкой и съ опаленнымъ вискомъ.

Пять или шесть дней молодой человѣкъ влачился между мечтою и жизнью, между видѣніемъ и существенностью, между блаженствомъ и мукою, между темноголубыми очами своей возлюбленной и опаленнымъ вискомъ своего лакея.

Такъ онъ былъ влюбленъ? Бѣдный молодой человѣкъ!.. Онъ только что начиналъ любить и еще не зналъ, *кого* любить; онъ безпечно предавался мечтѣ-чародѣйкѣ, мечтѣ-отравительницѣ! Онъ точно былъ поэтъ: онъ только что взглянулъ на Божій міръ — и міръ показался ему свѣтлымъ, радужнымъ. Это былъ первый взглядъ на жизнь, взглядъ довѣрчивый, когда мы ко всѣмъ простираемъ горячія объятія — и довольные жизнью засыпаемъ беззаботно крѣпкимъ сномъ.

Правда, молодой человѣкъ зналъ, что общество не можетъ имѣть и не имѣетъ равенства; что есть на свѣтѣ аристократія или высшее сословіе, потомъ среднее, потомъ поколѣніе чиновниковъ, и т. д.; но кто же не знаетъ этого? Правда, онъ таки-видалъ молодежь высшаго круга, онъ таки-былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ этого круга, онъ замѣтилъ, что эти люди *отъ головы до пятокъ имѣютъ на себѣ особый отпечатокъ;* онъ уже успѣлъ заимствовать у

этихъ людей многое: и небрежный видъ, и модный покрой платья... но познанія его объ обществѣ не простирались далѣе, а съ такими познаніями нельзя было уйти далеко.

Бѣдный молодой человѣкъ! Однажды (это было, какъ я сказалъ уже, черезъ пять или шесть дней послѣ вечера на Елагиномъ) онъ шелъ по Англійской набережной... Петербургскій климатъ ужасно какъ непостояненъ и измѣнчивъ, да я и не знаю, есть ли что въ Петербургѣ постоянное и неизмѣнчивое? Часовъ въ 11 утра, когда молодой человѣкъ вышелъ изъ дома, было солнце: онъ вышелъ въ одномъ сюртукѣ и не подумалъ, что можетъ вдругъ пойти дождь, а дождь вдругъ пошелъ сильный, проливной. Это было въ исходѣ второго часа. Онъ добѣжалъ до перваго подъѣзда и остановился подъ навѣсомъ. Подъ этимъ навѣсомъ спасались отъ дождя какая-то дѣвушка съ платочкомъ, накинутымъ на голову, и съ картонкой въ рукѣ и сенатскій чиновникъ въ полиняломъ вицъ-мундирѣ съ воротникомъ, вмѣсто зеленаго, цвѣта осеннихъ листьевъ. Этотъ чиновникъ очень умильно поглядывалъ на дѣвушку, и потомъ улыбался съ самодовольствіемъ, и потомъ смотрѣлъ вверхъ на навѣсъ, и потомъ опять на дѣвушку. Молодой человѣкъ сталъ между ними.

Дождь не переставалъ. Черезъ нѣсколько минутъ чиновникъ кашлянулъ, поправилъ свой суконный жилетъ и обратился къ дѣвушкѣ: «Странно-съ! А дождь-то все идетъ-съ. Что съ нимъ будешь дѣлать?» — Потомъ онъ улыбнулся и посмотрѣлъ вверхъ. Дѣвушка молчала. Спустя еще нѣсколько минутъ, онъ снова оборотился къ дѣвушкѣ: «А что-съ? вѣдь васъ бы промочило, если бы вы теперь пошли?» Потомъ онъ снова улыбнулся и посмотрѣлъ вверхъ. Дѣвушка ничего не отвѣчала. Только при этомъ она, надувъ губы, отвернула голову въ сторону.

Въ эту минуту раздался издали громъ колесъ по мостовой, ближе, ближе — и вдругъ громъ смолкъ. Карета, запряженная четвернею вороныхъ коней, съ двумя лакеями сзади, подкатилась къ подъѣзду. Сенатскій чиновникъ прижался къ углу, дѣвушка посторонилась. Молодой человѣкъ взгля-

нулъ на ливрею — и его сердце забилось, забилось... Дверцы кареты отворились — у него замеръ духъ... Изъ кареты мелькнула дама и исчезла, мелькнула другая и исчезла... Эта другая была — она!

Онъ видѣлъ ея маленькую, стройную ножку, видѣлъ, какъ эта ножка коснулась тротуара и порхнула въ дверь, но она все-таки коснулась тротуара—и онъ, безумецъ, и онъ готовъ былъ поцѣловать это мѣсто, до котораго коснулась ножка... Вотъ какъ онъ любилъ ее! А она и не замѣтила его — и можно ли было ей замѣтить какую-то группу, смиренно пріютившуюся отъ дождя у подъѣзда? Это такъ обыкновенно. Передъ ней мелькнули какія-то три фигуры — только!

Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ уже давно зналъ ее: онъ встрѣчалъ ее то на гуляньяхъ, то во французскомъ спектаклѣ; онъ такъ завидовалъ этимъ гордымъ господамъ, которые одинъ за другимъ толпились въ той ложѣ, гдѣ сидѣла она; ея личико такъ сошлось съ его видѣніемъ, съ его мечтою, что онъ скоро началъ смѣшивать мечту съ существенностью, картину съ жизнью.

Одинъ изъ лакеевъ остался у подъѣзда...

— Черезъ полчаса подавай! — закричалъ онъ кучеру: — опять на дачу.

Молодой человѣкъ схватилъ лакея за руку. Лакей преважно посмотрѣлъ на него.

— Чья это карета? — спросилъ онъ его... И голосъ молодого человѣка дрожалъ.

Лакей снова съ пренебреженіемъ посмотрѣлъ на него.

— Князя В*, — отвѣчалъ онъ грубо.

— А кто эти дамы?

— Княжна, его дочь, и сестра князя.

— А кто этотъ кавалергардскій офицеръ, который въ воскресенье былъ съ ними на Елагиномъ острову?

Лакей, кромѣ пренебреженія, въ этотъ разъ посмотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ.

— Кто этотъ офицеръ? — повторилъ молодой человѣкъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ.

— Какой офицеръ-съ? Я не знаю-съ! У ея сіятельства женихъ въ кавалергардскомъ полку, — отвѣчалъ лакей, внезапно оторопѣвъ отъ такого голоса.

II.

See, how she leans her cheek upon her hand;
O that J were a glowe upon that hand,
That I might touch that cheek!...

Romeo and Juliet» *Shakspeare.*

Какъ мила княжна Ольга! Вглядитесь въ эти страстныя очи: въ этихъ очахъ вамъ выскажется душа ея; полюбуйтесь этими рѣсницами, этими длинными, темными волосами шелковыхъ кудрей, этими устами, на которыхъ бы умереть въ поцѣлуѣ, этою простодушною ловкостью, этою привѣтливою улыбкою. Посмотрите, какъ она легка, воздушна, какъ она создана быть княжной, блистать въ позолоченныхъ залахъ, вдохновлять любовью, очаровывать съ перваго взгляда! Ея очи — да это цѣлый міръ любви! не этой свѣтской, жалкой любви, о которой болтаютъ въ гостиныхъ, нѣтъ — любви поэтической, о которой мечталъ пламенный Шиллеръ и которую называютъ люди безуміемъ.

Вамъ, можетъ быть, покажется это смѣшно? Шиллеровскій идеалъ въ аристократическихъ гостиныхъ XIX вѣка, шиллеровскій идеалъ въ Сихлеровой шляпкѣ! Но что же мнѣ дѣлать, если княжна точно была такова? Пусть она будетъ для насъ анахронизмомъ въ наше время, странностью, чѣмъ хотите, — но я повторяю, она въ самомъ дѣлѣ была такова. Чуждая напыщенности и этой пошлой гордости, выражающейся такъ смѣшно, такъ некрасиво на *иныхъ* личикахъ, княжна была горда, не по огромности и узорчатости своего княжескаго герба, а по чувству собственнаго достоинства. Ея гордость не была безсмысленна, и потому она придавала ей плѣнительную величавость, благородство невыразимое, рѣзко отличавшее ее отъ другихъ, и которое, несмотря на это, можно было пріобрѣсть только въ высшемъ

кругу, гдѣ все наружное доведено до возможной степени изящнаго. Княжнѣ было 19 лѣтъ; она была высока и стройна, она была немножко кокеткой, но это кокетство такъ шло къ ней. Впрочемъ, нѣтъ, я ошибся: то было не кокетство, а утонченность воспитанія, ослѣпительная, обворожающая, родная для нея стихія придворной жизни, которая ярче, чѣмъ на другихъ, отражалась на ней. Кокетство — слово слишкомъ простонародное. Кокетокъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, вы встрѣтите въ другомъ кругу петербургскаго общества: этихъ женщинъ, которыя съ жалкимъ усиліемъ желаютъ нравиться, выставляютъ себя, *сантиментальничаютъ*, немножко ломаются, иногда дѣлаютъ нѣжные глазки и вообще производятъ на васъ такое впечатлѣніе, какое производитъ варенье, когда вы его неумѣренно покушаете. Когда княжна задумывалась, она была еще милѣе, если только допустить, что она могла быть милѣе обыкновеннаго.

Раскинувшись на штофной кушеткѣ въ одной изъ своихъ комнатъ на каменноостровской дачѣ, она съ дѣтскою наивностью смотрѣлась въ трюмо сквозь плющевую рѣшетку и съ дѣтскою прихотью оторвала листокъ плюща и играла съ листкомъ: вертѣла его въ своихъ бѣлыхъ, нѣжныхъ ручкахъ, прикладывала его къ губамъ — и потомъ свернула его и бросила съ досадою на цвѣтистый коверъ. Но не листокъ занималъ княжну: ея сердце такъ билось, ея бархатная грудь такъ роскошно и такъ сильно дышала, сжатая корсетомъ... Отчего же такъ билось ея сердце, отчего такъ часто дышала грудь ея?

Она замечталась, моя княжна; она было вздумала сначала читать, но книга раскрытая осталась на той страницѣ, на которой она развернула ее. Мечта взяла верхъ надъ книгою. Она мечтала о томъ кавалергардскомъ офицерѣ, который въ воскресенье на Елагиномъ былъ возлѣ ея коляски. Странная прихоть! Княжнѣ вдругъ захотѣлось вырвать перышко изъ его чудеснаго султана и гладить это перышко... и поцѣловать его. Вотъ почему она сорвала листокъ плюща и вертѣла его въ рукахъ и подносила къ своимъ губкамъ. Можетъ статься, она воображала, что это перышко изъ сул-

тана, и потомъ, разочаровавшись, увѣрясь, что это просто листокъ, она бросила его на коверъ... Вдругъ княжна привстала съ кушетки, посмотрѣла на часы съ мраморнымъ изваяніемъ. Стрѣлка показывала половину четвертаго. Она немного сморщила лобъ, немного нахмурилась. *Онъ* сегодня у насъ обѣдаетъ. Отчего же такъ долго не ѣдетъ онъ? А княжна знала, что у нихъ садятся за столъ не ранѣе пяти часовъ.

«Зачѣмъ его нѣтъ здѣсь теперь?» Она сорвала опять листокъ — и въ минуту расщипала его и бросила. И потомъ, облокотясь на глазетовую подушку, на которой, будто живой, рисовался букетъ нарциссовъ, опять замечталась. Она была такъ счастлива: еще только двѣ недѣли, какъ она была невѣстою, и невѣстою человѣка, который давно былъ избранникомъ ея сердца, завѣтною тайною ея мыслей, человѣка, къ которому она привыкла съ самаго дѣтства, безъ котораго ей была бы скучна жизнь. И вотъ княжна замечталась о его добромъ, благородномъ сердцѣ, о его пылкой любви, о томъ, какъ онъ хорошъ въ красномъ бальномъ мундирѣ, о томъ, какой будетъ у нея экипажъ, какая ливрея, какъ они будутъ дѣлать визиты, *абонируютъ* ложу во французскомъ спектаклѣ: это будетъ ужъ ея собственная ложа; какъ они будутъ вмѣстѣ гулять... Боже мой! да о чемъ не мечтала княжна? Мечта дѣвушки такъ легка, такъ плѣнительна, такъ свѣтла, разнообразна, неуловима! Эта мечта порхаетъ, какъ разноцвѣтная, радужная бабочка; вы подмѣтите ее и захотите поймать, а она улетѣла далеко; вы снова за нею, а она снова отъ васъ, словно птичка съ талисманомъ въ арабскихъ сказкахъ. И надобно быть ребенкомъ, чтобы захотѣть поймать бабочку, чтобы захотѣть уловить мечту дѣвушки.

Около 5 часовъ раздался звонъ колокольчика въ швейцарской... Ея сердце встрепенулось. Она вспорхнула съ кушетки — и въ одно мгновенье очутилась въ угольной комнатѣ, которая выходила окнами въ садъ. Эта комната была обклеена бѣлыми штофными бумажками и обведена позолоченой чертой подъ лѣпными карнизами. Яркая пунцовая ме-

бель и занавѣсы придавали ей чрезвычайно пріятный свѣтъ, несмотря на то, что окна были нѣсколько затѣнены деревьями. Самыя роскошные цвѣты, пирамидально уставленные по угламъ, красовались на бѣлыхъ обояхъ.

Княжна остановилась у раствореннаго окна и сбросила съ груди небольшой дымковый платочекъ: ей было жарко... Въ эту минуту легкое бряцанье шпоръ отозвалось въ ближней комнатѣ. Полуоткрытая грудь ея стала дышать сильнѣй и чаще... Въ комнату вошелъ кто-то. Она не обертывалась.

— О чемъ вы такъ задумались, княжна?—спросилъ ее молодой кавалергардскій штабъ-ротмистръ.

Она обернулась къ нему — и закраснѣлась, какъ роза, которая, полуразвернувшись, качалась на стебелькѣ и цѣловала грудь ея.

— Отчего это такъ поздно?—спросила она его съ укоромъ.

— Будто поздно? Я сейчасъ только изъ городу; я такъ торопился...—Онъ взялъ руку княжны и поцѣловалъ ее.

Она посмотрѣла на него такъ довѣрчиво, съ такою полною любовью... Вотъ въ эту минуту надобно было убѣдиться, какъ выразительны, какъ одушевленны ея очи. Какой міръ блаженства пророчила она любимцу своего сердца, ему— этому счастливцу кавалергарду!

И онъ понималъ языкъ очей ея, онъ предчувствовалъ, что ожидало его въ будущемъ. Онъ могъ отвѣчать чувствомъ на чувство. Онъ не былъ этимъ ледянымъ слѣпкомъ, отъ котораго вѣетъ простудой и который навѣваетъ грусть. Въ немъ не было этой жалкой, мелочной суетности, которую вы встрѣчаете зауряд въ молодежи и высшаго и низшаго круга. Впрочемъ, нельзя было сказать, чтобы онъ совсѣмъ не имѣлъ ея: вѣдь онъ былъ человѣкъ свѣтскій, *человѣкъ гостиныхъ*. Но графъ Болгарскій слишкомъ отличался отъ другихъ; онъ имѣлъ такъ много завлекательности, былъ такъ свѣтски, изящно образованъ и такъ далекъ отъ толпы вѣтреной молодежи! Онъ всегда чуждался толпы, вы никогда не встрѣтили бы его съ толпою, потому что онъ зналъ цѣну самому себѣ и видѣлъ ничтожество, окружавшее его. А это ужъ очень много!

И какъ онъ былъ хорошъ собою и какъ статенъ! Свѣтлые волосы графа вились съ небрежною прихотливостью и красиво упадали къ правой сторонѣ, немного закрывая широкій лобъ; его небольшіе каріе глаза были такъ страстны, онъ имѣлъ столько выразительности въ лицѣ; онъ такъ нравился женщинамъ. Но для него существовала только одна женщина, для него было одно только завѣтное имя, имя Ольги...

— Пойдемте къ батюшкѣ; онъ насъ ждетъ въ кабинетѣ,— сказала она графу. —Ужъ скоро 5 часовъ.—И Ольга схватила его руку, скользнула по паркету, увлекла его съ собою и исчезла...

У небольшого мраморнаго камина, въ комнатѣ, полной самаго плѣнительнаго безпорядка, стоялъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Лицо его съ перваго взгляда чрезвычайно располагало въ его пользу. Очеркъ этого лица былъ необыкновенно пріятенъ: большой, открытый лобъ, волосы, въ которыхъ ужъ начинали прокрадываться сѣдины, всѣ поднятые вверхъ, смѣлый, проницательный взоръ и особенное расположеніе губъ, — все это взятое вмѣстѣ придавало ему такъ много особеннаго, важнаго, что гдѣ бы вы его ни встрѣтили, вы сейчасъ бы остановились на немъ и подумали: *а! это не простой человѣкъ*. На немъ былъ сюртукъ темнаго цвѣта; шея обвернута большимъ малиновымъ платкомъ. Онъ держалъ въ рукѣ огромный листъ какой-то французской газеты и не очень внимательно пробѣгалъ его: видно, что газета не заключала въ себѣ ничего новаго, ничего замѣчательнаго. Это былъ князь В*, отецъ Ольги.

Тутъ дверь кабинета отворилась. Князь отбросилъ газету на столъ и обернулся къ двери. Передъ нимъ стояла Ольга, рядомъ съ нею женихъ ея.

Какъ они оба были хороши, какъ созданы другъ для друга! И князь съ такимъ свѣтлымъ лицомъ встрѣтилъ ихъ, въ его глазахъ выразилось такъ много радости: онъ былъ счастливъ ихъ счастіемъ.

— А, любезный графъ! — и онъ протянулъ къ нему руку, и тотъ отъ сердца пожалъ эту руку. Онъ отдавалъ ему,

этому графу, свою радость, свой свѣтъ, свою жизнь... Онъ, казалось, говорилъ этимъ пожатіемъ: я люблю тебя, я увѣренъ въ тебѣ — и вотъ почему я отдаю тебѣ мое сокровище: смотри же, оправдай мое довѣріе и выборъ ея младенческаго сердца: сдѣлай ее счастливою.

— А мы васъ давно ждали, — продолжалъ князь — и съ улыбкою посмотрѣлъ на свою Ольгу.

И Ольга вспыхнула и потупила очи.

Отецъ подошелъ къ ней, провелъ рукой по тесьмамъ волосъ ея и поцѣловалъ ее.

У князя не было болѣе дѣтей: она была одна — и въ ней одной для него заключалось все. Она была его утѣшеніемъ, радостью, его мечтою, его надеждою, его воспоминаніемъ... Воспоминаніе!.. Каждый разъ, когда князь любовался ея, передъ нимъ оживалъ образъ ея матери; этотъ образъ, казалось, возникалъ изъ праха и, возсозданный, обновленный, въ роскошномъ цвѣтѣ являлся передъ нимъ.

Счастливица княжна! какое блаженство готовилось ей въ будущемъ! Счастливица!

А настоящее?

Какъ-то разъ вечеромъ они сидѣли вдвоемъ: она на диванѣ, графъ возлѣ нея на низенькомъ эластическомъ стулѣ. Въ комнатѣ разливался томный, пріятный для глазъ свѣтъ. Матовое стекло лампы, которая стояла на столѣ въ отдаленіи отъ дивана, было скрыто въ зелени и въ цвѣтахъ, и лучи свѣта прорывались сквозь зелень и цвѣты.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было такъ тихо, какъ будто никого не было — и эти минуты тишины были верхъ упоенія для двухъ любящихся.

— Ты мой, я давно назвала тебя моимъ; ты еще не знаешь, какъ я люблю тебя!

Вотъ что говорила молча княжна.

— О, я слишкомъ счастливъ! никогда самый роскошный сонъ, самый поэтическій вымыселъ не сравнится съ моею существенностью.—Вотъ что говорилъ молча женихъ ея.

И онъ наклонился къ рукѣ ея — и поцѣловалъ ея руку, и какимъ страстнымъ, какимъ восторженнымъ поцѣлуемъ!

Она упала головой на грудь, будто подавленная страстью. Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо, и ихъ очи сошлись, и его очи утонули въ ея очахъ... Еще мгновеніе, менѣе чѣмъ мгновеніе — и уста его были такъ близко къ ея устамъ... еще... и они замерли въ поцѣлуѣ, улетѣли туда, въ этотъ чудный міръ, не для всѣхъ досягаемый, гдѣ все гармонія, все упоительные звуки, въ этотъ міръ, о которомъ такъ хорошо говорили Моцартъ и Шиллеръ.

Когда княжна отвела свои уста отъ его устъ — чары улетѣли: она очутилась опять въ той же комнатѣ, гдѣ была прежде, на диванѣ, и возлѣ нея на низенькомъ стулѣ онъ. Лицо ея пылало.

— Такъ *ты* очень любишь меня, Ольга? — спросилъ ее графъ — и рука его была въ ея рукѣ.

— Люблю ли я *васъ?* — и она сжала его руку.

Потомъ она почувствовала въ первый разъ неловкость этого *вы* и тихо повторила:

— Люблю ли я тебя?

Этотъ вечеръ они оба были такъ веселы, такъ самодовольны; на устахъ ея горѣлъ первый поцѣлуй его, для него такъ отрадно звучало это *ты*, которое первый разъ выговорила она.

Вотъ каково было ея настоящее!

III.

Всѣ чувства представились ему томнѣе, но мятежнѣе и ближе; они показались ему родомъ инстинкта, какимъ кажутся инстинктъ животныхъ....

Изъ Ж.-П. Рихтера.

Случалось ли вамъ встрѣтить въ обществѣ человѣка, котораго лицо какъ будто знакомо вамъ; лицо, которое, можетъ быть, вы гдѣ-нибудь и когда-нибудь видѣли, но гдѣ и когда, вы никакъ не можете припомнить; лицо, которое, кажется, очень недурно, но производитъ на васъ невольно

какое-то непріятное впечатлѣніе? Это случилось съ княжной Ольгой на музыкальномъ вечерѣ у С**.

Послѣ какой-то пьесы, пропѣтой дѣвицей Г*, въ ту минуту, когда въ гостиной слышался обычный шопотъ мнимаго восторга и среди этого шопота вырывались порой нелѣпыя фразы, безсмысленныя восклицанія, въ ту минуту Ольга обернулась немного вбокъ — и, по какому-то странному чувству, вздрогнула. У косяка двери, которая вела на балконъ, стоялъ молодой человѣкъ, котораго она никогда прежде не видѣла въ гостиныхъ. Этотъ молодой человѣкъ все время не спускалъ съ нея глазъ, и когда она обернулась и нечаянно взглянула на него, онъ весь перемѣнился въ лицѣ и, какъ мальчикъ, котораго поймали въ какомъ-нибудь поступкѣ, тотчасъ потупилъ глаза и сталъ неловко обдергиваться. Княжна полуулыбнулась, еще разъ пристальнѣй взглянула на него, и въ этотъ разъ она подмѣтила что-то странное въ глазахъ молодого человѣка, устремленныхъ на нее, прикованныхъ къ ней. Ей стало непріятно, ей не понравился этотъ взглядъ — и она отвернулась, чтобы не видать его.

Потомъ немного задумалась, потомъ вдругъ, вѣроятно изъ любопытства (это было очень естественно), указавъ глазами на молодого человѣка, она спросила у стоявшаго возлѣ ея стула камеръ-юнкера ***: — кто это такой?

Камеръ-юнкеръ оглядѣлъ молодого человѣка въ лорнетъ съ ногъ до головы, однако безъ малѣйшаго любопытства, очень равнодушно, очень свысока.

— Я вижу этого человѣка первый разъ въ жизни, — сказалъ онъ, еще разъ съ такою же важностью посмотрѣвъ на него... — Я не знаю, *что это такое.*

Во взорѣ камеръ-юнкера было ужасно какъ много недоступности. Казалось, онъ считалъ себя лицомъ чрезвычайно замѣчательнымъ, и глазъ наблюдательный могъ бы замѣтить, какъ изрѣдка, правда, украдкою, этотъ камеръ-юнкеръ поглядывалъ съ самодовольствіемъ на пуговицы своего вицъ-мундира. Видно было, что онъ только дней за десять передъ этимъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры.

Молодой человѣкъ, привлекшій на себя вниманіе княжны

и-десятидневнаго камеръ-юнкера, былъ тотъ самый, который съ такимъ безумнымъ, юношескимъ восторгомъ созерцалъ княжну на Елагиномъ и котораго потомъ судьба нечаянно завлекла къ подъѣзду дома князя В* на Англійской набережной.

Этотъ молодой человѣкъ впервые попалъ въ гостиную высшаго круга, о которой онъ только мечталъ до сихъ поръ. И какъ далека была его мечта отъ существенности! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ минуты, когда его представятъ въ домъ С*! И вотъ эта минута настала, имя его произнесено — и его встрѣтило безпривѣтливое, едва замѣтное наклоненіе головы. Онъ съ застѣнчивостью отошелъ въ сторону и задумался: «что же? можетъ быть всѣхъ такъ принимаютъ въ этомъ кругу!» Онъ робко вошелъ въ гостиную; сердце его билось; онъ осмотрѣлся кругомъ: ни одного знакомаго лица. Ему что-то было неловко, онъ чувствовалъ самъ себя страннымъ — и отъ этого сдѣлался еще робче. Гостиная была полна блистательными дамами и роскошными цвѣтами, огромными зеркалами и бронзою, и эти дамы, и эти цвѣты, и эта бронза такъ плѣнительно отражались въ зеркалахъ! Около дамъ красиво блистали эполеты, красиво мелькали бѣлые султаны съ длинными, опущенными къ паркету перьями. О, ужъ мнѣ эти бѣлые султаны!..

Вдругъ возлѣ молодого человѣка очутилось знакомое ему лицо. Онъ такъ обрадовался. Это былъ юноша лѣтъ 23, не пропускавшій ни одного вечера, ни одного бала, ни одного спектакля, «цвѣтущій юноша», который проводилъ половину дня въ каретѣ, половину въ гостиныхъ, который слылъ за большого умника, говорилъ о чемъ вамъ угодно, и всегда съ тономъ увѣренности: о Моцартѣ и Донъ-Карлосѣ, о Шатобріанѣ и Карлѣ X, о Пушкинѣ и Махмудѣ, — который не шутя причислялъ себя къ *Карлистамъ*, несмотря на то, что былъ безъ всякой примѣси русскій, — который рѣшалъ политическія дѣла Европы съ такою легкостью и дальновидностью, что самъ Меттернихъ позавидовалъ бы ему, — который... и проч. и проч., дѣло не въ томъ: я сказалъ, что молодой человѣкъ очень обрадовался, увидѣвъ его, и думалъ

найти въ немъ для себя *точку опоры*; а ему, бѣдному, нужна была опора, ему, одинокому, робкому, смиренно прислонившемуся къ шелковымъ обоямъ...

И онъ съ простодушною улыбкою, съ радостью, которую не умѣлъ скрыть, схватилъ руку этого юноши, сжатую желтой лайковой перчаткой... Тотъ немного поворотилъ голову и очень серьезно, очень холодно прошепталъ: «А, это вы, мсьё Кремнинъ!» и очень осторожно высвободилъ свою руку, сжатую слишкомъ неаристократически; потомъ мелькнулъ, исчезъ, снова появился въ кругу дамъ, граціозно раскланялся, небрежно заговорилъ съ ними и въ это время невнимательно окидывалъ взоромъ гостиную.

Молодой человѣкъ опять остался одинъ. Онъ почувствовалъ тягость на сердцѣ...

Но вотъ въ дверяхъ гостиной показался пожилой человѣкъ съ важнымъ видомъ и со звѣздой на черномъ фракѣ; за нимъ дѣвушка вся въ бѣломъ — и возлѣ нея кавалергардъ.

— Какъ хороша княжна В*! — сказалъ кто-то у самаго уха Кремнина.

У него замеръ духъ... Передъ нимъ мелькнула княжна. Да, она; Боже мой! въ самомъ дѣлѣ какъ хороша!

Онъ первый разъ увидѣлъ ея станъ, ея очаровательную походку, величавость, окружавшую ее. Онъ внезапно почувствовалъ, какую преграду поставило общество между нимъ и ею — и ему стало горько, горько... Она такъ недоступна, и ему, съ его боязливостью, съ его несвѣтскостью, ему, который впервые попалъ въ такую блестящую гостиную, стать рядомъ, осмѣлиться заговорить съ княжной? И о чемъ ему заговорить съ ней? Вѣдь между ними нѣтъ ничего общаго: онъ не знаетъ стихіи этого круга, онъ случайно занесенъ въ этотъ кругъ... Онъ думалъ, думалъ — и все смотрѣлъ на княжну. Въ эту-то минуту княжна, нечаянно обернувшись, взглянула на него.

И онъ видѣлъ, какъ она спросила что-то у стоявшаго возлѣ нея камеръ-юнкера, видѣлъ, съ какимъ пренебреженіемъ этотъ господинъ измѣрялъ его... Онъ все видѣлъ...,

Тяжело было на сердцѣ молодого человѣка, когда онъ возвратился домой съ этого музыкальнаго вечера. Ему мерещился то гордый, презрительный взоръ, брошенный на него десятидневнымъ камеръ-юнкеромъ, то равнодушный, невнимательный пріемъ хозяйки дома... Передъ нимъ безпрестанно являлась *она*. О, для чего поѣхалъ онъ на этотъ музыкальный вечеръ! Какъ мучительно страдало его самолюбіе, какъ ныло его сердце! И глаза молодого человѣка помутились слезою. Мучительная, жестокая боль выжала эту слезу, и слеза медленно скатилась по его щекѣ. Горячая слеза: это была слеза мужчины! И, право, одна эта слеза стоила моря дѣтскихъ и женскихъ слезъ.

«Но къ чему поведетъ эта любовь, любовь безъ взаимности, безъ участія? Не смѣшна ли такая любовь? И дойдетъ ли до *нея* когда-нибудь страдальческій голосъ этой любви? И если дойдетъ, кто знаетъ: можетъ быть она, блистательная княжна, сдѣлаетъ гордую гримаску, разсмѣется на эту жалкую любовь, можетъ быть она будетъ разсказывать объ ней жениху своему—и тотъ встрѣтитъ меня или злой насмѣшкой, или равнодушнымъ презрѣніемъ?»

Въ эту минуту онъ не хотѣлъ болѣе возвращаться въ общество, которое только наканунѣ увидѣлъ впервые. Не быть въ этомъ обществѣ, бѣжать прочь отъ него? Да гдѣ же онъ увидитъ *ее*? Гдѣ будетъ любоваться ею? И онъ готовъ былъ снова хоть сейчасъ, съ сердцемъ, трепещущимъ отъ ожиданія, бѣжать въ аристократическую гостиную только для того, чтобы увидѣть *ее*!

Можетъ статься, порой ему приходило на мысль, что со временемъ онъ ознакомится, сдѣлается *короткимъ* въ этихъ гостиныхъ, что и онъ будетъ также ловокъ и смѣлъ, какъ тысячи другихъ, что и его, какъ и тысячи другихъ, будутъ встрѣчать со внимательнымъ привѣтомъ. Очень можетъ статься, что иногда онъ воображалъ себя въ огромной княжеской залѣ не *статистомъ*, а человѣкомъ съ ролью, человѣкомъ съ рѣчами... Сегодня спектакль на Каменноостровскомъ театрѣ? Она вѣрно будетъ тамъ. Какъ не ѣхать!

9-й часъ. Въ 1-мъ ярусѣ отпирается ложа за ложей: онъ

вздрагиваетъ при каждомъ стукѣ отпираемой двери. Мало-по-малу ложи наполняются — и вотъ оцвѣтился весь ярусъ.

Съ робостью молодой человѣкъ оглядываетъ ложи въ лорнетъ.

Она! — и его лорнетъ остановился на ней... Она оборотила головку къ молодому графу.

«Есть же на свѣтѣ избранники, любимыя дѣти, баловни судьбы, передъ которыми вѣчно цвѣтетъ жизнь, вѣчно красуется, которые тонутъ въ удовольствіяхъ, которые задыхаются отъ полноты счастья!..» Такъ думалъ бѣдный молодой человѣкъ, смотря на жениха княжны.

Онъ думалъ, а между тѣмъ занавѣсъ опустился. Все зашумѣло вокругъ него. Эти беззаботные, легкіе и ловкіе свѣтскіе денди перелетали изъ ложи въ ложу, а онъ все смотрѣлъ на *нее* — и все думалъ о счастьи *его*...

При разъѣздѣ онъ остановился возлѣ нея. Она стояла завернувшись въ розовый салопъ; на головѣ ея былъ небрежно накинутъ бѣлый эшарпъ. Съ ней разговаривалъ какой-то толстый посланникъ со звѣздою. Молодой человѣкъ немного подвинулся впередъ: она увидала его, и, казалось, будто узнала.

«Карета князя В*!»

И она исчезла.

— Кто этотъ молодой человѣкъ, бѣлокурый, который стоялъ сейчасъ возлѣ меня? Я его видѣла на-дняхъ на вечерѣ у С*, — спросила она у графа, который сидѣлъ въ каретѣ противъ нея.

— Который это?

— Такой блѣдный, съ такими странными глазами.

— Для чего это тебѣ хочется знать? — спросилъ ее отецъ.

— Онъ всегда на меня производитъ какое-то странное, непріятное впечатлѣніе...

— Какой вздоръ, моя милая! quelle idée! — И князь улыбнулся.

Часто послѣ этого княжна встрѣчала молодого человѣка, производившаго на нее странное впечатлѣніе. Можетъ быть она поняла причину, почему она его такъ часто встрѣчаетъ,

и почему взоръ его слѣдитъ ее повсюду, но все-таки онъ былъ для нея непонятнымъ лицомъ. Какимъ ничтожнымъ казался онъ въ этихъ гостиныхъ! Отчего, вѣчно прислонившись къ стѣнѣ, вѣчно одинокій, вѣчно задумчивый, вѣчно связанный въ движеньяхъ, какъ будто онъ былъ не въ своемъ платьѣ?.. Могла ли княжна понять причину этого, она, рожденная княжной, она, еще въ пеленкахъ видѣвшая и блескъ, и бархатъ, и золото? Могла ли она вообразить, что можно оробѣть, потеряться въ этихъ огромныхъ залахъ съ позолоченными карнизами, которыя освѣщены такъ ослѣпительно - ярко?

Между тѣмъ время брака княжны Ольги близилось. Ждали только пріѣзда княгини Л*, ея близкой родственницы, изъ чужихъ краевъ: она назначена была посаженой матерью Ольги.

Былъ ноябрь въ исходѣ.

На одномъ вечерѣ, въ промежуткѣ контръ-дансовъ, княжна сидѣла у окна возлѣ мраморной статуи, которая была сзади уставлена зеленью; возлѣ нея пріятельница ея фрейлина Р*. Онѣ очень серьезно о чемъ-то разговаривали. Въ рукѣ Ольги былъ вѣеръ, и она, разговаривая, играла этимъ вѣеромъ.

— Княжна! — послышался возлѣ нея дрожащій, несмѣлый голосъ...

И вѣеръ княжны остановился въ рукѣ.

Она взглянула. Передъ ней стоялъ молодой человѣкъ... Бѣдный! онъ весь измѣнился въ лицѣ; онъ лепеталъ что-то такое:

— Княжна... ангажировать... слѣдующій...

Она поняла, что онъ хочетъ ангажировать ее на слѣдующій контръ-дансъ. Онъ показался ей въ эту минуту достойнымъ участья.

— Хорошо-съ, — отвѣчала она ему привѣтливо.

Онъ поклонился и отошелъ... Какъ онъ чувствовалъ себя неловкимъ, смѣшнымъ, рѣшившись на такой подвигъ — и самъ дивился своей смѣлости. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ немножко страненъ своей неразвязностью въ этой залѣ,

Когда онъ отошелъ, фрейлина быстро схватила Ольгу за руку, засмѣялась отъ души и проговорила протяжнымъ, насмѣшливымъ голосомъ:

— Какой плачевный этотъ молодой человѣкъ! Откуда онъ? Несчастный, кажется, онъ влюбленъ въ тебя, Ольга.

— Полно, полно, Нина; онъ можетъ замѣтить твой смѣхъ... Ради Бога, перестань.

Музыка загремѣла. Пàры разставлялись по залѣ. Кремнинъ подошелъ къ княжнѣ съ потупленными глазами...

— Кто вашъ vis-à-vis?—спросила она его.

— Н**,—чуть слышно отвѣчалъ онъ и едва-едва коснулся руки княжны.

Нѣсколько минутъ сбирался онъ съ духомъ, чтобы заговорить съ нею; но мысли не шли къ нему въ голову, слова не сходили съ устъ. Какъ и съ чего начать? О, какъ билось его сердце... Странный человѣкъ! какъ онъ хотѣлъ въ эту минуту быть далѣе отъ своей княжны, далѣе отъ этой залы... Дыханье его занималось, ему надобно было вздохнуть свободнѣе.

— Нравится ли вамъ, нравится ли...—наконецъ началъ онъ,—вамъ, княжна, музыка Вебера?..—Какъ вы находите музыку Вебера?..—Онъ заикаясь произнесъ это и закраснѣлся.

— Музыка Вебера?—Княжна украдкой взглянула на молодого человѣка. Княжна внутренно улыбалась, но она не позволила шалунѣ-улыбкѣ вырваться наружу и оцвѣтить ея прелестныя уста, нѣтъ!

— Музыка Вебера!—И княжна, будто не замѣтя его замѣшательства, кстати на его вопросъ, изящнымъ, непринужденнымъ легкимъ языкомъ набросала ему нѣсколько своихъ замѣтокъ о музыкѣ.

Какъ онъ ловилъ ея каждое слово! Когда княжна смолкла, будто ожидая отъ него продолженія такъ отрывисто начатаго имъ разговора, онъ не умѣлъ воспользоваться минутой, чтобы развернуть свой вопросъ и придать ему какой-нибудь смыслъ, какую-нибудь форму. Онъ молчалъ.

Потомъ, минуты черезъ двѣ, онъ также несвязно и также безцѣльно проговорилъ:

— Говорятъ, на французскомъ театрѣ будетъ на-дняхъ новая дебютантка.

— Да, говорятъ...

Въ эту минуту музыка смолкла. Онъ поклонился княжнѣ. Княжна немного наклонила впередъ свою головку на поклонъ его.

Онъ отошелъ въ сторону.

«Боже мой!» думалъ онъ: «для чего я ангажировалъ ее? Я не умѣю сказать ни одного слова. Она вѣрно сочла меня за дурака... О, это нестерпимо, это мучительно! Для чего я ангажировалъ ее?»

Молодой человѣкъ давно уже былъ у себя въ комнатѣ, давно лежалъ на своей постели, а этотъ вопросъ не сходилъ съ языка его.

Тутъ ему пришелъ въ голову такой прекрасный, такой занимательный предметъ для разговора съ княжною, разговоръ, который обнаружилъ бы и его душу, и его умъ... Онъ разрывался... Какъ счастливы эти господа, сыздѣтства привыкшіе говорить съ княжнами! Кажется, шагъ былъ сдѣланъ: разъ вступивъ въ сіятельную гостиную, онъ могъ бы мало-по-малу привыкнуть къ ней... И вы думаете, что это такъ легко? О, вы бы спросили объ этомъ у бѣднаго молодого человѣка!

Въ одной изъ нихъ — это было, кажется, на вечерѣ у графини Д*... да, точно, потому что его только и встрѣчали въ двухъ извѣстныхъ гостиныхъ — такъ однажды у этой графини спросили объ немъ. Графиня изволила посмотрѣть на него довольно пристально, чрезвычайно холодно, очень важно, что можно было сейчасъ замѣтить изъ легкаго движенія ея нижней губы. Удивительно, какъ эти графини умѣютъ иногда самымъ незначительнымъ движеніемъ лица такъ много придать себѣ важности! Она взглянула на него и сказала:

— А! это какой-то г. Кремнинъ. Мнѣ его представилъ г. Н*. Я, право, не знаю, *что̀ онъ такое*... Онъ, кажется, никогда ничего не говоритъ и всегда стоитъ на одномъ мѣ-

стѣ. Вѣрите ли, что онъ былъ у меня раза четыре и еще не сказалъ со мной двухъ словъ! По всему видно, что онъ очень простъ.

Этотъ приговоръ графини былъ немножко рѣшителенъ, но нельзя было обвинить ее за этотъ приговоръ. Въ самомъ дѣлѣ, по закону свѣтскости, человѣкъ, который былъ въ домѣ четыре раза и не болѣе двухъ словъ произнесъ предъ хозяйкою дома, — такой человѣкъ... какъ не почесть такого человѣка если неумышленно-страннымъ, то *простымъ*?

Свѣтъ судитъ по-своему — и онъ правъ. Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ былъ *лишній* тамъ, гдѣ были:

. . . . . цвѣтъ столицы,
И знать, и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица...

Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ показался въ высшемъ кругу и объ этомъ узнали, то *нѣкоторые* изъ его знакомыхъ, при встрѣчѣ съ нимъ, жали ему руку и гораздо крѣпче и чувствительнѣе прежняго, и улыбались ему съ гораздо бо̀льшею пріятностью. Есть въ Петербургѣ такіе молодые люди, впрочемъ очень любезные, которые, не имѣя никакихъ средствъ попасть въ высшее общество, смотрятъ съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ и съ небольшою, почти незамѣтною завистью на того, который посѣщаетъ эти общества. Однако, иногда между собою, въ своемъ кругу, дома, за трубкою вакштаба, въ кондитерской за чашкою шоколада, разговорясь о томъ, о семъ, они отпускаютъ насчетъ такого человѣка насмѣшки въ родѣ слѣдующей: «онъ, братецъ, лѣзетъ въ знать» и тому подобное.

Въ началѣ декабря въ гостиныхъ заговорили о пріѣздѣ изъ чужихъ краевъ старушки-княгини Л* и о скоромъ бракѣ княжны В*.

Еще новость: княгиня даетъ огромный балъ; на этомъ балѣ будетъ весь блестящій Петербургъ, — и вотъ этотъ блестящій Петербургъ ждетъ бала, приготовляется къ балу и радуется случаю разсыпать деньги.

До слуха Кремнина дошла вѣсть объ этомъ балѣ и о ско-

ромъ бракѣ княжны. Какъ бы ему попасть на этотъ балъ? А ему захотѣлось непремѣнно быть тамъ, въ послѣдній разъ посмотрѣть на княжну, въ послѣдній! и навсегда распроститься съ аристократическими гостиными. Это было твердое его намѣреніе... Къ чему же вѣчно влачить жизнь безъ цѣли и надежды? О, жизнь безъ надежды! Понимаете ли вы, что это такое? Это день безъ свѣта, нѣтъ, это удушливый сонъ безъ пробужденія, это темница съ замками, для которыхъ нѣтъ ключей; цѣпь колодника — и ни шагу безъ этого рокового, тяжелаго звука, который гремитъ вамъ: нѣтъ отрады, нѣтъ надежды! Да, онъ рѣшился проститься съ княжною и съ гостиными, въ которыхъ только она одна для него блестѣла.

Онъ поѣхалъ къ Н*. Дома.

— Пожалуйста выполни мою послѣднюю просьбу, — сказалъ онъ ему, не по обычаю только сжимая его руку. — Говорятъ, у княгини Л* на-дняхъ огромный балъ. Я хочу быть на этомъ балѣ.

Н* задумался.

— Ты вѣдь знакомъ съ княгинею?

— Да, и очень; но, право, милый, легче попасть въ Магометовъ рай, чѣмъ на этотъ балъ княгини. Сколько приглашеній!.. Однако... Но ты такъ вооруженъ противъ общества, ты такъ не любишь нашихъ гостиныхъ. Отчего же вдругъ такое желаніе?

— Я прошу тебя...

— А, понимаю, понимаю!

— О, ради Бога!..—И молодой человѣкъ снова схватилъ его руку.

— Я не даю тебѣ слова, но я сейчасъ же ѣду къ княгинѣ, и можетъ быть... Да, кстати, мнѣ еще нужно будетъ кой-куда заѣхать. Я пришлю тебѣ отвѣтъ.

Черезъ два дня Кремнинъ получилъ пригласительный билетъ отъ княгини.

Балъ былъ назначенъ 10-го декабря.

Къ концу этого дня, часовъ въ 11, въ Милліонной не было проѣзда. Улица отъ начала до конца была загромож-

дена экипажами, освѣщена каретными фонарями. Жандармы скакали, кричали, бранились съ кучерами и проклинали виновницу этого съѣзда.

Домъ княгини горѣлъ огнями. Широкая лѣстница, расходившаяся кверху на двѣ половины, была устлана яркаго цвѣта узорчатымъ ковромъ и вся уставлена померанцевыми деревьями. Съ обѣихъ сторонъ у входа на мраморныхъ пьедесталахъ стояли большія курильницы чрезвычайно красивой формы, вывезенныя изъ чужихъ краевъ. У самаго входа пестрый, какъ полишинель, швейцаръ съ огромной булавою; далѣе цѣлый строй лакеевъ, увѣшанныхъ гербами, въ башмакахъ — такихъ ловкихъ, такихъ серьезныхъ. Чувство робости, это непріятное чувство, тяжко сжало молодого человѣка при входѣ. Онъ подумалъ: «въ послѣдній разъ» и немного ободрился.

Княгиня Л* чрезвычайно любила Ольгу. Еще ребенкомъ она всегда любовалась ею, всегда цѣловала ее, и когда Ольга начала подрастать, когда она день ото дня становилась пригожѣе, княгиня была отъ нея въ совершенномъ восторгѣ; княгиня безпрестанно кормила ее конфетами и безпрестанно, смотря на нее, повторяла: «ma belle Olga»... Говорили, будто бездѣтная, одинокая старушка заготовила духовную, въ которой все состояніе свое, послѣ смерти, отдавала княжнѣ. Впрочемъ, то были одни только слухи. Старушка созвала въ свои залы все высшее общество столицы для нея одной и заранѣе радовалась, заранѣе была увѣрена, что она будетъ царицею бала. Ольга была блистательна; въ ней чудно соединялись два идеала красоты: этотъ языческій, соблазнительный идеалъ формъ и другой чистѣйшій, возвышеннѣйшій: выраженіе души и мысли. Гордо поэтическая, дѣвственно-непорочная мысль выказывалась въ этихъ благородныхъ, нѣжныхъ чертахъ лица, душа такъ и сверкала въ этихъ лазурныхъ очахъ. На ней было бѣлое атласное платье, не совсѣмъ длинное, оканчивавшееся ровной полосой воздушнаго газа, сквозь который виднѣлись прелестныя ножки; сверхъ этого платья другое какое-то прозрачное, легкое; брилліантовая пряжка стягивала поясъ, и широкая лента пояса упадала

къ ногамъ. Голова ея была причесана просто: все тѣ же длинные, небрежные локоны и у косы одинъ бѣлый цвѣтокъ пополамъ съ розой. На нее просто нельзя было налюбоваться.

Балъ сверкалъ, ослѣпляя, музыка чаровала слухъ, ароматическій дымъ чуть вился въ душной атмосферѣ; все съ самозабвеніемъ прыгало и веселилось.

Графъ, стоя возлѣ своей невѣсты, замѣтилъ тамъ, въ сторонѣ, въ толпѣ, молодого человѣка.—«Кажется, это онъ!» Графъ едва замѣтно улыбнулся и потомъ оборотился къ своей Ольгѣ.

— Знаешь ли, кто здѣсь?—сказалъ онъ ей вполголоса.

— Кто?—простодушно спросила она.

— Я не скажу тебѣ. Отгадай...

— Какъ же ты хочешь, чтобъ я отгадала? Ты знаешь, какъ я недогадлива, милый?

Графъ опять улыбнулся.

— Вотъ посмотри направо, тамъ, между барономъ Р* и Т*...

— Что же?

— Ахъ, онъ исчезъ!

— Кто?..

— Твой обожатель, Ольга. Этотъ... какъ-бишь, я всегда забываю его имя... Крениц... Гремнинъ... твой несчастный обожатель...

— А, перестань, Michel; онъ *такой жалкій*, этотъ молодой человѣкъ!

— Я не понимаю, какъ онъ попалъ сюда. Кто его представилъ княгинѣ? Кажется, онъ немножко страненъ (графъ хотѣлъ сказать *глупъ*). Но ты должна знать это лучше. Вѣдь онъ танцовалъ съ тобой у графини *?

— Да; но онъ сказалъ со мной только два слова...

— Неужели? Такъ онъ долженъ быть очень любезенъ? Графъ засмѣялся.

— Онъ очень похожъ на какую-то неловкую и длинную птицу... Ты видѣла въ послѣднихъ листкахъ Musée de familles! Онъ скользитъ на паркетѣ, какъ гусь на льду.

Княжна улыбнулась.

Такъ невинно шутилъ графъ и такъ наивно внимала его шуткамъ *она*.

А молодой человѣкъ стоялъ сзади; онъ невольно слышалъ почти весь этотъ разговоръ. Онъ блѣднѣлъ и трясся; на глаза его налегъ туманъ. Наконецъ, при послѣднихъ словахъ, кровь задушила его... Онъ посмотрѣлъ съ ногъ до головы на графа — это былъ взглядъ, сверкнувшій вдругъ, нечаянно, какъ искра въ пеплѣ, который, казалось, совсѣмъ потухъ — посмотрѣлъ на графа, скрылся въ толпѣ, а потомъ его не было видно въ залахъ.

Черезъ часъ, можетъ быть и менѣе, онъ опять показался.

Между тѣмъ княжнѣ что-то сгрустнулось, она даже вздохнула... Неужели этотъ балъ утомлялъ ее?

Княжна вышла изъ залы и пошла въ другую комнату; тамъ легче дышать; дальше и дальше... Музыка тише и тише — и вотъ она очутилась въ угольной, небольшой, полукруглой комнатѣ. Въ этой комнатѣ никого не было. Она притворила дверь. Звуки музыки доходили сюда невнятнымъ гуломъ. Княжнѣ стало легко. Она опустилась на табуретку. Въ этой комнатѣ былъ темный свѣтъ, утѣшающій зрѣніе: одна лампа подъ матовымъ стекломъ, и то только освѣщавшая картину, которая висѣла на стѣнѣ. Какъ хороша картина! И Ольга заглядѣлась на нее.

Картина эта была старинной, темной кисти, изображавшая божественную Мадонну съ предвѣчнымъ младенцемъ. Говорили, что это картина Фра-Бартоломео. Правда это или нѣтъ, но вы видѣли именно божественную Мадонну. Видно, горячо молился художникъ, прежде чѣмъ замыслилъ эту картину, и благодать свыше пріосѣнила его, и животворная кисть начертала неземной, божественный ликъ, и вѣрно художникъ, начертавъ его, палъ колѣнопреклоненный передъ собственнымъ созданіемъ. Долго смотрѣла княжна на этотъ образъ — и душа ея теплилась моленіемъ, и ей было такъ пріятно...

А черезъ нѣсколько комнатъ отъ нея люди, будто опьянѣлые, безумно кружились и бѣгали подъ громъ музыки,

и сладострастное забвеніе туманило ихъ блѣдныя, усталыя лица... А черезъ нѣсколько комнатъ отъ нея...

Но княжна вздрогнула, дверь отворилась. Передъ нею стоялъ графъ. Онъ уже давно повсюду искалъ ее.

— Что съ тобой, моя Ольга? Для чего это ты здѣсь, одна? Не дурно ли тебѣ?

И графъ взялъ ея руку.

— Княгиня тоже безпокоится и ищетъ тебя.

— Въ залахъ такъ жарко, здѣсь такъ хорошо.

И она пожала его руку.

— Посмотри на этотъ образъ. Ты видѣлъ его, мой другъ? Посмотри, вотъ какъ должно изображать Мадонну. Вѣдь это нездѣшняя, неземная женщина; вглядись хорошенько. Сядь сюда. Я скажу тебѣ, что̀ я здѣсь дѣлала: глядя на этотъ образъ, я молилась за тебя...

— О!..

И, восторженный, онъ припалъ къ устамъ ея.

Она провела рукой по его кудрямъ, пристально посмотрѣла на него и, послѣ нѣсколькихъ минутъ задумчивости, сказала:

— Знаешь ли, Michel, мы теперь такъ счастливы... Да? Вѣдь ты счастливъ?.. Я боюсь только, надолго ли... Правда ли, говорятъ, будто бы здѣсь нѣтъ ничего постояннаго? Это ужасно! Такъ, мы всѣ живемъ только настоящимъ, только *сегодня*; а *завтра*... кто знаетъ, что будетъ *завтра*?..

— Что это значитъ? Къ чему такія черныя мысли?

— Это только боязнь, другъ мой, потерять мое теперешнее счастье. Я бы не снесла этой потери. Только одна боязнь... Впрочемъ, эта мысль часто со мной, и часто я гоню ее прочь отъ себя.

У Ольги навернулись слезы.

— Полно, полно, Ольга.

И онъ снова цѣловалъ ее — и ея уста такъ жались къ его устамъ.

— Ольга! Ольга! — послышался въ ближней комнатѣ голосъ старушки-княгини.

Въ эту самую минуту молодой человѣкъ уже расхажи-

валъ въ большой залѣ, гдѣ танцовали, и, казалось, все искалъ кого-то. Странно: въ его глазахъ вдругъ исчезла эта дѣвичья скромность, несмѣлость, которую другіе называли *простотою*; его взглядъ много говорилъ, но говорилъ что-то страшное. Этотъ взглядъ былъ страненъ на балѣ.

Послѣ разговора графа, который онъ невольно подслушалъ, выбѣжавъ изъ залы, какъ помѣшанный, онъ бросился домой, взбѣжалъ къ себѣ на лѣстницу запыхавшись, и прямо къ своему письменному столу.

На этомъ столѣ лежалъ въ прекрасномъ небольшомъ сафьяновомъ футлярѣ кинжалъ, привезенный ему изъ чужихъ краевъ. Это былъ кинжалъ-игрушка, красиво и вычурно отдѣланный, кинжалъ для забавы, для виду, такъ, чтобъ лежать между изящными бездѣлками въ кабинетѣ какого-нибудь *фата*.

Внѣ себя, онъ схватилъ футляръ и выдернулъ изъ него кинжалъ. Небольшое лезвіе, мастерски отполированное, ярко блеснуло... Онъ помертвѣлъ; рука его, державшая кинжалъ, дрожала... Онъ вложилъ кинжалъ въ футляръ, а футляръ въ боковой карманъ. Какъ онъ не походилъ на самого себя! Страсть сорвала съ лица его обыкновенное спокойное выраженіе. Въ эти минуты онъ будто прожилъ нѣсколько лѣтъ: такъ онъ возмужалъ. Быстро выбѣжавъ вонъ изъ своей квартиры, бросился онъ въ свою ямскую карету, отворилъ оба окна, потому что ему было душно, потому что его тѣснили видѣнія страшныя, отъ которыхъ замираетъ сердце и становится дыбомъ волосъ... Душно!.. Но вотъ карета опять у блестящаго подъѣзда, и вотъ онъ опять въ бальной залѣ.

Когда первое волненіе начало въ немъ стихать, когда онъ въ состояніи былъ собрать мысли свои въ порядокъ, все это ему представилось какимъ-то чудовищнымъ сномъ, бредомъ горячки. Онъ схватился за боковой карманъ — но въ немъ въ самомъ дѣлѣ кинжалъ; онъ посмотрѣлъ кругомъ себя: о, это не сонъ! И молодой человѣкъ содрогнулся.

«Быть убійцей!» — подумалъ онъ: — «подлымъ, низкимъ убійцей изъ-за угла — и за что же? за нѣсколько обидныхъ

замѣчаній на мой счетъ! Я безумецъ. Но передъ кѣмъ онъ меня выставлялъ въ смѣшномъ видѣ, передъ кѣмъ?.. Все равно, я не въ состояніи быть уличнымъ убійцей». Онъ подошелъ къ двери, которая вела въ другую залу, и увидѣлъ графа. Кровь опять хлынула ему въ голову.—«Графъ, графъ! онъ дастъ мнѣ отчетъ въ своихъ словахъ!..»—О, какъ онъ былъ гордъ въ эту минуту, какія чувства выражались въ каждой чертѣ лица его! Онъ думалъ: — «разсчитываясь съ графомъ, я разсчитываюсь со всѣми этими господами, которые хотѣли подавить, уничтожить меня своею холодностью» — и онъ былъ доволенъ собою...

Тусклѣе становилось въ залахъ. Залы рѣдѣли. Мазурка кончилась.

«Прощай, прощай, моя Ольга!»—шептала княгиня, цѣлуя ее.—«Что это ты вдругъ такъ поблѣднѣла?.. Я не могла налюбоваться тобой: ты была сегодня хороша, какъ ангелъ».

Графъ побѣжалъ сказать, чтобы подавали карету князя В*.

Въ дверяхъ какъ-то нечаянно онъ толкнулъ Кремнина, не замѣтилъ этого, не извинился, и исчезъ.

Карета стояла у подъѣзда.

Графъ у дверецъ кареты. Первая вошла сестра князя, за нею князь, потомъ княжна...

— *До завтра*, Michel! — сказала ему Ольга, входя въ карету.

— *До завтра, до завтра...*

Дверцы кареты захлопнулись. «Пошелъ!» Графъ приложилъ руку къ своей треугольной шляпѣ. Онъ видѣлъ въ окно кареты, какъ Ольга кивнула ему головкой.

— *До завтра, до завтра!*

Въ эту минуту сзади кто-то схватилъ его за шинель... Онъ оборотился: это былъ Кремнинъ.

— Что вамъ угодно? — вѣжливо спросилъ графъ.

— Мнѣ угодно поговорить съ вами; вы удостоите выслушать нѣсколько словъ. Отойдемте отъ подъѣзда.

Графъ посмотрѣлъ на него.

Они отошли на нѣсколько шаговъ.

Графъ остановился.

— Еще немного подальше, графъ. Видите ли, здѣсь экипажи, здѣсь люди...

Они отошли еще дальше.

Графъ еще разъ посмотрѣлъ на него.

— Что вамъ угодно?—повторилъ онъ.

— Вы сейчасъ это узнаете.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ кругомъ себя.

— Кажется, здѣсь никого нѣтъ: мы глазъ-на-глазъ. Графъ! за оскорбленіе платятъ оскорбленіями, за насмѣшку насмѣшкой, за презрѣніе презрѣніемъ...

— Что это значитъ?

— Минуту терпѣнія, ваше сіятельство. Я слышалъ вашъ разговоръ обо мнѣ съ княжной, здѣсь, на этомъ балѣ... Я не подслушивалъ, я просто слышалъ: вы говорили такъ, что не одинъ я могъ слышать... Вы воображали, графъ, что можете смѣло во всеуслышаніе издѣваться надъ человѣкомъ простого круга; что этотъ человѣкъ, котораго вы видали въ залѣ раза два или три въ углу, робкаго, молчаливаго, неловкаго, что этотъ человѣкъ не заслуживаетъ ничего, кромѣ вашей насмѣшки... Вы ошиблись, графъ!.. Вы видите, что я умѣю говорить, что я, человѣкъ изъ толпы, не могу и не хочу снести оскорбленія... Вы понимаете меня? Но я увѣренъ, что въ васъ есть благородство—я говорю не объ одномъ благородствѣ, которое вы изволили пріобрѣсть вашей наслѣдственной короной...

Графъ стоялъ будто пораженный ударомъ грома. Онъ видѣлъ, до чего довела его неосторожность, до чего довели его эти незначительныя, необдуманныя, пошлыя фразы, брошенныя на вѣтеръ. Слова молодого человѣка, эти слова, болѣзненно вырывавшіяся изъ груди, были тяжки для графа: они какъ свинецъ подавляли его. Да, онъ раскаявался въ своей опрометчивости. Позднее раскаяніе!

— Довольно, я понялъ васъ,—сказалъ ему графъ твердымъ голосомъ.

— Я не ошибся въ васъ, графъ!—Тутъ молодой чело-

вѣкъ, будто боясь, чтобы ихъ не подслушали, подвинулся на полшага ближе къ графу и сказалъ ему что-то шопотомъ.

— Вы согласны?

— Согласенъ.

— Завтра утромъ.

— Да.

Графъ хотѣлъ итти.

— Еще одно слово, графъ! Вы могли сегодня же заплатить жизнью за вашу остроумную насмѣшку надъ бѣднымъ, незначащимъ человѣкомъ. Да, ваша жизнь висѣла на волоскѣ... Я хотѣлъ зарѣзать васъ, графъ, какъ рѣжутъ разбойники, тайкомъ, изъ-за угла. Вотъ этотъ кинжалъ готовился для васъ. Но я не могу быть подлымъ убійцею. Итакъ завтра въ 11 часовъ, за М... заставой.

Карета за каретой тянулись къ подъѣзду. Разъѣздъ продолжался.

Графъ пошелъ къ подъѣзду. Навстрѣчу къ нему бѣжалъ Ф*: онъ искалъ своей коляски. Графъ шепнулъ ему что-то на ухо. Тотъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на него.

— Ни слова!

И они пожали другъ другу руку.

Графъ возвратился домой и, не раздѣваясь, всю ночь просидѣлъ въ креслахъ. Руки его были судорожно сжаты. Онъ былъ холоденъ, какъ мраморъ.

Къ утру онъ всталъ съ креселъ; лицо его осунулось и покрылось синеватою блѣдностью; онъ подошелъ къ столу, написалъ письмо, запечаталъ его и призвалъ человѣка.

— Я сегодня утромъ ѣду. Если до вечера не возвращусь, ты отнесешь это письмо къ князю В*.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Въ 10 часовъ утра къ нему пріѣхалъ Ф*; Ф* осмотрѣлъ ящикъ съ пистолетами и велѣлъ положить его въ карету. Въ 11-мъ часу карета выѣхала со двора. Садясь въ карету, графъ произнесъ вполголоса: *сегодня и завтра!*

Графъ не возвращался домой. Вечеромъ письмо его было отнесено къ князю В*.

— Онъ обѣщалъ быть, онъ не ѣдетъ: что это значитъ?..

Къ вечеру князь занемогъ.

Жадному до новостей городу брошена была добыча.

«Дуэль, дуэль! Графъ Болгарскій, женихъ княжны В*, и какой-то молодой человѣкъ, тотъ, что видали тамъ-то и тамъ-то... Боже, какое несчастіе!»

Разсказчики и разсказчицы были въ восторгѣ.

Бѣдный Н*, представившій Кремнина къ княгинѣ, былъ въ отчаяніи. Онъ говорилъ педантически, приглашивая свои бакенбарды, что онъ совершенно *окомпрометированъ*.

На слѣдующій день князь почувствовалъ, что ему легче. Онъ перемогъ себя и всталъ съ постели.

— Ольга! я получилъ записку отъ графа,—сказалъ онъ.— Графъ никуда не выѣзжаетъ: онъ нездоровъ. — Несчастный отецъ глоталъ слезы и улыбался, смотря на дочь.

— Нездоровъ? — повторила она — и задумалась.

Прошелъ еще день, другой, третій — нѣтъ графа. У Ольги распухли глаза отъ слезъ. На четвертый день она уже не плакала; подошла къ отцу и спросила его твердымъ голосомъ:

— Что же, онъ все нездоровъ?

Отецъ вздрогнулъ.

Черезъ нѣсколько дней въ кабинетѣ князя собралось нѣсколько докторовъ. Князь пошелъ на половину дочери и за нимъ эти доктора. Князь вошелъ къ ней въ комнату. Доктора не входили. Княжна лежала на кушеткѣ. Лицо ея было закрыто руками. Отецъ подошелъ къ ней.

— Ольга!

Она встала съ кушетки.

— А, это вы, батюшка?

— Каково ты себя чувствуешь, другъ мой?

— Ничего, очень хорошо...

Минуты двѣ они оба молчали.

Отецъ взялъ ее за руку.

— Другъ мой! — сказалъ онъ ей: — обѣщайся мнѣ быть благоразумною...

Голосъ отца дрожалъ.

— У тебя еще остаюсь я...

Ольга посмотрѣла на него. Ея зрачки остановились, губы образовали какую-то гримасу, похожую на улыбку; она пошатнулась.

— Помогите, помогите! — закричалъ князь отчаяннымъ голосомъ.

Доктора вбѣжали въ комнату.

IV.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.

А. Пушкинъ.

Хороша ты, Волга, царица рѣкъ русскихъ! Гульливы и веселы твои вòды! Прихотница, красиво—то сжато, то раскидисто — бѣжишь ты, и порой страшно сердишься, и мутишься, и стонешь, и разливаешься! Твои дѣти, баловниволны, затѣваютъ подчасъ чудныя потѣхи: онѣ вьются, пѣнятся, перегоняютъ другъ друга, переливаются на ясномъ солнышкѣ, немилостиво играютъ съ бѣдными судами, прыгаютъ на эти суда, скачутъ, заливаютъ, топятъ безсильныхъ и еще, безжалостныя, радуются ихъ немощи и удальству своему.

Узорчаты берега твои, красавица-Волга! Высоко вздымаютъ они свои скалистыя вершины! Въ ихъ глубокихъ расщелинахъ, на ихъ широкихъ уступахъ растутъ вѣковыя деревья, склоняясь къ водамъ твоимъ, изгибаясь, падая, и между ними вьется кустарникъ, и кой-гдѣ торчатъ его безобразныя, высохшія иглы, и кой-гдѣ среди темной зелени голый утесъ высовываетъ свою желтую, песчаную голову.

И Сальваторъ-Роза заглядѣлся бы на берега твои, разгульная Волга! Я помню: еще дитя, стоялъ я на берегу твоемъ. Сѣрыя тучи облегли небо, вереница дикихъ утокъ тянулась по поднебесью чернымъ поясомъ — и ты сумрачна

была, Волга, какъ небо, и тяжело поднималась и опускалась твоя свинцовая грудь...

Когда судьба снова привела меня къ твоему берегу, ты была окована льдомъ: я не любовался твоею молодецкою удалью, твоимъ широкимъ привольемъ. Равнодушно проѣхалъ я по твоей ледяной корѣ, равнодушно смотрѣлъ, какъ яркое зимнее солнце играло съ инеемъ, который обсыпалъ деревья и кустарники береговъ твоихъ, и сверкалъ и щеголялъ, какъ сверкаетъ и щеголяетъ бальное убранство изъ многоцѣнныхъ каменьевъ.

Когда же снова я увижу тебя, Волга? А въ эту минуту я бы хотѣлъ надышаться свободой, наглядѣться на безпредѣльность, налюбоваться привольемъ и, можетъ быть, раздуматься о прошедшемъ! Когда же снова я увижу эти великолѣпныя хоромы, гордо, красиво рисующіяся на берегу твоемъ, старинныя хоромы русскаго барина, и большую каменную церковь съ пестрыми главами и горящими крестами, замѣтную издалеча, и эту деревню, которая такъ картинно раскинулась около церкви по береговому скату?.. Когда? Когда?..

Въ этихъ хоромахъ, принадлежавшихъ князю В*, назадъ тому года четыре, кипѣла жизнь, вездѣ встрѣчались слѣды одушевленія. По широкимъ лѣстницамъ бѣгали взадъ и впередъ безтолковые лакеи, мелькали повара и поваренки въ бѣлыхъ курткахъ и колпачкахъ набекрень; по тѣнистымъ аллеямъ парка разъѣзжали линейки и кабріолеты. Теперь вездѣ пусто — и въ домѣ, и въ саду, и въ паркѣ. Говорятъ, дорожки сада заросли травою, на мѣстѣ роскошныхъ цвѣтниковъ торчитъ безобразный репейникъ, кой-гдѣ проглядываютъ высохшіе сучья шиповника, и между ними печально красуется одинокій, опальный цвѣтокъ. Тихо въ забытомъ саду, тихо окрестъ опустѣвшаго дома; лишь порой слышится стонъ Волги, да ея однообразные всплески, да глухой говоръ вѣковыхъ деревьевъ и страшное завыванье вѣтра, грознаго предвѣстника бури.

Такъ, кажется, 4 года тому назадъ (вѣрно только то, что это было въ іюлѣ, черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ того, какъ

объявлено было Ольгѣ о смерти ея жениха), князь В* сидѣлъ въ одной изъ комнатъ своего деревенскаго дворца, окна которой выходили на Волгу. Передъ волтеровскими креслами, на которыхъ сидѣлъ князь, былъ поставленъ столикъ, а на столикѣ стояла большая фарфоровая чашка съ чаемъ. Онъ былъ блѣденъ; лицо его очень измѣнили эти полгода; его волосы, съ прежнею тщательностью вчесанные кверху, почти совершенно посѣдѣли. Онъ машинально повертывалъ въ рукѣ чайную ложечку. Немного поодаль у стола, въ промежуткѣ двухъ оконъ, стоялъ человѣкъ лѣтъ сорока, въ черномъ фракѣ, очень серьезный, съ нависшими на глаза бровями, который съ важностью потиралъ рукою свой подбородокъ. Противъ креселъ князя, за богатымъ роялемъ, сидѣла княжна Ольга. На ея личикѣ вы совсѣмъ не нашли бы тяжкихъ слѣдовъ печали, нѣтъ, это личико было такъ же цвѣтисто, такъ же игриво и одушевленно, какъ и нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ тѣ дни, когда она сидѣла объ-руку съ графомъ и говорила ему: «Безъ тебя мнѣ нѣтъ счастія, нѣтъ жизни!» На княжнѣ было бѣлое тюлевое платье, на груди букетъ живыхъ розъ; тесьмы волосъ ея были стянуты золотой пластинкой фероньерки, съ крупнымъ брилліантомъ въ серединѣ. На бронзовой розеткѣ рояля висѣлъ вѣнокъ, искусно сплетенный изъ разныхъ цвѣтовъ, которые уже начинали вянуть. Ольга то брала какіе-то странные аккорды, то, опустивъ недвижныя руки на клавиши, была въ задумчивости. Догоравшее солнце слабо играло на полу и на стѣнахъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ княжна встала съ табуретки, посмотрѣла на ноты, которыя лежали на пюпитрѣ, перевернула листъ, потомъ взяла вѣнокъ и пристально посмотрѣла на него, потомъ отошла отъ рояля и улыбнулась.

Князь взглянулъ на человѣка въ черномъ фракѣ.

Тотъ сдѣлалъ гримасу, открылъ табакерку и сталъ съ важностью перебирать табакъ.

Ольга подошла къ отцу.

— Эти цвѣты вянутъ!—печально сказала она.

Князь молчалъ.

— Вянутъ! А вѣдь я нарвала ихъ только за два часа передъ этимъ. Посмотрите, посмотрите, какъ опустились листики розы! Бѣдная роза!

И нѣсколько минутъ она стояла молча, печально, съ поникшей головкой.

— Вы меня любите, батюшка? Да, вы меня очень любите? Правда?—И она наклонилась къ отцу и поцѣловала его.

У старика навернулись слезы. Онъ тихо проговорилъ:

— Ты моя жизнь, Ольга!

— Ваша жизнь!.. А вотъ этотъ дикій жасминъ — онъ совсѣмъ завялъ. Я его вырву изъ вѣнка... Завялъ! завялъ!

Она отошла къ окну.

— Знаете ли что?—произнесла она тихо и потомъ запѣла вполголоса...—Я,

Какъ пчела, жужжа, мелькаю,
Въ пышной розѣ исчезаю,
Ароматъ цвѣточный пью
И, играя, догоняю
Серебристую струю....

— Какой чудесный вечеръ, батюшка! Взгляните, какъ играетъ солнце на поверхности воды. Посмотрите на небо! Ахъ, какіе чудесные цвѣта, какой блескъ, какое убранство! Вотъ яхонтъ, вотъ изумрудъ, вотъ золото, золото—и все покрыло золото.... Я не люблю золота!

И потомъ она тихо, на цыпочкахъ, подошла къ роялю, пробѣжала руками по клавишамъ и запѣла:

Опостылѣлъ мнѣ свѣтъ —
Друга милаго нѣтъ!
Одинъ разъ посмотрѣть
На него, хоть во снѣ,
И потомъ умереть,
Умереть дайте мнѣ....
Гдѣ же онъ? Онъ убитъ,
Онъ въ могилѣ зарытъ.
Милый мой, миръ съ тобой!
Ты засыпанъ землей...

И вдругъ голосъ ея задребезжалъ, какъ порванная струна арфы, и нестройные звуки обратились въ рыданіе, раздиравшее сердце.

Отецъ закрылъ лицо руками...

Черезъ нѣсколько минутъ княжна съ веселой улыбкой выбѣжала изъ комнаты. «Я пойду проститься съ милымъ другомъ, съ моимъ милымъ другомъ»,—повторяла она...... Уже солнце садится... Деревцо мое! Оно ждетъ меня, оно скучаетъ безъ меня...»

Князь остался вдвоемъ съ человѣкомъ въ черномъ фракѣ. Князь всталъ съ креселъ, подошелъ къ нему и взялъ его за руку.

— Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело, докторъ! Что? нѣтъ никакой надежды?

Докторъ пожалъ плечами, стукнулъ по табакеркѣ, понюхалъ и пробормоталъ: «На... чужіе края, можетъ быть, перемѣна, разнообразіе...»

— Да, въ августѣ мы ѣдемъ въ чужіе края. Такъ еще, можетъ быть, есть надежда? Послушайте, я васъ озолочу, докторъ...

Между тѣмъ княжна сбѣжала по лѣстницѣ въ нижнюю залу, изъ залы въ садъ и въ одно мгновеніе очутилась на широкой площадкѣ противъ оконъ своей спальни.

Въ срединѣ этой площадки, устланной зеленымъ бархатнымъ ковромъ дерна, гордо возвышался красивый, статный, раскидистый дубъ. Вы залюбовались бы его роскошными вѣтвями, дѣвственной свѣжестью его зелени, залюбовались бы его могучей растительной силой, вы, которые привыкли смотрѣть на жалкія деревья, кое-гдѣ безсмысленно торчащія между кирпичными громадами зданій, на эти бѣдныя деревья, опаленныя солнцемъ и одѣтыя въ пыль.

Княжна подбѣжала къ дубу, посмотрѣла на этотъ дубъ, закивала ему своей головкой—и въ эту минуту ея локоны такъ мило разсыпались по лицу, и она такъ мило откидывала ихъ отъ лица.

— До завтра, до завтра!—говорила княжна...—Мы завтра увидимся съ тобою, милый другъ. Я приду къ тебѣ вмѣстѣ

съ солнцемъ... Теперь оно уходитъ, и я ухожу отъ тебя. До завтра, до завтра!

И дерево будто понимало слова княжны, будто сочувствовало этой странной привязанности къ нему: его листы, тихо колеблясь, казалось, шептали что-то нѣжное въ отвѣтъ на ея привѣтствіе.

У одного изъ оконъ верхняго этажа стояли князь и докторъ. Они слѣдили за движеніями Ольги...

— Чѣмъ вы поясните эту чудную привязанность къ дереву? Не правда ли, что это очень странно, докторъ? Вотъ уже три мѣсяца, какъ мы здѣсь — и любовь моей бѣдной Ольги къ этому дереву, кажется, становится съ каждымъ днемъ сильнѣе. Странно!

— Медицина не объясняетъ такихъ феноменовъ, ваше сіятельство... Въ человѣческой душѣ есть много неразгаданнаго. Вы читали Шекспира? О, это великій писатель! точно великій писатель, ваше сіятельство. Вы читали его и должны помнить слова Гамлета: There are more things in hea ven and earth, Horacio Than and dreamt of in your philosophy. У насъ безпрестанно должно быть на языкѣ это мудрое изреченіе, и оно точно безпрестанно повторяется нами. Кто-то прекрасно сказалъ, что эти слова должны привѣтствовать философію. Я вамъ наскажу много примѣровъ...

И докторъ говорилъ много и долго, но князь ничего не слыхалъ: онъ смотрѣлъ въ окно, онъ смотрѣлъ на дубъ, онъ думалъ о своей милой Ольгѣ.

— Докторъ! теперь мы пойдемъ къ ней,—онъ взялъ доктора за руку:—она давно прошла къ себѣ на половину... Мы посидимъ съ ней нѣсколько минутъ, не правда ли?

Князь не могъ быть безъ нея: онъ чувствовалъ, что въ жизни дочери была заключена и его жизнь, что его существованіе безраздѣльно связано съ ея существованіемъ. Несчастный отецъ! онъ страдалъ, не видя ея; онъ страдалъ, глядя на нее.

Такъ тянулся день за днемъ.

Однажды княжна проснулась какъ-то веселѣе обыкновеннаго: ея глаза вдругъ приняли то плѣнительное выраженіе,

которое одушевляло ихъ нѣкогда. Она встала съ постели, накинула на грудь шаль, завернулась въ нее и подошла къ своему уборному столику, посмотрѣлась въ зеркало, откинула шаль, сняла съ головы маленькій чепчикъ—и темная коса ея роскошно, волнисто разсыпалась по бѣлой батистовой кофточкѣ. Это была коса-заглядѣнье: длинная, до колѣнъ, мягкая какъ шелкъ, глянцовитая какъ атласъ.

Княжна, посмотрѣвъ въ зеркало, покачала головкой—и ея волосы съ обѣихъ сторонъ скатились на личико, и она на минуту вся исчезла въ волнахъ; потомъ отвела ихъ рукою, снова посмотрѣла въ зеркало и снова спряталась въ волосахъ, точно дитя, которое закрываетъ ручонками своё личико, улыбается и мило лепечетъ *тютю*.

Потомъ она позвонила. Вошла горничная.

— Маша, ты причешешь меня сегодня точно такъ же, какъ я была причесена въ тотъ день, какъ *его* убили.

Говоря это, княжна смѣялась. И черезъ полчаса она уже молча сидѣла въ креслахъ причесанная и одѣтая.

Когда отецъ пришелъ навѣстить ее, она граціозно привстала съ креселъ, взяла его за руку, крѣпко пожала ее и съ участіемъ спросила:

— Каково ваше здоровье, батюшка? вы сегодня что-то невеселы.

— Напротивъ, другъ мой. А каково твое здоровье, Ольга?

— У меня на-дняхъ болѣла голова; теперь нѣтъ... Мнѣ кажется, вы скучаете *о немъ*, добрый батюшка, о моемъ миломъ другѣ. Что дѣлать. Надобно покориться волѣ Божіей. Можно ли возставать противъ нея? Это грѣшно, очень грѣшно... Посмотрите на меня: теперь я совершенно покорна высшей волѣ.

И она взяла руку отца и поцѣловала ее...

Въ глазахъ его блеснула радость—это былъ свѣтъ надежды, яркій свѣтъ, одинъ, который озарялъ ему темную тропу жизни, то вспыхивая, то потухая ежеминутно.

— Что же, мы поѣдемъ въ чужіе края, батюшка? И, какъ вы предполагаете, скоро?

— Да, мой другъ, недѣли черезъ двѣ мы должны отсюда выѣхать.

— Черезъ двѣ!..—Она задумалась.

Князь вышелъ изъ ея комнаты и послалъ за докторомъ. Онъ хотѣлъ, бѣдный отецъ, сообщить ему свою радость, что Ольга такъ хорошо сегодня его встрѣтила, такъ хорошо говорила съ нимъ...

А докторъ въ это время разъѣзжалъ въ кабріолетѣ по аллеямъ парка. Докторъ чрезвычайно какъ любилъ ѣздить въ кабріолетѣ.

— Черезъ двѣ недѣли!—снова повторила княжна, оставшись наединѣ...

И взглянула въ окно: передъ ней красовался дубъ.

— Нѣтъ, я не разстанусь съ тобою. Я такъ люблю тебя, красавецъ мой, красавецъ мой! — повторяла княжна. — Кѣмъ же буду я любоваться безъ тебя? Я помню... да... зала... огни... Какъ ты хорошъ былъ на послѣднемъ балѣ!.. къ тебѣ лучше идетъ этотъ красный мундиръ... Въ какомъ мундирѣ положили его въ гробъ?.. Нѣтъ, я не разстанусь съ тобой, деревцо мое! Какъ хороши, какъ красивы твои вѣтви: точно перья султана!.. Какъ ты гордъ, мой дубъ.. О, какъ ты чувствуешь свое величіе!.. и *онъ* былъ гордъ.... Теперь нѣтъ его!..—И княжна вскрикнула и безъ чувствъ упала на коверъ. Испуганная горничная вбѣжала въ комнату, схватилась за шнурокъ звонка, бросилась къ склянкѣ съ одеколономъ, сама не знала, что дѣлала... Княжна лежала блѣдна какъ трупъ.

Къ счастію въ эту минуту докторъ у подъѣзда дома выходилъ изъ кабріолета; къ счастію горничная выбѣжала въ коридоръ и закричала: «Докторъ! докторъ!» Докторъ явился. Ольгу привели въ чувство. Она была очень слаба; ее положили на постель. И отецъ, за минуту передъ этимъ озаренный слабымъ лучомъ надежды, мраченъ стоялъ теперь у постели больной... Докторъ держалъ ее за пульсъ.

Отецъ смотрѣлъ въ глаза доктора; онъ, кажется, хотѣлъ прочесть свою участь въ глазахъ его. Съ этого дня здоровье Ольги стало замѣтно разстраиваться: правда, она еще сидѣла

подъ своимъ любимымъ деревомъ, она еще улыбалась иногда отцу; но на этомъ лицѣ, безпечномъ и до сихъ поръ полномъ жизни, начинало проявляться страданіе. Вотъ теперь она точно походила на больную: болѣзнь стерла румянецъ съ ея личика, болѣзнь мало-по-малу проводила по немъ свои рѣзкія черты, болѣзнь потушила блескъ очей ея.

Прошло еще нѣсколько дней—и какъ эти дни измѣнили бѣдную княжну! Та ли это княжна-невѣста, которая, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, счастливая и восторженная, блистала въ петербургскихъ гостиныхъ, о которой кричали во всѣхъ обществахъ Петербурга? Такъ это-то земное счастіе, котораго мы всѣ ищемъ? Княжна, княжна! Кто не думалъ, смотря на нее прежде, что ея радость беззакатна, что ей суждено вѣчно покоиться на розахъ, или, по крайней мѣрѣ, что розы долго, долго не сойдутъ съ ея личика?

Княжна лежала въ постели. Отъ постели не отходили докторъ и отецъ ея. Разъ какъ-то докторъ сказалъ шопотомъ князю:

— Нашъ отъѣздъ въ чужіе края, кажется, должно будетъ отложить...

Князь весь перемѣнился въ лицѣ.

— Почему же, докторъ?

— Она не вынесетъ долгаго пути...

— Гм!..

Князь опустился въ кресла: лицо его въ эту минуту было страшно напряжено, зубы сжаты, онъ былъ весь мука; но на глазахъ его не показалось ни слезинки.

Грозно-величественна была Волга; ея волны почернѣли отъ гнѣва и, вздымаясь, пѣнились, махровились, будто причудливые завитки серебра на старинныхъ кубкахъ. Грозно было небо: вѣтеръ разорвалъ въ лоскутки густыя тучи и, тѣшась, гонялъ ихъ по лазури небесной—и онѣ то дружно сталкивались, то враждебно бѣжали другъ отъ друга. Вѣтеръ ломилъ столѣтніе дубы, и великаны изнывали въ страшной

борьбѣ съ невидимой силой. Давно не помнили такой грозы старики приволжскіе.

Княжна лежала безъ чувствъ, блѣдная, съ закрытыми глазами. Отецъ ея не слыхалъ грозы, не видалъ бури. Голова его обезсиленная опустилась на грудь, сѣдые волосы торчали въ безпорядкѣ. Онъ не спалъ всю ночь; для него уже не было времени: утро, полдень, вечеръ, ночь—для него все слилось въ одно безпредѣльное, темное пространство.

Докторъ съ наморщеннымъ лбомъ стоялъ, облокотясь на спинку кровати. Вдругъ княжна открыла глаза. Отецъ вздрогнулъ. Докторъ придвинулся къ изголовью постели. Княжна привстала, оглядѣла кругомъ себя, поднесла руку ко лбу, потомъ поманила отца. Онъ наклонился къ ней. Она обняла его.

— Мнѣ легче теперь,—шептала она ему:—о, гораздо легче! Я увижу его тамъ, далеко отсюда... Онъ со мной!.. Прощайте, прощайте, батюшка! Бѣдный батюшка, приходите ко мнѣ скорѣй, скорѣй... Мнѣ стало легче послѣ причастья. Мнѣ такъ свѣтло... О, поцѣлуйте меня, батюшка; не плачьте, благословите меня, благословите...

Уста ея шевелились, но уже безъ словъ...

Въ эту минуту въ комнатѣ совершенно стемнѣло. Черная туча тяжко нависла надъ вершинами деревьевъ... Дико загудѣлъ вѣтеръ, и съ минуту длился гулъ и стонъ, и внезапно оглушительный трескъ раздался у самыхъ оконъ, страшный трескъ. Трепещущій докторъ взглянулъ въ окно... Красавецъ дубъ, любимецъ княжны, лежалъ на землѣ, сломанный бурею. «Докторъ!» послышался задыхающійся голосъ князя. Тотъ подбѣжалъ къ нему. Отецъ-страдалецъ стоялъ наклонившись къ постели, руки его оперлись на постель... Онъ былъ въ объятіяхъ трупа.

Докторъ взглянулъ на это, отеръ холодный потъ, который капалъ съ него, и невольно перекрестился.

Черезъ три дня послѣ этого солнце ярко сверкало, ярко горѣли кресты храма Божія. Кладбище, окрестъ его, обне-

сенное каменной оградой, было наполнено крестьянами и крестьянками князя, которые держали въ рукахъ зажженныя свѣчи. Они молились и плакали. Священники стояли въ черныхъ ризахъ надъ открытой могилой; въ воздухѣ звучно и печально раздавалось торжественное: *«Со святыми упокой»*— и эти унылые звуки сливались съ переливнымъ, гармоническимъ, веселымъ пѣніемъ птички.

Розовый гробъ съ золочеными кистями опускали въ могилу.

Изъ груди князя вырвалось стенаніе...

Гробъ опустили.

Князь наклонился, взялъ горсть земли и бросилъ ее въ могилу; съ этою горстью земли онъ, казалось, бросалъ въ могилу дочери жизнь свою; потомъ онъ оборотился къ доктору и сказалъ ему:

— Вы меня положите здѣсь, возлѣ нея. Это моя послѣдняя воля.

Когда кладбище опустѣло, кто-то видѣлъ человѣка, закутаннаго въ плащъ, съ нахлобученною на глаза шляпой. Кто былъ этотъ человѣкъ и откуда пришелъ онъ—этого никто не зналъ, даже никто не видалъ лица его; но этотъ человѣкъ долго, долго молился на могилѣ. Послѣ того его уже не видали. Это разсказывали тихомолкомъ въ домѣ князя. Можетъ быть все это была выдумка.

До петербургскихъ блестящихъ гостиныхъ дошли слухи о смерти княжны Ольги. А, княжна Ольга! О княжнѣ совсѣмъ было забыли, но смерть напомнила о ней. Дня два, а можетъ быть и три, разговоръ этотъ былъ въ ходу: всѣ толковали о ея помѣшательствѣ, о ея отцѣ, о дубѣ—и все это прикрашивали, увеличивали, и всему этому такъ дивились и всѣ такъ сожалѣли о княжнѣ и объ отцѣ ея... О, это сожалѣнье людей!.. На четвертый день въ Петербургъ пріѣхалъ, кажется, турецкій посланникъ—и княжна навсегда была забыта, и всѣ заговорили о турецкомъ посланникѣ.

КОШЕЛЕКЪ.

(Сцены изъ петербургской жизни.)

I.

Старушка мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла, днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ за маленькимъ столомъ
Раскладывала карты и гадала.

Пушкинъ.

— Ахъ, тетушка, какъ хорошъ вашъ Петербургъ! Мнѣ никогда и во снѣ не снилось ничего подобнаго! Какъ здѣсь все великолѣпно!.. Какія набережныя, какія площади, какіе дворцы, какіе огромные дома, какія нарядныя дамы, какіе экипажи! А останавливались ли вы когда-нибудь, тетушка, передъ монументомъ Петра въ лунную ночь? Любовались ли Невою? Господи Боже мой, какъ хороша ваша Нева, тетушка!

Такъ говорилъ въ лирическомъ жару молодой человѣкъ «съ цвѣтущими ланитами и устами», съ простодушнымъ взглядомъ, въ длинномъ, гораздо ниже колѣнъ, сюртукѣ,— настоящій представитель отраднаго деревенскаго быта.

Тетушка, къ которой онъ адресовался съ своею кудрявою, дѣвственною рѣчью, была старушка, какъ обыкновенно бываютъ всѣ простыя русскія старушки, съ морщинами на лицѣ, съ чепцомъ на головѣ, съ очками на носу и съ чулкомъ въ рукахъ.

Странна показалась тетушкѣ рѣчь племянника—и прутки замерли въ ея рукахъ, и она отложила чулокъ на малень-

кій столъ, который стоялъ возлѣ нея, подняла очки на лобъ, протерла глаза и пристально посмотрѣла на племянника.

— Что это ты, Иванушка? Богъ съ тобой! Экой проказникъ: что я за полоумная, что стану ходить по ночамъ да глазѣть на памятники?

И старушка отъ души смѣялась надъ проказникомъ.

Въ эту минуту дѣвушка, сидѣвшая на скамейкѣ у ногъ старушки, выронила изъ рукъ иголку и шитье, подняла вверхъ свои темноголубые глазки, закинула назадъ свою грёзовскую головку, всю въ локонахъ, взглянула на старушку, потомъ украдкой бросила взоръ на молодого человѣка: ей хотѣлось улыбнуться, и она, кажется, закраснѣлась.

Но, можетъ быть, то былъ лучъ догоравшей зари, который, уловивъ движеніе дѣвушки, страстно прильнулъ къ ней и любовно освѣтилъ ея личико своимъ пламенемъ.

Хороша была эта картина изъ трехъ лицъ: морщинистая старушка, румяная дѣвушка, молодой человѣкъ, задумчиво облокотившійся на ручку креселъ... Небольшая комната, просто убранная, ситцевыя занавѣски у оконъ съ красною шерстяною бахромою и герани на окнахъ. Въ этой комнатѣ все дышало спокойствіемъ и счастіемъ, тою отрадною безмятежностью, о которой, кажется, не вѣдаютъ люди, живущіе въ огромныхъ золоченыхъ палатахъ.

— Вы сегодня, маменька, что-то очень долго заработались. Ужъ скоро совсѣмъ смеркнется.

— Да, да, твоя правда, Лиза; у меня и глаза начинаютъ слипаться.

И, говоря это, старушка вкладывала свои очки въ красный, потемнѣвшій отъ времени футляръ.

— И тебѣ пора бросить свое шитье: ты и безъ того у меня сегодня глазъ не спускала съ иголки. Надо и покой знать. Убери-ка мой чулокъ, Лизанька.

Дѣвушка поцѣловала руку старушки, встала съ скамейки, подошла къ столику, взяла чулокъ, который вязала она, положила его въ желтую плетеную корзиночку и вышла изъ комнаты.

— Ахъ, ты моя красавица!—шептала старушка, провожая Лизу глазами.

Лиза была точно чрезвычайно мила съ своими воздушными локонами, съ своею тонкою таліею. Къ ней очень шло ея темное, ситцевое платье, ея черный кушачокъ и пестрый передничекъ съ карманами по бокамъ.

— Вотъ, мой родной,—продолжала старушка, когда Лиза вышла изъ комнаты,—въ этой дѣвушкѣ Господь Богъ послалъ мнѣ настоящаго ангела. Ну, что бы я была безъ нея на старости лѣтъ? Ужъ подлинно могу сказать, что и родная дочь не любила бы меня больше ея. Вотъ, около Покрова будетъ 15 лѣтъ, какъ она при мнѣ, и я не помню, чтобы когда-нибудь хоть разъ чѣмъ огорчила меня, даже когда была еще ребенкомъ. Этакой дѣвушки и днемъ съ огнемъ поискать. А какая рукодѣльница! не даромъ молилась я объ ней Угоднику Божію Николаю Чудотворцу! Вотъ хоть бы и ты, мнѣ родной племянникъ по отцѣ, да ужъ любить меня такъ не можешь, какъ она.

— Какъ мнѣ васъ не любить, тетушка? У меня не осталось никого кромѣ васъ... А вы ходите когда-нибудь съ Лизаветой Михайловной въ театръ? Я думаю, въ Петербургѣ чудесный театръ, тетушка?

— Вотъ у него, сударь, что на умѣ: театры да промонады... Ужъ никакъ тебя, мой батюшка, Петербургъ-то совсѣмъ съ ума свелъ. А?

И въ самомъ дѣлѣ, Петербургъ почти свелъ съ ума молодого человѣка. Да и какъ не сойти съ ума отъ Петербурга тому, кто не видалъ ничего краше, не воображалъ ничего совершеннѣе своего губернскаго города?

Зданіе К*** университета было для него идеаломъ великолѣпія. Онъ часто останавливался передъ этимъ зданіемъ и дивился его огромности, потому что до четырнадцатилѣтняго своего возраста онъ ничего не видѣлъ кромѣ избъ, крытыхъ соломою, да полуразвалившагося барскаго дома, обнесеннаго плетнемъ, да воротъ, на которыхъ нѣкогда была нарисована домашнимъ геніемъ какая-то аллегорическая картина, размытая впослѣдствіи дождями и бурями.,,

И послѣ всего этого очутиться въ Петербургѣ и, какъ будто нарочно, въ ту минуту, когда онъ, сбросивъ съ себя снѣговой саванъ, обновленный лучами весенняго солнца, блеститъ и щеголяетъ, и, впервые послѣ пятимѣсячнаго усыпленія, самодовольно смотрится въ свое чудное зеркало въ гранитной рамѣ... Согласитесь, что тутъ есть отъ чего сойти съ ума молодому провинціалу!

Долго ходилъ онъ, разинувъ ротъ, по Невскому проспекту, въ этомъ созерцательномъ восторгѣ, который не можетъ быть понятенъ намъ, вѣчнымъ и равнодушнымъ петербургскимъ жителямъ. Мимо его проходили разнаго рода петербургскіе франты, и тѣ, которые смотрятъ на все, вытаращивъ глаза, и тѣ, которые никогда ничему не удивляются. Они оглядывали его съ ногъ до головы съ какою-то презрительною жалостью, а онъ не замѣчалъ этихъ господъ, и не подозрѣвалъ, что доставляетъ собой такой прекрасный предметъ для ихъ остротъ, которыхъ ожидаетъ награда и въ *лёгонькихъ* гостиныхъ, и въ великолѣпныхъ *салонахъ*: въ первыхъ хохотъ отъ души, въ послѣднихъ — едва замѣтная улыбка.

Онъ былъ такъ счастливъ! Въ эти первые дни своего пріѣзда онъ жилъ не въ Петербургѣ, совсѣмъ нѣтъ: онъ созидалъ свой міръ, міръ фантастическій, идеалъ жизни небывалой; онъ населялъ петербургскія громады какими-то волшебными существами, чудными созданіями, которыя только могутъ зародиться въ головѣ двадцатилѣтняго юноши. И если бы можно было уловить всѣ эти туманные образы его разгоряченнаго воображенія, если бы можно было передать словами всѣ эти мечты, которыя неопредѣленно, какъ китайскія тѣни, проходили въ головѣ его, тогда бы, можетъ быть, вы яснѣе поняли, какъ легко, какъ незамѣтно переходитъ человѣкъ за роковую черту, которая отдѣляетъ его отъ безумія. И не была ли права тетушка, называя его *сумасшедшимъ*?

Тетушка очень любила его, и, между тѣмъ какъ онъ рыскалъ по Петербургу, она, сидя подъ окномъ въ своихъ

кожаныхъ креслахъ и перебирая спичками, думала, какъ бы поскорѣй пристроить его на службу.

— Вѣтреникъ, вѣтреникъ! — говорила она по обыкновенію, когда онъ опаздывалъ къ ея обѣду или къ чаю, а это случалось очень часто.

— Молодо-зелено! Заглазѣлся... Лизанька, посмотри, не идетъ ли онъ?

И Лизанька, по обыкновенію, отворяла окно и очень пристально смотрѣла на улицу.

— Нѣтъ-съ, не видать, маменька.

И старушка, по обыкновенію, прибавляла: экой пострѣлъ!

Надобно замѣтить, что съ пріѣзда племянника въ домѣ тетушки произошли величайшія перемѣны. Комнатка или, вѣрнѣе, чуланъ, въ которомъ лѣтъ двѣнадцать сряду хранился гардеробъ ея, отдана была молодому человѣку. Всѣ эти платья, развѣшанныя въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, съ вѣнчальнаго до погребальнаго, въ которомъ она, безутѣшная, шла на Волково, за гробомъ своего супруга,— перенесены были за перегородку, находившуюся въ ея спальнѣ. Два стула, съ перекладинками назади, стоявшіе въ симметріи по угламъ гостиной, были отданы племяннику. — Тетушка никакъ не могла привыкнуть къ такимъ переворотамъ въ ея домѣ и часто говаривала:

— А что это, Лизанька, какъ будто чего-то недостаетъ здѣсь?

— Двухъ стульевъ, маменька, которые перенесены въ комнату Ивана Александровича.

— Да, да! точно двухъ стульевъ.

Все бы это ничего, да старушка не шутя стала посерживаться за то, что Иванушка не возвращался во́-время къ обѣду, что онъ, вмѣсто часу, являлся иногда въ половинѣ второго. Ужъ это ей было пуще всего не по сердцу. Елизавета Михайловна, Богъ знаетъ почему, никогда не могла равнодушно слушать, когда тетушка бранила Ивана Александровича (у нея было такое доброе сердце!), — и вотъ она начала придумывать, какъ бы отвести отъ него гнѣвъ тетушки.

Вдругъ ей пришла мысль, но она такъ закраснѣлась отъ этой мысли... Боже мой! Надобно было обманывать старушку! Обманывать, ей! Это ужасно! И кого же? свою благодѣтельницу, свою мать!..

— Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что на свѣтѣ не рѣшусь обмануть ее! — Такъ думала она, остановившись въ гостиной передъ часами, которые висѣли на стѣнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — И, въ раздумьи, она взялась за веревку, на которой висѣла гиря, и вертѣла въ рукахъ эту веревку; потомъ вдругъ мигомъ вспрыгнула на стулъ... рука ея дрожала... она перевела назадъ стрѣлку.

Сердце ея сильно билось въ этотъ вечеръ; и съ этого вечера Иванъ Александровичъ сталъ всегда являться вовремя къ обѣду.

Однако старушкѣ казалось это что-то подозрительно. Желудокъ ея вѣрнѣе часовой стрѣлки доносилъ ей объ обѣденномъ часѣ.

— А что, который часъ, Лизанька?—спрашивала она.

— Еще только четверть перваго, маменька,—отвѣчала та, потупивъ глазки.

— Странно! Отчего же мнѣ такъ ѣсть хочется?

— Извольте посмотрѣть на часы, маменька.....

Старушка прикладывала руку ко лбу, морщилась, смотрѣла на часы и повторяла:

— Да, четверть перваго. Странно!

Но кромѣ всѣхъ означенныхъ выше перемѣнъ, произведенныхъ въ этомъ почтенномъ домѣ пріѣздомъ молодого человѣка, произошла еще одна и очень важная. Елизавета Михайловна, отъ природы характера веселаго и смѣшливаго, стала очень задумываться, чаще блѣднѣть и краснѣть, а иногда даже вздыхать. Ея иголка, когда она сидѣла за пяльцами, останавливалась въ рукѣ и долго, долго была неподвижна. Говорятъ даже, когда въ комнатѣ никого не было, она загадывала о чемъ-то: закрывала глаза, вертѣла руками по воздуху и соединяла потомъ два указательные пальца. А впослѣдствіи измѣнила этотъ способъ гаданья на другой: только что подъ руку попадалась ей какая-нибудь астра,

она сейчасъ ощипывала листки и приговаривала: *любитъ, не любитъ*, точно какъ Гётева Маргарита.

Чтобы подмѣтить, какъ измѣнялось личико Елизаветы Михайловны, надобно было смотрѣть на нее въ ту минуту, когда въ комнату входилъ Иванъ Александровичъ. Боже мой! какъ начинало биться тогда ея сердце, какъ она жестоко кусала свои пунцовыя губки!

Но для чего же скрывать? Она мечтала *о немъ* еще гораздо прежде его пріѣзда. Ей такъ много наговорила объ немъ старушка-маменька, что онъ и ученый-то, и умный-то, и хорошенькій-то. И она точно нашла его и ученымъ, и умнымъ, и хорошенькимъ. Ну, какъ можно было сравнить его съ этимъ чиновникомъ, съ которымъ она танцовала прошлаго года, когда маменька возила ее въ 14-ю линію на *балокъ* къ своей старой пріятельницѣ, одной коллежской совѣтницѣ? Этотъ чиновникъ только и говорилъ съ ней о томъ, какъ занемогъ у нихъ однажды начальникъ отдѣленія, и какъ онъ ходилъ къ нему на домъ, и какъ онъ потчевалъ его чаемъ, да еще о томъ, какъ онъ усталъ *танцовавши* въ танцклобѣ мазурку. Что жъ это за разговоръ? Правда, съ ней говорилъ тамъ и другой чиновникъ, и говорилъ о литературѣ.

Онъ подошелъ къ ней и спросилъ:

— Видѣли ли вы на театрѣ «Роберта-Дьявола»-съ?

Она покраснѣла и отвѣчала: «Нѣтъ-съ».

— А прекрасная пьеса!

Потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ опять спросилъ ее:

— Ну, а смотрѣли ли вы «Михайла Скопина Шуйскаго»-съ?

Она покраснѣла и отвѣчала: «Нѣтъ-съ».

— А эта пьеса еще лучше «Роберта-Дьявола»-съ.

И этотъ разговоръ ей не нравился: во-первыхъ, онъ заставилъ ее краснѣть, потому что она никогда не бывала въ театрѣ; во-вторыхъ, этотъ господинъ говорилъ такимъ грубымъ, непріятнымъ голосомъ. А голосъ Ивана Александровича — о, это настоящая музыка! Къ тому же Иванъ Александровичъ человѣкъ *ученый*, онъ кончилъ курсъ въ универси-

тетѣ! Иванъ Александровичъ говоритъ такъ красиво: въ его языкѣ всегда столько души. Когда онъ разсказываетъ что-нибудь, нельзя не заслушаться. Какія восторженныя движенія! Да, что ни говорите, а каждое слово его идетъ отъ души и въ душу!

Такъ думала Елизавета Михайловна, и любовь незамѣтно обвивалась около ея сердца, какъ незамѣтно повилика обвивается около тонкаго стебля молодого дерева. И скоро всѣ фантазіи этой дѣвушки стали разыгрываться на одну тему: Иванъ Александровичъ. Онъ всегда былъ передъ нею—и днемъ въ мечтѣ, и ночью въ грезѣ; онъ повсюду преслѣдовалъ ее — и въ часы заботъ по хозяйству, и въ часы отдыха. Онъ ходилъ съ нею на рынокъ и на гулянье... Она начала покупать всѣ припасы дороже прежняго, и добрая старушка покачивала головою.

— Эхъ, эхъ, Лизанька, — обыкновенно говорила она, — вѣдь надо торговаться, дружокъ! Они, мошенники, рады брать лишнее.

— Я торгуюсь, маменька.

— То-то, голубчикъ.

Она хотѣла молиться, она стояла передъ образомъ Спасителя, но молитва была на устахъ, а въ сердцѣ не было молитвы; она видѣла, какъ другіе возлѣ нея со слезами клали земные поклоны передъ этимъ образомъ.. Да!.. и она, стоя на этомъ же самомъ мѣстѣ, и только мѣсяцъ назадъ тому, молилась такъ же усердно!

— Отчего онъ не идетъ? Онъ хотѣлъ притти въ церковь. Гдѣ же онъ теперь? Ахъ, если бы хоть маменька помолилась за меня! О, ея молитва скорѣе бы дошла до Бога!..

Недѣля за недѣлей уходили, и Лизанька съ каждымъ днемъ открывала какія-нибудь новыя достоинства въ Иванѣ Александровичѣ. 21-го мая его рожденіе. Къ этому дню она готовила для него подарокъ — кошелекъ своей работы. Она заранѣе мечтала, какъ она будетъ поздравлять его, и заранѣе краснѣла при этой мечтѣ.

Между тѣмъ, много произошло перемѣнъ и въ Иванѣ Александровичѣ: его восторгъ мало-по-малу утишился; онъ

часто сидѣлъ повѣся голову, не отвѣчалъ на вопросы тетушки, безцѣльно сидѣлъ у окна, глазѣлъ на проходящихъ, хмурилъ брови и грызъ ногти.

— Извольте видѣть, чѣмъ занимается, — говорила тетушка, глядя на него,—ноготки себѣ погрызываетъ. Чему же тебя учили, сердечный, коли ты не знаешь, что отъ этого ногтоѣда на пальцѣ сдѣлается?

Онъ не слыхалъ благоразумнаго замѣчанія старушки; мысли его заняты были чѣмъ-то очень важнымъ.

Въ эту минуту мимо окна проходилъ молодой человѣкъ чрезвычайно красивой наружности и вмѣстѣ съ этимъ удивительный щеголь: въ коротенькомъ сюртучкѣ самаго тонкаго сукна, съ палкою въ рукѣ, съ шляпою на ухо....

Иванъ Александровичъ пристально посмотрѣлъ на него и долго провожалъ его глазами, потомъ со вздохомъ взглянулъ на свой длинный сюртукъ и еще больше прежняго задумался.

II.

Бывало, мать давнымъ-давно храпѣла,
А дочка на луну еще смотрѣла.

Пушкинъ.

Вечеръ. Небо блѣднѣетъ, и ровный цвѣтъ лазури смѣняется переливами перламутра; вотъ протянулась розовая лента на закатѣ: она изъ чуднаго пояса радуги; вотъ за нею другая—темнѣе, а тамъ багроваго цвѣта, а тамъ ослѣпительное золото и наконецъ далѣе огонь — и на этомъ великолѣпномъ заревѣ заходящаго солнца черная тѣнь колокольни и куполы церкви *Николы Мокраго*.

Нева не шелохнется въ своей гранитной колыбели, и небеса, налюбовавшись ею, заботливо покрыли ее своею золотою парчею...

Дивная, нерукотворная картина!

Что̀ огни вашихъ роскошныхъ праздниковъ передъ этимъ небеснымъ огнемъ? Что̀ блескъ вашей позолоты передъ этимъ

Божьимъ золотомъ? Что ваши убранства передъ этимъ нетлѣннымъ убранствомъ?

Иванъ Александровичъ заглядѣлся на небо, на Неву и на каменныя громады береговъ ея.

«Вотъ ужъ, кажется, я и привыкъ къ Петербургу, — думалъ онъ, — а все-таки не могу пройти равнодушно мимо Невы»...

— Къ этой картинѣ нельзя привыкнуть: право, чѣмъ долѣе смотришь, тѣмъ больше хочется смотрѣть, — кто-то проговорилъ тоненькимъ голосомъ возлѣ него.

Это былъ отвѣтъ на его мысль. Онъ вздрогнулъ и обернулся въ сторону. Передъ нимъ была дама въ желтой соломенной шляпкѣ съ пунцовымъ цвѣткомъ и въ длинной черной шали... Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо: — просто красавица.

Она разговаривала съ человѣкомъ очень высокаго роста, въ плащѣ съ длинными кистями, изъ-за котораго выказывался фракъ какого-то особеннаго покроя, галстукъ съ огромнымъ бантомъ, пестрый жилетъ съ голубыми атласными отворотами и по немъ массивная золотая цѣпь, къ которой прикрѣпленъ былъ золотой лорнетъ съ разноцвѣтными каменьями. Онъ прищуривался, поправлялъ свои виски, помахивалъ лорнетомъ, потомъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, съ удивительною граціею, приставилъ его къ глазу, посмотрѣлъ на воду и, обратясь къ дамѣ, произнесъ сквозь зубы:

— Въ самомъ дѣлѣ, безподобный видъ!

Ивану Александровичу очень понравилась эта дама, и онъ не спускалъ съ нея глазъ.

Постоявъ немного, дама продолжала прогулку съ своимъ кавалеромъ, который, какъ уже замѣтили читатели, принадлежалъ къ тому разряду *франтовъ*, встрѣчая которыхъ, какъ-то невольно хочется воскликнуть: *пощадите!* За ними шелъ лакей въ синей ливреѣ съ желтымъ воротникомъ и въ треугольной шляпѣ съ золотымъ галуномъ, вѣроятно, принадлежавшей его предмѣстнику, потому что эта шляпа была ему не совсѣмъ впору и почти закрывала глаза; онъ время отъ времени вытаскивалъ изъ кармана орѣхи, грызъ ихъ

и оставлялъ за собою такимъ образомъ дорожку изъ скорлупы.

«Вѣрно, это не простая дама,—подумалъ Иванъ Александровичъ, идя вслѣдъ за нею.—Какая у нея важная поступь! Какъ она прекрасно одѣта, съ какимъ вкусомъ!.. А ножка-то! просто игрушка, да и какъ обута... чудо!»

Признаться, Иванъ Александровичъ сталъ немножко завидовать ея кавалеру. Да и нельзя было не завидовать!

Завидуя и мечтая и любуясь незнакомкою, онъ незамѣтно очутился въ Коломнѣ. Дама и кавалеръ ея и лакей, который уже уничтожилъ весь запасъ орѣховъ, потому что шелъ спокойно, скоро остановились у подъѣзда одного небольшого каменнаго дома. Кавалеръ очень искусно, точно танцуя мазурку, первый подлетѣлъ къ двери подъѣзда, съ неподражаемою ловкостью дернулъ за ручку колокольчика,—отъ этого движенія цѣпь лорнета его раскачалась, и стекло лорнета ударилась о мѣдную ручку замка, разлетѣвшись въ дребезги. За всю эту эффектную сцену онъ награжденъ былъ восклицаніемъ «ахъ!» и пріятною улыбкою своей спутницы.

Дверь отворилась и захлопнулась: всѣ трое исчезли.

Иванъ Александровичъ неподвижно остался у двери.

Возвратясь домой, онъ сдѣлался еще скучнѣе и разсѣяннѣе прежняго.

Это не могло ускользнуть отъ вниманія Елизаветы Михайловны, и она, робко потупивъ головку, произнесла едва слышно:

— Вы не веселы, Иванъ Александровичъ?

— Еще нѣтъ десяти часовъ,—отвѣчалъ онъ, не слыша ея вопроса.

— Нѣтъ-съ еще. А маменька спрашивала объ васъ.

Потомъ черезъ минуту молчанія, съ тою же робостью, такъ же тихо спросила:

— А вы принесли мнѣ книжки, которыя обѣщали, Иванъ Александровичъ?

— Книжки? Ахъ, да... да!—И онъ вынулъ изъ неизмѣримаго кармана своего сюртука двѣ тоненькія книжечки,

всѣ истертыя и засаленныя, вѣрно изъ какой-нибудь библіотеки для чтенія.

— Какъ я рада!

Елизавета Михайловна прыгнула отъ радости и исчезла.

«Онъ не забылъ моей просьбы»,—думала она...

Далеко за полночь сидѣла она у окна своей комнатки съ книгою въ рукахъ, и сонъ не тягчилъ ея вѣкъ... и сердце замирало и билось. Наконецъ она опустила книгу на колѣни, но уста ея еще повторяли эти очаровательные звуки, эти звуки, отъ которыхъ билось и замирало ея сердце, которые мѣшали ей спать:

Я услаждала бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга...

Ея развившіяся кудри упадали на полуоткрытую грудь, которая, полная вздоховъ, дышала сильно и часто.

— Нѣтъ, онъ меня не любитъ, не любитъ!—И слезы начали проступать на рѣсницахъ бѣдной дѣвушки, и отяжелѣвшая голова ея скатилась на оконницу и вся утонула въ кудряхъ.

Въ эту минуту не спалъ и Иванъ Александровичъ; онъ, лежа на постели, мечталъ о своей незнакомкѣ, украшалъ ее поэтическими цвѣтками своего воображенія, сравнивалъ съ Теклою Шиллера, съ Маргаритою Гёте, съ Юліей Шекспира, съ Татьяною Пушкина и Богъ знаетъ съ кѣмъ еще...

Онъ мечталъ, какъ познакомится съ нею, какъ въ первый разъ явится къ ней...

Бѣдная Елизавета Михайловна! Въ этихъ роскошныхъ мечтахъ онъ вовсе забылъ о ея существованіи.

На другое утро, подкладывая транспарантъ подъ форменную бумагу, для переписки какого-то отношенія, Иванъ Александровичъ искоса посматривалъ на своего столоначальника, потому что ему не хотѣлось ничего дѣлать, рѣшительно ничего, а вотъ такъ, сидѣть сложа руки да мечтать о вчерашней дамѣ... Здѣсь кстати замѣтить, что онъ уже за

двѣ недѣли до этого опредѣлился въ департаментъ, по протекціи одного начальника отдѣленія, Евграфа Матвѣевича... какъ бишь его фамилія? Такъ на языкѣ и вертится... Нѣтъ, забылъ. Ну, да все равно... Евграфъ Матвѣевичъ былъ задушевный пріятель супруга тетушки Ивана Александровича и по просьбѣ ея помѣстилъ молодого человѣка до перваго случая на четырехсотъ-рублевую вакансію.

...Такъ Иванъ Александровичъ подложилъ транспарантъ подъ бумагу, очинилъ перо и уже нарисовалъ первую букву *В*, но въ эту самую минуту кто-то схватилъ его за руку.

— А, мое почтеніе, Ѳедоръ Егоровичъ!

Ѳедоръ Егоровичъ былъ помощникъ столоначальника, молодой человѣкъ очень пріятной наружности, съ прекрасно вчесаннымъ хохломъ, *при золотыхъ, настоящихъ часахъ*, а не то, чтобы *съ серебряною дощечкой сзади*, ловкій въ обращеніи и, вообще, какъ говорятъ, «славный малый».— Онъ былъ аристократомъ въ своемъ отдѣленіи, потому что имѣлъ собственныя дрожки и лошадь; вслѣдствіе чего иногда позволялъ себѣ маленькія вольности, какъ-то: пріѣзжать четвертью часа позже обыкновеннаго и пр. А это уже не шутка! Всѣ мелкіе чиновники смотрѣли на него съ особеннымъ почтеніемъ, нѣкоторые съ маленькою досадою и завистью.

Разъ одинъ изъ его товарищей, подергиваясь и прихрамывая, подошелъ къ нему и, указавъ пальцемъ на цѣпочку, которая красовалась на его жилетѣ, спросилъ:

— А что, это семилёровая-съ?

Ѳедоръ Егоровичъ посмотрѣлъ на вопрошающаго очень гордо и нехотя отвѣчалъ:

— Золотая.

— Настоящая-съ?

— Да.

— Извольте видѣть. А что, я думаю, вещь-то цѣнная? Сколько заплатить изволили?

— Полтораста рублей.

— Гм...

При этомъ *гм* онъ вытащилъ изъ кармана довольно боль-

шую круглую табакерку, торжественно стукнулъ по крышкѣ, повернулъ ее, со скрипомъ отворилъ табакерку и поднесъ къ Ѳедору Егоровичу. Въ табакѣ лежали три жасминные цвѣтка.

— Не угодно ли? У меня *бергамотовый-съ*.

Ѳедоръ Егоровичъ небрежно понюхалъ.

«Вишь какой фертикъ,—подумалъ этотъ чиновникъ,—150-рублевыя цѣпочки изволитъ себѣ ежедневно носить!»

Послѣ этого разговора Ѳедоръ Егоровичъ получилъ еще бóльшій вѣсъ въ своемъ отдѣленіи, а слухи о немъ и богатствѣ его начали даже распространяться по всему департаменту.

Ѳедоръ Егоровичъ сошелся тотчасъ съ Иванъ Александровичемъ, узнавъ, что онъ кончилъ курсъ въ университетѣ; и не мудрено: онъ очень любилъ разсуждать о разныхъ ученыхъ предметахъ, это была его страсть. На вечерахъ и балахъ, въ своемъ кругу, онъ слылъ *умницею*, и даже очень *солидные* люди отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Когда рѣчь заходила о немъ, они, по обыкновенію, нахмуривъ брови, произносили довольно протяжно: «фу! какая голова! что ни говорите, а онъ пойдетъ далеко!»—Въ случаѣ, если между дамами возникалъ какой-нибудь литературныхъ споръ, то слабая сторона спорящихъ всегда почти посылала за нимъ: «гдѣ Ѳедоръ Егоровичъ? Ѳедоръ Егоровичъ рѣшитъ, *онъ такой начитанный!*» И Ѳедоръ Егоровичъ, являясь, торжественно рѣшалъ споръ.

Онъ-то подошелъ къ Ивану Александровичу и взялъ его за руку. въ ту самую минуту, когда тотъ призадумался надъ буквою *В*.

— Какъ поживаете, Иванъ Александровичъ? что новенькаго? А?

— Вамъ лучше знать новости, Ѳедоръ Егоровичъ, вы въ свѣтѣ.

При этомъ Ѳедоръ Егоровичъ, очень довольный, улыбнулся.

— Да, оно конечно; но все это такъ надоѣло! Ну, что такое свѣтъ? ровно ничего, ей Богу! Нѣтъ, этакъ, главна-

го — пищи для души, а остальное—пфф... Признаюсь, давно мнѣ хочется заняться чѣмъ-нибудь существеннымъ, литературою, напримѣръ, написать что-нибудь: все-таки составить себѣ имя, ознакомиться со всѣми учеными. Къ тому же я чувствую въ себѣ способность сочинять. Вотъ если я увижу, напримѣръ, цвѣтокъ или что-нибудь такое, то у меня сейчасъ и воспламеняется воображеніе.

Произнося это, Ѳедоръ Егоровичъ поправилъ галстукъ и сталъ обдергивать свою черную атласную манишку со складочками, на которой свѣтились три запонки изъ мнимыхъ брилліантовъ.

— Послушайте, Ѳедоръ Егоровичъ, — сказалъ Иванъ Александровичъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, отводя своего новаго пріятеля въ амбразуру окна: — мнѣ хочется кое-что спросить у васъ, вы въ Петербургѣ всѣхъ знаете, вамъ должно быть это извѣстно.

Иванъ Александровичъ говорилъ вполголоса и нарочно удалился отъ стола, испытавъ въ короткое время, до какой степени нѣкоторые изъ его товарищей одарены преступною страстью любопытства. Онъ зналъ, что для этихъ господъ ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ подслушать чужой *секретецъ*.

Ѳедоръ Егоровичъ, заложивъ руки въ боковые карманы, нахмурилъ брови и сдѣлалъ легкое движеніе губами въ знакъ вниманія.

Иванъ Александровичъ разсказалъ ему о своей встрѣчѣ съ дамою, о томъ, какъ онъ слѣдовалъ за нею; описалъ ея кавалера, ея ливрею, все до малѣйшей подробности.

Лицо Ѳедора Егоровича постепенно одушевлялось. Онъ уже поднялъ вверхъ брови.

Иванъ Александровичъ продолжалъ:

— Не доходя Покрова, она, знаете, и повернула налѣво, въ Усачевъ переулокъ, я за нею; перейдя улицу, она остановилась у подъѣзда направо... кажется, четвертый домъ отъ угла...

Въ эту минуту Ѳедоръ Егоровичъ схватилъ съ величай-

шимъ восторгомъ руку своего пріятеля и, въ пылу самозабвенія, закричалъ:

— Ну, такъ и есть... Она, она!

Надобно было посмотрѣть на физіономію Ивана Александровича, пораженнаго такимъ нечаяннымъ и такимъ скорымъ открытіемъ.

— Можетъ ли быть? Такъ вы, вы ее знаете... знаете?

Онъ ничего не могъ произнесть болѣе.

— Гм! Кого я не знаю? Это моя старинная знакомая. Надобно вамъ сказать, что я у нихъ на *короткой ногѣ* въ домѣ; совершенно *свой*. Не былъ день, два, — такъ сейчасъ посолъ: что дескать давно не были? откушать просятъ... Знакомъ ли я?

— Да кто жъ она такая, Ѳедоръ Егоровичъ?

— Извѣстная въ Петербургѣ дама, на всѣхъ балахъ бываетъ... И какая начитанная; я съ ней всегда мазурку танцую.

— А какъ ея фамилія?

— Марья Владиміровна Болотова.

«Какое прекрасное имя!»—подумалъ Иванъ Александровичъ.

— А что, она замужемъ?

— Нѣтъ; вотъ года четыре какъ овдовѣла.

У Ивана Александровича на лицѣ выступила краска.

— Не хотите ли, я васъ познакомлю съ нею?

— Познакомлю!.. Неужели въ самомъ дѣлѣ? — Иванъ Александровичъ ужасно какъ смѣшался.

— Что жъ, хотите, Иванъ Александровичъ? Вы вѣдь еще не выѣзжали въ свѣтъ, а тутъ вы съ перваго раза ознакомитесь со всѣмъ лучшимъ обществомъ. Хотите ль? правду сказать, свѣтъ придаетъ этакъ человѣку полировку.—И при этомъ словѣ Ѳедоръ Егоровичъ съ самодовольною гримасою посмотрѣлъ на себя и началъ небрежно вертѣть цѣпочкой, на которой висѣлъ ключикъ отъ часовъ.

— Что, ѣдемъ?

— Очень радъ-съ,—произнесъ Иванъ Александровичъ, очнувшись.

— Прекрасно! Когда же? послѣзавтра? У Марьи Владиміровны по вторникамъ дни.

Иванъ Александровичъ опять призадумался.

— Нельзя ли ужъ на слѣдующей недѣлѣ?

«Тѣмъ временемъ, — думалъ онъ, — я сошью себѣ фракъ. Вѣдь нельзя же явиться къ такой богатой дамѣ, не имѣя моднаго фрака».

— Такъ въ слѣдующій вторникъ? О, да, мы тамъ будемъ веселиться, за это я вамъ ручаюсь.

Грустно было Ивану Александровичу, очень грустно! Фракъ по меньшей мѣрѣ стоитъ 120 руб., онъ справился объ этомъ у одного портного, который жилъ на Невскомъ. На Невскомъ всегда самые лучшіе портные, онъ это давно зналъ. Откуда же взять ему вдругъ 120 руб.? Изъ деревни его должны были прислать ему въ октябрѣ мѣсяцѣ 1000 руб. — годовой доходъ; но до октября еще сколько времени! Занять? Но у кого? У Ѳедора Егоровича? Ни за что на свѣтѣ! Иванъ Александровичъ не хотѣлъ одолжаться никому. У тетушки? тетушка не дастъ, да еще разбранитъ, назоветъ мотомъ, будетъ читать цѣлую недѣлю наставленіе о томъ, какъ долженъ вести себя молодой человѣкъ, какъ велъ себя въ молодыя лѣта ея покойникъ, что надо по *одежкѣ протягивать ножки*, и проч., и проч. Онъ зналъ все это заранѣе. Что же прикажете дѣлать? Иванъ Александровичъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Онъ не ѣлъ и не пилъ.

Однажды послѣ обѣда тетушка вздремнула, а онъ открылъ машинально какую-то книгу. Вальтеръ-Скоттъ! А это его любимый авторъ, давно онъ не заглядывалъ въ Вальтеръ-Скотта, а бывало—онъ не разлучался съ нимъ... Онъ вспомнилъ свои студенческіе годы, то блаженное время, когда онъ былъ такъ беззаботно счастливъ, когда въ его завидномъ уединеніи широко развертывался передъ нимъ міръ поэтическій, жизнь кипучей фантазіи; когда его окружали эти дивные образы, эти вдохновенныя созданія великихъ творцовъ; когда онъ страдалъ ихъ бѣдствіями и радовался ихъ радостями, — онъ вспомнилъ все это и хо-

тѣлъ читать... Нѣтъ! Теперь ничто не привлекало его вниманія: ни величественно-неподвижный образъ *Саладина*, ни томно-смуглое личико очаровательницы *Ребекки*, ни гордо-угловатое лицо *Елисаветы Англійской*... Нѣтъ! передъ глазами его кружился въ самомъ соблазнительномъ видѣ новый фракъ, въ мысляхъ его была сторублевая ассигнація.

Онъ закрылъ книгу и вздохнулъ. Дверь скрипнула. Въ комнату вошла Елизавета Михайловна.

Она была очень блѣдна; въ чертахъ ея лица выражалось что-то страдальчески-прекрасное, и вы бы, взглянувъ на нее въ эту минуту, увидѣли, что она, бѣдная дѣвушка, любила его всею силою души своей, любила просто, какъ любятъ всѣ бѣдныя дѣвушки, безъ подготовленныхъ сценъ, безъ кокетства, безъ этихъ утонченныхъ соблазновъ, которые такъ чудесно изобрѣтаютъ сердца, бьющіяся подъ батистомъ и бархатомъ. Она подошла къ Ивану Александровичу и сѣла возлѣ него. Видно было, что она хотѣла начать говорить, но какъ будто не рѣшалась, еще какъ будто собиралась съ духомъ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было тихо, лишь слышалось за перегородкой храпѣнье старушки.

Наконецъ Елизавета Михайловна рѣшилась говорить. Она сказала вполголоса:

— У васъ что-то есть на сердцѣ, Иванъ Александровичъ; съ нѣкотораго времени вы стали гораздо скучнѣе, гораздо...

— Это вамъ такъ кажется,—сказалъ онъ, перебирая листы книги.

— О, нѣтъ! Отчего же вы не хотите быть со мною откровеннымъ? Отчего вамъ скучно, Иванъ Александровичъ, скажите мнѣ. Я давно собираюсь васъ спросить объ этомъ.

Иванъ Александровичъ посмотрѣлъ на нее... Въ ея выраженіи было такъ много убѣдительности, такъ много чистосердечія.

Онъ улыбнулся.

— Ну, право, вамъ такъ показалось, Елизавета Михай-

ловна. Я точно такъ же веселъ, какъ и въ первые дни моего пріѣзда сюда.

— Богъ съ вами! Видно, я не заслужила вашей довѣренности.

И, огорченная, она непритворно вздохнула.

Ивану Александровичу стало жаль ее. Онъ подумалъ: «какая добрая дѣвушка!»

— Вы не можете помочь моему горю, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— А почему знать?

— Видите ли, Елизавета Михайловна, коли сказать вамъ правду: мнѣ нужны деньги — и скоро, а это очень безпокоитъ меня. Вы знаете, что у тетушки нельзя просить...

— Видно, кошелекъ, что я вамъ подарила, несчастливъ?.. А сколько вамъ нужно денегъ?

— Рублей сто.

— Только? И вы будете веселы, если достанете эти деньги?

— Да откуда достать ихъ, Елизавета Михайловна?

Личико Елизаветы Михайловны вдругъ просвѣтлѣло; она вспорхнула со стула, исчезла — и черезъ минуту снова явилась.

— Я принесла вамъ деньги, Иванъ Александровичъ.

— Какъ, деньги? Откуда? Что это значитъ?

— Вы теперь будете веселы, не правда ли?

Иванъ Александровичъ остолбенѣлъ отъ удивленія и не могъ ничего вымолвить.

— Это мои собственныя деньги. Я семь лѣтъ копила маменькины подарки: тутъ, я думаю, будетъ больше ста рублей. Я хотѣла сдѣлать салопъ... теперь мнѣ не нуженъ салопъ.—И она протянула руку, чтобъ отдать ему кошелекъ, и вся вспыхнула.

— Нѣтъ, я не возьму эти деньги, Елизавета Михайловна, ни за что на свѣтѣ не возьму. Вы семь лѣтъ копили ихъ, вамъ самой нужны онѣ, а я не могу вамъ отдать ихъ прежде октября мѣсяца... Нѣтъ, не возьму, ни за что на свѣтѣ не возьму!

Дѣвушка посмотрѣла на него съ удивленіемъ; рука, державшая кошелекъ, медленно опустилась, глаза ея затуманились... минута... и слезы, горькія слезы вырвались на волю, и грудь ея заколыхалась волною.

— Такъ вы не хотите отъ меня ничего взять? — произнесла она невнятно, заливаясь и всхлипывая. — За что же вы меня такъ не любите?

Иванъ Александровичъ не зналъ, что̀ ему дѣлать. Онъ самъ чуть не заплакалъ.

— Думалъ ли я васъ огорчить этимъ? Клянусь Богомъ, нѣтъ!

Онъ взялъ кошелекъ изъ руки ея и поцѣловалъ руку.

— Вы настоящій ангелъ, Елизавета Михайловна!

И она отирала слезы платкомъ и улыбалась сквозь слезы.

— Такъ вы берете мои деньги? Ахъ, какъ я счастлива! Вы теперь будете веселы, Иванъ Александровичъ, не правда ли? Тише! — она приложила пальчикъ къ губамъ: — маменька просыпается, я побѣгу къ ней, я побѣгу къ ней!

Весь вечеръ она была необыкновенно весела. Радость вырывалась въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ взглядѣ, и старушка, приглаживая ея локоны, говорила:

— Вотъ ты у меня сегодня умница, Лизанька.

III.

> Разбирая различныя явленія міра внутренняго, идеалистъ примѣчаетъ, что они двухъ родовъ: одни произведенія самаго духа, а другія пріемлются нами извнѣ. Они раздѣляются на два класса: на ощущенія пріятныя и непріятныя, и идеи или образы пространства, формъ и цвѣтовъ. Вотъ все, что мы знаемъ о внѣшнемъ и слѣдственно о веществѣ. Но всѣ сіи ощущенія или образы суть только явленія въ насъ, точно такъ же, какъ наши мысли, воспоминанія...
>
> *Изъ лекцій логики.*

Желанный вторникъ наступилъ. Съ пятаго часа вечера Иванъ Александровичъ началъ дѣлать приготовленія къ туа-

лету. У него былъ новый фракъ, чудесный, *цвѣта Аделаидъ*, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, съ блестящими и узорчатыми пуговицами. Этотъ фракъ былъ торжественно развѣшенъ на креслѣ, и Иванъ Александровичъ ходилъ кругомъ кресла и любовался имъ. Какой отливъ-то, прелесть! Красно-лиловый, и сукно самое тонкое, по двадцати пяти рублей аршинъ. Чудесный фракъ! А жилетъ? Портной сказалъ Ивану Александровичу, что къ новому фраку необходимъ и новый жилетъ, иначе не будетъ гармоніи въ цѣломъ. И посмотрите, что за жилетъ! По черной землѣ цвѣточки зелененькіе, красненькіе, желтенькіе, и все это сплетено голубенькими стебельками. Иванъ Александровичъ взялъ въ руку жилетъ и повертывалъ его. Заглядѣнье, просто заглядѣнье!

Съ самаго утра на постели Ивана Александровича лежала отлично выглаженная манишка, совсѣмъ готовая, съ запонками, — на середней запонкѣ былъ очень искусно изображенъ Наполеонъ во весь ростъ, а на остальныхъ двухъ пастушокъ и собачка на веревочкѣ.

Завившись и одѣвшись, Иванъ Александровичъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, нѣсколько разъ посмотрѣлъ въ зеркало съ пріятною улыбкою и потомъ пошелъ показаться Елизаветѣ Михайловнѣ.

— Какъ къ вамъ идетъ этотъ фракъ, Иванъ Александровичъ!

Она смотрѣла на него такъ внимательно и такъ отъ души любовалась имъ.

— А каково сшитъ?

— Очень хорошо. Какая талія! Вамъ сегодня будетъ вѣрно очень весело: вы увидите такихъ прекрасныхъ, нарядныхъ дѣвицъ...

При этомъ словѣ она задумалась. Бѣдная дѣвушка!

Когда Иванъ Александровичъ подошелъ къ рукѣ тетушки при прощаньи, старушка оглядѣла его съ ногъ до головы и начала очень серьезно покачивать головою.

— Что это, батюшка, новое на тебѣ платье-то?

— Да, тетушка, новое.

— Гм! — Она все продолжала осматривать его.

— А что, оно на тебя сшито, али готовое куплено?

— На меня-съ.

— На тебя, сударь? Да это просто Тришкинъ кафтанъ!.. Господи Боже мой! Рукава-то короткіе, узкіе, ну точно Митрофанушка... Застегнись-ка.

Иванъ Александровичъ сдѣлалъ усиліе, чтобы застегнуться.

— Посмотрите пожалуйста — и застегнуться-то не можетъ.

— Да это сшито по модѣ, тетушка.

— По модѣ? Мошенникъ увѣрилъ его, что это по модѣ, а онъ себѣ и растаять изволилъ. Ему, бестіи, выгодно шить по модѣ!.. Что, сукнеца-то, чай, немного пошло? Ахъ! Ахъ! То-то, старыхъ людей вѣдь нынче и слушать не хотятъ. Куда!..

Иванъ Александровичъ боялся одного, чтобы тетушка не спросила о цѣнѣ его моднаго фрака и о томъ, откуда взялъ деньги на этотъ фракъ; но тетушка, къ счастію, не спрашивала объ этомъ и занялась весьма впрочемъ длиннымъ нравоученіемъ, какъ онъ долженъ вести себя въ чужихъ людяхъ.

Потомъ она перекрестила его, и онъ отправился; но старушка долго, очень долго, по уходѣ Ивана Александровича, ворчала, покачивая головою. . . . .

. . . .

Около девяти часовъ вечера у подъѣзда одного дома въ Усачевомъ переулкѣ стояли четыре экипажа: двѣ четырехмѣстныя кареты парами, одна двухмѣстная и дрожки. Послѣднія принадлежали Ѳедору Егоровичу: это были тѣ самыя дрожки, которыя привлекали завистливое вниманіе чиновниковъ ** департамента.

Появленіе Ѳедора Егоровича, сопровождаемаго Иваномъ Александровичемъ, произвело въ гостиной небольшое движеніе.

Три круглолицыя, довольно полныя дѣвушки, сидѣвшія рядомъ по лѣвой сторонѣ дивана, и двѣ длиннолицыя, очень худощавыя, стоявшія неподалеку отъ первыхъ, тотчасъ пре-

рвали свой разговоръ и занялись разсматриваніемъ новаго лица, стали улыбаться и перешептываться.

Одной изъ худощавыхъ, дѣвицѣ лѣтъ за тридцать, Иванъ Александровичъ чрезвычайно понравился. Она нашла, что физіономія его очень интересна и выразительна. Другая замѣтила, что онъ немножко неловокъ; третья, что у него слишкомъ широки перчатки; четвертая... но невозможно передать всѣхъ замѣчаній. Въ десять минутъ Иванъ Александровичъ былъ разобранъ въ подробности. Самой досужей наблюдательности не оставалось подмѣтить въ немъ ничего, рѣшительно ничего.

И между тѣмъ какъ онъ, немного смѣшавшись, выслушивалъ привѣтствіе хозяйки дома и кланялся, и между тѣмъ какъ она блистала русскою любезностью съ примѣсью заученныхъ французскихъ фразъ, и, смотря на него, находила въ чертахъ лица его что-то знакомое — Ѳедоръ Егоровичъ, улыбаясь, расшаркивался съ дѣвицами.

— Кого это вы привезли, Ѳедоръ Егоровичъ?

— Кто это съ вами пріѣхалъ?

— Какъ его фамилія?

Вопросы сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Съ ловкостью истинно непостижимою, съ искусствомъ, которое можетъ быть пріобрѣтено только опытностью, Ѳедоръ Егоровичъ отдѣлался отъ этихъ вопросовъ и удовлетворилъ любопытству каждой изъ вопрошавшихъ. Да, онъ владѣлъ въ совершенствѣ завиднымъ даромъ *плѣнять*. Я желалъ бы показать его вамъ въ гостиной: что за утонченное обращеніе! Что за грація въ тѣлодвиженіяхъ, что за сила рѣчей во взглядѣ! Этотъ взглядъ, казалось, говорилъ той дѣвушкѣ или дамѣ, на которую устремлялся: «страдайте, сударыня, страдайте: мнѣ извѣстны ваши страданья, но для меня это все равно!» (Какой страшный эгоизмъ!) — Если вы видали въ которомъ-нибудь изъ безчисленныхъ круговъ средняго петербургскаго общества молодого человѣка съ такимъ побѣдоносным взглядомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія — это былъ Ѳедоръ Егоровичъ.

Послѣ всего этого, можно ли удивляться его успѣхамъ въ *легонькихъ* гостиныхъ?

Иванъ Александровичъ впервые видѣлъ его въ обществѣ, впервые восхищался его развязностью... Завидный даръ! Онъ, который чувствовалъ себя неловкимъ и стоя и сидя, и молча, и разговаривая, онъ вполнѣ постигалъ, какъ важно быть надѣлену такимъ талантомъ.

Мало-по-малу гостиная стала наполняться. Пріѣхало еще нѣсколько матушекъ довольно толстыхъ въ вычурныхъ чепцахъ, съ тоненькими дочками въ бѣленькихъ, въ красненькихъ и въ пестренькихъ платьицахъ; пріѣхалъ тотъ самый франтъ съ огромнымъ хохломъ, съ цѣпочками и лорнетами, котораго Иванъ Александровичъ видѣлъ на набережной съ хозяйкою дома; пріѣхалъ еще какой-то человѣкъ, пожилой и очень блестящій: съ тремя бриллiантовыми пуговицами на манишкѣ, съ фермуаромъ средней величины на гластукѣ и съ большимъ солитеромъ на указательномъ пальцѣ. Уже открыли два ломберные стола въ гостиной, уже составилась партія виста; хозяйка дома въ величайшихъ хлопотахъ сама бѣгала съ колодою картъ и мимобѣгомъ дарила каждаго изъ гостей своихъ двумя-тремя пріятными словцами и все различнаго содержанія. Остановясь противъ человѣка съ бриллiантовыми украшеніями, она сказала, перебирая въ рукахъ колоду картъ:

— Что, вы будете играть, Алексѣй Васильевичъ?

Мутные зрачки глазъ Алексѣя Васильевича забѣгали при вопросѣ; онъ хотѣлъ улыбнуться, и лицо его образовало довольно непріятную гримасу:

— А *по чему* роберъ?

— По двадцати пяти рублей.

— Пожалуй, — и при этомъ словѣ онъ опять сдѣлалъ гримасу. — Вѣдь вы знаете, что я никогда не отказываюсь, даже иногда играю и меньше этого.

Онъ небрежно взялъ карту, зѣвнулъ и съ важностью поправилъ свои брыжжи, довольно неумѣренно выглядывавшія изъ-за галстука.

Это былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ игроковъ, величай-

шій счастливецъ, карточный баловень, почти никогда не проигрывавшій и допускавшійся даже въ нѣкоторыя гостиныя высшаго общества. Для бо̀льшаго эффекта, или, говоря просто, для бо̀льшей важности въ своемъ кругу, этотъ господинъ говорилъ, по обыкновенію, немного въ носъ и дѣлалъ различныя гримасы, желая, вѣроятно, показать этимъ, что онъ не простой человѣкъ, что онъ имѣетъ знакомства съ людьми весьма знатными, и что не одни карточные тузы имѣютъ къ нему уваженіе.

Игроки разсаживались; карточныя обертки летѣли подъ столъ. Иванъ Александровичъ сидѣлъ, пригорюнясь, у входа въ гостиную: ему было скучно, онъ не успѣлъ сказать хозяйкѣ даже десяти словъ, онъ не любовался ею десяти минутъ сряду. Она, вотъ только что остановится и онъ только что обрадуется и вооружится всею силою любовнаго взгляда, какъ вдругъ уже нѣтъ ея — она тамъ, въ залѣ. Это очень досадно!

— Что, Иванъ Александровичъ, а? весело? — говорилъ Ѳедоръ Егоровичъ, улучивъ минуту и подойдя къ нему.

— Да, Ѳедоръ Егоровичъ, я вамъ очень благодаренъ.

Иванъ Александровичъ былъ чрезвычайно скрытнаго характера.

— Полноте, полноте, любезный,—продолжалъ Ѳедоръ Егоровичъ, поправляя верхнюю буклю своего хохла: — полноте... за что тутъ благодарить? Вы сами видите, мнѣ это ничего не стоило: я на короткой ногѣ въ домѣ — всѣхъ знаю. Не правда ли, какое прекрасное общество? А? Сколько людей съ вѣсомъ! Вотъ видите, налѣво-то: вонъ у тѣхъ дверей, такой пожилой человѣкъ, украшенный знаками отличія: это дядя мужа Марьи Владиміровны. Оно, видите, и ничего, но все такое родство, знаете, протекція; онъ въ большой силѣ... Дѣло какое или что — сейчасъ къ нему — просто, зачѣмъ далеко итти? Человѣкъ свой, близкій...

Въ эту минуту кто-то кликнулъ Ѳедора Егоровича, и онъ исчезъ.

Лестно быть представлену въ такой домъ, гдѣ, куда ни обернись, куда ни посмотри, назадъ ли, впередъ ли, вездѣ

и повсюду передъ глазами люди чиновные, значительные, или, по крайней мѣрѣ, такіе, которые не сегодня-завтра будутъ много значить, — очень лестно! Противъ этого спорить нечего. Быть вмѣстѣ съ такого рода людьми — это своего рода наслажденіе. Такъ, — но согласитесь, что еще пріятнѣе, не говорю лестнѣе, быть наединѣ съ тою женщиной, которая, будто силою чародѣйства, заставляетъ, при мысли объ ней, невольно биться ваше сердце, смотрѣть на нее, любоваться ею? Согласитесь, что ея очи, не говорю всегда, но порой, кажутся вамъ очаровательнѣе всего на свѣтѣ?

Это заблужденіе молодости. Вѣрю; но Иванъ Александровичъ былъ молодъ, и онъ думалъ именно такъ въ то время, когда Ѳедоръ Егоровичъ описывалъ ему всю прелесть знакомства съ людьми чиновными.

— Знаете ли что̀, Аграфена Николаевна? — говорила хозяйка дома одной пожилой, толстой, важной и неподвижной дамѣ съ необыкновенно выпуклыми и остолбенѣлыми глазами, одной изъ тѣхъ женщинъ, которая могла служить превосходнымъ типомъ русской купчихи, возвысившейся до дворянства: — знаете ли что̀: не дурно бы дѣвицамъ потанцовать подъ фортепіано, не правда ли? Авдотья Петровна такая милая, такая добрая: она вѣрно не откажется поиграть? Признаюсь вамъ откровенно, я не знаю дѣвицы, которая бы такъ хорошо играла на фортепіано!.. Кто былъ ея учителемъ, Аграфена Николаевна?

— Я все забываю его фамилію. Онъ здѣсь *первый* учитель въ Петербургѣ; ужъ, говорятъ, лучше его нѣтъ.

— Это видно, что у нея былъ первый учитель, сейчасъ видно. Вѣдь она, вѣрно, не откажется сыграть хоть одинъ кадриль?

— Настенька, поди-ка сюда! Вотъ Марья Владиміровна проситъ, чтобъ ты поиграла для танцевъ.

Съ большимъ удовольствіемъ-съ, maman.

И Настенька, дѣвушка лѣтъ двадцати восьми, такъ же дородная, какъ ея маменька, сдѣлала очень ловкій *реверансъ*, смотря на Марью Владиміровну.

Марья Владиміровна имѣла рѣдкій даръ все такъ хо-

рошо устроить, занять гостей... Такой привѣтливой, милой, такой разговорчивой и дальновидной хозяйки дома вы не нашли бы, конечно, въ цѣломъ Петербургѣ. Я говорю это безъ всякаго пристрастія и готовъ сослаться на всѣхъ, кто посѣщалъ ея домъ. Ѳедоръ Егоровичъ, какъ уже извѣстно вамъ, человѣкъ образованный и свѣтскій, онъ самъ, говоря о Марьѣ Владиміровнѣ, всегда называлъ ее *идеальною*.

— Ангажируйте дамъ, ангажируйте, Григорій Ильичъ, Иванъ Петровичъ, Ѳедоръ Егоровичъ и мсьё Рижскій, вы такіе мастера распоряжаться: надобно устроить кадриль.

Видите ли, какъ тонко Марья Владиміровна умѣла льстить самолюбію?

Ѳедоръ Егоровичъ и г. Рижскій, молодой офицеръ въ золотыхъ очкахъ, бѣгали и набирали кавалеровъ, а между тѣмъ хозяйка дома подошла къ Ивану Александровичу.

— А вы ангажировали даму?—спросила она его съ привѣтливою улыбкой.

У Ивана Александровича отъ этого вопроса выступилъ холодный потъ на лицѣ.

— Я не танцую-съ,—отвѣчалъ онъ, немного замявшись.

— Полноте, полноте! Ангажируйте вотъ эту дѣвицу, что сидитъ въ углу дивана, съ розаномъ на головѣ. Она очень любезна. Пожалуйста танцуйте: вѣдь не всегда же философствовать. Я слышала, что вы большой философъ; но иногда съ Парнаса можно спуститься на землю...

Какъ хорошо говорила Марья Владиміровна! Какъ искусно каждому она умѣла показать свои познанія!..

Но Иванъ Александровичъ, первый разъ попавшій въ свѣтъ, очень смутился отъ ея любезности и не придумалъ никакой блестящей фразы въ отвѣтъ ей. Онъ просто сказалъ:

— Покорно васъ благодарю. Я, право, не танцую.

Но онъ бы готовъ былъ отдать въ эту минуту половину своихъ познаній, которыя добывалъ годами трудовъ и постояннымъ усиліемъ мысли, за то только, чтобъ умѣть протанцовать французскій кадриль.

Фортепіано забренчало. Кадриль начался... Ѳедоръ Егоровичъ и офицеръ въ золотыхъ очкахъ танцовали лучше

всѣхъ: это можно было сказать утвердительно, потому что въ ихъ движеніяхъ была и легкость, и грація, а другіе — что это такое? — просто ходили. Пройтиться-то умѣлъ бы и Иванъ Александровичъ.

Въ промежуткахъ танцевъ, когда музыка смолкала, изъ гостиной раздавались крикливые голоса игроковъ. Господинъ съ фермуаромъ на галстукѣ кричалъ громче всѣхъ:

— Когда я игралъ съ княземъ Петромъ Ильичемъ, у меня были: король, дама самъ-четвертъ козырей, а у графа Александра Андреевича валетъ самъ-другъ; ходилъ онъ. Ну, говоритъ мнѣ князь Петръ Ильичъ, счастье, братецъ, тебѣ, счастье. Тебя любятъ козыри. Не всегда, я говорю, ваше сіятельство. Случается, что у меня не бываетъ козырей. Князь такой милый, такой шутникъ. — И господинъ съ фермуаромъ очень громко засмѣялся при семъ.

Марья Владиміровна, хозяйка дома, была большая охотница танцовать. И ужъ зато какъ танцовала! Удивительно! Какъ она умѣла показать свою ножку, нагнуть немного голову на правый бокъ, — прелестно!.. Это еще былъ маленькій вечеръ, это были еще танцы — такъ, экспромтомъ; а надобно было ее видѣть на большомъ балѣ...—Иванъ Александровичъ не спускалъ съ нея глазъ.

«Странно, — думалъ онъ, глядя на нее: — она очень хороша собою, противъ этого говорить нечего, только что-то у нея цвѣтъ лица такой неестественный, черезчуръ малиновый. Развѣ, можетъ быть, она разгорѣлась, танцуя? Да нѣтъ, какъ я вошелъ, она еще не танцовала, а у нея былъ цвѣтъ лица точно такой же. Богъ знаетъ отчего это!»

Возвратясь домой очень поздно, Иванъ Александровичъ долго не могъ заснуть: было свѣтло какъ днемъ.

Скучны, господа, эти петербургскія лѣтнія безсумрачныя ночи! День, вѣчно день. — Я люблю ночь съ ея таинственнымъ покровомъ, съ ея страшными тѣнями, съ ея поэтическими туманами, которые то прикидываются передъ вами безграничнымъ моремъ, то какими-то чудными громадами зданій... Я люблю ночь, роскошно томящуюся въ лунномъ мерцаньи, упоенную ароматами цвѣтовъ, истаевающую, дро-

жащую въ нѣгѣ... О, я не промѣняю вашъ ослѣпительный день на такую ночь, господа! Нѣтъ, не промѣняю...

Иванъ Александровичъ въ этомъ случаѣ былъ совершенно согласенъ со мною. Онъ также не любилъ вѣчнаго петербургскаго дня. Онъ сидѣлъ у постели пригорюнясь.

«Вотъ, — думалъ онъ, — прошелъ и этотъ вечеръ, котораго я цѣлую недѣлю ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, о которомъ мечталъ ежеминутно... Прошелъ! Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ мечта лучше существенности?»

Иванъ Александровичъ былъ вообще не очень доволенъ вечеромъ Марьи Владиміровны.

«Она, правда, милая женщина, привлекательная, а все не то, что я воображалъ. Не то!.. Она гораздо лучше, когда любуется Невою, нежели когда танцуетъ въ залѣ».

— Весело ли вамъ было вчера, Иванъ Александровичъ? — спрашивала его Елизавета Михайловна утромъ за чаемъ, еще до прихода тетушки...

— Такъ, не очень-съ.

Елизавета Михайловна посмотрѣла на него, онъ посмотрѣлъ на Елизавету Михайловну: ея глаза были очень красны, вѣки какъ будто распухли.

— Не болятъ ли у васъ глаза, Елизавета Михайловна? какіе красные!

Она вздрогнула при этомъ словѣ и уронила изъ руки ситечко.

— Будто красны? я не замѣтила; да, немножко болятъ...

— Хотите, я вамъ принесу розовой воды, Елизавета Михайловна?

— Нѣтъ, не надо... Впрочемъ, если васъ это не обезпокоитъ, принесите, Иванъ Александровичъ...

Какъ драгоцѣнность хранила Елизавета Михайловна склянку съ розовой водой. Иванъ Александровичъ въ тотъ же день принесъ ей эту склянку. Она всякій день утромъ и вечеромъ вынимала ее изъ комода, смотрѣла на нее съ большимъ чувствомъ, обливала слезами и, говорятъ, даже цѣловала. Вѣдь это былъ подарокъ Ивана Александровича, что же мудренаго? Это былъ его первый подарокъ!..

Такъ день уходилъ за днемъ, недѣля смѣнялась недѣлей... То же однообразіе въ домѣ тетушки Ивана Александровича, никакой перемѣны. Старушка сидитъ на тѣхъ же кожаныхъ креслахъ и вяжетъ чулокъ или раскладываетъ карты; только рѣже вяжетъ она чулокъ, только чаще протираетъ очки своимъ пестрымъ носовымъ платкомъ: здоровье-то ея стало плоше, зрѣніе-то слабѣе. Елизавета Михайловна такъ же скучна и такъ же блѣдна, сидитъ у ногъ ея съ шитьемъ въ рукахъ, только чаще прежняго оставляетъ она иголку и украдкой взглядываетъ на старушку, и — задумывается, очень задумывается. Жизнь старушки—это ея жизнь... Развѣ она, сирота, можетъ отдѣлить свое существованіе отъ ея существованія? Что она будетъ безъ нея?.. Сидитъ напротивъ старушки и Иванъ Александровичъ; онъ смотритъ на Елизавету Михайловну и думаетъ: рѣдкая дѣвушка! какая у нея ангельская душа, какое доброе сердце... Вотъ такъ, кажется, въ этихъ глазахъ и свѣтится небо!..

Мелкій осенній дождь запорошиваетъ стекла; печально сѣрое небо безъ просвѣту, печально, какъ мысли Елизаветы Михайловны...

— Лизочка, Лизочка, что-то ты у меня не на шутку худѣешь, — говоритъ старушка, отложивъ карты и глядя на нее, — это больно меня безпокоитъ. Не посовѣтоваться ли съ Францемъ Карловичемъ, а?

— Нѣтъ, маменька; нѣтъ, голубушка. Зачѣмъ мнѣ докторъ? Я, право, чувствую себя совсѣмъ здоровою. — И слеза дѣвушки упадаетъ на морщинистую руку старушки.

— Ужъ ты и расплакалась, дурочка. Ну, о чемъ же тутъ плакать?

Ивану Александровичу стало очень жаль Елизавету Михайловну, такъ жаль, что у него разрывалось сердце, глядя на ея блѣдное, печальное личико... что у него, у мужчины, готова была вырваться слеза, глядя на ея слезы; но онъ скрѣпился, проглотилъ эту слезу... Какъ ему было не понять тайной причины страданія этой дѣвушки, глядя на свою дряхлѣющую тетку?

Бѣдная, бѣдная дѣвушка!

Въ эту минуту въ комнату вошла горничная и подала Ивану Александровичу записку. Онъ распечаталъ: — отъ Өедора Егоровича: Марья Владиміровна приглашаетъ его къ себѣ на вечеръ. «У нея, — пишетъ онъ, — будетъ такъ, *кой-кто*, человѣкъ тридцать, все большею частію *свои*».

«Нѣтъ, не поѣду,—подумалъ Иванъ Александровичъ, — что-то скучно; да и къ тому жъ я былъ у нея недавно».

Точно: Иванъ Александровичъ раза четыре былъ у нея послѣ того вечера, въ который онъ съ такими надеждами, съ такимъ восторгомъ представился къ ней въ новомъ фракѣ цвѣта Аделаиды.

Этотъ фракъ и теперь еще почти совсѣмъ новый, нисколько не полинялъ, нимало не обтерся; пуговицы только немножко почернѣли, да это ничего не значитъ: можно поставить новыя; но тѣ надежды, тѣ восторги, съ которыми онъ надѣвалъ этотъ фракъ, отправляясь въ первый разъ къ Марьѣ Владиміровнѣ, кто обновитъ ихъ, скажите? Неужели онѣ, цвѣтущія и яркія, такъ скоро увяли?.. Видно, ужъ въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ нѣтъ ничего постояннаго!

Текла, Юлія, Маргарита, Татьяна обратились просто въ Марью Владиміровну, когда Иванъ Александровичъ посмотрѣлъ на нее вблизи, познакомился съ нею. Какъ все обманчиво издали! Смотришь, что за цвѣтъ лица, какая свѣжесть! Роза! а посмотришь поближе—румяна. Вездѣ подлогъ, вездѣ обманъ... Право, немного веселаго въ жизни; поневолѣ заноешь элегіей!

Полный кипучихъ, студенческихъ фантазій, Иванъ Александровичъ заговорилъ однажды съ Марьей Владиміровной о театрѣ, какъ о храминѣ изящнаго, о высокомъ назначеніи искусства въ мірѣ, заговорилъ.

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Онъ думалъ, что ея сердце забьется отъ этихъ рѣчей, что она будетъ сочувствовать его энтузіазму. Онъ говорилъ съ жаромъ и убѣдительностью, она слушала равнодушно, не знаю — понимая или не понимая, и когда онъ кончилъ, она съ свойственною ей граціею, которую въ другомъ кругу,

вѣроятно изъ зависти, назвали бы жеманствомъ, сказала съ разстановкою:

— Да, ничего не можетъ быть лучше театра. Я очень люблю спектакли, въ особенности веселые водевили. Есть такіе смѣшные, вотъ такъ бы и хохотать до упаду. А трагедіи я терпѣть не могу: тамъ вѣчно несчастія, рѣзня: это ужасно разстраиваетъ нервы, а я къ тому же такая раздражительная...

Иванъ Александровичъ хотѣлъ возражать, но Марья Владиміровна не дала ему вымолвить слова.

— Перестаньте, перестаньте, Иванъ Александровичъ. Нѣтъ, ужъ я водевиль ни на что на свѣтѣ не промѣняю.

Иванъ Александровичъ вздохнулъ.

Въ другой разъ рѣчь зашла о романахъ. Иванъ Александровичъ выхвалялъ Вальтеръ-Скотта (вы уже знаете, что это одинъ изъ любимыхъ писателей Ивана Александровича), доказывалъ, что до Вальтеръ-Скотта не существовало романа, что «романъ только въ наши дни получилъ свое высшее достоинство его геніемъ, что и послѣ Ричардсона, Лесажа и Руссо онъ все еще не имѣлъ права на названіе сочиненія опредѣленнаго и положительнаго, несмотря на то, что существовали *Новая Элоиза*, *Вертеръ*»... и проч. и проч... словомъ, повторилъ все то, что говорили о немъ европейскіе критики и что вслѣдъ за ними печатали наши журналы. Иванъ Александровичъ говорилъ горячо и долго. Марья Владиміровна только изъ одного приличія не зѣвала. Когда онъ кончилъ, она сказала:

— Что ни говорите, Иванъ Александровичъ, а вашъ Вальтеръ-Скоттъ прескучный, пренесносный: я не нахожу въ немъ ничего хорошаго. Какъ можно его сравнить съ Дарленкуромъ или Поль-де-Кокомъ? Дарленкуръ такой чувствительный писатель, а Поль-де-Кокъ такой забавный. Я всегда хохочу до истерики отъ его романовъ. Я очень люблю Поль-де-Кока.

— Поль-де-Кокъ! — Иванъ Александровичъ хотѣлъ что-то возразить, но слова замерли на языкѣ его.—«Поль-де-Кокъ!»— повторилъ онъ снова глухимъ голосомъ и снова остановился.

Минутъ черезъ пять онъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Помилуйте, Марья Владиміровна. Я не знаю, что же вы находите хорошаго въ Поль-де-Кокѣ?

— Перестаньте, перестаньте, Иванъ Александровичъ. Ну, что вашъ Вальтеръ-Скоттъ-то написалъ хорошаго? Признаюсь вамъ, меня никто такъ не забавляетъ, какъ Поль-де-Кокъ...

Иванъ Александровичъ вздохнулъ.

Съ этой минуты онъ совершенно охладѣлъ къ Марьѣ Владиміровнѣ, такъ охладѣлъ, что ему было все равно, есть ли она на свѣтѣ или нѣтъ. Не вините же Ивана Александровича за непостоянство, не говорите же, что онъ безъ причины разлюбилъ эту женщину! О, нѣтъ! Онъ готовъ былъ любить ее страстно, безумно, онъ готовъ былъ боготворить ее; но я знаю навѣрно: онъ не воображалъ, чтобы въ Петербургѣ могла найтись женщина, которая бы любила одни только водевили да романы Поль-де-Кока. И еще женщина изъ такого прекраснаго круга!

Они просто не сошлись. Иванъ Александровичъ думалъ найти въ Марьѣ Владиміровнѣ существо, гармонировавшее съ нимъ... Что жъ дѣлать! онъ ошибся, онъ еще мало зналъ людей. Проказникъ! онъ думалъ, что всѣ должны имѣть одинаковый съ нимъ вкусъ, одинаковый образъ мыслей...

Вотъ отчего Иванъ Александровичъ такъ холодно принялъ приглашеніе Марьи Владиміровны. Да и Ѳедоръ Егоровичъ сталъ наскучать ему: онъ безпрестанно приставалъ съ своими стишками.

— У меня есть небольшое стихотвореньице, Иванъ Александровичъ, — говорилъ онъ, пожимая ему руку: — такъ, знаете, я сочинилъ для забавы, когда жилъ прошлое лѣто по Парголовской дорогѣ. Вы знакомы съ однимъ журналистомъ, по дружбѣ, этакъ, попросите, чтобы онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ. Видите, я посвятилъ эти стишки Марьѣ Владиміровнѣ, она вѣдь охотница до поэзіи и, между нами сказать, смыслитъ кое-что въ этомъ дѣлѣ. Она очень хвалила вотъ это мѣсто...

Өедоръ Егоровичъ вынулъ изъ кармана бумажку всю исписанную и началъ читать съ большимъ чувствомъ:

Ручей бѣжалъ между кустами,
Я молча плакалъ у ручья;
Но ты не тронулась слезами,
Жестокосердая моя!
Ужъ солнце къ западу клонилось,
И я побрелъ къ себѣ домой,
И голова моя скатилась
На грудь, изрытую тоской!..

— А? какъ вы находите это мѣсто?

— Очень хорошо, — отвѣчалъ Иванъ Александровичъ.

— Знаете, тутъ много меланхоліи, не правда ли? У меня вообще этакъ... меланхолическое расположеніе въ моихъ стихахъ...

«Неотвязчивый человѣкъ, несносный! — думалъ однажды Иванъ Александровичъ, разбирая свои бумаги и отыскавъ между ними стихи Өедора Егоровича. — Ну, что я буду дѣлать съ этими стихами?»

Вдругъ между бумагами мелькнуло что-то красненькое.

«Что бы это такое?..» — подумалъ Иванъ Александровичъ.

Кошелекъ! Это тотъ самый кошелекъ, который Елизавета Михайловна отдала ему съ своими деньгами и который она никакъ не хотѣла взять назадъ.

Иванъ Александровичъ призадумался надъ этимъ кошелькомъ. Онъ вспомнилъ, съ какимъ восторгомъ эта добрая дѣвушка отдавала ему свои послѣднія деньги, какъ она была огорчена, когда онъ не хотѣлъ брать ихъ... Онъ вспомнилъ ея слезы и потомъ эту непритворную радость, когда онъ рѣшился взять деньги...

«Боже мой!» — И вдругъ мысль: *что, если она любитъ меня?* — впервые блеснула въ головѣ его...

IV.

> И въ часъ, какъ съ молитвой на блѣдныхъ устахъ
> Ты въ смертной борьбѣ трепетала,
> Ты эту молитву съ слезой на глазахъ
> О благѣ моемъ лепетала.
>
> *Э. Губеръ.*
>
> Но да видишь лѣпе дѣвойке!...
>
> *(Изъ сербской пѣсни).*

Прошло еще два мѣсяца, кажется, что два, а можетъ быть немного и болѣе, послѣ той минуты, когда Ивану Александровичу попался на глаза кошелекъ Елизаветы Михайловны и заставилъ его задуматься. Въ эти два мѣсяца онъ внимательно наблюдалъ за нею. «Да, она любитъ меня, точно любитъ, милая дѣвушка!»—Такъ разсуждалъ онъ самъ съ собою, грѣясь въ одинъ вечеръ у печки. Зима въ этотъ годъ была ужасно холодная. «И я не видѣлъ прежде любви ея? И я предпочиталъ ей эту Марью Владиміровну! тогда какъ передъ глазами у меня былъ настоящій ангелъ; я гонялся, самъ не знаю за чѣмъ... Свѣтская дама! Хороши же эти свѣтскія дамы!»

Иванъ Александровичъ, разсуждая такимъ образомъ очень долго, вовсе не замѣчалъ, что сальная свѣча, стоявшая передъ нимъ на столѣ, такъ нагорѣла, что въ комнатѣ не видно было ни зги; онъ даже не слыхалъ, какъ вошла въ комнату Елизавета Михайловна, не видалъ, какъ она приблизилась къ столику, на которомъ стояла свѣча, какъ она сняла со свѣчи, и если бы не ея *ахъ!* при видѣ Ивана Александровича, то онъ, вѣроятно, еще не скоро бы очнулся.

— Я думала, что здѣсь никого нѣтъ. Вы не повѣрите, какъ я испугалась.

— А я, ей Богу, и не слыхалъ, какъ вы вошли сюда, Елизавета Михайловна.

— О чемъ вы такъ задумались, Иванъ Александровичъ?

Иванъ Александровичъ хотѣлъ что-то сказать, заикнулся на первомъ словѣ и замолчалъ. У него недоставало духу по-

ресказать ей то, о чемъ онъ думалъ; но пристально, необыкновенно пристально посмотрѣлъ онъ на Елизавету Михайловну. Этимъ взглядомъ онъ, казалось, хотѣлъ проникнуть въ самую заповѣдную глубь ея сердца.

Она стояла передъ нимъ пригорюнясь, поддерживая одною рукою локоть руки, на которую упадала ея головка, блѣдна, какъ мраморъ, неподвижна, какъ статуя.

— Что съ вами?—произнесъ онъ послѣ минуты молчанія.

— Маменькѣ сдѣлалось хуже... Она очень слаба.

Голосъ, которымъ были произнесены слова эти, произвелъ странное дѣйствіе на Ивана Александровича: у него пробѣжалъ морозъ по кожѣ отъ этого голоса.

— Богъ милостивъ, зачѣмъ отчаяваться? Къ тому же Францъ Карловичъ говоритъ, что у нея нѣтъ никакой опасной болѣзни.

— Она очень больна,—повторила тѣмъ же голосомъ Елизавета Михайловна,—«очень»;—и этотъ голосъ прервался, задушенный рыданьемъ, и она закрыла руками лицо.

Иванъ Александровичъ бросился къ стулу:

— Сядьте, сядьте, Елизавета Михайловна, вы насилу стоите. Полноте, успокойтесь, право, Богъ не допуститъ такого несчастья.

Она опустилась на стулъ.

— Богъ не допуститъ,—повторила она,—но если, если ея не станетъ,—и она вдругъ отерла слезы, схватила Ивана Александровича за руку, глаза ея горѣли, губы дрожали, голосъ безпрестанно прерывался,—если ея не станотъ, я не переживу этого... Ея гробъ—мой гробъ. И что же моя жизнь безъ ея жизни?..

— Послушайте, Елизавета Михайловна, не одна тетушка въ мірѣ умѣетъ цѣнить и любить васъ. Если ужъ Богу будетъ угодно... то останется здѣсь еще человѣкъ, который любитъ васъ не меньше ея, для котораго вы...—Онъ не могъ договорить, онъ сжалъ ея руку и робко взглянулъ на нее.

Она пошатнулась, какой-то несказанно сладостный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ ея членамъ: она еще никогда не

ощущала ничего подобнаго, туманъ застилалъ ея очи. Это была минута забытья, это былъ неопредѣленный, неуловимый переходъ отъ бодрствованія ко сну... Долго не могла она ничего произнесть, долго рука ея лежала въ его рукѣ; наконецъ она отдернула эту руку и протерла глаза.

Снова нагорѣвшая свѣча разливала слабый, красноватый свѣтъ по комнатѣ... Она осмотрѣла кругомъ себя... Что это? греза?

— Елизавета Михайловна! Елизавета Михайловна! — говорилъ Иванъ Александровичъ почти шопотомъ: — я люблю васъ, я люблю васъ! Богъ свидѣтель, что ваше спокойствіе, ваше счастье дороже всего для меня...

Она вздрогнула.

— Иванъ Александровичъ! о, это не сонъ! — И она опять протирала глаза: — вы не смѣетесь надъ бѣдною дѣвушкою? Нѣтъ?

— Боже мой! Да, я люблю васъ! — повторилъ онъ: — люблю... Но, скажите мнѣ одно слово, только одно... любите ли... Въ этомъ словѣ для меня все, все — мое существованіе, моя жизнь... о, скажите мнѣ...

Онъ не могъ больше говорить, переполненный чувствомъ...

Грудь ея дышала порывисто, дыханье замирало въ груди.

Это была для нея одна изъ тѣхъ минутъ, которыя испытываютъ разъ въ жизни, и то только избранные, и этихъ избранныхъ называютъ въ мірѣ счастливцами, и этихъ счастливцевъ немного въ мірѣ. Да, въ эту минуту она вполнѣ поняла все очарованіе, всю силу, всю безпредѣльность того, что называютъ счастіемъ; въ эту минуту она даже забыла о своей больной старушкѣ, о своей матери, о своей благодѣтельницѣ... Она была взаимно любима. *Взаимно!..* А есть ли, господа, на землѣ что-нибудь выше, что-нибудь отраднѣе, что-нибудь святѣе взаимной любви?

— Мнѣ ли не любить васъ, Иванъ Александровичъ?..— И голова его упала на ея руку, и онъ прильнулъ къ этой рукѣ горячими устами.

Вдругъ кто-то застоналъ въ ближней комнатѣ.

— Ахъ, маменька!..—Елизавета Михайловна чуть не вскрикнула; вскочила со стула и выбѣжала изъ комнаты. Иванъ Александровичъ остался неподвиженъ на стулѣ.

На другой день тетушка его почувствовала себя лучше. Она сидѣла на кровати, прислоняясь къ подушкамъ, и смотрѣла на свою Лизу.

— Лизочка,—говорила она ей:—моя молитва дойдетъ до Бога: я молилась за тебя каждое утро, каждый вечеръ. Онъ, Отецъ мой небесный, видѣлъ мои слезы. Лизачка! Онъ дастъ тебѣ счастье.

Старушка протянула къ ней свою ослабѣвшую руку и крестила ее.

— Матушка, другъ мой, выздоравливайте скорѣе, и тогда... тогда я буду совершенно счастлива.

— Ну, полно, плакса. Видишь ли, я сегодня пободрѣе могу сидѣть. Перестань хныкать, прочти-ка мнѣ лучше письмо Евграфа Матвѣевича. Спасибо ему, спасибо: не забываетъ старыхъ друзей, даромъ что идетъ вверхъ и весь обвѣшанъ крестами... Право, спасибо.

Елизавета Михайловна развернула письмо, которое держала въ рукѣ, и начала читать тихо, съ разстановками:

«Милостивая Государыня моя,
«Авдотья Евлампіевна!

«По ходатайству вашему, а также во уваженіи пріязни моей къ покойному супругу вашему, а моему хорошему другу Игнатію Матвѣевичу, котораго я до конца жизни моей не забуду и воспоминаніе о которомъ унесу съ собою и въ гробъ...»

— Ахъ ты, родной мой, съ какими чувствами!—перебила старушка.—Этакихъ людей немного нынче, нѣтъ! Вотъ душа-то!.. Ну, ну, читай, Лиза, читай!

...«унесу съ собою и въ гробъ, опредѣлилъ я племянника вашего, Ивана Александровича, на службу подъ собственное свое вѣдомство и неослабно самъ наблюдалъ за его старательностью и способностью въ отношеніи письмоп-

ныхъ дѣлъ, и убѣдясь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ таковой его старательности, равно какъ и въ способности, о помѣщеніи его на первую открывшуюся въ отдѣленіи моемъ вакансію на штатное мѣсто, а именно помощника столоначальника съ 1500 р. окладомъ въ годъ, не замедлилъ обратиться съ представленіемъ къ директору департамента, который и утвердилъ его въ означенномъ выше званіи, сего ноября 5 дня; вслѣдствіе чего, Милостивая Государыня моя, свидѣтельствуя вамъ совершенное мое почтеніе, имѣю честь васъ увѣдомить» и проч.

— Дай Богъ ему здоровья! Да, надо сказать, прежняго вѣка люди-то посолиднѣе: хлѣбъ-соль чужую не забываютъ... А каковъ же мой Иванушка? Онъ у меня малый умный и не одного себя прокормитъ. Правда, Лизанька?

И старушка улыбалась сквозь слезы и трепала ее по щекѣ съ самодовольствіемъ.

Время шло своимъ чередомъ, а здоровье старушки не поправлялось. Она, видимо, хилѣла. Францъ Карловичъ прописывалъ ей микстуры, которыя не помогали, смотрѣлъ на больную, нюхалъ табакъ и говорилъ себѣ подъ носъ: «гм, эта болѣзнь называется старость».

Однажды подъ вечеръ ей сдѣлалось замѣтно хуже. Елизавета Михайловна не отходила отъ ея постели цѣлую ночь; бѣдная дѣвушка не смыкала глазъ, она тихо плакала, задушая въ себѣ рыданья, боясь, чтобы не услышала ея горя родная. И тяжело было ей: грудь ея въ ту минуту была могильнымъ склепомъ, въ которомъ заключены были ея страданья, ея вопли...

Иванъ Александровичъ также не отходилъ отъ постели больной; и онъ, порою, утиралъ слезу, которая докучливо катилась по его щекѣ: горько было ему смотрѣть на потухающую жизнь своей второй матери, еще горше на страданье Елизаветы Михайловны. Онъ съ каждымъ днемъ привязывался къ ней больше и больше; онъ чувствовалъ, что безъ нея ему ничего не мило; онъ не могъ дать себѣ отчетъ, какъ вкралась къ нему эта любовь, и не зналъ, что она таилась въ немъ давно, только безсознательно. Онъ любилъ ее горячо,

любилъ съ самоотверженіемъ юноши, одареннаго душою благородною и сильною...

Онъ хотѣлъ утѣшать Елизавету Михайловну; но что такое утѣшеніе въ минуты свинцовой безотрадности? Онъ хотѣлъ молвить ей слово надежды; но могло ли быть сильно это слово въ устахъ человѣка, который не имѣлъ самъ ея?

Итакъ, Иванъ Александровичъ сидѣлъ молча, съ поникшею головою. Ночь была безконечна, каждая минута высчитывалась страданьемъ, или вздрагиваньемъ, или замираніемъ сердца... Однообразно стучалъ маятникъ, страшно было стенанье старушки, тяжело и неровно ея дыханье.

Подъ утро больная забылась.

— Елизавета Михайловна,—произнесъ Иванъ Александровичъ:—тетушка, кажется, уснула; ради Бога, подите, лягте, усните и вы хоть на нѣсколько минутъ. Вы измучились, вѣдь вы занеможете сами. Ради Бога! я останусь здѣсь.

— Нѣтъ, я не могу спать; я не устала, ничего. — А голова ея кружилась, и она насилу сидѣла на стулѣ.

Утромъ старушка потребовала священника.

Елизавета Михайловна лежала безъ чувствъ въ другой комнатѣ: ее оттирали. — Иванъ Александровичъ поддерживалъ голову старушки: она причащалась Святыхъ Таинъ.

Великій обрядъ совершился. Хладѣющія уста старушки шевелились безъ словъ: она про себя читала молитву; правая рука ея двигалась на груди, она хотѣла креститься.

— Пошлите ко мнѣ мою дочку, — сказала она довольно явственно. — Гдѣ же она, гдѣ моя Лиза? Лиза, Лиза...

Ее привели.

Она упала на колѣни передъ постелью. Умирающая положила руку на ея голову—и вдругъ глаза ея вспыхнули послѣднимъ огнемъ, и она произнесла громко, голосомъ, полнымъ торжественности:

— Боже! Боже! Услышь меня въ эту минуту. Господи! не оставь ее!..

Изъ груди несчастной дѣвушки вырвался раздирающій вопль.

Францъ Карловичъ наморщился; у него, видно, хотѣли показаться слезы, но онъ скрѣпился, вынулъ изъ кармана табакерку и началъ съ разстановками нюхать табакъ.

— Ближе, ближе! ко мнѣ, моя Лиза!—продолжала старушка голосомъ, постепенно слабѣющимъ. — ...Вотъ... такъ... теперь мнѣ теплѣе... Прощай, другъ мой... Я не одну тебя оставляю... Ты вѣдь любишь его, Лиза... Гдѣ онъ? его руку!

Она искала руки Ивана Александровича; онъ подошелъ къ ея изголовью и также сталъ на колѣни. Она взяла его руку, соединила съ рукою Елизаветы Михайловны и смотрѣла на нихъ пристально.

— Дайте мнѣ насмотрѣться на васъ... Это все ваше... все, друзья мои; будьте счастливы... У меня что-то темнѣетъ въ глазахъ...

— Матушка! Не оставляйте дѣтей вашихъ. Матушка! Что же? Развѣ вы не хотите видѣть нашего счастья? Еще одинъ часъ, одну минуту, родная... — И несчастная захлебнулась слезами.

Вдругъ она почувствовала что-то холодное на своей рукѣ: это была рука старушки, которая замерла, соединяя ее съ обрученникомъ ея сердца.

Она вскрикнула, приподнялась, осмотрѣлась кругомъ себя — и какъ трупъ рухнулась къ ногамъ доктора, обнимая его ноги.

— Спасите, спасите матушку!

Францъ Карловичъ едва удержался па ногахъ; онъ снова сдѣлалъ гримасу и прошепталъ себѣ подъ носъ (это была его привычка): «Боже мой! нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ видѣть несчастіе».

Потомъ онъ и Иванъ Александровичъ бросились помогать бѣдной дѣвушкѣ; старушка уже не требовала никакой помощи.

Около вечера, когда Елизавета Михайловна немного успокоилась, Иванъ Александровичъ, оставивъ ее на руки двумъ женщинамъ, вышелъ изъ дома.

Задумчивъ шелъ онъ по улицѣ. Образъ умирающей тетки, ея благословеніе, отчаяніе *его* Елизаветы Михайловны: онъ теперь имѣлъ право назвать ее *своею*... все это вмѣстѣ перебѣгало въ головѣ его.

— Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ! — кричалъ ему кто-то, шедшій навстрѣчу.

Иванъ Александровичъ нахмурилъ брови и поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ Өедоръ Егоровичъ.

— Что это? Сто лѣтъ не видались, почтеннѣйшій, ей Богу; не стыдно ли вамъ это, Иванъ Александровичъ, никогда не заглянете. — А я вамъ скажу новость: я женюсь... да, да. Ну, а на комъ, отгадайте? — На Марьѣ Владиміровнѣ! Не правда ли, славная партія: и умная женщина, и протекція — и все-этакъ знаете. Вотъ бы теперь кстати вы попросили, чтобъ напечатали мои стишки съ посвященіемъ къ ней. Ну, а сказать ли вамъ, куда я теперь иду? Надобно купить какую-нибудь брилліантовую вещь: серьги или что-нибудь этакъ въ подарокъ. Знаете, жениху столько хлопотъ, туда, сюда... А вы куда идете, Иванъ Александровичъ?

— Къ гробовому мастеру. Моя тетка сейчасъ скончалась. Прощайте, Өедоръ Егоровичъ.

КАКЪ ДОБРЫ ЛЮДИ!

Посвящается М. А. Языкову.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
А. Пушкинъ.

Какъ я люблю огромную залу, горящую тысячами огней, которые ослѣпительно играютъ на позолотѣ и безконечно отражаются въ неизмѣримыхъ зеркалахъ, и эти цвѣтныя гирлянды дамъ, ароматическія гирлянды, переплетенныя жемчугомъ, брилліантами и золотомъ, и этотъ бѣшеный вальсъ, такъ хорошо понятый геніемъ гостиныхъ, этимъ плѣнительнымъ Штраусомъ, танецъ соблазна и нѣги, отъ котораго замираетъ дыханіе!.. Этотъ неумолкающій говоръ, и отрывки рѣчей, и полувзгляды, и вѣчное движенье, и странная пестрота, и фантастическое великолѣпіе—развѣ все это не поэма въ полномъ и современномъ значеніи этого слова, и развѣ она не занимательнѣе цѣлыхъ страницъ in-folio, вырванныхъ изъ громадной Иліады, развѣ не пестрѣе, не цвѣтистѣе и не понятнѣе какой-нибудь длинной сказки Шехеразады?.. Сколько любви, сколько страстей, сколько надеждъ, сколько мыслей волнуются въ этой залѣ! А подъ громъ оркестра, подъ чародѣйные звуки, подъ гармоническій голосъ Россини и Моцарта, сердце сильнѣе бьется въ груди, страсти мятежнѣе разгораются, ярче блещетъ надежда, мысли какъ-то легче настраиваются на поэтическій ладъ и безконечнѣе развиваются...

Мнѣ всегда казались сомнительными люди, нападающіе на общество, люди, злословящіе людей. И, въ самомъ дѣлѣ,

эти Манфреды и Лары въ короткихъ и узкихъ фракахъ, съ черепаховыми лорнетами на груди, проповѣдывающіе байронизмъ и важно разсуждающіе о Гётевомъ «Фаустѣ», прислонясь къ мраморному камину, уставленному вычурными вещами *рококо* — не должны ли они, эти люди, казаться немного сомнительными? — Но мнѣ непріятна хула на людей даже въ устахъ человѣка, не выходящаго изъ ограниченнаго очертанія своего домашняго круга и читающаго только въ русскихъ переводахъ повѣсти Бальзака и Зандъ.

Я не разъ слышалъ разсказы о злобѣ людей, о ихъ эгоизмѣ, мстительности и о прочемъ, скрывающемся подъ непроницаемою личиною милой свѣтской привѣтливости: эти рѣчи вырывались часто изъ сердца глубоко уязвленнаго; въ рѣчахъ была та страдальческая музыка, отъ которой нехотя навертываются на глазахъ слезы; и странно: при всемъ этомъ я до сихъ поръ еще такъ люблю людей и такъ простодушно вѣрю ихъ добросердечію!

Или опытъ не сжималъ меня своею желѣзною рукавицей, или я принадлежу къ числу тѣхъ *милыхъ* людей, которымъ, Богъ знаетъ почему, истина никогда не показывается лицомъ къ лицу, и которые вѣчно скользятъ по поверхности человѣчества?

Да, что ни говорите, а въ человѣкѣ мнѣ кажется все искреннимъ отъ самыхъ важныхъ дѣйствій его до самаго незначительнаго движенія. Я не могу себѣ представить злодѣя съ простодушною улыбкою, подлеца, не краснѣя говорящаго о чести, ханжу, со слезами разсуждающаго о высокомъ христіанскомъ долгѣ. Въ Тартюфѣ я никогда не могъ видѣть лицо дѣйствительное; правда, Яго, Шекспировъ Яго всегда смущалъ меня, но я гналъ прочь отъ себя образъ этого демона, это чудовищное порожденіе исполина-поэта. Я думалъ — и часто теперь думаю: если я не далъ повода людямъ дѣлать мнѣ зло, они, вѣрно, не сдѣлаютъ мнѣ зла... и искренно жму руку каждому, и считаю каждое привѣтствіе на это рукопожатіе искреннимъ...

Случилось (не помню, очень давно кто-то сказывалъ мнѣ) — что отъ одного слова какой-то женщины зависѣло сча-

стіе или несчастіе, спокойствіе или страданье цѣлаго семейства. Она очень хорошо знала объ этомъ, и что же? Слывя въ свѣтѣ за необыкновенно *чувствительную* и *добродѣтельную*, не запинаясь, еще съ равнодушною улыбкою, произнесла слово, которымъ погубила цѣлое семейство и сдѣлалась убійцею человѣка. Правда ли это? Какъ смѣть поручиться, что этотъ поступокъ былъ умышленный?

Нѣтъ, это клевета на людей, самая дерзкая клевета! О, люди понимаютъ и умѣютъ сочувствовать до самоотверженія несчастію вчуже. Нужно ли слезъ — они плачутъ; нужно ли утѣшенія — они утѣшаютъ, и съ какимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, съ какою энергическою силою!.. Слово и слезы! Чего же болѣе? Они плачутъ въ театрѣ отъ кривляній актера, закалывающаго себя бумажнымъ кинжаломъ; ихъ слезы градомъ льются на чувствительныя страницы какого-нибудь романа... О, какъ же они должны сострадать истинному несчастію! Я убѣжденъ, что людямъ доступно все высокое, все прекрасное — и безграничная степь морской зыби, позлащенной вечернею зарею, и молнія, мгновенно обхватывающая пламенемъ черное небо, мгновенно озаряющая землю страшнымъ сіяньемъ послѣдняго дня, и тихій вечеръ, растворенный ароматомъ цвѣтовъ, когда вся природа роскошно отдыхаетъ, упоительно нѣжится, когда все въ дивномъ, благоговѣйномъ безмолвіи, только соловей свищетъ, трелитъ и заливается...

Ради Бога, не увѣряйте меня, что для людей мертва поэзія природы. Неправда! Они съ благоговѣйнымъ страхомъ, съ молитвою на устахъ, внемлютъ гласу Божьему въ часъ бури; они съ трепетомъ сердца, съ замираніемъ духа прислушиваются къ выстраданной гармоніи великаго поэта.

Для нихъ дорогъ онъ — избранникъ Господень, вдохновенный провидѣцъ грядущаго, чудодѣйственно возносящій ихъ къ небу и съ недосягаемой высоты показывающій имъ, бѣднымъ муравьямъ, на точку земли, гдѣ они суетливо и безтолково роятся! И они, въ награду за это, лелѣютъ его, устилаютъ жизненный путь его цвѣтами, хранятъ его, какъ зѣницу ока! — Я гдѣ-то читалъ: «общество убило поэта». Какая нелѣпая фраза! Эти *добрые*, сострадательные люди, составляющіе

общество, посягнуть на жизнь своего собрата, и еще какого собрата — который доставлялъ имъ столько свѣтлыхъ, отрадныхъ минутъ въ жизни? Они вырвутъ изъ собственной діадемы единственное ея украшеніе, многоцѣнный камень, сіявшій тысячами радужныхъ переливовъ — вырвутъ и безумно втопчутъ его въ грязь?.. Это смѣшно! Можно ли составлять такія безсмысленныя фразы и такъ безжалостно позорить общество?..

Можетъ быть, точно, люди бываютъ иногда причиною гибели поэта, но это совершенно неумышленно, только по одному невѣдѣнію. И потомъ какими тяжкими страданіями, какою раздирающею горестію выкупаютъ они свое невинное преступленіе! Посмотрите, какъ, рыдая, они обступаютъ гробъ великаго человѣка — а вѣдь эти рыданія такъ искренни! Они готовы выплакать сердце, смотря на безмятежное чело навѣки успокоившагося страдальца. Когда терновый вѣнокъ жизни упалъ съ головы его, они украшаютъ эту священную голову лаврами. *Добрые люди!* Что, если бы онъ, великій, возсталъ въ эту минуту и посмотрѣлъ на свою апоѳеозу? Не правда ли, онъ примирился бы въ лицѣ этихъ людей съ цѣлымъ человѣчествомъ, онъ обнялъ бы ихъ какъ братьевъ?

Да, несмотря ни на какія выходки ненавистниковъ человѣчества, я снова повторяю, что убѣжденъ въ добротѣ людей... И вотъ почему я люблю эти торжественныя, великолѣпныя сборища, ихъ балы и рауты, гдѣ жизнь, доведенная до высшей степени цивилизаціи, какъ искусно выграненный алмазъ, блеститъ, ослѣпляя. Вотъ почему я люблю безтребовательныя, семейныя сходки, гдѣ все дышитъ патріархальною простотою, радушіемъ и этимъ христіанскимъ спокойствіемъ — высшею мѣтою человѣческаго счастія. О, я хочу жить съ людьми! Чѣмъ болѣе людей вокругъ меня, тѣмъ мнѣ легче. Я открою имъ всѣ тайные мои помыслы, мои надежды, все, что хранится въ тайникѣ моего сердца — и они поймутъ меня. Тогда, въ минуту скорьби, они растолкуютъ мое горе; въ минуту отчаянія они безмолвно прижмутъ меня къ груди своей. Что на свѣтѣ отраднѣе участія — мысли, что тебя понимаютъ, что состраждутъ тебѣ?

Я непремѣнно перестану слушать этихъ чудаковъ, которые хотятъ во что бы то ни стало быть врагами человѣчества: я буду бѣгать отъ нихъ и отъ ихъ темныхъ и вялыхъ повѣстей. Несчастные! они, право, смѣшны и жалки; ихъ должно просто оставлять въ покоѣ. Богъ съ ними, съ этими дюжинными людьми!

Жаль только, когда человѣкъ съ душою сильною и энергическою впадаетъ въ подобное заблужденіе. Съ годъ тому назадъ я встрѣтилъ такого человѣка и слышалъ его разсказъ. Этотъ разсказъ врѣзался въ моей памяти; я не проронилъ изъ него ни одного слова, и хотя онъ сильно подѣйствовалъ на меня, но все-таки не могъ поколебать мои вѣрованія. То было, какъ теперь помню, въ одинъ изъ тѣхъ скучныхъ осеннихъ вечеровъ, когда небо сливается съ землею мглистымъ, дождливымъ туманомъ; когда дымъ стелется по землѣ; когда сырость насквозь проникаетъ васъ; когда нѣтъ этого постепеннаго перехода отъ сумерекъ къ ночи, этого таинственнаго и отраднаго часа... Еще не было семи часовъ, а уже огни тускло мерцали сквозь туманъ во многихъ окнахъ, и въ десяти шагахъ на улицѣ нельзя было различить человѣка. Плащъ мой отяжелѣлъ отъ дождя; съ полей шляпы моей начинали скатываться капли; я чувствовалъ дрожь; до квартиры было далеко... Тутъ только я вспомнилъ объ одномъ моемъ коротко знакомомъ, который жилъ въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ я остановился въ раздумьи: куда бы укрыться отъ ненастья? Черезъ минуту я былъ въ теплой комнатѣ, и даже у камина, и — что еще лучше — въ обществѣ людей близкихъ мнѣ. Когда, послѣ обычныхъ разспросовъ и возгласовъ, я улегся въ уютныхъ креслахъ и подкатился къ камину, хозяинъ дома сказалъ кому-то:

— Ну, что жъ, продолжайте. Вотъ вамъ еще слушатель, и, предупреждаю, самый отчаянный защитникъ человѣчества, во всѣхъ поступкахъ людей видящій одну хорошую сторону.

Я поставилъ къ стѣнѣ вычурную лопатку, которою лѣниво перевертывалъ уголья въ каминѣ, и оборотился въ сторону. Въ эту только минуту я увидѣлъ незнакомаго чело-

вѣка, котораго совершенно не замѣтилъ при входѣ, и къ которому, вѣроятно, относились слова хозяина. Этотъ человѣкъ сидѣлъ нѣсколько поодаль камина, въ тѣни, и курилъ сигару. Огонь, вспыхивающій по временамъ на кончикѣ этой сигары, освѣщалъ черты лица его, и только при помощи этого минутнаго, красноватаго блеска да мерцанья въ каминѣ я успѣлъ составить очеркъ для портрета этого человѣка. Ему было лѣтъ тридцать-пять, можетъ быть нѣсколько поболѣе; смуглая кожа обтягивала сухощавое лицо его, большіе каріе глаза изрѣдка свѣтились изъ-подъ черныхъ нависшихъ бровей, безпрестанно двигавшихся.

Онъ ни слова не отвѣчалъ на замѣчаніе хозяина дома, будто оно не относилось къ нему; онъ, казалось, не замѣтилъ моего движенія и взгляда, только пустилъ изо рта густое облако дыма, и когда это облако разостлалось по комнатѣ, я увидѣлъ при свѣтѣ постепенно разгоравшагося камина, какъ онъ медленно приподнималъ брови, недовѣрчиво осматривалъ меня съ ногъ до головы, какъ нижняя губа его пошевелилась насмѣшливо, и потомъ, какъ онъ снова надвинулъ брови на глаза. Странно! Какое-то незнакомое мнѣ доселѣ чувство робости и сознаніе въ собственной слабости промелькнули во мнѣ въ ту минуту, когда онъ меня осматривалъ.

Всѣ молчали. Это молчаніе становилось какъ-то неловко. Я понималъ, что присутствіе этого человѣка тяготитъ не одного меня, что онъ имѣетъ странное вліяніе на всѣхъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, при которыхъ отнимается и свобода, и веселость. Видно, этотъ господинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. Я снова принялся за лопаточку и началъ перевертывать уголья въ каминѣ. Наконецъ хозяинъ дома рѣшился прервать тягостное молчаніе.

— Видите ли, — сказалъ онъ, обращаясь къ моему незнакомцу, — какая благоговѣйная тишина распространилась между нами, и все въ ожиданіи вашего разсказа, такъ некстати прерваннаго его приходомъ.

Онъ указалъ на меня.

Я хотѣлъ пробормотать какую-нибудь извинительную фразу, но хозяинъ дома перебилъ меня и продолжалъ:

— Вы, кажется, незнакомы другъ съ другомъ, а я до сихъ поръ и не догадался познакомить васъ. Это мой короткій пріятель Л*** — (онъ дружески потрепалъ меня по плечу) — а вотъ г. Р***, недавно воротившійся изъ чужихъ краевъ.

Мы молча поклонились, почти не смотря другъ на друга и не вставая съ креселъ.

— Мой разсказъ — началъ этотъ господинъ, не обращаясь ни къ кому и окруживъ себя облакомъ дыма, — мой разсказъ — я предупреждаю васъ, господа, если вы ужъ непремѣнно хотите его выслушать — есть только вступленіе къ одной невымышленной повѣсти, которая давно у меня хранится. Я зналъ лично героя этой повѣсти и о странномъ знакомствѣ моемъ съ нимъ буду говорить вамъ теперь. Можетъ быть, разсказъ мой будетъ кстати, потому что у насъ, кажется, шла передъ этимъ рѣчь о тяжеломъ положеніи въ обществѣ поэта, или даже просто человѣка, надѣленнаго поэтическою душою. Объ этомъ тысячу разъ говорили, писали и печатали. Общество въ вѣчной борьбѣ съ поэтомъ; видно, иначе и быть не можетъ: стараться примирить ихъ — значитъ не понимать ни того, ни другого. Общество никогда не возвысится до поэта, поэтъ никогда не унизится до общества. Винить тутъ никого нельзя. Вы говорите, что люди прекрасны и добры: господа, я не спорю. Убѣждать другихъ въ томъ, или другомъ мнѣ всегда казалось безполезно и нелѣпо. Для меня довольно собственнаго убѣжденія: глупо оно или умно, вѣрно или невѣрно — это ни до кого не касается...

Я началъ кусать губы отъ досады; я было хотѣлъ вступиться за людей, и составилъ въ головѣ нѣсколько краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ фразъ въ защиту общества; но вспомнивъ, что этотъ человѣкъ никому не навязывалъ своего мнѣнія, я немного поуспокоился и только вздохнулъ, сожалѣя объ немъ.

Борьба неравная, говорилъ онъ. Разумѣется, остается побѣдителемъ въ этой борьбѣ сильнѣйшій. Общество торже-

ствуетъ и смѣется надъ безумцемъ, который одинъ возстаетъ противъ тысячъ. И оно право. Развѣ вы не смѣетесь надъ Донъ-Кихотомъ, который торжественно мечтаетъ бороться одинъ съ цѣлыми полчищами и смѣло нападаетъ на великановъ, хотя эти великаны не что иное, какъ вѣтряныя мельницы?

Но не въ томъ дѣло. Разсужденія въ сторону! Вы ждете моего разсказа. Предупреждаю еще разъ, что этотъ разсказъ долженъ служить только вступленіемъ къ повѣсти и отдѣльно отъ ней ничего не доказываетъ.

Я уже сказалъ вамъ, что въ проѣздъ мой черезъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ германскихъ городовъ, лѣтъ десять назадъ тому, давали на тамошнемъ театрѣ Моцартова «Донъ-Жуана». Я пошелъ въ театръ. Всѣ мѣста были распроданы, исключая одной ложи, которая будто нарочно для меня оставалась незанятой. Только что я успѣлъ разлечься въ этой ложѣ съ аристократическою небрежностью, которая въ двадцать пять лѣтъ казалась мнѣ необходимостью; только что вооружился важнымъ видомъ записного дилетанта, какъ раздались первые аккорды увертюры... И съ первымъ звукомъ, долетѣвшимъ для меня, я позабылъ о той живописной позѣ, посредствомъ которой думалъ обратить на себя вниманіе. Музыка всегда производила на меня необыкновенное впечатлѣніе, и въ эту минуту, когда таинственно-страшные звуки увертюры охватили меня, морозъ пробѣжалъ по моему тѣлу... Увертюра кончилась, раздался громъ рукоплесканій: натянутые восторги мнимыхъ музыкальныхъ фанатиковъ! Занавѣсъ поднялся. Дивная драма магически стала развертываться передо мною. Я слушалъ, слушалъ такъ, какъ будто я не имѣлъ другого чувства, кромѣ слуха... Въ половинѣ перваго дѣйствія, въ ту самую минуту, когда донна-Анна появляется на сцену съ женихомъ своимъ, именно въ ту минуту, мнѣ послышался легкій стукъ въ дверь моей ложи. Я не хотѣлъ вставать съ мѣста; этотъ стукъ мнѣ былъ досаденъ: я боялся прервать поэтическія грезы души моей. Мнѣ такъ хорошо было нѣжиться въ безпредѣльномъ пространствѣ гармоніи, такъ отрадно довѣриться волнамъ звуковъ и, по ихъ прихоти, то

высоко всплывать, то, замирая, погружаться въ бездну. Но стукъ въ дверь дѣлался слышнѣе, настойчивѣе. Я наконецъ-таки принужденъ былъ встать и отворить дверь. Предо мною стоялъ какой-то высокій человѣкъ съ опущенною головою, съ изнеможеннымъ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, на которое упадали въ безпорядкѣ длинные волосы, почти закрывая глаза; худой и сгорбленный, одѣтый съ самою странною небрежностью; скелетъ, на котораго навѣсили платье и механически привели въ движеніе.

— Что вамъ угодно? — спросилъ я его довольно грубо.

Онъ судорожно поднялъ голову, точно испуганный, точно внезапно пробужденный отъ сна, отвелъ отъ глазъ волосы и посмотрѣлъ на меня.

Я никогда не забуду этого взгляда, никогда не забуду выраженія этихъ глазъ, полныхъ жизни. Они вотъ и сію минуту предо мною, страдальчески-прекрасные! Сколько было огня въ этихъ глазахъ! И какъ ихъ блескъ не гармонировалъ съ мертвенностью цѣлой фигуры, и какъ ихъ живость странна была на безжизненно-неподвижномъ лицѣ! Представьте себѣ два большіе огнецвѣтные брилліанта, вставленные въ глазныя ямки черепа — и вы будете имѣть нѣсколько приблизительное понятіе о головѣ этого человѣка...

Такъ онъ посмотрѣлъ на меня, задумался, будто вспоминая о томъ, что хотѣлъ сказать мнѣ, и вдругъ судорожно схватилъ мою руку и проговорилъ почти шопотомъ, несвязно:

— «Я никогда еще не пропускалъ до сегодняшняго дня ни одного представленія «Донъ-Жуана», никогда... А сегодня меня задержали дѣла... Я опоздалъ... Всѣ мѣста заняты, ни одного мѣста... Вы одни въ ложѣ. О, ради Бога, пустите меня въ вашу ложу!.. Я не помѣшаю вамъ, я не пошевельнусь съ мѣста... Только бы слышать эти божественные звуки, только бы... Умоляю васъ...»

И онъ боязливо осмотрѣлся кругомъ, ожидая моего отвѣта...

Я молча пожалъ ему руку и ввелъ его въ ложу.

Онъ шелъ на цыпочкахъ, едва переводя духъ, опустился на стулъ безъ малѣйшаго шороха, внимательно посмотрѣлъ

на сцену, закрылъ руками лицо и долго оставался въ такомъ положеніи...

Я взглянулъ на него: онъ не шевелился, только грудь его волновалась часто и сильно.

Первый актъ кончился; занавѣсъ упалъ; звуки смолкли. Тогда онъ опустилъ руки на колѣни, приподнялъ голову, оглянулся назадъ, не замѣчая меня, съ недоумѣніемъ будто спрашивалъ у самого себя: какимъ образомъ попалъ я въ эту ложу? Но когда вдругъ глаза его встрѣтились съ моими глазами, онъ вздрогнулъ.

— «Ахъ, это вы... Какъ я вамъ благодаренъ!» сказалъ онъ мнѣ, неловко двигаясь на стулѣ и поспѣшно застегивая верхнія пуговицы своего сюртука. «Да, вы не знаете, какое одолженіе вы мнѣ сдѣлали. Вѣдь я только тогда и живу, когда слышу эти звуки; только въ такія минуты я и бываю счастливъ, но зато безмѣрно счастливъ! Знаете ли, что подъ эти вдохновенные звуки мысль моя растетъ, растетъ, вытягивается въ безконечность, расширяется... а это такое отрадное чувство!.. Я забываю все, я чувствую себя свободнымъ. Понимаете ли вы — свободнымъ! Не правда ли, что безъ этого чувства не можетъ быть полнаго счастья?.. И я нѣсколько дней буду жить этой гармоніей; эти звуки нѣсколько дней будутъ раздаваться въ ушахъ моихъ; я нѣсколько дней буду счастливъ! Иногда — вотъ хоть бы, напримѣръ, теперь — мнѣ такъ пріятно, что я готовъ плакать!»

И точно слезы дрожали на его длинныхъ рѣсницахъ. Онъ замолчалъ и отвернулся отъ меня; потомъ минуты черезъ двѣ наклонился къ моему уху:

— «Вы позволите мнѣ остаться до конца. Я не мѣшаю вамъ — не правда ли?»

— Я очень радъ, что имѣлъ случай доставить вамъ удовольствіе. Пожалуйста, будьте какъ въ своей ложѣ,—отвѣчалъ я скороговоркою.

Онъ не отозвался на эти слова, точно не слыхалъ ихъ; снова опустилъ голову и закрылъ руками лицо...

Съ этой минуты, до самаго окончанія спектакля, онъ уже не говорилъ со мною ни слова.

Когда спектакль кончился, онъ обратился ко мнѣ, крѣпко пожалъ мнѣ руку и хотѣлъ выйти изъ ложи.

Я остановилъ его. Въ этомъ человѣкѣ все было такъ необыкновенно, такъ не по-нашему, не по-вседневному, что я непремѣнно хотѣлъ узнать его покороче.

— Случай такъ неожиданно и такъ пріятно доставилъ мнѣ ваше знакомство,—началъ я.—Позвольте же мнѣ воспользоваться имъ, позвольте сблизиться съ вами...

Онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво.

— Я иностранецъ, я здѣсь проѣздомъ, и никого не знаю. Ваше знакомство...

— «Мое знакомство?—перебилъ онъ съ необыкновенно-грустной иронiей:—мое знакомство? Для чего вамъ оно? Я не могу принести вамъ никакой пользы, никакой, и ни въ какомъ отношенiи...»

— Но я просто хочу быть знакомымъ съ вами, безъ всякихъ видовъ. Одна ваша страсть къ музыкѣ заставила бы меня преслѣдовать васъ повсюду, сблизиться съ вами во что бы то ни стало.

Я думалъ произвести на него впечатлѣнiе этими словами, и не ошибся... Глаза его вдругъ просвѣтлѣли.

— «О, такъ вы любите музыку—вы понимаете ее,—вы чувствуете ее?..—И онъ схватилъ мою руку, и держалъ ее долго, не выпуская...—У васъ вырывались иногда слезы, слезы восторга; по васъ пробѣгалъ иногда холодъ, смертный холодъ отъ одного какого-нибудь дивнаго звука или слова? Идея искусства не чужда вамъ? Вы благоговѣете передъ его святымъ значенiемъ?—Да!—Вы не принадлежите къ этой черни, которая ходитъ въ театръ единственно для того, чтобы вызвать такую-то актрису, или ошикать такого-то актера; вы не принадлежите къ этимъ аристократамъ, которые заѣзжаютъ въ театръ передъ баломъ, такъ, на минуту, потому что это у нихъ принято? Вы иностранецъ? Можетъ быть, у васъ нѣтъ этихъ смѣшныхъ обычаевъ?—Вы пришли сюда только изъ одной чистой, святой любви къ искусству, безъ всякихъ стороннихъ цѣлей—мучиться, страдать, радоваться, плакать, смѣяться подъ эти звуки небес-

ной гармоніи, подъ эти адскіе звуки? — Этотъ Моцартъ — ангелъ и демонъ вмѣстѣ? Не правда ли?»

Онъ взялъ меня подъ руку и быстро увлекъ изъ ложи.

Мы переходили изъ одной улицы въ другую, безпрестанно сворачивая то направо, то налѣво. Чудно хороши были при лунѣ эти мрачно-величественныя зданія готической архитектуры. Волшебно блуждалъ лунный свѣтъ по этимъ витымъ столбамъ, по этимъ стрѣльчатымъ сводамъ и аркадамъ; чудно посеребрялъ онъ верхи этихъ легкихъ башенокъ, эту мелкую и узорчатую рѣзьбу украшеній готическихъ... Увлеченные разговоромъ, вдругъ мы остановились подъ тѣнью массивнаго, великолѣпнаго портала церкви. Онъ положилъ мнѣ на плечо свою длинную, костлявую руку, и произнесъ съ нѣкоторою торжественностью, которая во всякомъ другомъ случаѣ, можетъ быть, показалась бы мнѣ смѣшною:

— «Лучъ благодати Господней озаряетъ міръ души вашей. Благодарите Его за это, молитесь Ему, да включитъ Онъ васъ въ число своихъ избранниковъ. Вы счастливецъ — но счастливецъ не по-здѣшнему! На землѣ вамъ нѣтъ и не будетъ счастья. Несите безъ ропота крестъ вашъ, умѣйте приготовить себя къ страданіямъ, и потомъ умѣйте страдать. Обо мнѣ вы вѣрно когда-нибудь да вспомните!..»

Могу васъ увѣрить, господа, что мнѣ нисколько не хотѣлось смѣяться въ эту минуту. У меня замеръ духъ отъ этихъ пророческихъ словъ; да—потому что эти слова были произнесены голосомъ, который не много разъ въ жизни удается слышать; голосомъ, исходящимъ изъ глубины души, размученной страданіями. Въ этомъ голосѣ звучали страшноболѣзненныя ноты и вырывался вопль, задушаемый гордымъ усиліемъ не обнаруживать боли.

Онъ не ошибся, этотъ странный человѣкъ, этотъ бѣдный страдалецъ, котораго люди называли сумасшедшимъ; онъ не ошибся! Не одинъ разъ я вспоминалъ о немъ — вѣрно до послѣднихъ минутъ моей жизни не забуду его...

Нѣтъ, не забуду: потому что я не встрѣчалъ и вѣрно не встрѣчу другого человѣка съ такою младенчески-чистою ду-

шою; съ такою мгновенною воспріемлемостью всего высокаго, всего прекраснаго; съ такимъ свѣтлымъ умомъ, доходившимъ иногда до поэтическаго прозрѣнія. Въ немъ было все гармонія. Даже и эта общая всѣмъ германцамъ, для многихъ смѣшная наклонность къ символическому — удивительно шла къ нему... Не такъ знали его другіе. Дико смотрѣли люди на этого человѣка съ безобразными, порывистыми движеніями, съ всклоченными волосами, не умѣвшаго ни ходить ровнымъ размѣреннымъ шагомъ, ни смягчать, ни охоложать своего голоса, ни даже казаться пристойно-спокойнымъ и равнодушнымъ.

Я располагалъ остаться не долѣе недѣли въ ***, но пробылъ тамъ около четырехъ мѣсяцевъ. Эти четыре мѣсяца останутся для меня самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ въ жизни. Исключая двухъ или трехъ вечеровъ, проведенныхъ мною въ гостиныхъ, слѣдовательно безтолково потерянныхъ, я каждый вечеръ былъ наединѣ съ нимъ, съ этимъ чудакомъ, съ которымъ такъ необыкновенно сошелся въ оперѣ. Его бесѣда постепенно дѣлалась для меня необходимостью; безъ него мнѣ недоставало чего-то. Мысли и замѣтки его я вносилъ въ мой дневникъ и безпрестанно перечитывалъ ихъ; надъ этими отрывками можно призадуматься: много матеріаловъ хранятъ они для изслѣдованій психологическихъ!..

Никогда онъ не разсказывалъ мнѣ подробно о своей жизни: несмотря на полную довѣренность ко мнѣ, онъ почему-то избѣгалъ такой откровенности. Жизнь этого загадочнаго существа была полна страданій: это я тотчасъ прочелъ на лицѣ его; но исторія этихъ страданій была долго для меня тайною.

Однажды онъ нечаянно полураскрылъ передо мною тяжкія раны, нанесенныя ему людьми — и я не радъ былъ этому: дотрагиваясь до этихъ ранъ, онъ, бѣдный, изнемогалъ отъ боли.

Это случилось наканунѣ моего отъѣзда. Онъ говорилъ много и долго; я слушалъ и заслушался его. Вдругъ, и въ самомъ жару разговора, онъ замолчалъ и задумался; нѣ-

сколько минутъ, молча, большими шагами ходилъ по комнатѣ и наконецъ остановился передо мною.

— «Знаешь ли, — сказалъ онъ съ невыносимою грустью — знаешь ли, что процессъ разрушенія уже начался во мнѣ?.. Я чувствую, страшно чувствую, какъ силы мои слабѣютъ. Обновленіе невозможно, нѣтъ! Я умру, не докончивъ моего созданія, не развивъ моей мысли... Боже мой! если бы Ты поддержалъ меня, слабѣющаго, только для того, чтобы докончить это созданіе—а потомъ умереть, пожалуй умереть въ ту же минуту!..»

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Стройно, послѣдовательно излагалъ онъ мнѣ передъ этимъ свои мысли, и я жадно слушалъ его... Но это внезапное молчаніе, но эти отрывистыя рѣчи, не имѣвшія никакой связи съ предшествовавшимъ... Я не зналъ, что подумать...

Онъ тотчасъ замѣтилъ мое недоумѣніе.

— «До сихъ поръ я тебѣ ничего не говорилъ о томъ, что пишу я. Мысль этого созданія давно заронилась мнѣ въ душу; я только ждалъ минуты, въ которую долженъ былъ начать его, мучительно ждалъ. Наконецъ она наступила, эта минута—и вотъ я забылъ все прошедшее, вообрази—совершенно забылъ! Я простилъ людямъ зло, которое они мнѣ сдѣлали; я совершенно примирился съ ними, потому что я пересталъ жить въ ихъ мірѣ. Я создалъ для себя другой міръ — и жилъ въ немъ, и онъ роскошно развивался передо мною, и я блаженствовалъ! Но эти люди, которые мнѣ сдѣлали зло и которымъ простилъ я, не хотѣли оставить меня въ покоѣ; они вывели меня изъ моего отраднаго, свѣтлаго міра, и опять ввели въ свой грязный міръ. О, за что же они меня такъ преслѣдуютъ? Съ тѣхъ поръ силы мои слабѣютъ, я непримѣтно таю; а оно не кончено — не кончено мое созданіе! Тебѣ только я открылъ эту страшную тайну. Слышишь ли? только тебѣ одному! Умоляю тебя, не измѣни мнѣ»,—прошепталъ онъ, наклоняясь ко мнѣ,—«не говори никому объ этомъ. Я и тебѣ не скажу, что я пишу; нѣтъ, я не прочту тебѣ ни одной строчки... Однако, если смерть помедлитъ немного, если я еще успѣю

докончить... то ты прочтешь, когда меня не будетъ! — У меня есть въ виду человѣкъ, которому я поручу издать мое бѣдное твореніе послѣ моей смерти... Хочу что-нибудь послѣ себя оставить, хочу непремѣнно жить въ памяти этихъ людей, которые дѣлали мнѣ зло: можетъ быть ихъ тронетъ мое созданіе, потому что въ немъ отразилась вся внутренняя жизнь моя, и они пожалѣютъ обо мнѣ; можетъ быть они выжмутъ изъ своего сердца слезу раскаянія — и эта слеза скатится на мою книгу»...

Онъ опять началъ прохаживаться по комнатѣ, потомъ сѣлъ на диванъ, далеко отъ меня, и на минуту забылся. Дыханіе его было тяжело и неровно. Я не могъ не страдать, глядя на страданія этого человѣка.

— «Не правда ли, вѣдь это можетъ случиться?—простоналъ онъ едва слышно, будто пробуждаясь, и обводя комнату блуждающими глазами.—Какъ ты думаешь? Можетъ? Или это только мнѣ представляется въ лихорадочномъ бреду? Людямъ несвойственно раскаяніе? Они ругаются и надъ трупомъ человѣка, котораго преслѣдовали при жизни? Они нарушаютъ даже и его могильное спокойствіе — этотъ святой сонъ, дарованный ему милосердіемъ Господа?..»

Лицо его повело судорогой. Онъ прыгнулъ ко мнѣ въ порывѣ бѣшенаго отчаянія, точно перекинутый сверхъестественною силою, прижался къ моему плечу, будто въ испугѣ, и пролепеталъ, замирая:

— «Понимаешь ли ты меня? Я не сумасшедшій, клянусь тебѣ, я не сумасшедшій!»

Голова его скатилась къ колѣнямъ, онъ зарыдалъ безъ слезъ. Холодный потъ облилъ меня.

Рыданія его скоро смолкли, голова приподнялась, но такъ ослабѣла, что онъ долженъ былъ поддерживать ее рукою; слезы катились по мертвой кожѣ, обтягивавшей остовъ лица его.

Эти слезы облегчили его; онъ заговорилъ голосомъ болѣе твердымъ.

— «Я не сумасшедшій, но иногда—повѣришь ли?—желалъ бы думать, что сумасшедшій, что все видѣнное и слы-

шанное мною не было въ самомъ дѣлѣ, а такъ представлялось мнѣ, только въ бреду безумія!.. Я имѣлъ мать, которая не научила меня уважать другихъ матерей; я имѣлъ друга, который оттолкнулъ меня отъ людей и заставилъ сомнѣваться въ каждомъ человѣкѣ; я любилъ дѣвушку, единственное существо, примирявшее меня съ жизнью, чистое, святое существо; но люди оторвали ее отъ меня, разлучили меня съ нею. Съ тѣхъ поръ страшное недовѣріе ко всѣмъ и ко всему овладѣло мною. Когда сижу одинъ, запершись въ своей комнатѣ, я безпрестанно озираюсь кругомъ: не притаился ли кто-нибудь, чтобы подсматривать за мною? когда начинаю говорить, я всегда оглядываюсь назадъ: не подслушиваетъ ли кто-нибудь меня? когда заговариваютъ со мною, мнѣ прежде всего приходитъ въ голову: не подосланный ли это, чтобы вывѣдать мои мысли? Послѣ мнѣ самому станетъ смѣшно, когда вспомню, что у меня нѣтъ ни матери, ни друга, никого. Я одинъ — совершенно одинъ! Родные—они меня не понимаютъ!.. Я долженъ быть теперь смѣшонъ, страненъ; но вѣдь они же — эти люди, которые смѣются надо мною — они сдѣлали меня такимъ смѣшнымъ и страннымъ! Я не всегда былъ таковъ! Впрочемъ у меня еще осталось кое-что отъ прежняго. Чувство симпатіи пробудилось во мнѣ, когда я увидѣлъ тебя—и это меня такъ обрадовало! Я давно, очень давно не говорилъ ни съ кѣмъ такъ отъ сердца, какъ говорю сію минуту съ тобою. Вѣдь я не обманулся въ тебѣ?..»

Онъ заглянулъ мнѣ въ лицо съ простодушностью ребенка и улыбнулся.

Я пожалъ ему руку. У меня проступали на глазахъ слезы.

— «Завтра ты ѣдешь отсюда! Завтра... А тамъ?.. Когда на возвратномъ пути ты будешь здѣсь, зайди на мою могилу порадоваться успокоенію человѣка, который такъ много страдалъ въ жизни, потому что имѣлъ глупость быть искреннимъ и довѣрчивымъ, потому что, въ минуту забвенія, открылъ людямъ тайну своего сердца. Любовь была для меня благодатью; просвѣтленный ею, я полнѣе уразумѣлъ

дивное величіе творенія, я сталъ молиться — и заплакалъ; вообрази, заплакалъ—послѣ того я уже не умѣлъ такъ плакать... А люди смѣялись надо мною... Виноватъ ли, что я не могъ любить, какъ любятъ они, отъ нечего дѣлать, чтобы веселѣе провесть время, влюбиться сегодня въ одну, а черезъ мѣсяцъ позабыть ее для другой? Полюбя, я отдалъ ей полжизни—и безвозвратно; а они отнимали у меня ее такъ равнодушно, какъ игрушку изъ рукъ дитяти. «Поплачетъ, да и утѣшится!»—говорили они. Утѣшится! когда они отрывали отъ меня полжизни!.. Понимаютъ ли они, могутъ ли понять они, что́ значитъ *любить?* Они оскорбили это святое слово, придали ему пошлое, позорное значеніе, и еще стали требовать, чтобы всѣ понимали его—это слово—такъ, какъ понимаютъ они!.. *Ее* уже нѣтъ, бѣдной страдалицы; она любила не по-здѣшнему, и за это-то люди терзали ее. Изнемогая въ пыткѣ, она просила наконецъ у нихъ пощады, милосердія; но они не тронулись ея муками! Она любила не по-здѣшнему; и Онъ — источникъ вѣчной любви—Онъ пріобщилъ ее къ *Своимъ*! Онъ милосердъ: до Него дошли ея стенанія!.. А я еще живъ— и, несчастный, еще хочу жизни!.. Это очень странно! Какъ ты объ этомъ думаешь?.. Хочу жить... Ну, на что же мнѣ жизнь?..»

И онъ прошепталъ едва внятно:

— «Для того—а ты и не понялъ?—для того, чтобы окончить мое созданіе!.. Тамъ я выставлю лучезарнаго ангела, сошедшаго на землю—окруженнаго толпою этихъ бродягъ, этихъ безумцевъ... Ангелъ въ кругу людей!—Понимаешь ли ты мою мысль?—И этотъ ангелъ»...

Онъ не произнесъ ничего болѣе, только силился досказать еще что-то—и не могъ... Губы его шевелились, но звуковъ не было.

Голова его упала на ручку креселъ. Онъ былъ безъ чувствъ...

На другой день я выѣхалъ изъ ***. Онъ провожалъ меня; казался спокойнѣе обыкновеннаго; ничего не говорилъ о ве-

черѣ, проведенномъ мною у него наканунѣ; дружески простился со мною и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ:

— «Я надѣюсь, что когда-нибудь и гдѣ-нибудь мы еще увидимся съ тобою».

Незадолго до моего отъѣзда, въ одной изъ *** скихъ гостиныхъ я съ жаромъ говорилъ о немъ. Я доказывалъ, что этотъ человѣкъ надѣленъ и проницательнымъ умомъ, и обширными свѣдѣніями, и глубоко-поэтическою душою, что онъ непремѣнно и скоро проявитъ себя въ какомъ-нибудь замѣчательномъ созданіи, о которомъ онъ уже и намекалъ мнѣ. Когда я кончилъ рѣчь, какой-то господинъ, съ важнымъ видомъ и съ приличною для *случайнаго* человѣка неподвижностью, изволилъ протяжно произнесть:

— Вы, я думаю, ошибаетесь насчетъ этого человѣка. Я видѣлъ его два раза и даже говорилъ съ нимъ. Онъ смѣшонъ и страненъ — но умышленно. У него есть какіе-то замыслы. Его бы слѣдовало отдать подъ надзоръ полиціи.

Вслѣдъ за этимъ какая-то дама, весьма сомнительной бѣлизны, изломанная кокетка, жалкая представительница нѣмецкой граціозности, живописно разѣвая ротъ и подкатывая глаза подъ лобъ, жеманно проговорила:

— Можетъ ли въ этомъ человѣкѣ быть хоть искра поэзіи? Онъ имѣетъ манеры *переднихъ*. Помилуйте, я не могу иначе представить себѣ поэта, какъ существомъ легкимъ, воздушнымъ...

Около года пробылъ я въ Италіи и во Франціи и на возвратномъ пути въ Россію остановился въ ***, располагая пробыть тамъ съ недѣлю. Мнѣ не отъ кого было слышать въ продолженіе этого времени о моемъ чудакѣ, а участь его необыкновенно занимала меня. Вечеромъ, въ самый день моего пріѣзда, я отправился къ нему.

«Онъ, вѣрно, не перемѣнилъ квартиры,—думалъ я,—сегодня не даютъ никакой оперы, и потому можно застать его дома. Но отчего онъ не написалъ ко мнѣ ни строчки, обѣщаясь писать, и даже не отвѣчалъ на письмо мое? Ужъ не заболѣлъ ли послѣ моего отъѣзда? Кто знаетъ, кто придумаетъ, что можетъ случиться въ продолженіе цѣлаго года?»

Сердце у меня дрогнуло, когда я остановился у воротъ дома, гдѣ жилъ онъ, и увидѣлъ привратника.

— Что, 14-й нумеръ занятъ?—спросилъ я его съ нѣкоторою разстановкою, не рѣшаясь прямо спросить: живетъ ли еще здѣсь *такой-то?*

Привратникъ посмотрѣлъ на меня, зѣвнулъ, потеръ себѣ подбородокъ и произнесъ, нехотя, со всею нѣмецкою флегмою:

— «Занятъ».

— А кѣмъ?

— «Господиномъ...»

Онъ назвалъ мнѣ какую-то незнакомую фамилію.

— Ну, а тотъ господинъ, что жилъ на этой квартирѣ съ годъ назадъ тому?

— «Съ годъ?... Сумасшедшій-то?.. Да онъ ужъ мѣсяцевъ съ восемь, какъ съѣхалъ отсюда».

— Куда? ты знаешь его адресъ?

— «Какъ не знать!.. Этотъ адресъ вѣрнѣе другихъ адресовъ. Вы тамъ его навѣрнякъ отыщете».

— Гдѣ же?

— «Версты съ три отсюда. На загородномъ кладбищѣ».

И онъ улыбнулся, довольный своею остротою.

Я рѣшился не выѣзжать изъ *** до тѣхъ поръ, покуда не разузнаю подробно о смерти этого человѣка и не отыщу бумагъ, оставшихся послѣ него. Онъ мнѣ говорилъ, что хотѣлъ поручить кому-то свое сочиненіе, что оно будетъ непремѣнно напечатано послѣ его смерти, что у него есть родственники... Я пустился въ розыски, и черезъ нѣсколько дней отыскалъ дядю покойнаго, простого добродушнаго старичка, который благодарилъ меня за участіе къ его сумасброду племяннику (такъ онъ называлъ его) и со слезами говорилъ мнѣ о немъ вотъ почти такъ:

— «Я, батюшка, я дядя ему по отцу. Покойникъ былъ (миръ праху его!)—человѣкъ отличный; жаль, что умеръ рано; будь онъ живъ—истинно могу увѣрить васъ, не допустилъ бы до такой гибели сына. Такъ вотъ я и тетка его—ужъ точно что любили его, и совѣты подавали хорошіе, да не слушалъ. Говорили ему: служи, мѣсто можемъ тебѣ

достать по *протекціи добрыхъ людей*, ты малый-то со способностями, *карьеръ* сдѣлать можешь, выкинь блажь изъ головы. Все было напрасно: началъ насъ чуждаться, влюбился въ какую-то бѣдную дѣвчонку: жениться, говоритъ, хочу! а самъ-то ничего не имѣлъ, ровно ничего... Мы, разумѣется, возстали противъ этого; а онъ какъ заговоритъ, такъ мы, признаюсь, ничего и не поняли, только съ тѣхъ поръ начали замѣчать разстройство въ умѣ его... Вскорѣ послѣ того мать его, да, къ счастію, и эта дѣвочка умерли, и онъ ужъ насъ совсѣмъ бросилъ, но мы все-таки навѣдывались о немъ стороною. Имѣлъ честь слышать и о вашемъ знакомствѣ съ нимъ, и радовался этому; думалъ, что вы не наставите ли его на путь истинный. Видно было поздно!»

И старикъ вздохнулъ.

— Но что было съ нимъ послѣ моего отъѣзда?—нетерпѣливо спросилъ я.

— «Послѣ вашего отъѣзда? Тутъ вскорѣ онъ и совсѣмъ рехнулся. Никогда ужъ рѣшительно не выходилъ изъ дома; даже не вставалъ почти съ дивана, знаете, что въ угольной-то комнаткѣ; все молчалъ и престранными глазами смотрѣлъ въ зеркало, которое висѣло передъ нимъ. Жаль было смотрѣть на него, сердце разрывалось. Бывало, зайдешь къ нему—и не замѣчаетъ, а все смотритъ въ зеркало. Однажды я рѣшился спросить у него: зачѣмъ это онъ все туда смотритъ? Какъ онъ на меня взглянетъ, вотъ еще и теперь пробѣгаетъ морозъ по кожѣ, только вспомню объ этомъ! какъ закричитъ:—Тебѣ что за дѣло? Оставь меня въ покоѣ. Теперь я счастливъ. Тамъ она! какъ она смотритъ на меня! Ангелъ небесный, не оставляй меня!...—Съ мѣсяцъ продолжалось то же самое: онъ не сходилъ съ дивана и не спускалъ глазъ съ зеркала; силы его истощились совершенно. Ужъ хоть бы поскорѣе прекратились его страданія, думалъ я. Погибъ человѣкъ ни за что, а все праздность! Праздность»—повторилъ старикъ съ важностію, смотря на меня, качая головою и поднося къ носу щепотку табаку.—«Она сгубила его! Такъ прошло мѣсяца два, а ему лучше не было. Я къ доктору, моему старинному пріятелю. Какъ оставить

бѣдняка совсѣмъ безъ помощи? Вѣдь ни ѣлъ, ни пилъ ничего. Докторъ, когда я ему разсказалъ подробно обо всемъ, сначала призадумался.—Дѣло, говоритъ, серьезное... У него, какъ я по словамъ вашимъ замѣчаю, не настоящее сумасшествіе, а суемудріе, или paraphrosyne по-нашему.— Это слово я тутъ же и записалъ, потому что никогда не слыхалъ о такихъ болѣзняхъ.—Пособить, говоритъ, еще можно!...—И вотъ что присовѣтовалъ. Намъ всѣмъ роднымъ его собраться вмѣстѣ къ нему и стараться разувѣрить его, что въ зеркалѣ ничего нѣтъ, что ему такъ мерещится; въ случаѣ же, если это не поможетъ, увѣрить его, что въ зеркалѣ точно видна какая-то женщина, только совсѣмъ не красавица, какъ онъ говоритъ, а предурная; если же ни то, ни другое не удастся, если онъ *не придетъ въ себя*, то дѣлать нечего: послѣднее средство къ спасенію — сумасшедшій домъ; тамъ, по крайней мѣрѣ, будетъ присмотръ за нимъ.—Докторъ человѣкъ умный: жену мою два раза спасъ отъ смерти, у ней были самыя сильныя нервическія горячки одна за другой, и я во всемъ безусловно вѣрилъ ему.—Все было сдѣлано, какъ говорилъ онъ. Въ назначенный день мы собрались къ нему всѣ, человѣкъ съ десять родныхъ. Докторъ присутствовалъ тутъ же. Больной нашъ сидѣлъ не двигаясь и все смотрѣлъ въ зеркало. Глаза его горѣли, онъ улыбался, и такъ пріятно, что я вамъ сказать не могу. Казалось, будто ему точно хорошо, будто онъ въ самомъ дѣлѣ счастливъ. Докторъ первый подошелъ къ нему и осторожно взялъ его за руку, а онъ нахмурилъ брови и затрясся—ну точно въ самой сильной лихорадкѣ.

— Что вы видите въ зеркалѣ?—спросилъ его докторъ самымъ деликатнымъ образомъ.

— «Ее!»—отвѣчалъ онъ, не отводя глазъ отъ зеркала.— «Ее! Вы хотѣли разлучить меня съ нею, презрѣнные! Вы клеветали на нее, позорили ее, черныя души! И клевеща на нее, и позоря ее, вы забывали о страшномъ послѣднемъ судѣ! А она со мною, всегда, весь день, каждый часъ, каждую минуту, свѣтла какъ утро первосозданнаго дня, невинна какъ Божій ангелъ! Съ какою любовью смотритъ на

меня! Я никогда не былъ такъ счастливъ; ея душа въ такой гармоніи съ моей душою; онѣ, наши души, ведутъ такой разговоръ между собою и на такомъ языкѣ, который, если бы могъ быть слышимъ, никому бы не былъ доступенъ, никому...»

Божусь вамъ, эти слова его я какъ будто теперь слышу... У меня, надобно вамъ замѣтить, преплохая память, а эти слова, я и самъ не знаю почему, будто выучилъ ихъ наизусть...

— Позвольте замѣтить,—возразилъ докторъ,—что въ зеркалѣ ничего не видно, кромѣ тусклаго отраженія васъ самихъ, потому что оно покрыто слоемъ пыли.

— Ничего, ничего не видно! — закричали мы всѣ въ одинъ голосъ.

Онъ захохоталъ, и могу васъ увѣрить, что даже на сценѣ такъ ужасно не хохочутъ.

— «Безумцы! безумцы!»—закричалъ онъ.—«Разумѣется, вы ее не видите. Вамъ ли своими тѣлесными глазами видѣть духа? Только постомъ и молитвой, покаяніемъ и слезами, отчужденіемъ отъ всего земного доходитъ человѣкъ до прозрѣнія...»

Онъ и еще что-то наговорилъ въ этомъ родѣ, но уже я запамятовалъ теперь.

Тогда докторъ подошелъ къ зеркалу, стеръ съ него платкомъ пыль и какъ будто началъ вглядываться.

— Нѣтъ, точно видно что-то, — говорилъ онъ: — да... женщина; но въ ней ничего нѣтъ небеснаго: она даже нехороша и для простой земной женщины... посмотрите...

Онъ далъ намъ знакъ, и мы всѣ приблизились къ зеркалу.

— Какіе у нея дурные глаза! — сказалъ одинъ изъ насъ.

— Что за талія! — перебила другая. — Какая неловкая *поза!*

— Какъ толста и какія большія ноги!—закричалъ третій.

Словомъ, каждый изъ насъ замѣтилъ что-нибудь съ дурной стороны въ этой женщинѣ, которую мы будто бы видѣли.

Въ продолженіе этихъ замѣчаній больной все разводилъ

руками, точно раздвигая толпу; мнѣ показалось также, что глаза его совершенно помутились.

— «Прочь, безумцы!»

Онъ это не проговорилъ, а проплакалъ...

Бѣдный, онъ насъ называлъ безумцами!

— «Прочь, святотатцы! прочь отъ нея!.. Зеркало тускнѣетъ отъ вашего дыханія... Отойдите, молю васъ, если жалость вамъ сколько-нибудь свойственна — отойдите... Заклинаю васъ именемъ всего святого...»

Мы отошли.

Онъ протянулъ свои изсохшія руки къ стеклу, застоналъ такъ, что мы всѣ заплакали, а женѣ моей сдѣлалось дурно, она пречувствительная. Въ этомъ стонѣ мы разслышали только:

— «Что вы сдѣлали?.. Ее нѣтъ... Она скрылась...»

Докторъ шепнулъ мнѣ:

— Не бойтесь, это хорошо; онъ приходитъ въ себя; онъ уже не видитъ ничего въ зеркалѣ...

Но въ эту минуту больной приподнялся съ дивана, вытянулся во весь ростъ, схватилъ со стола мраморную дощечку, которая лежала сверху бумагъ — и съ усиліемъ бросилъ ее въ зеркало... Зеркало разлетѣлось въ кусочки по всей комнатѣ; а онъ, вотъ какъ будто теперь вижу это, онъ рухнулся на полъ, бѣдняжка, и сталъ складывать на полу кусочки зеркала, и плакалъ какъ дитя... Вдругъ съ нимъ сдѣлались судороги, но черезъ двѣ-три минуты онъ уже не двигался и не дышалъ...

— Онъ въ обморокѣ! — закричалъ кто-то изъ насъ: — помогите ему, докторъ.

Докторъ долго и внимательно разсматривалъ его. Мы стояли, разинувъ рты, ожидая рѣшенія докторскаго.

Докторъ оборотился къ намъ и сказалъ:

— Господа, намъ тутъ больше нечего дѣлать. Онъ умеръ.

Однако мы все еще думали, что онъ очнется. Прошло нѣсколько дней; нечего дѣлать, видимъ — въ самомъ дѣлѣ умеръ; и похоронили его съ приличною церемоніею, а потомъ, какъ добрые родственники, сложились и поставили надъ его

могилою небольшой памятникъ. Сходите на кладбище, посмотрите: право, очень недурный памятникъ, и съ мѣднымъ крестомъ наверху. Жаль, право жаль его! Могъ бы быть человѣкомъ, да самъ не хотѣлъ...»

Когда старикъ кончилъ свой разсказъ, я спросилъ у него:

— А гдѣ бумаги покойнаго?

— «У меня, сударь, у меня. Тамъ есть описаніе его жизни. Я было разъ принялся читать, да тотчасъ же и бросилъ: такая путаница, что ничего не поймешь; видно, онъ уже былъ немного помѣшанъ, какъ началъ писать. Между этими бумагами нашли мы также какое-то большое сочиненіе въ стихахъ; но половина тетради была сожжена, а другую половину мы бросили».

— Не отдадите ли вы мнѣ всѣ оставшіяся послѣ него бумаги?

— «Отчего же нѣтъ? На что мнѣ онѣ! Съ большимъ удовольствіемъ отдамъ. Хоть чѣмъ-нибудь да помянете его...»

Въ день моего выѣзда изъ ***, я съ полчаса провелъ на его могилѣ. Потомъ я нѣсколько разъ былъ въ ***, и всякій разъ заходилъ къ нему въ гости на кладбище...»

Разсказчикъ нашъ кончилъ. Минуть пять мы всѣ молчали. Уголья въ каминѣ потухли. Лампы были зажжены.

— И его бумаги у васъ? — спросили мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Да. Въ нихъ, — отвѣчалъ онъ: — я отыскалъ что-то похожее на дневникъ, и еще повѣсть — мучительную, подробную повѣсть его страдальческой жизни...

— Вы намъ когда-нибудь прочтете ее? — спросилъ хозяинъ дома. — Мы будемъ надѣяться.

— Можетъ быть, господа, — произнесъ онъ, задумываясь: — можетъ быть... и если я рѣшусь когда-нибудь вамъ прочесть ее, изъ этой страшной и истинной повѣсти вы яснѣе, гораздо яснѣе увидите, *какъ добры люди*, какъ они умѣютъ понимать благородство мыслей и дѣлъ и сочувствовать душамъ возвышеннымъ! — Покуда останемся при одномъ вступленіи...

ДОЧЬ ЧИНОВНАГО ЧЕЛОВѢКА.

(Повѣсть.)

Не сердись за правду!
Въ нашъ вѣкъ, въ развратѣ утучнѣвшій, проситъ
Прощенья у порока добродѣтель
И ползаетъ, моля о позволеньи
Творить добро ему же...

Шекспиръ.

ГЛАВА I.

Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной осѣни;
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ,
И лучъ тщеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни...

Веневитиновъ.

Чиновнику Теребеньину лѣтъ около шестидесяти; у него темные волосы съ просѣдью, обстриженные подъ гребенку; маленькіе глаза, почти безъ движенія, цвѣта болотной воды, и толстые губы. Онъ небольшого роста и всегда носитъ вицъ-мундиръ. Бѣлый галстукъ нѣсколько разъ обвертывается кругомъ его шеи; этотъ бѣлый галстукъ по утрамъ, въ должности, бываетъ на немъ не совсѣмъ чистъ, хотя, по словамъ его, онъ носитъ бѣлые галстуки именно только для *чистоплотности*. «На черныхъ-де, — говоритъ онъ, — незамѣтна грязь, а на бѣломъ вотъ сейчасъ такъ и видно малѣйшее пятнышко». У него три вицъ-мундира: одинъ весь истертый по швамъ, который онъ носитъ въ департаментѣ, другой

поновѣе, который онъ обыкновенно надѣваетъ по воскреснымъ и табельнымъ днямъ, также отправляясь куда-нибудь въ гости къ пріятелямъ на *бостончикъ* или на *вистикъ;* третій, совершенно новый, хранится собственно для директорскихъ обѣдовъ и вечеровъ. На-дняхъ Осипъ Ильичъ (такъ звали г-на Теребеньина) за долговременную и усердную службу представленъ къ награжденію. Недавно онъ промѣнялъ въ Гороховой улицѣ у часовыхъ дѣлъ мастера свои старинные, толстые серебряные часы на серебряные же потонѣе. «Тѣ,—говоритъ онъ,—въ формѣ луковицы, кромѣ своей тяжести весьма неудобны были для ношенія, потому что совершенно препятствовали застегнуть вицъ-мундиръ. Какъ застегнешь его, сейчасъ образуется горбъ на лѣвомъ боку. Оно и некрасиво, да и трется это мѣсто скорѣе. А жаль, — прибавлялъ онъ, — часы были вѣрные: только четыре раза въ годъ повѣрять отдавалъ». — До мая 1826 года Осипъ Ильичъ носилъ гусарскіе сапожки безъ кисточекъ; съ мая 1826 года онъ носитъ узенькіе панталоны безъ штрипокъ, подбирающіеся кверху, когда онъ садится. Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника — любимѣйшая его фантазія, цѣль, къ которой онъ направляетъ всѣ свои дѣйствія: если онъ сидитъ, сморщивъ брови и шевеля губами, онъ навѣрно размышляетъ о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; если ходитъ отъ одного угла комнаты до другого, скорыми шагами, приставивъ указательный перстъ къ серединѣ лба, онъ думаетъ: «Какими бы средствами поскорѣе достичь до такого почетнаго чина? Генералъ! гм! Оно хоть и не совсѣмъ вельможа, а всетаки наравнѣ съ знатью. — Ваше превосходительство, Осипъ Ильичъ! — Что вамъ надобно? — Его превосходительству Осипу Ильичу!—А! это Теребеньину.—Вашему превосходительству, Осипу Ильичу, извѣстно, что... Да, да, славный чинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и титулованіе пріятное! Какъ бы это поскорѣе хоть въ статскіе совѣтники? Что жъ? почему мнѣ не быть дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ? почему?.. Да чѣмъ же лучше меня Захаръ Михайловичъ? чѣмъ?» Осипъ Ильичъ терпѣть не можетъ ничего книжнаго и совершенно презираетъ всѣхъ писателей. Онъ никогда

ничего не читаетъ изъ печатнаго, кромѣ Адресъ-Календаря, Мѣсяцеслова, Санктпетербургскихъ и Сенатскихъ Вѣдомостей. — «Писатель! ну что жъ? эка штука, писатель! — часто говаривалъ онъ. — Что въ нихъ, въ этихъ писателяхъ? пользу что ли какую приносятъ? Дѣловому человѣку не очень есть время читать ихъ побасенки-то. Другое дѣло, когда въ театръ сходить посмѣяться. Ну тутъ все не то: и музыка играетъ, и костюмы разные, да и *иной*, чортъ его знаетъ, такъ живо представляетъ». — Осипъ Ильичъ передъ обѣдомъ обыкновенно выпиваетъ рюмку настойки *Трофимовскаго*. «Эта вещь солидная, лѣкарственная»,—замѣчаетъ онъ, глотая настойку, покрякивая и поморщиваясь.

Супруга Осипа Ильича — дама лѣтъ 49, небольшого роста, толстая и необычайно коротконогая; лицо ея — круглое какъ тыква и шероховатое, какъ *дыня-кандалупка,* покоится на груди, потому что шеи у нея совсѣмъ не имѣется. Она нрава довольно сварливаго, занимается рачительно хозяйственною частью; за какіе-либо проступки и ослушаніе сама бранитъ лакея и мужика, который нанимается нарочно для ношенія воды, мытья посуды и прочаго (Осипъ Ильичъ въ эти дѣла не вмѣшивается); три раза въ день пьетъ кофе, каждый разъ по двѣ чашки, несмотря на докторское увѣщаніе и на угрозу, что съ ней можетъ сдѣлаться ударъ. Дома она ходитъ простоволосая, и волосы ея съ очень замѣтною просѣдью, по причинѣ жесткости своей, никогда не лежатъ на головѣ гладко, даже несмотря на то, что она два раза въ недѣлю помадится полтинной помадой «au citron». «Знаемъ мы, батюшка, эту французскую помаду,—говоритъ она:—чортъ ли въ ней? отъ нея какъ разъ волосы вылѣзутъ». Въ двѣ недѣли разъ по четвергамъ Осипъ Ильичъ обѣдаетъ у директора; къ этому уже привыкла Аграфена Петровна, и поэтому по четвергаемъ, въ двѣ недѣли разъ, она садится за столомъ двумя часами ранѣе обыкновеннаго, т.-е. вмѣсто четырехъ, въ два, приговаривая: «Вотъ это христіанскій часъ, а то жди себѣ до четырехъ часовъ, — вѣдь и аппетитъ пропадетъ совсѣмъ». И, несмотря на эту фразу, Аграфена Петровна всегда очень аппетитно кушаетъ. Въ годъ два раза Осипъ Ильичъ позво-

ляетъ себѣ нѣкоторыя вольности, напримѣръ, обѣдать гдѣ-нибудь во *французской ресторацiи*, преимущественно у Дюмè, сговорившись заранѣе съ двумя-тремя прiятелями — своими сверстниками. «Копейка лишняя завелась, — говоритъ онъ, улыбаясь: — что дѣлать?» Въ эти торжественные дни физiономiя Осипа Ильича съ самаго утра выражаетъ совсѣмъ не то, чтó обыкновенно; онъ все какъ-то искоса посматриваетъ на Аграфену Петровну, полуулыбается и покашливаетъ: «Аграфена Петровна! Аграфена Петровна!» — Ну, что тамъ такое? — «Дайте-ка-съ, матушка, чистую манишку да шейный платокъ». При этомъ онъ беретъ щепотку табаку и съ разстановками внюхиваетъ его въ себя, какъ бы желая придать себѣ этимъ нѣсколько болѣе твердости.

— Да куда же это вы идете, Осипъ Ильичъ? Давно ли я дала вамъ чистый платокъ и манишку? Чтó за наряды въ департаменты? И въ этомъ просидите, не велика важность!

— Оно конечно, да все, знаете, не такъ хорошо. Вотъ, говорятъ, сегодня какой-то военный генералъ будетъ. Ему-дескать директоръ будетъ показывать департаментъ, такъ слышно; какъ же начальствующимъ лицамъ... вѣдь надобно же почище одѣться.

— Да мало ли что врутъ! А развѣ директоръ-то не сказалъ бы тебѣ объ этомъ?

Осипъ Ильичъ при такомъ вопросѣ принялся снова за табакерку и задумчиво перебиралъ руками табакъ.

— Сказалъ, оно конечно... А что, Аграфена Петровна, у васъ расходныхъ-то, я чай, немного осталось? Впрочемъ, что жъ? вотъ скоро и треть подвигается. Ужъ нынче *третное* я все сполна вамъ отдаю.

— И давно бы такъ, батюшка! Подержи-ка хоть разъ самъ расходъ, такъ и увидишь, что значитъ: и туда деньги, и сюда деньги, и то вздорожало, и другое вздорожало...

— Всѣ отдамъ, всѣ сполна, до копеечки.

— Смотрите же, Осипъ Ильичъ.

— Ей Богу! Аграфена Петровна. А что же, чистую-то манишку?

— На васъ и гладить не упасешься: чистую да чистую, подавай откуда хочешь.

— Вы сегодня не ждите меня обѣдать — заваленъ дѣлами: можетъ, и до пяти часовъ придется посидѣть.

— Да говорите безъ обиняковъ. Чтó вы, обѣдать, что ли, куда собираетесь?

— Можетъ статься, и обѣдать куда пойдемъ.

— Куда же? нельзя ли узнать?

— Маркъ Потапычъ съ Николаемъ Игнатьичемъ приглашаютъ меня.

— Ужъ предчувствовала, предчувствовала! На дебошъ въ какую-нибудь *нѣмецкую ресторацію*. Тамъ славно обираютъ русскія денежки; мастера, нечего сказать! Только попадись къ нимъ — обдерутъ какъ липку.

— Маркъ Назарычъ говоритъ, что...

— Знаемъ мы твоего Марка Назарыча: ему бы на чужой счетъ пожуировать, а въ домѣ трава не расти. Палагея Емельяновна все поразсказала мнѣ, все: кровавыми слезами плачетъ, бѣдняжка, истинно-кровавыми; кулакомъ слезы утираетъ.

— Ну да я пожалуй и не пойду.

— Идите, идите, никто не мѣшаетъ вамъ; а небось какъ спросишь: «Осипъ Ильичъ, на расходы надо» — такъ и закабѣнится. Да откуда мнѣ взять денегъ? да что я, дѣлаю что ли деньги? А вотъ какъ на дебоширство, такъ небось есть.

— Ну, ну, Богъ съ вами! — сказалъ, что не пойду.

Это со стороны Осипа Ильича была только одна фигура уступленія; послѣ долгаго крика и шума онъ поставлялъ таки на своемъ, выпрашивалъ чистый галстукъ и манишку, и послѣ присутствія отправлялся съ пріятелями *покутить*.

У Дюмè они выпивали, обыкновенно, каждый по бутылкѣ простого столоваго вина, бѣлаго или краснаго, смотря по вкусу; каждый спрашивалъ по бутылкѣ шампанскаго, и всѣ вмѣстѣ обращали на себя всеобщее вниманіе.

Осипъ Ильичъ, наливая въ стаканъ красное вино, сперва подносилъ его къ носу.

— Вино ординарное, Маркъ Назарычъ, а *букетъ* хорошъ; понюхайте.

Потомъ, сморщивая брови, онъ приподнималъ стаканъ къ свѣту, поворачивая въ рукѣ, все передъ свѣтомъ, и, послѣ такихъ маневровъ, обращался снова къ Марку Назарычу:

— И цвѣтъ недуренъ: густоватъ, правда, немножко. Что́, я думаю, имъ обходится по полутора бутылка?

Въ заключеніе онъ выпивалъ стаканъ и обтиралъ салфеткою губы.

Точно какъ для мужа были истинно-высокоторжественными днями въ жизни тѣ дни, въ которые онъ обѣдывалъ во французской рестораціи, — такъ для жены тѣ, въ которые она ходила съ визитомъ къ генеральшѣ Поволокиной, у супруга которой ея Осипъ Ильичъ былъ стряпчимъ, или, говоря высокимъ слогомъ, ходатаемъ по дѣламъ.

Мужъ, припоминая что-либо, всегда говаривалъ:

— Когда же это было? съ мѣсяцъ что ли? Послѣдній-то разъ я обѣдалъ у Дюмѐ шесть недѣль тому назадъ. Ну, да оно такъ и будетъ.—И въ такомъ случаѣ жена почти всегда возражала ему:

— Что ты это? перекрестись, голубчикъ. Вѣдь это было за двѣ недѣли до рожденія ея превосходительства Надежды Сергѣевны Поволокиной; а я послѣ того еще разъ была у нея передъ заговѣнами.

Осипъ Ильичъ былъ человѣкъ, какъ мы уже выше замѣтили, очень нужный для супруга этой Надежды Сергѣевны Поволокиной, и потому онъ очень дорожилъ Осипомъ Ильичемъ. Онъ посылалъ его по своимъ дѣламъ и въ гражданскія палаты, и въ уѣздные суды, и въ конторы маклеровъ. Осипъ Ильичъ, — надо отдать ему справедливость, — въ приказныхъ дѣлахъ былъ человѣкъ свѣдущій, потому что началъ свое служебное поприще съ гражданской палаты. Генералъ Поволокинъ рѣшительно не занимался ничѣмъ домашнимъ; онъ даже рѣдко бывалъ дома: утромъ въ должности, а вечеромъ въ Англійскомъ Клубѣ, *къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера*, по словамъ Грибоѣдова, давно обратившимся въ пословицу. 500 наслѣдственныхъ душъ его, заложен-

ныя и перезаложенныя, едва ли не пять лѣтъ съ ряду показывавшіяся въ «Прибавленіяхъ» къ «Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ», немного приносили дохода; и если бы не другой доходъ, гораздо повѣрнѣе перваго, то г-жа Поволокина должна бы была весьма посократить свои издержки *на булавки и на прочее.* Впрочемъ г-нъ Поволокинъ слылъ въ Петербургѣ за человѣка богатаго: онъ имѣлъ четверню лошадей, квартиру, меблированную если не изящно, то довольно роскошно: штофъ на мебели, бронзовые канделябры и часы, алебастровыя вазы; правда, все это не очень блестящее, ибо пыль слоями покрывала всѣ эти вещи; правда, что его передняя была и темна и грязна, что она пахла ламповымъ масломъ, — но это уже не была вина г-на Поволокина, а скорѣе г-жи Поволокиной, которая всегда и всѣмъ кричала о своихъ хозяйственныхъ дарованіяхъ.

Въ этомъ случаѣ Надежда Сергѣевна и Аграфена Петровна чрезвычайно разнились другъ отъ друга: послѣдняя чистоту въ домѣ ставила выше всего на свѣтѣ.

— *Опрятность есть добродѣтель,* — говорила она, и, несмотря на это мудреное изреченіе, только одинъ разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, исключая экстраординарныхъ случаевъ, выдавала Осипу Ильичу чистую манишку и шейный платокъ. Часто, смотря на его шею, она думала: «и точно грязноватъ платокъ-то; ну, да что за бѣда, еще дня три проноситъ; вѣдь отъ частой стирки бѣлье рвется»...

Она сама ежедневно утромъ вытирала пыль въ гостиной и въ залѣ съ дивановъ, со столовъ, со стульевъ и комодовъ, съ разныхъ вещей, какъ-то: съ стекляннаго колпачка, подъ которымъ лѣтъ 8 покоился сдѣланный изъ воска и раскрашенный амурчикъ въ колыбели, съ зеркала надъ диваномъ и съ силуэта своей бабушки, который висѣлъ оклеенный въ цвѣтную бумажку, подъ зеркаломъ въ гостиной. Ерани и рута, стоявшія въ залѣ на окнахъ, зимою черезъ день, а лѣтомъ аккуратно всякій день поливались также ея собственными руками. Послѣднее растеніе, т.-е. рута, кромѣ украшенія комнаты, приносило еще и пользу, а именно употреблялось Аграфеною Петровною для полосканія рта.

17-го сентября 18**, въ день святыхъ Вѣры, Софіи, Любви и Надежды, въ который начинается наше повѣствованіе, Аграфена Петровна проснулась ранѣе обыкновеннаго, то-есть часовъ около шести, и занялась приготовленіями къ своему туалету. Это былъ день именинъ Надежды Сергѣевны и дочки ея Софьи Николаевны. Аграфена Петровна должна была отправиться съ поздравленіями. Къ 11 часамъ она была уже совершенно готова: въ чепцѣ съ кружевными крылышками, украшенномъ лентами цвѣта адскаго пламени, въ желто-коричневомъ гроденаплевомъ капотѣ, въ красной французской шали, при клеенчатомъ, въ клѣтку сплетенномъ ридикюлѣ и въ кожаныхъ полусапожкахъ со скрипомъ. Въ 11 часовъ лакей въ грязной ливреѣ и въ изорванныхъ сапогахъ посадилъ ее въ извозчичью четырехмѣстную карету, за неотысканіемъ двухмѣстной. «Но... ну... но... небось» — и карета двинулась. Въ половинѣ 12-го Аграфена Петровна прибыла къ дому г-жи Поволокиной, запыхавшись взошла на лѣстницу, и лакей дернулъ за ручку колокольчика.

— Чтó, дома ея превосходительство Надежда Сергѣевна?

— Дома, да въ уборной-съ.

— А Софья Николаевна?

— Къ барышнѣ можно-съ.

Генеральская дочь сидѣла въ своей комнатѣ, въ бѣлой блузѣ; на плечахъ ея была накинута шаль; передъ ней на пюпитрѣ лежала развернутая книга. Ей казалось на лицо 25 или 26 лѣтъ; она не имѣла той красоты, которая бросается прямо въ глаза каждому и въ гостиныхъ, и въ театрахъ, и на улицахъ, — этой скульптурной красоты, доступной равно для глазъ всѣхъ; но она не принадлежала также къ тѣмъ счастливымъ дѣвушкамъ, о которыхъ небрежно говорятъ: «да, *хорошенькая*», или съ гримасой снисхожденія: «конечно, она недурна; такая *миленькая!*»

Можетъ быть, пройдя мимо ея, вы бы вовсе не замѣтили ее и, конечно, посмотрѣвъ на нее, не произнесли бы этихъ общихъ, изношенныхъ, пошлыхъ фразъ: *хорошенькая, миленькая!* Многіе даже находили ее дурною, и, право, грѣхъ было спорить съ этими господами. Слово *«дурна»* въ устахъ

такихъ людей не могло быть оскорбительно для нея: это не то, что́ слово «хорошенькая»!

Ея лицо было задумчиво; оно всегда мыслило, всегда говорило; что-то болѣзненно-блѣдное было въ цвѣтѣ лица ея, что-то страшно-тоскливое въ ея черныхъ, глубокихъ очахъ. Посмотрѣвъ на нее, вы стали бы въ нее вглядываться; вглядѣвшись, вы бы захотѣли насмотрѣться на нее; наглядѣвшись, вы бы, можетъ быть, задумались и спросили самого себя: для чего родятся такія существа? для чего живутъ они? многіе ли поймутъ ихъ и оцѣнятъ?

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь Софьи — одно изъ самыхъ горькихъ явленій современнаго общества — была достойна полнаго вниманія, наблюденія неповерхностнаго. Мы, съ такимъ рвеніемъ, съ такою пытливостью изучающіе жизнь людей великихъ, имена которыхъ нарѣзаны вѣками на скрижали безсмертія, мы, дивящіеся силѣ ихъ воли, ихъ героизму, ихъ самоотверженію, — мы не знаемъ, что среди насъ, въ этомъ обществѣ, въ этой мелкой жизни, въ которой безцѣльно кружимся, есть характеры не менѣе великіе, не менѣе достойные изученія. Не ихъ вина, что они обставлены другими обстоятельствами, что они дѣйствуютъ въ ограниченномъ домашнемъ кругу, а не на обширномъ гражданскомъ позорищѣ. Посмотрите на страшную борьбу образованія съ полуобразованіемъ или съ явнымъ невѣжествомъ, ума и чувства съ закоренѣлыми предразсудками, — на эту борьбу, немилосердно раздирающую тысячи семействъ. Вотъ передъ вами жертвы этой борьбы, безропотно, незамѣтно сходящія въ могилу, непонятныя и неоплаканныя. Остановитесь на этихъ могилахъ съ слезою благоговѣнія... Но не въ томъ дѣло, я долженъ познакомить васъ съ матерью Софьи.

Это была, изволите видѣть, женщина не совсѣмъ глупая и не совсѣмъ умная, а такъ, что-то среднее между тѣмъ и другимъ, сорокапятилѣтняя кокетка, павлинившаяся тѣмъ, что ея мужъ былъ важный чиновникъ; неловкая и страшная, какъ цифра, сдѣланная изъ нуля; смѣшная чиновница передъ какой-нибудь княгиней, и карикатурная княгиня передъ чиновницей, — полуобразованная, и потому безъ вся-

каго снисхожденія... Образчики такихъ женщинъ вы вѣрно встрѣчали въ среднемъ петербургскомъ обществѣ.

Надежда Сергѣевна всегда съ жеманною полуулыбкой смотрѣла на ласки своей дочери, сердце которой требовало любви материнской, и, поправляя ленты своего чепца передъ зеркаломъ, говорила небрежно: «Полно, милая, къ чему эти нѣжности? Вотъ цвѣтъ, который, кажется, совсѣмъ не къ лицу мнѣ. Не правда ли?» Такіе вопросы оставались часто безъ отвѣта, и такого рода молчаніе незамѣтно вооружало мать противъ дочери. Женщина полуобразованная рѣдко отличаетъ лесть отъ ласки: въ ея понятіяхъ это — рѣшительно синонимы. Лесть дѣйствуетъ на самолюбіе, ласка — на чувства. Самолюбіемъ надѣлены всѣ мы, чувствами — немногіе, и вотъ почему лесть въ такомъ ходу, въ такомъ уваженіи въ этомъ мірѣ; и вотъ почему мать Софьи называла ее часто *неблагодарной*, *нечувствительной* дочерью. Оскорбляемая такими словами, бѣдная дѣвушка не могла понять, почему они, эти ужасныя слова, могутъ примѣняться къ ней. Она заглядывала въ глубину своего сердца, повѣряла всѣ свои мысли, отдавала себѣ отчетъ въ каждомъ словѣ, произнесенномъ ею передъ лицомъ матери, старалась даже припоминать выраженіе лица своего въ то врмея, когда она говорила съ нею, — и, заливаясь слезами, почти безъ памяти упадала головой на свой рабочій столикъ, бывшій единственнымъ свидѣтелемъ ея страданій.

«Господи! — думала она: — Ты видишь мое сердце. Развѣ я не свято исполняю обязанность дочери? Господи! наставь меня, вразуми меня, покажи мнѣ вину мою. Отчего же я неблагодарна? Отчего же я безчувственна?

Софья изнывала отъ тайныхъ страданій, и только блѣдность лица ея и постоянно тоскливое выраженіе очей изобличали, что ей не сладка жизнь. Но это не трогало матери, напротивъ еще раздражало ее. Она называла ее капризной дѣвчонкой. Она говорила ей, стараясь придавать словамъ своимъ умышленно-обидный тонъ: «Что это ты приняла на себя видъ какой-то жалкой, притѣсненной, обижен-

ной? Ты и безъ того не очень хороша, а это, право, нейдетъ къ тебѣ...»

Но днями истинной пытки для Софьи были тѣ дни, въ которые отецъ ея давалъ у себя *вечера*, или *балы*, какъ говорила Надежда Сергѣевна.

На эти «балы» были всегда приглашаемы, лично самимъ г-мъ Поволокинымъ, двѣ или три княгини или графини, съ мужьями которыхъ онъ имѣлъ постоянныя сношенія по картамъ. Эти княгини и графини показывали, что дѣлаютъ ему въ полномъ смыслѣ *честь* своимъ посѣщеніемъ. За нѣсколько дней до такого бала супруга г-на Поволокина принимала на себя видъ гораздо важнѣе обыкновеннаго; она чаще и сердитѣе обращалась къ дочери. «Какъ ты странно держишься, милая! Въ твоей *турниръ* нѣтъ никакой *грасы*. Вотъ посмотрѣла бы ты на графиню Д* — заглядѣнье просто: какъ войдетъ въ гостиную, такъ и говорить не нужно — всякій узнаетъ, что графиня. Такъ нѣтъ себѣ, гдѣ! У насъ *хорошаго* перенимать не любятъ. Вотъ хоть бы прошедшій разъ, когда у насъ была княгиня, я просто не знала, что дѣлать: не замѣчаетъ ее, — и чѣмъ же занимается? Забилась въ уголъ да и изволитъ разговаривать съ Катенькой Пороховой: экая невидаль! Другая на твоемъ мѣстѣ прочь бы не отошла цѣлый вечеръ отъ княгини, предупреждала бы ея малѣйшія желанія, такъ бы и глядѣла ей въ глаза. Ну, а то, что́ она теперь о тебѣ подумаетъ? ужъ вѣрно скажетъ: экая дура и слова-то сказать не умѣетъ — такая невоспитанная! А, кажется, матушка, потратили-таки на твое воспитаніе довольно. Какихъ учителей не нанимали! Вотъ посмотри, полюбопытствуй, у отца въ кабинетѣ есть счетецъ, что́ ты ему стоила. А онъ не Богъ знаетъ какой милліонеръ!»

Неловкое униженіе матери Софьи передъ княгинями и графинями, граціозная недоступность, очаровательная важность этихъ госпожъ показали ей неизмѣримое разстояніе между ними и ею. Она съ негодованіемъ видѣла, какъ среднее сословіе карикатурно вытягивается до подмостокъ, на которыхъ величается аристократія, и съ какою милою и спи-

сходительною насмѣшкою эта аристократія смотритъ на жалкія усилія *легонькаго дворянства.* Все это сдѣлало на нее сильное впечатлѣніе и отдалило ее отъ общества, въ которомъ она, по собственному сознанію, не могла играть никакой роли. Она выѣзжала потому только, что ей было приказано выѣзжать, и не отдѣлялась въ гостиныхъ отъ массы. Это ничтожество въ обществѣ нисколько не оскорбляло ея самолюбія: она знала, что надѣлена всѣми средствами, которыя бы должны были вывесть ея на авансцену, но что только собственная воля заставляетъ ее не употреблять ни одного изъ этихъ средствъ и постоянно оставаться въ глубинѣ сцены. Тамъ изъ простой, невольной зрительницы она вскорѣ сдѣлалась невольною наблюдательницей. Мимо ея мелькали тысячи движущихся существъ обоего пола, убранныхъ самыми безсмысленными прихотями, разукрашенныхъ самыми безумными предразсудками, которые назывались *свѣтскими приличіями.* Это былъ пресмѣшной маскарадъ, пестрѣе, разнообразнѣе и безсмысленнѣе итальянскихъ карнаваловъ, смѣшной еще болѣе, потому что всѣ эти движущіяся существа нимало не подозрѣвали нелѣпости своихъ костюмовъ и, задыхаясь подъ безобразными масками, готовы были божиться, что они ходятъ съ открытыми лицами. По крайней мѣрѣ, высшее общество, какъ французскій водевиль, при всей своей пустотѣ, показалось ей въ первый разъ заманчивымъ, потому что оно имѣетъ и блескъ, и остроту, и каламбуры, и какъ будто наружный смыслъ; къ тому же, она видѣла издалека это общество: но среднее,—о, среднее общество! оно показалось ей тѣмъ же французскимъ водевилемъ, только презабавно передѣланнымъ на русскіе нравы.

Вотъ какова была дочь генерала Поволокина и вотъ какова была жизнь ея. — Утромъ 17 сентября 18**, она, какъ мы говорили выше, сидѣла въ своей комнатѣ, задумавшись надъ книгою. И читатели наши могутъ представить положеніе ея въ ту минуту, когда она обернулась на скрипъ отворявшейся двери и увидѣла передъ собою шарообразную чиновницу съ кожанымъ ридикюлемъ въ рукѣ и съ лентами цвѣта адскаго пламени.

Но Софья закрыла книгу, встала со стула и съ своей обычною привѣтливостію пошла навстрѣчу гостьѣ.

— Имѣю честь поздравить, ваше превосходительство, съ днемъ ангела! Осипъ Ильичъ приноситъ вамъ также чувствительнѣйшее свое поздравленіе.

Проговоривъ это привѣтствіе, она едва не задохлась.

— Садитесь, Аграфена Петровна; очень рада васъ видѣть; вы никогда не забывали этого дня — всегда безпокоитесь сами...

— Какъ же можно забыть, Софья Николаевна? Помилуйте, да что же послѣ этого и помнить? Я и Осипъ Ильичъ очень чувствуемъ, повѣрьте, очень помнимъ всѣ милости и его превосходительства, и ея превосходительства, и ваши.

Софья кусала губы.

— Полноте, полноте, Аграфена Петровна! можетъ быть папенька и маменька, но я еще ничего не могла сдѣлать..

— Чувствуемъ, матушка,—перебила чиновница:—всѣ ваши благодѣянія, вполнѣ цѣнимъ и чувствуемъ! всѣ, такивсѣ по гробъ не забудемъ; я — вотъ, какъ передъ Богомъ, говорю передъ вами — такой человѣкъ, какъ вашъ батюшка, на рѣдкость въ нынѣшнемъ свѣтѣ. Ужъ подлинно сказать, нынче переводятся хорошіе люди... А какъ, въ своемъ здоровьѣ ея превосходительство?

— Маменька, слава Богу, здорова; она сейчасъ придетъ; она, вѣрно, еще не знаетъ, что вы здѣсь.

Не безпокойте ея превосходительство, ради Бога не безпокойте, Софья Николаевна! прошу васъ; знаю, очень хорошо знаю, что такое хозяйка: и туда загляни, и въ другое мѣсто, и въ третье — вездѣ нужно; день-денской пройдетъ, не увидишь. Какую это вы книжку изволите читать? позвольте полюбопытствовать.

— Корреджіо Эленшлегера.

— Про этакого сочинителя я не слыхала. Господи, подумаешь, сколько на свѣтѣ есть сочинителей!.. Ахъ! — И при этомъ *ахъ* Аграфена Петровна вскочила со стула и покатилась навстрѣчу входившей въ комнату Надежды Сергѣевны:

— Матушка, ваше превосходительство! усерднѣйше позда-

вляю васъ! Дай Богъ вамъ еще сто разъ праздновать этотъ день, дождаться и внучекъ и правнучекъ, поскорѣе пристроить Софью Николаевну, чтобы...

— Благодарю васъ, милая. Садитесь. Что́ мужъ вашъ?

— Слава Богу, ваше превосходительство, здоровъ, вашими молитвами. Ни днемъ, ни ночью покоя по службѣ нѣтъ, все себѣ пишетъ. Ужъ, нечего сказать, много видала усердствія къ службѣ, а такого, такъ истинно скажу, на рѣдкость. Говорю: побойся Бога, Осипъ Ильичъ, вѣдь ты человѣкъ: долго ли занемочь? кажется, ты ужъ составилъ себѣ *реноме*. Нѣтъ, говоритъ, Аграфена Петровна, на то ужъ, говоритъ, присягу далъ: въ гробъ лягу, а служить не перестану. Что́ съ нимъ будешь дѣлать?.. Утромъ передъ департаментомъ лично былъ у васъ съ поздравленіемъ.

При этомъ словѣ г-жа Теребеньина немного привстала.

— Да, мнѣ сказывали,—говорила небрежно Надежда Сергѣевна, — это было еще очень рано, я спала.

— Знаю, знаю, матушка, ваше превосходительство! вы не то, что́ наша сестра: почиваете, покуда почивается. Какая работа въ вашемъ званіи!.. Вотъ мы, бѣдные люди, въ потѣ лица добывающіе хлѣбъ, такъ это другое дѣло.

— Однако, милая, если бы я не хозяйничала сама, то весь домъ у меня пошелъ бы вверхъ дномъ... Что́ моя дорогая именинница? — И, протяжно произнося это, она разсматривала шаль, накинутую на дочери.

— Очень хорошій цвѣтъ.

— Прекрасный, безподобнѣйшій... Да ужъ можетъ ли быть у васъ что-нибудь дурное? Кому же и имѣть хорошее? Ужъ вы мнѣ простите, простой женщинѣ, ваше превосходительство, а ужъ я скажу, какъ васъ вмѣстѣ видишь съ Софьей Николаевной, такъ вотъ сердце и радуется. Такой материнской любви поискать въ нынѣшнемъ вѣкѣ!

— Да; кажется, она не можетъ на меня пожаловаться: я всю жизнь посвятила ей, я для нея всѣмъ жертвовала.

— И сейчасъ видно.

Софья избѣжала взора матери, который жадно выжидалъ

отвѣта на фразу, заранѣе составленную и употреблявшуюся при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Какъ натурально сдѣлано! — начала Аграфена Петровна, смотря на литографированный портретъ, стоявшій на столикѣ противъ нея. «Не родственника ли вашего, смѣю спросить, Софья Николаевна?»

Мать и дочь улыбнулись въ одно время.

— Это портретъ англійскаго писателя Байрона, — отвѣчала Софья, закраснѣвшись, скороговоркою.

— Она влюблена въ книги, — говорила насмѣшливо Надежда Сергѣевна: — ей бы только съ утра до ночи сидѣть въ своей комнатѣ да читать. Рукодѣліемъ такъ мы не очень любимъ заниматься. А съ однимъ чтеніемъ не такъ-то далеко уѣдешь.

— Очень хорошій портретъ, — продолжала Аграфена Петровна: — только жаль, что не покрашенный, а вотъ съ Осипа Ильича недавно писалъ въ миніатюрномъ видѣ портретъ красками одинъ молодой человѣкъ, живописецъ, дальній нашъ родственникъ. Удивительнѣйшее сходство! просто живой сидитъ, только что не говоритъ — такъ трафитъ, что чудо! Недавно писалъ онъ съ генеральши Толбуковой, и та осталась довольна, и двѣсти ассигнаціями дала ему за портретъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Меня мужъ все проситъ, чтобъ я списала съ себя и съ нея портреты (тутъ она указала на дочь). Пусть бы онъ принесъ показать свою работу, для образчика; я бы, можетъ быть, заказала ему оба портрета.

— Очень рада услужить вашему превосходительству: дамъ ему знать непремѣнно; онъ за честь долженъ себѣ поставить списывать съ васъ портретъ. Вы имъ останетесь довольны; у него руки золотыя, да язычокъ-то не совсѣмъ чистъ. Могъ бы обогатиться, ей Богу правда, пиши только портреты, а то — гдѣ! хочу, говоритъ, большія картины писать, а иной разъ и хлѣба нѣтъ. Все мать избаловала! Ужъ это баловство никогда до добра не доведетъ. Впрочемъ онъ ее своими трудами кормитъ. Пришлю его къ вамъ, пришлю, матушка, ваше превосходительство.

— Не забудьте, милая! — проговорила Надежда Сергѣевна, вставая со стула.

— Ни за что не забуду.

Аграфена Петровна также встала со стула.

— Прощайте, ваше превосходительство! прощайте, Софья Николаевна! Когда же его прислать прикажете?

— По утрамъ часовъ до двухъ я всегда дома. Да чтобы онъ работу свою принесъ, — не забудьте.

— Слушаю, слушаю! Прощайте, ваше превосходительство! прощайте, Софья Николаевна!

— Прощайте, милая! благодарю васъ.

Софья проводила Аграфену Петровну до двери передней.

— Ради Бога, не безпокойтесь! прошу васъ, сдѣлайте такую милость, Софья Николаевна.

Наконецъ, слава Богу, Софья осталась одна! Она хотѣла отдохнуть отъ визита чиновницы и снова принялась за свою книгу, въ то время, какъ во всемъ домѣ бѣгали, суетились, кричали по случаю приготовленія къ балу, долженствовавшему быть вечеромъ. Но вдругъ она отложила книгу въ сторону, опустилась глубже въ кресла и задумалась. Воображенію бѣдной дѣвушки было тѣсно въ этомъ ограниченномъ, жалкомъ кругу, въ который закинула ее прихотливая судьба. Это неугомонное воображеніе рѣдко оставляло ее въ покоѣ: начнетъ ли она засыпать, оно пригонитъ кровь къ ея сердцу, и она вздрогнетъ и пробудится; станетъ ли читать она, книга выпадаетъ изъ рукъ ея, и она лѣниво скреститъ руки и небрежно прислонится къ сафьянной подушкѣ дивана. Воображеніе высоко поднимало ея грудь, граціозно опускало ей на бокъ головку, заставляло ее такъ печально вздыхать и такъ мило задумываться. Вотъ отчего и въ эту минуту она отложила книгу въ сторону и остановилась на мучительномъ разговорѣ Корреджіо съ самимъ собою, по уходѣ Микель-Анджело. Какъ хорошо понимала она страдальческія рѣчи Аллегри... *Художникъ!..* это имя было такъ заманчиво для нея; съ этимъ именемъ соединялся для нея цѣлый міръ идей новыхъ, возвышенныхъ, безконечныхъ. Озаренный лучомъ вдохновенія, художникъ являлся передъ нею существомъ

высшимъ, таинственнымъ, поставленнымъ между небомъ и землею, ослѣпительнымъ вѣнцомъ Божьяго созданія. Она не подозрѣвала въ художникѣ человѣка, потому что не могла соединить этихъ двухъ идей. Она бы рѣшительно не поняла васъ, если бы вы стали говорить о частной жизни художниковъ: о скупости Перуджино, о буйной жизни Рафаэля и Дель-Сарто, объ алчности къ деньгамъ Рембрандта. Художникъ не могъ иначе представляться ей, какъ въ образѣ *Гвидо-Рени,* который съ угрызеніемъ совѣсти бралъ деньги за труды свои, считая это униженьемъ искусства, работалъ съ покрытою головой даже въ присутствіи папы и отказывался на предложенія герцоговъ, призывавшихъ его въ свои владѣнія, изъ одного только страха, чтобы при дворахъ ихъ искусство не было унижено въ его лицѣ. Софьѣ показался очень страннымъ поступокъ Анджело съ Антоніо; она ужасно разсердилась на Эленшлегера за эту сцену. «Могъ ли быть такимъ великій Буанаротти?» подумала она и, погружаясь въ мечту болѣе и болѣе, она отъ великаго Буонаротти перешла мыслью къ этому бѣдному художнику, о которомъ говорила чиновница. Ей такъ бы хотѣлось взглянуть на какого-нибудь художника, удостовѣриться, похожъ ли онъ на ея мечту, на ея созданіе? Чтó, если, въ самомъ дѣлѣ, онъ, этотъ художникъ, рекомендованный Аграфеною Петровною, не какой-нибудь наемный пачкунъ, а человѣкъ съ талантомъ? Онъ кормитъ мать-старушку трудами своими: стало быть у него доброе сердце; онъ порывается создать что-нибудь большое: стало быть онъ чувствуетъ въ себѣ талантъ... О, это долженъ быть настоящій художникъ! И при этой мысли сердце Софьи сильно забилось. Боже мой! и маменька послала звать его къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ принесъ *образчики своей работы.* Какъ это покажется ему оскорбительнымъ! *Образчики работы...* будто онъ какой-нибудь торгашъ. Впрочемъ, можетъ быть онъ и не то, чтó я думаю, сказала она про себя, и опять открыла книгу.

Между тѣмъ голосъ ея матери раздавался по всѣмъ комнатамъ; она кричала на лакеевъ и дѣвокъ: «Вытрите хорошенько въ залѣ съ окошекъ; васъ вездѣ надо натыкать но-

сомъ. Да чтобъ вечеромъ лампы-то хорошенько горѣли, а то прошедшій разъ я за васъ сгорѣла отъ стыда. Вотъ Богъ далъ дочку: изволитъ заниматься романами, — не то, чтобы пособлять матери! Растишь, растишь, думаешь, что будетъ утѣшеніемъ, анъ вотъ!.. Свѣчки-то восковыя поставьте въ тройники, да обожгите».

— Да свѣчекъ недостаетъ, ваше превосходительство.

— Такъ пошлите скорѣе въ лавку этого лежебока Ваську...

Весь день Надежда Сергѣевна косилась на свою дочь, и, по разъѣздѣ гостей, она имѣла такой громкій разговоръ съ нею, что бѣдная, задыхавшаяся отъ слезъ, дѣвушка едва могла его вынесть. Главною причиною гнѣва матери, разразившагося въ этотъ разъ такъ жестоко надъ дочерью, былъ непріѣздъ одной княгини, на которую она очень надѣялась, чтобы посѣщеніемъ ея блеснуть передъ высшимъ чиновничествомъ.

Софья долго молилась и плакала. Молитва и слезы облегчили ее. Подъ утро она заснула; но сонъ ея былъ безпокоенъ: она поминутно вздрагивала и просыпалась. Ей снилось, что она стоитъ на самой окраинѣ бездны; сердце ея замирало, голова кружилась, и она упадала въ глубину, а тамъ, на днѣ этой глубины, сверкали передъ ней гнѣвныя очи ея матери, — или эта женщина стояла передъ ней съ угрожающими жестами, произнося такія страшныя слова... Она бросалась передъ нею на колѣни, но та безпощадно отталкивала ее и не сводила съ нея своихъ пронзительныхъ очей.

Она проснулась отъ боли, но сонъ скоро снова сомкнулъ ея глаза — и вотъ передъ нею стоитъ этотъ художникъ, о которомъ говорила Аграфена Петровна: «Онъ пришелъ,—говорятъ ей,—списывать съ васъ портретъ». — Не съ меня, а съ маменьки. — «Нѣтъ, съ васъ». Она подходитъ къ нему, смотритъ на него. Какъ онъ хорошъ собою! какое выраженіе въ глазахъ его! Онъ смотритъ на нее съ такою любовью и вмѣстѣ такъ застѣнчиво. Ей стало легко и пріятно... Развѣ онъ меня любитъ? Неправда! въ мірѣ нѣтъ существа, которое бы меня любило. Я одинока... А вотъ, вдали, старушка-мать

его, которую онъ кормитъ своими трудами. Софья подходитъ къ нему, онъ беретъ ее за руку, но она отдернула отъ него руку, смотритъ на него — и что же? передъ нею опять эти сердитые глаза, и они рѣжутъ ей сердце. Она вскрикиваетъ, она чувствуетъ, что все это во снѣ, хочетъ проснуться — и не можетъ... И вотъ снова *онъ* передъ нею — и ей становится легче. Грустный и одинокій, сидитъ онъ въ огромной залѣ, а около него толпится буйная чернь, не замѣчая его. Эта чернь величаетъ себя громкими именами *любителей, покровителей искусства,* и важно расхаживаетъ, и останавливается передъ картинами, висящими въ залѣ, и безстыдно произноситъ свои рѣшенія — дерзкія и нелѣпыя, и святотатственно ругается надъ искусствомъ... *Онъ* слышитъ эти рѣчи — и, кажется, ему становится еще тяжелѣе, еще грустнѣе. «Такъ это-то наши цѣнители?—говоритъ онъ.—Эти-то люди даруютъ намъ славу? отъ нихъ-то зависитъ наша участь? Они поручаютъ насъ безсмертію?.. Боже! Боже! для чего Ты обнажилъ передо мною эту тайну? Мнѣ легко было въ моемъ невѣдѣніи, я думалъ, что гласъ народа — твой гласъ, Боже!» — Кто-то выходитъ изъ толпы, и толпа передъ нимъ разступается; онъ идетъ мѣрнымъ шагомъ, съ нахмуреннымъ челомъ, важно, самодовольно; онъ дерзче и самоувѣреннѣе всей этой дерзкой и самоувѣренной черни; онъ кричитъ: «за мною, за мною! я покажу вамъ чудо искусства! на колѣни!» И вся эта масса двинулась за нимъ, и онъ отдернулъ занавѣсъ и указалъ имъ на картину, висѣвшую за занавѣсомъ. «Вотъ вамъ картина, въ ней соединяется все: мягкость кисти, легкость исполненія и правильность рисунка Гвидова, простота, изученіе природы и антиковъ Доминикина, и грандіозность Леонардо-да-Винчи!» И вся эта чернь, съ разинутыми ртами, слушала оратора и начала дивиться картинѣ и разразилась громомъ нелѣпыхъ кликовъ и неистовыхъ рукоплесканій. «Гдѣ онъ? гдѣ этотъ великій художникъ? мы хотимъ его видѣть, мы хотимъ увѣнчать его!» повторялось каждымъ порознь и вдругъ всѣми. Ораторъ искривилъ ротъ улыбкою и, указавъ туда, гдѣ сидѣлъ бѣдный художникъ, воскликнулъ: «вотъ онъ!» Бѣснуясь, бросилась къ нему

чернь. *Онъ* видѣлъ и слышалъ все, онъ съ непонятною силою раздвинулъ въ обѣ стороны волны народа, нахлынувшаго къ нему, и остановился передъ лицомъ виновника торжества своего. Лицо его было блѣдно, губы дрожали отъ гнѣва. «Кто далъ тебѣ право богохульствовать?» произнесъ онъ замирающимъ голосомъ, опустивъ на плечо его желѣзную руку. Но силы оставили его, и онъ грянулся трупомъ на полъ. Ораторъ захохоталъ и оттолкнулъ ногою трупъ. Черты этого человѣка дѣлались явственнѣе для Софьи; ей показалось, что онъ смотритъ на нее глазами ея матери, подходитъ къ ней, указывая на трупъ, и говоритъ: «вотъ что такое слава!» и опять хохочетъ. Сердце ея замираетъ отъ ужаса... Она вздрагиваетъ и просыпается. Уже давнымъ-давно утро, 11 часовъ— и она, измученная, поднялась съ постели отъ страданій мечтательныхъ къ страданіямъ дѣйствительнымъ. Непріятное предчувствіе тяготило ее. Она подошла къ зеркалу, глаза ея распухли отъ слезъ. «Вотъ», подумала она, «новая причина для гнѣва маменьки. А этотъ сонъ? Всегда, говорятъ, о чемъ много думаешь, то непремѣнно должно присниться; утромъ же я такъ раздумалась о художникахъ!»

Прошло дня три послѣ этого; на четвертый день утромъ лакей докладываетъ при Софьѣ ея матери: «какой-то живописецъ пришелъ, ваше превосходительство, и спрашиваетъ васъ; говоритъ, что присланъ отъ г-жи Теребеньиной».

— Позови его въ залу,—сказала Надежда Сергѣевна.— Пойдемъ посмотрѣть,—продолжала она, обращаясь къ дочери:— что̀ это за фигура. Я что-то не очень вѣрю рекомендаціи этой Теребеньиной.

Они вошли въ залу. «Гдѣ же живописецъ?» Надежда Сергѣевна осмотрѣла всю залу, и по̀томъ, съ заимствованною у одной княгини гримасою, кивнула головою входившему молодому человѣку, который довольно ловко и вѣжливо раскланивался.

Софья взглянула на него, и глаза ея помутились. Она только невнятно прошептала: «странное сходство!» и облокотилась на столъ.

— Что съ тобой?—возразила Надежда Сергѣевна, замѣтя движеніе дочери.

— Мнѣ дурно...—прошептала она и покачнулась.

— Ай, ай! что это такое! Палашка, Грушка, сюда, скорѣй!

Въ эту минуту послышался звонокъ въ передней.

— Его сіятельство графъ М*,—сказалъ вошедшій лакей.

— Выведите скорѣй барышню, поддержите ее... Ахъ, Боже мой! сейчасъ! просите графа...

Горничныя вбѣжали въ залу.

— Ну, выводите же ее. Мнѣ, батюшка, теперь не до васъ,—проговорила она, обращаясь къ живописцу:—извините... Можете зайти послѣ.—Проси графа.—Надежда Сергѣевна подошла къ зеркалу.

Живописецъ посмотрѣлъ на нее съ ногъ до головы и вышелъ изъ комнаты. Хорошо, что Надежда Сергѣевна не замѣтила этого взгляда!

ГЛАВА II.

Художникъ не можетъ быть исключительно только художникомъ: онъ вмѣстѣ и человѣкъ

Эленшлегеръ.

О, если ты для юноши сего,
Во мзду заслугъ, готовишь славу рая,
Молю тебя, подруга неземная,
Здѣсь на землѣ не забывай его.
. . . .
Да вкуситъ онъ вполнѣ твою любовь!
Вѣнокъ ему на небѣ уготовь,
Но здѣсь подай сосудъ очарованья
Безъ яда слезъ, безъ примѣси страданья.

Гёте.

— Неудача, матушка! опять неудача, вѣчная неудача! Неудачи будутъ преслѣдовать меня всю жизнь: я созданъ для неудачъ!

И молодой человѣкъ, произносившій это, бросилъ на полъ шляпу и картину, завернутую въ холстъ, которую дер-

жалъ въ рукѣ, упалъ головою на столъ и закрылъ руками лицо.

— Полно, дитя мое,—говорила старушка, къ которой относились слова молодого человѣка: — полно, не убивай себя; Богъ милостивъ!

— Богъ милостивъ! да, Онъ милостивъ, я это знаю; но люди, люди безжалостны, матушка! У насъ нѣтъ куска хлѣба на завтра; вы можете завтра умереть съ голода, а я, сынъ вашъ, я не могу доставить вамъ только одного куска хлѣба... И мнѣ 23 года, я здоровъ и силенъ, и я васъ заставляю умирать съ голода! О, это ужасно, ужасно, матушка!..

Онъ опустился на стулъ, сложилъ руки и посмотрѣлъ на старушку съ страдальческимъ выраженіемъ отчаянія.

— Другъ мой, дитя мое! что̀ это ты говоришь? что̀ съ тобой? Успокойся. Ты одинъ у меня защитникъ, ты одинъ у меня покровитель, одинъ кормилецъ мой. Что̀ бы я была безъ тебя? Не ропщи, голубчикъ! Ты живешь только для своей бѣдной старухи. Развѣ могутъ быть дѣти лучше тебя, добрѣе, умнѣе тебя? Вѣдь ты моя гордость, ты все для меня. Вотъ какъ я смотрю на тебя, такъ я и сыта, и весела, и счастлива. Перестань же, не отчаивайся...

И старушка смотрѣла на него съ святою любовью матери, и недосказанное договаривала поцѣлуями.

— Вы сегодня отдали за эту лачужку, за этотъ чердакъ послѣднія деньги... О, я брошу проклятую кисть и наймусь къ кому-нибудь въ услуженіе!

— Ужъ чего тебѣ въ голову не придетъ!—Она старалась улыбнуться.—Еще у меня осталось немного деньжонокъ: на недѣлю съ насъ будетъ, а тамъ ты сыщешь заказъ, и мы опять поправимся. Что жъ дѣлать, Сашенька? не вдругъ! надо потерпѣть и нужду. Не все будетъ такъ: оцѣнятъ твой талантъ—и всѣ бросятся къ тебѣ; тогда только работать успѣвай. Мы разбогатѣемъ; ты старушкѣ своей дашь особую комнатку; у тебя будетъ такая большая, богатая мастерская. Всѣ заговорятъ о тебѣ, а мое сердце будетъ такъ радоваться... Ты женишься, а я стану нянчить моихъ вну-

чать, стану баловать ихъ. Вѣдь старушки-бабушки такія баловницы!

— Мечты и надежды! Нѣтъ, я ужъ пересталъ мечтать и надѣяться. Вотъ скоро четыре года, какъ я надѣюсь на счастливѣйшее завтра. Что же это завтра такъ долго не приходитъ? Тѣ могутъ надѣяться, у кого хоть одна изъ надеждъ осуществилась, а я... Да что объ этомъ говорить, матушка? здѣсь надо имѣть покровителей... Что́ одинъ талантъ безъ нихъ? А гдѣ они у меня? Да, правда, Аграфена Петровна, я было совсѣмъ забылъ про нее. Вотъ до чего доводитъ нужда: эта подлая торговка мнѣ покровительствуетъ, она рекомендуетъ меня, дѣлаетъ мнѣ благодѣяніе! Богъ свидѣтель: мнѣ не легко было итти сегодня по этой рекомендаціи, и еще нести образчикъ своей работы, выпрашивать, ради Христа, подаянья, позволенія за какую-нибудь сотню рублей малевать безобразное лицо, тратить на это Божій даръ! Однако я скрѣпилъ сердце и пошелъ, — но и тутъ неудача! Право, трудно найти человѣка несчастнѣе меня!

— Что́ же? ей не понравилась твоя работа?

— Она не видала моей работы, я не развертывалъ этого полотна. Ну, какъ бы вы думали, что́ такое? Такія вещи могутъ случаться только со мной. Я прихожу; человѣкъ пошелъ обо мнѣ докладывать; я жду съ четверть часа въ грязной передней, наконецъ слышу чей-то голосъ и чьи-то шаги въ залѣ... Вхожу туда: передо мной стоятъ двѣ женщины, одна пожилая, другая молодая. Я еще не успѣлъ разинуть рта, какъ этой молодой сдѣлалось дурно и она едва не упала,—какъ будто она только и ждала моего прихода, чтобы упасть въ обморокъ. Въ это же время доложили о пріѣздѣ какого-то графа, и г-жа Поволокина просто попросила меня выйти вонъ, сказала, что ей не до меня. Тутъ пошла суматоха по всему дому, бѣготня, крикъ. Я не помню, какъ сошелъ съ лѣстницы.

Александръ замолчалъ; голова его склонилась на грудь. «О, если бы знала матушка, — подумалъ онъ, если бы она могла себѣ представить вполнѣ, какъ становится тяжка моя

жизнь, что я перенесъ и перечувствовалъ въ эти годы! Мнѣ часто кажется, что я никогда не достигну, никогда и никакой извѣстности, потому что я не имѣю средствъ на это. Я не въ силахъ ничего произвесть, я не сдѣлаю ни шага впередъ и останусь навсегда только съ однимъ мучительнымъ стремленіемъ творить. Какая-нибудь мысль поразитъ меня, какой-нибудь образъ очертится въ моемъ воображеніи, я въ жару хватаюсь за кисть—но эта мысль ускользаетъ отъ меня и смѣняется другою мыслію, но это видѣніе, растревожившее меня, исчезаетъ, и передъ глазами моими какіе-то неопредѣленные призраки; кисть выпадаетъ изъ рукъ моихъ, я начинаю чувствовать свое безсиліе... О, нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ неувѣренность въ самомъ себѣ. Вѣдь я вижу же передъ собою художниковъ, поэтовъ, которыхъ имена сдѣлались извѣстными, въ которыхъ всѣ признаютъ дарованія. Они такъ горды своимъ сознаніемъ, такъ недоступно высоки. Талантъ — это орелъ: онъ сознаетъ мощь свою; онъ только расправитъ крылья и гордо летитъ въ небо. А я, неужели въ самомъ дѣлѣ останусь я вѣчно съ этимъ неудовлетвореннымъ порывомъ къ созданію? Для чего же мнѣ указали на небо и не дали крыльевъ?.. Не оттого ли я никакъ не могу создать до сихъ поръ образа для моей Ревекки? Сколько времени натянуто это полотно— и что же на немъ? одинъ только мѣловой очеркъ. Еще ничего не воплотилось въ моей мысли, но сколько разъ возставали передо мною тѣни и этого посланца Авраамова, ожидающаго съ такою святою увѣренностью у колодца благодати Господней, и этой очаровательной дѣвушки, которая уже при самомъ рожденіи наречена Господомъ женою Исаака! Но это только однѣ тѣни; я гонюсь за ними и не могу уловить ихъ! О, какъ мнѣ грустно!..»

Старушка благоговѣйно смотрѣла на сына, она не смѣла перерывать его думы. «Голубчикъ! какъ онъ страдаетъ!»— шептала она.

Но черезъ нѣсколько минутъ Александръ вдругъ обратился къ матери, крѣпко сжалъ и поцѣловалъ ея морщинистую руку.

— Ваша правда, матушка,—сказалъ онъ ей:—Богъ не оставитъ насъ. Да будетъ его святая воля!

Въ эту минуту онъ думалъ: «я долженъ утѣшать ее, облегчать ея горе,—а я, безумецъ, еще болѣе ее разстраиваю».

Александръ горячо любилъ свою старушку—и какъ ему было не любить ее? Она не жила собственною жизнію: ея жизнь была онъ; она дышала имъ, она смотрѣла его глазами, его желанія были ея желаніями; она предупреждала и угадывала часто его мысли; она, необразованная женщина, возвышалась иногда до идеи, которая не могла быть ей доступна, все потому, что эта идея принадлежала ему, высказывалась имъ. Любовь заставляла ее инстинктивно понимать его. Ея сердце срослось съ его сердцемъ; она рѣшительно не могла представить себѣ, можно ли отдѣлить его существованіе отъ ея? «Ты переживешь меня, Саша,—однажды сказала она ему:—да ты и долженъ пережить меня; но кто же у тебя останется здѣсь, кто же будетъ ходить за тобою, кто будетъ лелѣять тебя, дитя мое? кто же будетъ тебя такъ любить, какъ я люблю? на кого я тебя оставлю здѣсь?» И она призадумалась, и слеза заблистала въ глазахъ ея.— Матушка! кто знаетъ? Воля Господня неисповѣдима: смерть не разбираетъ лѣтъ...

Старушка судорожно схватила руку сына и первый разъ въ жизни посмотрѣла на него съ выраженіемъ глубокой тоски и мучительнаго оскорбленія.

— Богъ съ тобой! кто тебѣ внушилъ такую мысль?—Слезы градомъ катились по лицу ея; она начала крестить его...— Никогда мнѣ не говори объ этомъ,—слышишь ли? никогда. Я грѣшна; но я еще не до такой степени прогнѣвала Бога, чтобъ Онъ меня такъ наказалъ... Какъ могло тебѣ притти это въ голову?

Весь этотъ день она казалась необыкновенно печальною; возраженіе молодого человѣка произвело на нее сильное впечатлѣніе; видно, что ей никогда не приходила въ голову страшная мысль пережить его — и въ эту только минуту вдругъ, неожиданно, эта мысль представилась ей во всемъ ужасѣ.

Александру было около 5 лѣтъ, когда умеръ отецъ его, бывшій постоянно лѣтъ двадцать гувернёромъ въ академіи художествъ. Долго многіе художники съ уваженіемъ вспоминали о почтенномъ своемъ воспитателѣ, строгомъ и добромъ, серьёзномъ и веселомъ, умѣвшемъ и шутить, и наказывать, котораго всѣ любили и боялись. Долго многіе изъ нихъ помнили любимую фразу Игнатія Васильевича, которую онъ произносилъ важно, съ разстановкою, перебирая обыкновенно большую печатку, висѣвшую на цѣпочкѣ по его темногороховымъ брюкамъ: «строгость—вещь полезная, а потому необходимая; сначала непріятно, да потомъ слюбится, ей Богу правда; вспомните и Игнатія Васильевича». Когда Саша сталъ подрастать, Игнатій Васильевичъ иногда, по праздничнымъ днямъ, приводилъ его съ собою въ классы, бралъ на руки и, обращаясь къ воспитанникамъ, говорилъ:—«вотъ вамъ еще художникъ, ну, кланяйся же имъ, Сашурка, да проси, чтобъ полюбили». Но дитя не слушало отца, протягивало ручонки къ картинамъ и кричало: «Папà, папà, посмотри, какой человѣкъ тамъ, а вонъ тамъ мальчикъ съ крылышками! Зачѣмъ у него крылышки, папà?»—Саша не любилъ игрушекъ; для него лучше всѣхъ игрушекъ былъ карандашъ, онъ все черкалъ имъ по бумагѣ и говорилъ, что рисуетъ того мальчика съ крылышками, чтò виситъ наверху. Онъ не любилъ, когда его брали гулять или въ гости, а все просился наверхъ картинки смотрѣть.

По смерти Игнатія Васильевича жена его осталась съ пенсіономъ, которымъ она едва могла только прокормить себя да бѣднаго сына. О воспитаніи его думать было нечего; сердце ея раздиралось при взглядѣ на него; она цѣлыя ночи просиживала у его постельки, молилась и плакала. Такъ прошло 5 лѣтъ. Въ это время одинъ изъ воспитанниковъ академіи, по привязанности къ старому своему наставнику, въ свободные часы училъ Сашу грамотѣ и рисованію. Наконецъ Богъ услышалъ материнскую молитву, нашелся добрый человѣкъ, который сжалился надъ положеніемъ этой женщины и опредѣлилъ Сашу въ академію пенсіонеромъ на свой счетъ. Успѣхи его превзошли всѣ ожиданія: имъ не

могли нахвалиться; мать видѣла въ немъ своего будущаго кормильца, и надежды ея начинали осуществляться,—она отдохнула отъ горя. Однажды, передъ самымъ выпускомъ своимъ, онъ пришелъ къ матери необыкновенно разсѣянный и задумчивый. «Матушка,—сказалъ онъ помолчавъ немного,—я назначенъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ посылаютъ за границу на казенный счетъ».—Старушка вздрогнула и со страхомъ посмотрѣла на него. Она знала, что *Италія* была любимою его мечтою, что во снѣ и на яву почему-то онъ все бредилъ этою Италіею, несмотря на то, что желаніе свое посѣтить ее считалъ несбыточнымъ. И теперь его сонъ неожиданно сбывался. «Я должна разстаться съ нимъ на старости лѣтъ!..» Старушка чувствовала, какъ кровь останавливается въ ея жилахъ. «Умереть безъ него!..» И она едва не упала со стула.

— Ты ѣдешь?—проговорила она наконецъ коснѣющимъ языкомъ.

— Я остаюсь, — отвѣчалъ онъ твердымъ голосомъ. — Я у васъ одинъ. Мнѣ ли покинуть васъ?

Старушка ожила при этихъ словахъ и бросилась на грудь сына, обнимала и обливала его слезами, хватала его руку, чтобы поцѣловать ее. Она понимала, что онъ приноситъ ей жертву, и несвязно лепетала ему: «Ты со мной всегда! Богъ благословитъ тебя!.. Мы не разлучимся...»—Напрасно мы стали бы слѣдить за каждымъ шагомъ его жизни въ эти годы. Грустна и утомительна повѣсть, въ которой дѣйствуютъ два лица: *поэтъ* и общество; два лица, чуждыя и враждебныя другъ другу, которыя никогда не сходились и никогда не сойдутся. Великій Гёте дивно изобразилъ въ рѣзкомъ очеркѣ жизнь этого бѣднаго страдальца, котораго въ мірѣ зовутъ худижникомъ,—послѣ Гёте тысячи брались за этотъ предметъ. Пушкинъ въ десяти *выстраданныхъ* стихахъ высказалъ отношенія художника къ обществу:

Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта.
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра...

Слава! слава!.. Изучите жизни великихъ творцовъ и спросите самого себя: легко ли добыли они ее? Вы художникъ? вы хотите извѣстности, хотите, чтобы васъ всѣ знали, чтобы о васъ всѣ кричали? это не такъ-то скоро, погодите! Прежде чѣмъ о васъ заговоритъ, какъ о человѣкѣ, какая-нибудь Надежда Сергѣевна, надобно, чтобы заговорила ея сіятельство Антонида Помпеевна; но прежде, чѣмъ заговоритъ ея сіятельство... О, исторія *о томъ, какимъ образомъ получается съ свѣтѣ извѣстность*, очень долга...

ГЛАВА III.

Даже въ самыя минуты отчаянія и безнадежности для человѣка мерцаетъ слабый и блѣдный лучъ надежды.

(«Мандрагора», ком. Макіавеля).

Дня черезъ четыре послѣ своего страннаго обморока Софья сидѣла на диванѣ вся въ подушкахъ; она была блѣднѣе обыкновеннаго и такъ слаба, что невольно вздрагивала при каждомъ неосторожномъ шумѣ отпиравшейся двери. На табуреткѣ у ногъ ея сидѣла женщина въ ситцевомъ платьѣ, съ шелковымъ пурпурнымъ платкомъ на головѣ, изъ-подъ котораго выглядывало серебро волосъ. Эта женщина вязала чулокъ и по временамъ, оставляя спички, устремляла на больную свои глаза, покрывшіеся матомъ отъ старости, но еще не вовсе потерявшіе выраженіе.

— Что? полегче ли тебѣ, моя красавица? а?

— Мнѣ теперь лучше, я только очень слаба. Не безпокойся, няня.

— То-то, моя голубушка! ужъ эти болѣзни, бѣсъ ихъ знаетъ, такъ вотъ зря приходятъ. Конечно, дѣвическое дѣло! Лѣкарства! ну что, помогутъ что ли тебѣ эти банки-то? Тебѣ другое надо лѣкарство: замужъ пора, мое дитятко! Какъ выйдешь замужъ, такъ вотъ какъ рукой всѣ болѣсти сниметъ.

Софья отвернула головку къ стѣнѣ.

— Ну, что отворачиваешься-то? Я правду говорю, матушка; нашелся бы человѣкъ хорошій—и думать нечего, ей Богу такъ; мы бы сейчасъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку. Что жъ, Софья Николаевна! вѣдь я васъ нянчила, такъ надо же мнѣ и вашихъ дѣтокъ нянчить. Неужто я не доживу до этого? что̀, въ самомъ дѣлѣ?

— Ты говоришь, что она очень бѣдна, эта старушка?

— Какъ же, родная! вѣдь я тебѣ разсказывала, что я у нихъ года четыре выжила, при покойномъ-то; нечего сказать, былъ человѣкъ хорошій. Ну, тогда они еще жили нешто̀, а теперь еле-еле перебиваются.

— Ты не повѣришь, какъ мнѣ досадно, няня: я была невольной причиной того, что маменька не заказала ему портрета. Когда-нибудь напомню маменькѣ, чтобы она послала за нимъ... А что̀, онъ развѣ мало получаетъ за труды свои? вѣдь онъ помогаетъ матери?

— Да если бы не онъ, такъ она просто бы съ голода умерла: пенсіонишка-то небольшой, а онъ все, что̀ вырабатываетъ, все ей отдаетъ, сердечный. Да и она въ немъ, правду сказать, души не слышитъ.

— Она должна быть такая добрая!.. Да, я вспоминаю, точно ты мнѣ много прежде о ней разсказывала, когда я еще не знала, что... Мнѣ пришла мысль, няня: я бы желала съ ней познакомиться.

Софья пристально посмотрѣла на няню.

— А что, сударыня, заговоритъ твоя маменька, коли узнаетъ объ этомъ?—И при семъ вопросѣ няня отложила свой чулокъ въ сторону.—Развѣ ты не знаешь ее? Статочное ли дѣло, скажетъ она, генеральской дочкѣ знакомиться съ нищей, которая живетъ на чердакѣ!

— Я знаю; но зачѣмъ говорить объ этомъ маменькѣ? Гуляя по утрамъ, по приказанію доктора, я могу зайти къ старушкѣ, а ты предупредишь ее, скажешь, что я такъ много наслышалась о ея добротѣ отъ тебя, что давно желала быть ей чѣмъ-нибудь полезной. Слышишь ли, няня? Вѣдь тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго?..

— Слушаю, слушаю, матушка! Пожалуй, что̀ съ тобой

будешь дѣлать? Смотри только̀, не проговорись маменькѣ, а то она меня, пожалуй, и въ домъ къ себѣ запретитъ пускать. Охъ ты, моя пташка! да въ кого это ты уродилась такая добрая? У самой ничего нѣтъ, а все бы помогать бѣднымъ!

— Будь покойна, я не проговорюсь... А ты скоро пойдешь домой, няня?

— Черезъ день пойду, родная; тебѣ теперь, слава Богу, полегче,—что̀ мнѣ у васъ дѣлать? И то совсѣмъ загостилась. Зайду къ Палагеѣ Семеновнѣ, скажу ей, что къ ней собирается моя дорогая барышня... Да какъ пойдешь гулять, возьми съ собой Ваньку, матушка; онъ малый хорошій, а Петрушка сейчасъ перенесетъ маменькѣ.

— Хорошо, хорошо, няня.

Софья опустила голову на подушку и закрыла глаза.

Черезъ нѣсколько минутъ няня посмотрѣла на нее и, думая, что она заснула, на цыпочкахъ вышла изъ комнаты.

Но она не спала, она думала:

«Я хочу видѣть эту старушку, хочу видѣть ее, во что бы то ни стало. Я буду помогать ей сколько могу... Можетъ быть она полюбитъ меня, а я отчего-то уже люблю ее заранѣе... Къ тому же, взглянуть хоть одинъ разъ на художника, въ томъ мѣстѣ, гдѣ зарождаются и приводятся въ исполненіе его мысли... Объ этомъ такъ давно я мечтаю! О, теперь сны мои, любимые сны мои могутъ осуществиться! Я бы обо всемъ этомъ сказала маменькѣ, но она не пойметъ меня,—я должна поневолѣ скрывать отъ нея все. Она назоветъ меня сумасшедшею. Въ самомъ дѣлѣ, не бредъ ли это, не начало ли помѣшательства? Сходство того, котораго я видѣла во снѣ, съ *нимъ*... это непонятно! Кто бы могъ этому повѣрить? неужели такъ тѣсна связь міра духовнаго съ міромъ вещественнымъ? неужели образы, хранящіеся въ насъ, образы, которые душа жаждетъ видѣть въ дѣйствительности, могутъ являться преждевременно передъ нами и такъ ясно, такъ отчетливо?..»

Ровно черезъ недѣлю послѣ приведеннаго нами разговора съ няней Софьѣ въ первый разъ позволено было пройтиться.

Докторъ совѣтовалъ Надеждѣ Сергѣевнѣ, чтобы дочь ея гуляла всякій день, даже несмотря ни на какую погоду, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Надежда Сергѣевна, имѣвши особенныя причины во всемъ безпрекословно повиноваться доктору, строго приказала дочери исполнять его волю, прибавивъ въ заключеніе съ принужденною нѣжностью:

— Ты знаешь, другъ мой, какъ мнѣ дорого твое здоровье. Когда ты занеможешь, я сама не своя. Карлъ Ивановичъ говоритъ, что тебѣ необходимо гулять всякій день, а ужъ ты, милая, знаешь его искусство; къ тому же онъ такъ привязанъ ко всему нашему семейству.

И точно, Карлъ Ивановичъ былъ привязанъ къ семейству г-на Поволокина: онъ былъ необходимымъ лицомъ въ его домѣ, не только врачомъ, но *другомъ дома*.

Итакъ, желаніе Софьи исполнилось. Цѣлую недѣлю съ нетерпѣніемъ ждала она этого дня, въ который позволятъ ей выйти изъ душной комнаты подышать свѣжимъ осеннимъ воздухомъ,—дня, въ который она должна увидѣть эту бѣдную старушку... и художника. И вотъ этотъ день насталъ. Няня предувѣдомила мать Александра о приходѣ своей барышни; няня сказала, что ея добрая барышня непремѣнно хочетъ съ нею познакомиться.

— Ужъ я таки довольно разсказала о васъ, Палагея Семеновна,—прибавляла няня:—и она, моя голубушка, такъ и рвется къ тебѣ; заочно такъ полюбила тебя, что все только о тебѣ и разспрашиваетъ.

— Она, видно, не въ матушку!—возразила Пелагея Семеновна, которая никакъ не могла забыть пріема, сдѣланнаго ея сыну.

— Какое въ матушку! — И няня пускалась въ подробные разсказы о своей Софьѣ.

Съ трепетомъ сердца всходила дѣвушка по крутой лѣстницѣ въ четвертый этажъ; ей стало почему-то страшно, когда лакей дернулъ грязную бечевку, къ которой прикрѣплялся колокольчикъ; она снова почувствовала болѣзненную слабость, когда очутилась за дверью въ темномъ чуланѣ, кото-

рый никакъ нельзя было назвать комнатою. Старушка, мать Александра, встрѣтила Софью Николаевну со слезами. Няня ея, которая была тутъ же, цѣловала и миловала свое дитятко съ разными прибаутками. Софья краснѣла и отвѣчала безмолвнымъ пожатіемъ руки на сердечныя привѣтствія добрыхъ старушекъ, которыя хлопотали около нея.

— Дай-ка, моя ласточка, я сниму съ тебя теплые сапожки, — говорила няня, усаживая ее на стулъ, когда онѣ вышли изъ темнаго чулана въ небольшую комнату.

— Не безпокойся, няня; ты знаешь, что я не могу долго оставаться здѣсь.

— Посидите, матушка! Ужъ я ждала, ждала васъ, мою дорогую гостью.

Не прошло и четверть часа, а Софьѣ сдѣлалось такъ легко и пріятно, что она вѣкъ бы не вышла изъ этой комнаты. Простое, непринужденное обращеніе съ ней старушки, ея ласка прямо отъ души, безъ всякой примѣси лести,— все это было для нея отрадно и ново. Когда старушка заговорила о своемъ сынѣ, лицо ея вдругъ одушевилось, глаза загорѣлись: она была полна счастіемъ, она помолодѣла. Софья съ восторгомъ слѣдила за каждымъ ея движеніемъ, съ восторгомъ слушала ея рѣчи. «Вотъ что такое любовь матери!» невольно подумала она.

Софья между тѣмъ разсматривала комнатку, въ которой находилась. Комнатка эта, въ два окна, образовала правильный четвероугольникъ, въ который свѣтъ проходилъ сквозь верхнія стекла рамы, ибо два нижнія стекла были заставлены исчерченными мѣломъ и карандашомъ картонами. Мебель этой комнатки состояла изъ стариннаго стола краснаго дерева, изъ пяти плетеныхъ стульевъ, четырехъ цѣлыхъ и одного на трехъ ножкахъ, на которомъ брошена была палитра и кисти, изъ большого станка, на которомъ стояло натянутое на рамку полотно, исчерченное мѣломъ, да изъ двухъ недоконченныхъ портретовъ, стоявшихъ въ углу комнаты на полу. Не такъ представляла себѣ Софья мастерскую художника.—«Гдѣ же его произведенія?—подумала она,— тутъ ничего нѣтъ. Гдѣ же они?» И она невольно вздохнула.

«Ахъ, какъ бы я желала увидѣть его мечты, его мысли, осуществившіяся на полотнѣ... Хоть одинъ недоконченный очеркъ, хоть какой-нибудь отрывокъ мысли!»

— Вотъ, матушка, — сказала старушка: — вотъ въ этой комнатѣ у насъ все — и мастерская Саши, и наша гостиная, и зала, и столовая, — все; только тамъ еще есть маленькая каморка, — это моя спальня. — Потомъ старушка принялась разсказывать о томъ, какимъ горестямъ, какимъ оскорбленіямъ часто подвергался сынъ ея, зарабатывая себѣ и ей кусокъ насущнаго хлѣба.

Сердце Софьи разрывалось отъ негодованія въ продолженіе разсказа старушки; наконецъ она не выдержала полноты чувствъ, бросилась къ бѣдной матери, обняла ее и потомъ, молча, пожала ей руку.

Такого горячаго, такого искренняго участія давно не встрѣчала старушка; она хотѣла поцѣловать эту руку, но та вспыхнула и отдернула ее. Онѣ обнялись и поцѣловались. Съ этой минуты принужденность въ обращеніи ихъ исчезла; старушка забыла, что передъ ней сидитъ генеральская дочь, дочь той барыни, которая такъ приняла ея сына.

Когда въ передней зазвенѣлъ колокольчикъ, Пелагея Семеновна радостно вскричала:

— А! это Саша. Какъ я рада, что онъ пришелъ! я вамъ его сейчасъ представлю. Вѣдь онъ у меня молодецъ.

И она почти побѣжала навстрѣчу входившему сыну.

— Вотъ онъ, родная! вотъ мое сокровище, утѣшеніе моей старости. — И она одной рукой держала его руку, другою гладила его щеку.

Александръ, краснѣя, кланялся Софьѣ; она привстала, минуты черезъ двѣ нечаянно взглянула на него, — онъ пристально смотрѣлъ на нее; лицо ея также вспыхнуло. Румянецъ — заглядѣнье на смугломъ личикѣ! Софья была прелестна...

Старушка все что-то говорила; няня поддакивала ей; Софья Николаевна слушала или казалась слушающею.

Онъ пристально смотрѣлъ на Софью.

Вдругъ она вздрогнула, будто испуганная:

— Мнѣ ужъ давно пора домой. Я засидѣлась у васъ.

Быстро встала она со стула и подбѣжала къ столу, на которомъ лежала ея шляпка.

Старушка и няня опять захлопотали около нея.

— Не забывайте же меня, навѣщайте; я уже не знаю, какъ и благодарить васъ. Не хворайте, Софья Николаевна; дайте-ка я съ легкой руки перекрещу васъ. Прощайте, прощайте!

Софья цѣловала добрую старушку.

Подходя къ дверямъ, она во второй разъ взглянула на него, она почти незамѣтно наклонила свою голову въ знакъ прощанья.

Старушка проводила Софью Николаевну до половины лѣстницы и, возвратясь, качала головой.

— Какъ ты это не догадался проводить ее! Что это съ тобой сдѣлалось?.. А какая милая, добрая барышня!.. Дружочекъ мой, тебѣ надо было хоть съ лѣстницы свести ее. Ужъ этого приличіе требовало... Чтó съ тобой?..

Александръ, казалось, не слыхалъ упрека матери. Онъ неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ; глаза его съ любовью устремлялись на какой-то предметъ, вѣрно для него одного видимый. Онъ, какъ Гамлетъ, готовъ былъ заговорить съ своимъ видѣніемъ.

— Сашенька! что ты это, голубчикъ? Да ты и не слышишь меня.

Онъ оглядѣлся кругомъ, онъ бросился къ матери съ выраженіемъ полной радости:

— Матушка! матушка! я нашелъ мою *Ревекку*, я нашелъ ее!

Старушка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Ахъ ты, голубчикъ мой! да гдѣ же ты это нашелъ ее?

— Она была здѣсь, у васъ, матушка!.. Вотъ она сейчасъ только вышла отсюда.

Старушка снова и еще съ бóльшимъ недоумѣніемъ и даже безпокойствомъ посмотрѣла на сына.

— Сейчасъ вышла? Да это генеральская дочка, Софья Николаевна.

— Это она, она-то и есть, моя Ревекка! Теперь моя картина кончена!.. О, вотъ какое лицо мнѣ нужно было для Ревекки! Такъ вотъ что, несмотря на мучительныя усилія, никакъ не могло создать мое воображеніе!..

ГЛАВА IV.

Влюбиться можно, такъ; но онъ не дворянинъ
И врядъ ли, сударь, онъ имѣетъ чинъ.
Дѣвица же она извѣстнѣйшаго рода,
Супруга выбрать ей не можно изъ народа.

Старинная комедія.

— Не можетъ быть, Аграфена Петровна, не повѣрю.. Просто, тутъ нѣтъ никакого вѣроятія.

И Осипъ Ильичъ, говоря это, ходилъ большими шагами по комнатѣ, качалъ головою и закрывалъ уши ладонями.

— Нечего затыкать уши. Что̀ я? сплетница что ли какая, торговка уличная, какъ Алёна Прохоровна? Нѣтъ, батюшка, не таковская: ужъ у кого у другого, а у меня отъ сплетокъ-то язычокъ не отсохнетъ. Я имѣю, слава Богу, знакомство хорошее, извѣстныя фамиліи — не то, чтобы арнаутовъ какихъ!

— Статочное ли дѣло?.. О, Боже мой, Боже мой!—расхаживая, говорилъ себѣ подъ носъ Осипъ Ильичъ и время отъ времени пожималъ плечами, хмурилъ брови и дѣлалъ различные жесты руками...—Шутка сказать: дочь такого важнаго чиновника! Неужели?.. И вы говорите, Аграфена Петровна, что она сама бываетъ, съ позволенія сказать, у этой бабы всякій день, и что это продолжается почти уже около полугода, и что тотъ при ней въ нанковой курткѣ, безъ всякой конфузіи, такъ вотъ себѣ и пачкаетъ кистью?

— Говорятъ тебѣ, что *да*; нечего пялить глаза-то. И старушонка-то говоритъ ей *ты*...

— Ты! ахъ, Боже мой!.. дочери такой особы? она? Господи! Ну, до какихъ же это временъ мы дожили, Аграфена Петровна! Ужъ что жъ послѣ этого осталось?

— Говорятъ, что манишку подарила ей, собственными руками вышитую...

— Собственными руками?.. Непонятно! просто непонятно!

— И ситцу на платье, чепчикъ съ кружевами и съ лентами у мадамы на Невскомъ на заказъ сдѣланъ!

— На заказъ! фу, Боже мой! И, я думаю, вѣдь что стоитъ въ магазинѣ на Невскомъ!

— Не шутите теперь, Осипъ Ильичъ, съ Пелагеей Семеновной: въ честь попала!

— Вотъ воспитаніе, Аграфена Петровна! Вотъ вамъ извольте воспитывать дѣтей! Благодарите Богу, что не имѣемъ ихъ, истинно такъ...—При этомъ Осипъ Ильичъ перекрестился.

— Скажите, такъ это нянька-то и познакомила ихъ?—спросилъ онъ, подумавъ немного.—Дома не знаютъ, а она какъ будто гулять, да и туда? Ай-яй-яй! Неужто въ самомъ дѣлѣ? Отъ кого же вы объ этомъ провѣдали, Аграфена Петровна?

— Говорятъ тебѣ, что отъ ихней кухарки; вѣдь она ходитъ къ нашей,—все и поразсказала.

— Ну что жъ ей тамъ за компанія, скажите на милость?.. Просто, что называется—постичь не могу!

— Ужъ въ Алексашеньку не влюбилась ли? Чего добраго! какихъ чудесъ не бываетъ!

— Она... въ него влюбится? ей въ живописца, въ простого? Да помилуйте ради Бога! онъ, я думаю, и 12-го класса не имѣетъ? Ни за что!.. Ну, похоже ли это на дѣло? Вѣдь этого и въ романѣ не написали бы, ей-Богу не написали бы! Невѣроятно...

— Заладилъ свое! а я такъ всему вѣрю. Испорченная дѣвчонка—вотъ тебѣ и кончено; куры да амуры, онъ—то, а она—это; вотъ и влюбились. Долго ли тутъ? Не велика премудрость: знаемъ мы эти шашни!

— Послушай, Аграфена Петровна! Да что же онъ-то такое? Просто, съ позволенія сказать, живописецъ; ну, а она—дочь такого человѣка, чортъ возьми!.. Это ужъ изъ рукъ вонъ... Конечно, у него есть искусство—ни слова: очень

живо рисуетъ; вѣдь вотъ посмотри на стѣну—какъ вылитый; нечего и говорить: второй я, и владимірскій крестъ, все это какъ будто въ самомъ дѣлѣ, такъ что пощупать иной разъ хочется... Ну, да оно все-таки живописецъ, больше ничего!

— И притомъ еще дрянной мальчишка, не можетъ до сихъ поръ моего портрета списать. Да и твой писалъ сколько времени! Мать, проклятая баловница, говоритъ: некогда. Уваженіе всякое потеряли къ намъ; а я еще, дура, рекомендую его по всѣмъ домамъ, распинаюсь за него... Никакого чувства нѣтъ... Другіе бы изъ благодарности... Знаютъ, что знакомство хорошее имѣемъ, и въ такомъ чинѣ... Другому бы лестно было, самъ бы приставалъ: «позвольте списать; да когда же?» По мнѣ, я вамъ скажу, неблагодарный человѣкъ хуже всего на свѣтѣ. Пьяница, воръ, безпутный лучше...

— Именно такъ, неблагодарность хуже всего. Это, такъ сказать, мать пороковъ...—Послѣ сего Осипъ Ильичъ нѣсколько призадумался. Черезъ минуту онъ снова продолжалъ, сначала тихо, потомъ постепенно возвышая голосъ:—Дочь почтеннаго человѣка, въ этакомъ рангѣ! Вѣдь, кажется, и пословица сама говоритъ: яблоко отъ яблони не далеко катится. Вѣрь послѣ этого пословицамъ! Тутъ формально ничего не разберешь: въ каретѣ четверкой ѣздитъ, въ комнатахъ и бронзы, и лампы, и вазы, и чортъ знаетъ что́, только птичьяго молока не достастъ! Ей таскаться всякій день на чердачишко, по поганой, прости Господи, лѣстницѣ?.. Тутъ, Аграфена Петровна, сказать вамъ мое мнѣніе, есть что-то такое, не то, чтобы безъ чего-нибудь не спроста, ужъ какъ вы мнѣ ни говорите!

— Погоди немножко: я о малѣйшей подробности развѣдаю; ни одного вотъ обстоятельства не пропущу; докажу ему, этому мальчишкѣ, да и матери-то его, что́ я значу. Съ нами шутить! Нѣтъ, бра́тъ, не туда заѣхалъ. Увидитъ онъ, что́ такое Аграфена Петровна. Или онъ забылъ, молокососишка, что я полковница, что у меня отецъ былъ статскій совѣтникъ, имѣлъ Анну съ брилліантами на шеѣ? Сама Надежда Сергѣевна, превосходительная, да и та имѣетъ ко мнѣ

особенное уваженіе. Другихъ чиновниковъ жены и порога-то ея не нюхали; а онъ мальчишка! — некогда, изволите видѣть, ему портрета моего списать. Послушай, Осипъ Ильичъ, какъ я разузнаю все аккуратно, такъ ты при случаѣ, какъ пойдешь къ генералу по дѣламъ, разговорившись, и вверни словцо: «Усердіе-де мое извѣстно вашему превосходительству: вотъ уже болѣе 20-ти лѣтъ, какъ хожу по вашимъ дѣламъ, питаю, дескать, къ вамъ неограниченную привязанность, что ваша-де фамилія дороже мнѣ, чѣмъ... ну понимаешь?.. Слышалъ стороною, что Софья Николаевна списываетъ съ себя портретецъ, видно сюрпризомъ вамъ, сама-де ходитъ на самый чердакъ въ мастерскую къ живописцу...» Знаешь, умненько этакъ, чтобы онъ не разсердился, да съ покорностью; мина-то чтобъ была нѣсколько печальная...

— Знаю, знаю, матушка! Въ мои лѣта и дослуживши́сь до такого чина, не учиться-стать этому. Прилично ли только это будетъ, Аграфена Петровна? а?

— Еще бы нѣтъ! А тамъ увидишь, какое это на него дѣйствіе произведетъ, да можетъ тутъ же и грянешь, что живописецъ этотъ человѣкъ молодой, что хоть его и рекомендовала, дескать, моя жена вашей супругѣ мѣсяцевъ съ 8 назадъ тому, — но теперь сама раскаивается, что онъ-де поведенія нетрезваго, замѣченъ въ разныхъ шалостяхъ, что хоть онъ и живетъ съ матерью, но мать поблажаетъ его во всемъ, оттого-де они въ самомъ бѣдномъ состояніи.

— Тутъ нужна большая деликатность, большое умѣнье; дѣло весьма щекотливое.

— Въ томъ-то и рѣчь... Ахъ, если бы я на твоемъ мѣстѣ!

— Да ужъ и я не ударю себя лицомъ въ грязь, повѣрьте, Аграфена Петровна!

— А что жъ твоя награда-то засѣла? долго ли это будетъ? Вѣдь ты можешь попросить его, чтобы онъ за тебя похлопоталъ у директора. Скоро и денежныя награды раздавать будутъ!

— Точно скоро, скоро. — Осипъ Ильичъ понюхалъ табаку. — Да; но неужли жъ обойдутъ?.. Странно! отчего это

я сегодня позабылъ смочить табакъ: пыль, совершенная пыль, въ носъ такъ и бросается.

При семъ Осипъ Ильичъ чихнулъ такъ громко, что Аграфена Петровна вздрогнула.

— Тьфу, бѣсъ! онъ и чихать-то по-человѣчески не умѣетъ. Вы меня совсѣмъ перепугали, Осипъ Ильичъ!

Аграфена Петровна, кажется, располагала не ограничить своего гнѣва одною этою фразою, но въ ту минуту, къ счастію Осипа Ильича, вошла въ комнату, расшаркиваясь и покашливая, улыбка въ вицъ-мундирѣ.

— А! Ласточкинъ! — воскликнули въ одно слово Аграфена Петровна и Осипъ Ильичъ.

— Что скажешь, любезный?—продолжалъ послѣдній начальническимъ тономъ.

— Ничего, ничего-съ, Аграфена Петровна; такъ зашелъ, гулялъ-съ.

— И зашелъ очень кстати, — прошептала Аграфена Петровна.—Чтó новенькаго? — заговорила она громко, обращаясь къ улыбкѣ.

— Все по-старому, — ничего-съ, обыкновенно все такъ идетъ, какъ шло-съ.

— Ну что стоишь? положи, братъ, шляпу.

— Я на минутку-съ зашелъ, только провѣдать о вашемъ здоровьѣ-съ и объ Аграфенѣ Петровнѣ-съ.

— Да чтó, я думаю, и чай? Скоро и семь? Эй, Машка! поставь самоваръ. Останься у насъ чай пить.

— Чувствительнѣйше благодарю-съ, Аграфена Петровна, нельзя-съ: есть кой-какія дѣлишки.

— Ну какія тамъ у тебя дѣлишки! Оставайся.

Улыбка повиновалась и, покашливая, сѣла.

— Чтó Анна Аѳанасьевна? Давно ты у нея былъ?

— Третьяго-съ дни, только изъ гостинаго пришла, а я въ дверь-съ: купила шелковой матеріи по 4 рубля аршинъ пюсоваго цвѣта съ отливомъ; холстинки-съ для дочери, да платочекъ, такъ не самый большой, розовой-съ.

— Видно есть чѣмъ жить, Осипъ Ильичъ, не по-нашему! Только и слышу, что въ гостиный ходитъ — по 4 рубля ар-

шинъ матеріи себѣ покупаетъ! Видно, побочные есть доходцы: съ однимъ жалованьемъ-то не нафинтишь много. Ну, а мужъ?

— Не совсѣмъ доволенъ былъ-съ, упрекалъ, что дорого, мало торгуется-съ.

— Старый дуракъ женился и такую волю далъ, что смотрѣть противно, и по-дѣлóмъ ему. Она ему дастъ себя знать. А экзекуторша чтó?

— Антонъ Михайловичъ дрожки заказалъ ей круглыя-съ, въ родѣ маленькой колясочки-съ, съ крышкой отъ дождя, и къ лошади прицѣняется-съ, разсказывалъ объ этомъ въ прошедшій разъ въ департаментѣ-съ.

— Завтра докладъ, — поморщиваясь, началъ Осипъ Ильичъ. — Что, братъ, переписалъ то отношеніе, о взысканіи?..

— Готово-съ, утромъ предоставлю.

— Полно, Осипъ Ильичъ, объ отношеніяхъ вашихъ: и въ присутствіи успѣете наговориться. Слава Богу, много есть времени... Нѣтъ ли чего-нибудь еще новенькаго?

— Чиновникъ, который недавно опредѣлился къ намъ-съ, безъ жалованья-съ, — изволили слышать? — изъ ученыхъ, въ университетѣ обучался и собственный экипажъ имѣетъ...

— Знаю, знаю.

— Такъ онъ вчерашняго числа пріѣхалъ въ департаментъ позже одиннадцати часовъ и, съ позволенія сказать, въ клѣтчатыхъ брюкахъ, въ такихъ, вотъ что простыя женщины на передникахъ носятъ, преемѣшныя-съ!

— Вишь какой барченокъ! — Послушай-ка, Елисѣй Федотовичъ! — Аграфена Петровна встала, взяла за руку улыбку въ вицъ-мундирѣ и отвела въ сторону.

— Знаешь ты Средневскаго?

— Никакъ нѣтъ-съ. Чтó это, чиновникъ?

— Какой чиновникъ! Живописецъ.

— Никогда не встрѣчался-съ!

— Тѣмъ лучше. На-дняхъ утромъ отправься къ нему какъ ни въ чемъ не бывало; скажешь, что наслышался о немъ, желаешь де списать съ себя портретъ,—да, смотри, ни

слова о насъ! Слышишь ли? Сохрани Боже, чтобы ни малѣйшаго подозрѣнія не было, что мы тебя подослали... Покуда будешь съ нимъ говорить о цѣлѣ, о томъ, о семъ, а самъ незамѣтно, знаешь, и осматривай все. Онъ живетъ съ старухой матерью, но нѣтъ ли еще кого въ комнатѣ, не сидитъ ли тутъ барышня, этакая черномазенькая, и какъ съ ней обращается живописецъ и мать его, и какъ барышня эта смотритъ на живописца... Все подмѣть, прислушивайся также, что они говорятъ, уши-то навостри да смотри въ оба.

— Хорошо-съ, Аграфена Петровна; а кто это барышня, смѣю спросить.

— Тебѣ до этого дѣла никакого нѣтъ. Исполняй только, что велятъ.

— Слушаю-съ.

— Да смотри, все со всѣми подробностями и ту же секунду перескажи мнѣ.

— Больше ничего-съ?

— Ничего.

— А насчетъ портрета, такъ это для шутки-съ?

— Разумѣется. Это только, чтобъ имѣть претекстъ войти къ нему; скажешь, что подумаешь, послѣ зайдешь... мало ли что можно сказать!

— Извольте, съ великимъ удовольствіемъ-съ.

— Да смотри, осторожнѣй... Выпей еще чашку чая да сухариковъ-то возьми... А объ этомъ, что я говорила, никому ни гу-гу!

— Будьте покойны, что касается по части скромности-съ...

— То-то, а ужъ и я тебя не забуду.

Улыбка низко поклонилась.

«Охъ, смерть хочется мнѣ понасолить этому молокососу! — думала Аграфена Петровна, — пренебрегать чиновниками! живописишка, пачкунъ, дрянь! Высоко голову занесъ, пригнуть надо: если бы его проучить хорошенько... вотъ славно бы! Узналъ бы, голубчикъ, чтó значитъ не хотѣть списать портрета съ Аграфены Петровны».

«Совершенно запутанное обстоятельство! — думала улыбка: — какая-то барышня, живописецъ, старушка, донести

обо всемъ... А впрочемъ мнѣ что до этого! Видно Аграфена Петровна знаетъ, въ чемъ дѣло. Исполняй, что велятъ, да и баста! Вѣдь она сказала, что меня не забудетъ!.. А Осипа Ильича вѣдь она держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ!»

Осипъ Ильичъ думалъ: «какими бы это средствами поскорѣе дослужиться до дѣйствительнаго статскаго совѣтника?»

Глава V.

Не то благо, что̀ дѣлаетъ счастливымъ,
но то дѣлаетъ счастливымъ, что̀ благо.

Фихте.

Чиновница Теребеньина была права. Софья всякое утро просиживала по нѣскольку часовъ у старушки Средневской, строго исполняя совѣтъ Карла Ивановича, который, несмотря ни на какую погоду, непремѣнно всякое утро совѣтовалъ ей ходить гулять. Надежда Сергѣевна, говорятъ, была очень довольна продолжительными прогулками своей дочери, тѣмъ болѣе, что Карлъ Ивановичъ аккуратно всякое утро посѣщалъ ее по долгу доктора. Обращеніе Надежды Сергѣевны съ дочерью сдѣлалось съ этого времени замѣтно лучше.

Софья оживала. Мать живописца такъ любила ее! Старушка часто говаривала ей съ этимъ плѣнительнымъ простосердечіемъ простой женщины, у которой — что̀ на умѣ, то и на языкѣ: «Родная моя, вотъ какъ ты да мой Саша со мною, такъ, право, мнѣ и ничего не надобно».

И она не замѣчала, что на лицѣ Софьи выступала краска отъ этихъ словъ; ей и не приходило въ голову, что тутъ есть отъ чего краснѣть молодой дѣвушкѣ.

Чиновница Теребеньина была права: старушка точно говорила Софьѣ Николаевнѣ *ты*, и если бы еще знала Аграфена Петровна или Осипъ Ильичъ, что объ этомъ сама Софья просила ее! Чепчикъ съ кружевами и манишка точно были подарены ею Пелагеѣ Семеновнѣ; но Аграфена Петровна, по

свойственной ей привычкѣ украшать разсказъ, прибавила, что этотъ чепчикъ купленъ на Невскомъ въ магазинѣ, хотя онъ сдѣланъ былъ, какъ и манишка, собственными руками Софьи. Она шила эти вещи по ночамъ, и то еще со страхомъ, чтобы объ этомъ не узнала мать ея. Что же касается до подареннаго ею ситца, то это принадлежало также къ украшенію разсказа почтенной чиновницы. Надобно было видѣть восторгъ старушки, когда Софья отдавала ей свои подарки и сказала, что это ея труды.

— Вотъ, Саша!—говорила старушка сквозь слезы:—порадуйся, другъ мой! вотъ Богъ далъ мнѣ на старости кормилицу. Онъ, милосердый, дастъ и тебѣ счастье, моя родная,—продолжала она, обращаясь къ Софьѣ:—за то, что ты такъ утѣшаешь старуху, что ты не гнушаешься бѣдными.

И Софья въ эту минуту точно была вполнѣ счастлива.

— Да какая ты рукодѣльница, моя матушка! Посмотрика, Саша, а? (Старушка разсматривала свой чепецъ.) Какой нарядный! Въ воскресенье же обновлю его къ обѣднѣ.

Все это происходило чрезъ два мѣсяца послѣ описаннаго нами перваго знакомства Софьи съ Пелагеей Семеновной.

Между тѣмъ Александръ трудился надъ своей Ревеккой. Картина его шла чрезвычайно удачно; онъ былъ веселъ, какъ дитя, отказался отъ выгодныхъ заказовъ, для того чтобы посвятить все время на свою любимую картину. Старушка кой-какъ перебивалась: она получила за треть свой пенсіонъ, и у нея оставались еще деньги, вырученныя Александромъ за портретъ какой-то сорокалѣтней барыни съ розой въ рукѣ, писанный имъ въ послѣднее время.

Еще разъ чиновница Теребеньина была права: Александръ писалъ свою картину въ присутствіи Софьи. Софья, казалось, уже принадлежала къ ихъ семейству; безъ нея было скучно старушкѣ: такъ она привыкла къ ней въ самое короткое время. Если день или два ея не было, Пелагея Семеновна тосковала; покачивая головой, она безпрестанно говорила: «Чтó это сдѣлалось съ моею Софьею Николаевною? сколько времени не видать ее! не занемогла ли она, моя го-

лубушка? Сохрани Богъ!» Александръ тоже въ тотъ день, когда не приходила Софья, былъ самъ не свой; онъ чувствовала себя въ нерасположеніи, хотѣлъ задумываться и ничего не думалъ, какъ будто вдохновеніе его непосредственно зависѣло отъ ея присутствія... Случилось, что ея не было дня три; на третій день Александръ, облокотясь на руки головою, сидѣлъ у стола, въ состояніи совершеннаго бездѣйствія; онъ нѣсколько разъ принимался за кисть, но тотчасъ же бросалъ ее и опять впадалъ въ тяжелое и мучительное бездумье: никогда тоска такъ не давила его.

Онъ взялъ книгу, отвернулъ переплетъ и съ полчаса просмотрѣлъ на заглавный листъ. Книга закрылась сама собою. Такъ прошелъ цѣлый день.

«Что со мною дѣлается? — подумалъ онъ. — Неужели мнѣ такъ скучно, потому что я давно не видалъ ее? Развѣ ея присутствіе становится для меня необходимостію?»

Онъ вздрогнулъ, до того испугался этой мысли. «Какой вздоръ! — говорилъ онъ самому себѣ: — развѣ это въ первый разъ со мною?.. Выдаются иногда такіе несчастные дни — безъ всякой причины тяжело и грустно... Но если она больна? Опять объ ней! да что же мнѣ за дѣло до ея болѣзни?»

И онъ старался смѣяться надъ самимъ собою.

Но когда, на четвертый день, онъ увидѣлъ Софью, сердце его внятно заговорило, что она очень не чужда ему, и это убѣжденіе увеличивалось по мѣрѣ того, какъ онъ узнавалъ ее.

Однажды, разговорясь съ старушкою о своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, она невольно перенеслась мыслію въ то блаженное для нея время, которое провела она въ деревнѣ.

— Мнѣ тамъ было легко и свободно, — говорила она: — то были самые счастливые дни въ моей жизни. Я такъ живо помню все это... Когда мы пріѣхали въ деревню, послѣ долгой дороги, и когда я вошла въ ту комнату, которую мнѣ назначили, — повѣрите ли? — я запрыгала отъ радости, я безпрестанно повторяла: какъ весело! Въ комнатѣ моей, кромѣ дивана, двухъ стульевъ и старинняго круглаго зеркала, не было никакой мебели; но эта комната, не знаю почему, мнѣ

очень понравилась. Долго я не могла заснуть, мнѣ хотѣлось поскорѣе утра; нѣсколько разъ вскакивала я съ постели и подбѣгала къ окну, но ничего не могла разсмотрѣть. Утомленная дорогою, я проснулась довольно поздно; горничная моя отворила окно, и вѣтви сирени, акаціи и жимолости, густо разросшіяся возлѣ и прислоненныя къ стеклу, вдругъ ворвались въ мою комнату. На меня такъ пріятно пахнулъ свѣжій воздухъ, смѣшанный съ ароматомъ цвѣтовъ. О, это было чудесное іюньское утро — въ Петербургѣ нѣтъ такихъ! Сирени были въ полномъ цвѣту, роскошно качаясь на вѣткахъ, колыхаемыхъ утреннимъ вѣтеркомъ и отражаясь въ зеркалѣ, которое висѣло противъ окна. Я соскочила съ постели, чтобы сорвать цвѣтокъ сирени, нѣсколько минутъ впивала въ себя запахъ, потомъ начала вглядываться въ ея красивыя формы и искать счастья. Вы не можете себѣ представить моей радости, когда я отыскала лепестокъ о шести листочкахъ: я начала прыгать, какъ сумасшедшая, цѣловала лепестокъ и кричала горничной моей: «посмотри, посмотри, какое счастіе нашла я!» Съ тѣхъ поръ я ужъ не искала счастья въ сирени!.. Когда я одѣлась и вышла изъ своей комнаты, мнѣ сказали, что маменька дожидается меня на террасѣ, что тамъ приготовленъ чай. То, что всѣ наши люди называли *террасой*, была, въ самомъ дѣлѣ, длинная галлерея, выходившая въ садъ. Въ срединѣ ея былъ спускъ на дорожку сада, полузаросшую травой. Эта дорожка шла прямо по небольшой площадкѣ и вдругъ упадала внизъ, исчезая въ разросшихся подъ горой кустахъ ракитника, а тамъ, за этими кустами... о, я никогда не забуду моего восторга! — тамъ была рѣка, такая чудесная, точно наша Нева. Какъ игриво разливалась она на просторѣ и какъ красиво ея струи золотились солнечными лучами. Такъ это-то Кама!.. Ахъ, какъ здѣсь хорошо! думала я. Маменька не обращала вниманія на мою восторженность, отдавая различныя приказанія управителю. Не допивъ чая, я сбѣжала внизъ по дорожкѣ, раздвинула своею рукою густыя вѣтви ракитника, и струя воды плеснула къ ногамъ моимъ; я отсторонилась, обернулась назадъ, посмотрѣла вверхъ — и передо мною изъ густой ро-

щи дубовъ и кленовъ красиво возвышался старинный двухъэтажный домъ нашъ, съ длиннымъ балкономъ наверху. Это была очаровательная картина! Долго любовалась я видами, глядя то на Каму, то на крутой берегъ ея, по которому такъ роскошно и живописно разрослись вѣковыя деревья. Я была поражена дикою прелестью этой мѣстности. Никогда мнѣ не было такъ пріятно; въ первый разъ въ жизни я почувствовала таинственное сродство человѣка съ природою. Вышедъ изъ задумчивости, я вдругъ съ рѣзвостью десятилѣтней дѣвочки взбѣжала на гору и пошла по едва замѣтной тропинкѣ. Тропинка эта такъ узорчато вилась между деревьями, что голова моя начала кружиться. Я сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и очутилась на краю крутого оврага; я прислонилась къ первому дереву, чтобъ отдохнуть. Деревья спускались въ оврагъ въ живописномъ безпорядкѣ, и одно изъ нихъ росло у самой окраины, совершенно горизонтально къ землѣ, касаясь своею вершиною другой стороны оврага. Это былъ мостикъ, живописно брошенный природою. Я отдохнула. Прямо противъ того мѣста, гдѣ остановилась я, за оврагомъ, на небольшомъ возвышеніи, чернѣлась старая, некрашеная деревенская церковь. На дорогѣ мнѣ часто попадались такія церкви, и я не могу передать вамъ того страннаго впечатлѣнія, какое онѣ производили на меня. Съ храмомъ Божіимъ прежде въ моихъ понятіяхъ неразлучно соединялась идея великолѣпія, и когда я увидѣла въ первый разъ простую деревенскую церковь, безъ всякихъ украшеній, уединенно стоящую въ полѣ, поодаль деревни, а за нею кладбище съ красными и черными крестами, — у меня сжалось сердце; мнѣ стало грустно, но это была грусть пріятная, какое-то унылое спокойствіе. И въ этотъ разъ со мною сдѣлалось то же самое. Прислонясь къ дереву, я не сводила глазъ съ этой церкви. Что-то таинственное показалось мнѣ въ этомъ отсутствіи наружной пышности зданія. Почернѣвшія отъ времени доски, покрытыя мхомъ, мѣстами поросшія травою, и маленькое деревцо, выросшее у самаго карниза колокольни — все это мнѣ показалось лучше мрамора, узорчатыхъ капителей и колоннъ греческаго храма.

Въ скромной простотѣ этой старинной деревенской церкви, объ украшеніи которой заботились не люди, а природа, я видѣла глубокое значеніе. Наглядясь на эту церковь, я тихо пошла назадъ, но еще разъ невольно обернулась, чтобы взглянуть на нее. Никогда не забуду я этого утра; мнѣ было такъ весело, что только одна мысль не нарушить чѣмъ-нибудь этотъ сонъ счастія, эту гармонію души моей, изрѣдка заставляла меня вздрагивать. И я боялась встрѣчи, я не хотѣла итти въ домъ, я чувствовала, что если бы кто-нибудь увидѣлъ меня въ эту минуту — одинъ взглядъ, одинъ звукъ голоса разстроилъ бы все, отвѣялъ бы отъ меня это отрадное спокойствіе... Быть одной—вотъ что мнѣ было нужно, и я долго, долго ходила одна. Только шелестъ моего платья да колебаніе листьевъ напоминали мнѣ, что я живу, — такъ это чудное состояніе моего духа было похоже на отсутствіе жизни. Вечеромъ я сидѣла на галлереѣ и смотрѣла на Каму, — она была подернута румянцемъ зари. Направо отъ меня густыя деревья чернѣлись на золотомъ полѣ неба, а тамъ, за Камою, развертывалась неопредѣленная даль. Чувство безконечнаго — это дивное чувство я ощутила въ первый разъ. Какъ жалки показались мнѣ эти люди, которые находятъ все счастье жизни въ безтолковой и удушливой свѣтской суетности. «Они далеки отъ Бога,—подумала я,—потому что они безчувственны къ природѣ». Я долго сидѣла на этой галлереѣ, долго смотрѣла на розовую зыбь рѣки... Уже она начинала блѣднѣть, уже синѣе становилась отдаленность, лѣсъ почернѣлъ совершенно, вода перестала дышать и застыла гладкимъ свинцомъ. Я молилась...

Чтó свершалось въ душѣ художника въ эту минуту, когда говорила она?

Онъ стоялъ, скрестивъ на груди руки и не отводя глазъ отъ нея. Какъ бы хотѣлось ему слова ея превратить въ краски, разсказъ ея перенесть на полотно! Это была бы чудесная картина,—думалъ онъ... Сумракъ объялъ все—и вóды, и лѣсъ, и неизмѣримое пространство полей... На картинѣ нѣтъ людей, только одна она — эта дѣвушка, благо-

говѣйно созерцающая необъятное величіе Творца въ твореніи...

— Ужъ мастерица разсказывать, — сказала старушка, приподнимаясь со стула и смотря на своего сына: — нечего говорить — мастерица! Словно соловей поетъ. Постой-ка, матушка, вотъ я схожу на кухню и ту же минуточку возвращусь къ тебѣ.

Старушка вышла. Они остались вдвоемъ. Это было въ первый разъ. Минуту они оба молчали, потомъ она оборотилась къ нему.

— Что, вы скоро окончите вашу картину? — спросила она его робкимъ голосомъ.

— Не знаю, право; можетъ быть, недѣли черезъ двѣ, черезъ три. — Она подошла къ станку.

— Вы мнѣ позволите посмотрѣть?..

Александръ вдругъ измѣнился въ лицѣ при этомъ вопросѣ, она еще не видала оконченнымъ лицо Ревекки.

Онъ стоялъ передъ нею, какъ преступникъ, потупивъ голову и не смѣя взглянуть на нее.

Долго и пристально смотрѣла дѣвушка на это полотно, чародѣйно одушевлявшееся подъ перстами его, и вдругъ, можетъ быть, узнавъ себя въ Ревеккѣ, какъ-будто испуганная этой мыслію, вздрогнула и оборотилась къ нему... Ни онъ, ни она не сказали ни слова, но онъ и она поняли другъ друга.

— Я не могъ выразить въ этомъ лицѣ того, что хотѣлъ, — рѣшился наконецъ замѣтить онъ. — Горе имѣть посредственное дарованіе! лучше быть простымъ ремесленникомъ. «Таково сомнѣніе генія, — подумала она: — такъ сомнѣвался и Корреджіо». — Я не могу дать жизни этимъ глазамъ, — продолжалъ онъ послѣ минуты задумчивости: — посмотрите, они не говорятъ такъ, какъ тѣ глаза, которые я видѣлъ, не теплятся чувствомъ, какъ они.

Онъ ждалъ отвѣта и рѣшился взглянуть на нее. Отвѣта не было, и, кромѣ тяжкой грусти, ничего не выражало лицо ея. Она отошла отъ станка и прислонилась къ стѣнѣ. Тогда кто-то постучался у дверей въ прихожей; она вздрогнула.

Въ комнату вошелъ, низко раскланиваясь, какой-то человѣкъ въ вицъ-мундирѣ, съ зеленоватыми крошечными глазками, которые двигались съ удивительною быстротою изъ стороны въ сторону.

— Вы г. Средневскій, живописецъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ Александру и улыбаясь.

— Я. Что вамъ угодно?

— Извините-съ, что васъ обезпокоилъ, — имѣю желаніе списать съ себя портретъ, то-есть, не собственно для себя, а такъ, единственно по просьбѣ одной моей знакомой дѣвицы. Пристаетъ все ко мнѣ: спишите, говоритъ, портретъ съ себя. Видно, желаетъ имѣть въ родѣ *сувенира* чтó ли-съ, ужъ не могу вамъ достовѣрно сказать. Васъ мнѣ рекомендовали съ весьма отличной стороны-съ.

Тутъ глаза чиновника встрѣтились съ глазами Софьи — и онъ заикнулся.

— У меня нѣтъ времени исполнить ваше желаніе, — говорилъ Александръ, невольно улыбаясь и выпроваживая его отъ себя самымъ учтивымъ образомъ: — обратитесь къ кому-нибудь другому.

— Очень хорошо-съ, не взыщите, что помѣшалъ-съ, что...—Онъ еще разъ искоса посмотрѣлъ на Софью и началъ пятиться къ двери, озираясь между тѣмъ кругомъ и заглядывая на картину.

— Эта картина не кончена, ее нельзя смотрѣть! — вскрикнулъ Александръ, взявъ чиновника за руку и отводя его отъ станка.

— Ахъ, извините-съ! А какая она большая, должно быть-съ что-нибудь въ родѣ *Послѣдняго дня Помпеи.* Мое почтеніе-съ!

— Прощайте. — И Александръ съ досадой захлопнулъ за нимъ дверь.

Она все стояла на томъ же мѣстѣ, прислонясь къ стѣнѣ. Когда онъ подошелъ къ ней, она сказала:

— Я здѣсь одна. Гдѣ же ваша матушка?

Она хотѣла сказать: «я не должна быть здѣсь одна съ

вами»; но въ эту минуту вошла старушка, кашляя и извиняясь, что захлопоталась на кухнѣ.

Въ то же утро Аграфена Петровна знала о томъ, что черномазенькая барышня была въ гостяхъ у Пелагеи Семеновны и сидѣла одна съ ея сыномъ. «*Вѣроятно* у нихъ было рѣшительное любовное объясненіе, — подумала она. — Хорошо! теперь вы оба, голубчики, въ моихъ рукахъ».

Глава VI.

«*Художникъ!* Какъ я не люблю этого слова. Ну что это такое? Другое дѣло — *баринъ*, вотъ это слово что-нибудь да значитъ!»

Изъ разговоровъ барыни.

— Отъ материнскаго сердца ничего не укроется; повѣрь ты мнѣ, я очень хорошо вижу, что ты не спроста такъ печалишься. У тебя есть что-то на душѣ. Картина твоя, кажись, кончена; всѣ художники не нахвалятся ею, просятъ у тебя позволенія ее выставить, говорятъ, что ты выручишь за нее хорошія деньги. Чего бы лучше? Съ помощію Божьею, мы устроимъ наши дѣлишки. Ужъ послѣ этого тебѣ не нужно будетъ покровительства какой-нибудь Аграфены Петровны! — Такъ говорила однажды Пелагея Семеновна сыну, который стоялъ въ раздумьи передъ своею оконченною Ревеккою.

— Нѣтъ, я не отдамъ этой картины, матушка! Пусть люди засыплютъ меня грудами денегъ, я не отдамъ ее и за эти груды! Къ чему мнѣ будетъ блескъ ихъ золота, когда они у меня отнимутъ ее? Нѣтъ, я не могу, я не разстанусь съ нею ни за что въ свѣтѣ. Вамъ, можетъ быть, это кажется страннымъ? Но тутъ, право, нѣтъ ничего страннаго. Художнику тяжело разлучаться съ своимъ созданіемъ, съ этимъ созданіемъ, которое онъ лелѣялъ и дни и ночи, съ мыслію о которомъ засыпалъ и просыпался, которое сроднилось съ нимъ, сжилось съ его существованіемъ, которое составляетъ часть его самого, — разлучиться и навсегда! Поэтъ, другое

дѣло. О, въ этомъ случаѣ онъ гораздо счастливѣе художника: его твореніе всегда съ нимъ! Вы понимаете меня? Я вымѣняю эту картину на деньги и не увижу ее болѣе.

— Ну, конечно, если тебѣ такъ тяжело разстаться съ своею картиною, то оставь ее при себѣ: спокойствіе дороже денегъ. Видѣть тебя, другъ мой, веселымъ и счастливымъ — въ этомъ все мое счастіе. Но ты еще не продалъ картины, а ужъ ходишь такой скучный, не пьешь, не ѣшь ничего. Ахъ ты, Господи! что это съ тобою сдѣлалось? Будь откровененъ съ своею матерью. У тебя никого нѣтъ, кромѣ меня, а вмѣстѣ и горевать легче, голубчикъ мой! Боюсь я подумать, не любовишка ли сокрушаетъ тебя! Дѣло извѣстное, молодой человѣкъ, — еще въ этомъ нѣтъ никакого грѣха!

— Ради Бога, оставьте меня, матушка, я прошу васъ...

— Другъ мой, Сашенька, не говори мнѣ такъ, не обижай своей старухи. — И слезы катились по лицу ея. — Ужъ какъ ты хочешь, а я не оставлю тебя, я и безъ того долго молчала. Я знаю, почему ты не хочешь продать своей картины. Причина, о которой ты говоришь, можетъ статься, сама по себѣ; а есть другая... Охъ, не скрывай отъ меня этого. Я знаю — я вижу все.

Онъ посмотрѣлъ на мать съ выраженіемъ глубокой муки; краска вдругъ пропала съ лица его. И онъ, безмолвный, грянулся къ ногамъ ея, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Встань, встань, Саша! Мнѣ и безъ того тошнехонько... Встань, голубчикъ. — Она не говорила, а рыдала.

— Родная, мнѣ такъ легче...—И онъ цѣловалъ ея ноги.

— Встань, да садись возлѣ меня. Вотъ чтó я хочу сказать тебѣ. Послушай меня, старуху: хоть ты и умнѣе меня, и ученѣе меня, да ты молодъ, неопытенъ. Отца нѣтъ у тебя... Скажи, ты очень любишь меня?

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться?

— Да, ты любишь меня...—И она гладила его волосы... — Очень любишь. Экая я дура, объ этомъ спрашивать!.. Но я сама не знаю, чтó говорю. Дай-ка мнѣ подумать хорошенько. — Она отерла рукою слезы. — Да, вотъ что: мы люди бѣдные и незначащіе: намъ не должно заноситься высоко.

Покойникъ отецъ твой говаривалъ (упокой Господи его душу! Никогда не забуду словъ его): «Всѣ несчастія отъ того происходятъ, что люди все, видишь ли, вонъ лѣзутъ изъ своего состоянія, все хотятъ выше... Всякій сверчокъ знай свой шестокъ»; а покойникъ никогда ничего не говаривалъ даромъ. И мнѣ тоже сдается, ужъ коли Господь Богъ указалъ намъ наше мѣсто, такъ не будемъ гнѣвить Его и останемся на этомъ мѣстѣ, — такъ видно надобно. Есть и въ нашемъ состояніи дѣвушки хорошія, добрыя. Сашенька, другъ мой, если можешь, оставь свои мысли — и мы хоть безъ денегъ, а все-таки будемъ спокойны и счастливы. А эта любовь до добра не доведетъ, вспомни мое слово.

— Мнѣ грѣшно было бы передъ вами скрываться — я долженъ высказать вамъ все. Не вините меня, матушка, что я полюбилъ ее, эту дѣвушку, которая выше меня всѣмъ. Что́ же мнѣ дѣлать? Я и самъ не знаю, какъ это сдѣлалось, но я люблю ее, люблю всею силою души моей...

— Что́ объ этомъ говорить, ее нельзя не любить! Ахъ, если бы она не была такого знатнаго происхожденія! шутка, дочка такого важнаго человѣка! Она-то, голубушка, и не думаетъ объ этомъ, но ты видѣлъ ея мать: самъ ты знаешь, какая она важная; она насъ, простыхъ людей, и людьми-то не считаетъ, а отецъ ея, говорятъ, еще гордѣе.

— Что́ мнѣ за дѣло до ея отца и матери? Лишь бы она не пренебрегала мной, лишь бы она понимала меня... И что мнѣ за дѣло до ея происхожденія? Я люблю ея душу, ея умъ, ея сердце; кто бы она ни была, для меня все равно. Разумѣется, я не могу быть ея мужемъ, но, божусь вамъ, мнѣ болѣе ничего не нужно, какъ глядѣть на нее, любить ее, слушать ея рѣчи... Она будетъ моею свѣтлою мечтою, моимъ вдохновеніемъ, моею святынею.

— Богъ тебя знаетъ, что́ это ты говоришь, Саша! Полюбить — значитъ захотѣть жениться, это такъ искони вѣка водится. Напримѣръ, полюби ее какой-нибудь графъ или князь, то-есть посватайся за нее, ее сейчасъ выдадутъ замужъ и не спросятъ у нея, у бѣдной, и согласія. Это знатные всегда такъ дѣлаютъ.

Онъ задумался.

— Что вы говорите, матушка? Всегда такъ дѣлаютъ? Нѣтъ, это дѣлывали въ старину, но теперь, когда мы всѣ стали такъ образованы, — теперь такой поступокъ считается варварствомъ. Выдать дѣвушку замужъ противъ ея согласія... Невозможно!

— Ничего-то ты не знаешь, какъ посмотрю я. Еще и такія ли вещи дѣлаются теперь? Ученость ваша, видно, не помогаетъ. У кого нѣтъ добраго сердца, такъ хватай тотъ хоть звѣзды съ неба, да что въ этомъ толку? Не будь у нея добраго сердца, она такъ же бы, какъ другія, пренебрегала нами и не ходила бы сама, моя голубушка, украдкой отъ отца и отъ матери къ намъ, и не думала бы утѣшать насъ и помогать намъ. Богъ заплатитъ ей за доброе дѣло!..

Старушка замолчала, облокотилась рукой на стулъ и вздохнула; потомъ черезъ минуту продолжала вполголоса:

— Да и она, какъ видно, совсѣмъ забыла насъ; сколько времени перестала ходить къ намъ! Правда, она не отъ себя зависитъ. Ну, да что объ этомъ говорить! Будь ты у меня только веселъ, здоровъ да молись почаще, и все пойдетъ хорошо, и старуха твоя будетъ счастлива...

— Я буду веселѣе, будьте только вы покойны.

— А что ты нисколько не меньше меня любишь, съ тѣхъ поръ какъ ты полюбилъ?..

— Еще болѣе, еще болѣе, если это только можно, матушка!

Старушка взяла его голову обѣими руками и долго и горячо цѣловала ее.

Когда она вышла изъ комнаты, онъ всталъ со стула и, мучимый сомнѣньемъ, началъ ходить большими шагами.

«Что, если въ самомъ дѣлѣ?.. О, дай мнѣ силы, Боже, перенести эту мысль! А когда она сама полюбитъ какого-нибудь графа или князя, когда она скажетъ ему: *да, я согласна* — отъ сердца? Что будетъ съ тобою въ ту минуту, глупый мечтатель, жалкій пачкунъ, маляръ, заносящійся такъ высоко? Ты осмѣливаешься класть свою кисть на ряду

съ графскою или княжескою короною? О, безумецъ, безумецъ! До чего дошелъ я! Изъ любви къ женщинѣ я унижаю тебя, святое искусство, я ругаюсь надъ тобою!.. Мнѣ казалось однако, что *она* неравнодушна ко мнѣ, — иногда въ ея взглядѣ я видѣлъ болѣе, нежели участіе. Но вѣдь все это могло мнѣ представиться. По добротѣ сердца она ходила къ намъ, чтобы помогать моей матери, чтобы утѣшать ее въ несчастіи; теперь болѣе мѣсяца мы не видимъ ее, вѣрно, потому, что она нашла кого-нибудь еще бѣднѣе, еще несчастнѣе насъ!..»

Какъ смѣшны бываютъ вообще предположенія!.. Три недѣли передъ этимъ случилось... но, позвольте, прежде...

Глава VII.

«Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша» и проч.
(*Крыловъ.*)

Представьте себѣ большую продолговатую комнату, убранную слѣдующимъ образомъ: три письменные стола: одинъ большой, посрединѣ комнаты, два, поменьше, у оконъ; на этихъ столахъ въ строгомъ, систематическомъ порядкѣ разложены бумаги въ сѣрыхъ оберткахъ съ печатными надписями; на каждомъ изъ столовъ стоятъ чернильницы, и въ граненыхъ стеклянныхъ вазочкахъ вложены связки чиновныхъ перьевъ; множество распечатанныхъ конвертовъ въ безпорядкѣ разбросано между бумагами; посрединѣ большого стола, кромѣ бумагъ, два тома «Свода Законовъ», раскрытый «Адресъ-Календарь», зажженая свѣчка и бронзовый колокольчикъ; вычурное готическое кресло среднихъ вѣковъ— и на немъ брошенный «Мѣсяцесловъ» въ золотомъ обрѣзѣ. Стѣны комнаты украшены тремя портретами министра; одинъ изъ нихъ небольшой, гравированный, другой еще поменѣе, литографированный, третій во весь ростъ, написанный масляными красками, — всѣ три въ золотыхъ рамахъ. Къ потолку привѣшена люстра изъ бумаги, сдѣланная подъ бронзу, и въ

ней необожженныя свѣчи. Въ одномъ изъ угловъ стоятъ старинные часы съ башенкой. Уголья догораютъ въ каминѣ. На ручкѣ креселъ, стоящихъ у камина, лежатъ «Академическія Вѣдомости». Лучи солнца, проходя сквозь пунцовыя занавѣси, отбрасываютъ красноватый цвѣтъ на всю комнату. На бумагахъ и мебеляхъ пыль слоями, на потолкѣ и на люстрѣ паутина виситъ нитями.

Былъ одиннадцатый часъ утра. Человѣкъ лѣтъ 55-ти, очень тучный, съ заспанными глазами и съ блестящей лысиной на головѣ, въ ваточномъ халатѣ изъ шелковой матеріи, прохаживался взадъ и впередъ по этой комнатѣ. Двумя пальцами лѣвой руки держалъ онъ золотую табакерку *рококо*, а указательнымъ пальцемъ правой руки повертывалъ ее кругомъ; по временамъ онъ открывалъ крышку табакерки, переминалъ табакъ въ рукѣ и съ разстановкою нюхалъ.

Это былъ самъ г. Поволокинъ.

При входѣ, почти у самыхъ дверей, была пригвождена къ стѣнѣ небольшая рыжая фигурка съ безсмысленно вытаращенными глазами, съ руками, сложенными назади, въ вицъ-мундирѣ, застегнутомъ отъ первой до послѣдней пуговицы.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ чиновниковъ, которымъ особенно покровительствовалъ г. Поволокинъ.

— А что, братецъ, сегодня сильный морозъ?

— Сильный, ваше превосходительство!

— Гм... сильный!

При семъ г. Поволокинъ подошелъ къ камину.

Минуты двѣ было молчаніе.

— Ну, а что, братецъ, новаго? Я другой день что-то не вижу «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» — а?

— Онѣ находятся у ея превосходительства. Она изволитъ дѣлать выписки вещамъ, продающимся съ публичнаго торга.

— Гм... То-то!

Опять минута молчанія.

— Да, я забылъ все тебѣ сказать, что это, братецъ, какъ у меня въ послѣдній четвергъ играли, такія были скверныя

карты, — чортъ ихъ знаетъ! — ну вотъ такъ къ рукамъ и прилипаютъ. Ужъ, полно, отборныя ли это?

— Отборныя-съ, ваше превосходительство!

— Да отчего бы онѣ прилипали? Ты присматриваешь ли за Максимкой?

— Я имѣю постоянный надзоръ за этимъ-съ.

— То-то! — Скажи-ка, братецъ, Герасиму Ивановичу и Осипу Ильичу, чтобы сегодня къ половинѣ двѣнадцатаго приготовлены были мнѣ бумаги къ подписанію.

— Слушаю-съ.

— А послѣ присутствія зайди-ка въ ниренбергскую и возьми табаку; у меня весь вышелъ. Да спроси у Надежды Сергѣевны, не нужно ли ей будетъ курительныхъ свѣчъ или чего-нибудь этакого.

— Слушаю-съ, ваше...

Чиновникъ не успѣлъ договорить, потому что дверь кабинета съ шумомъ отворилась въ эту минуту. Онъ отскочилъ отъ двери и низко поклонился вошедшей дамѣ.

— А, вотъ, кстати, и сама Надежда Сергѣевна, — замѣтилъ супругъ. — Здравствуйте, матушка! Не будетъ ли какихъ порученій отъ тебя, скажи ему (указывая на чиновника): онъ пойдетъ послѣ присутствія въ ниренбергскія. — Надежда Сергѣевна при этомъ словѣ взглянула на чиновника и едва кивнула ему головой.

Онъ въ другой разъ отвѣсилъ ей самый низкій поклонъ; но когда глаза его встрѣтились съ глазами Надежды Сергѣевны, онъ вдругъ измѣнился въ лицѣ и началъ неловко обдергиваться. Это было не безъ причины: чиновникъ очень хорошо изучилъ игру физіономіи ея превосходительства; въ одну минуту узнавалъ онъ, въ хорошемъ или дурномъ расположеніи она находится, такъ или иначе, такимъ или другимъ тономъ надобно заговорить съ нею... Часто онъ видалъ ее въ гнѣвѣ, и въ сильномъ гнѣвѣ, и никогда не смущался; но въ эту минуту глаза ея метали такія молніи, эти глаза были такъ страшны, что поневолѣ морозъ по кожѣ пробѣжалъ у бѣднаго чиновника, поневолѣ онъ растерялся совершенно и отъ убійственной мысли: «не прогнѣвилъ ли я

чѣмъ-нибудь невзначай Карла Ивановича или ее самоё», у него закружилась голова, и свѣтлыя точки замелькали передъ глазами...

— Мнѣ ничего не нужно, — произнесла она и, Боже, какимъ голосомъ!.. У чиновника такъ и запрыгало сердце подъ вицъ-мундиромъ...

Мановеніемъ головы Надежда Сергѣевна значительно указала ему на дверь.

Онъ споткнулся, поклонился еще ниже прежняго и вышелъ изъ кабинета.

— Скажите, чтобъ никого не пускали къ генералу, сказали бъ, что онъ не принимаетъ. Слышите? — закричала г-жа Поволокина печально удалявшемуся чиновнику, полурастворивъ дверь и въ ту же минуту снова захлопнувъ ее.

Самъ г-нъ Поволокинъ, кажется, немного смутился, предчувствуя что-нибудь необыкновенное и видя, въ какомъ волненіи находилась его супруга.

— Что случилось? что такое, матушка? — спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— *Что случилось?* — повторила она трагическимъ голосомъ...—Погодите, погодите! чтó вы такъ торопитесь? Еще успѣете порадоваться. Прежде всего прошу васъ, чтобъ вы приказали выгнать вонъ Ваньку. Если бъ онъ былъ мой, я сейчасъ отдала бы его въ солдаты! Да еще строго-настрого запретите пускать въ вашъ домъ эту пьяницу Ѳедосью, чтобъ ея и духа не было здѣсь, чтобы она и на нашу улицу не смѣла заглядывать.

— Гм... Въ чемъ же дѣло-то?

— Дайте же мнѣ выговорить, дайте мнѣ опомниться! Я сегодня всю ночь глазъ не смыкала, я... Да гдѣ это вы были вчера до 5-го часа?

— Въ Англійскомъ; очень любопытная была партія: князь Ѳедоръ Григорьевичъ, я, графъ Антонъ Карловичъ да новопріѣзжій секретарь посольства.

— Вотъ какъ: подумаешь, отецъ дослужился до такого чина, съ такими важными людьми обращается всякій день, пріобрѣлъ ихъ дружбу, трудится, просиживаетъ напролетъ

ночи, а для кого это? все для своей дочки! Думаетъ, какъ бы составить ей хорошую партію, — а она, утѣшеніе наше, она изволила уже себѣ выбрать общество безъ нашего согласія, не спросясь нашего совѣта.

И Надежда Сергѣевна, говоря это, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ своего супруга. Лицо ея было почти багрово отъ гнѣва, и чепецъ, накинутый на невычесанную голову, сбился на одну сторону. Въ пылу гнѣва она даже забыла о своемъ туалетѣ, — а это было еще любимое ея занятіе, потому что она еще имѣла претензію плѣнять.

— Что́ же это все значитъ, матушка? Я, то-есть, ни полслова не понялъ, — осмѣлился возразить супругъ.

— То, сударь, что дочка ваша, — и она остановилась прямо передъ супругомъ: — всякій день, подъ видомъ прогулки, шляется на чердакъ любезничать съ какимъ-то мальчишкой, въ котораго, говорятъ, влюблена и который обращается съ нею, какъ съ равной, и сидитъ съ нею по цѣлымъ часамъ глазъ на глазъ! Вотъ до какого посрамленія мы дожили съ тобою, Николай Мартынычъ! Вотъ вамъ, — я всегда говорила, а вы только слушать меня не хотѣли, — вотъ вамъ утѣшеніе на старости лѣтъ отъ дѣтей!

Г. Поволокинъ повелъ рукой по лбу, выразительно прищелкнулъ двумя пальцами, вытянулъ нижнюю губу, посмотрѣлъ на Надежду Сергѣевну, потупилъ голову, еще разъ потеръ лобъ и прошепталъ себѣ подъ носъ: «Полно, не во снѣ ли это?»

Г-жа Поволокина, къ несчастью, услышала этотъ шопотъ.

— Во снѣ! во снѣ? — закричала она, подступая къ нему. — Во снѣ! Да что я сумасшедшая, что́ ли? За кого вы меня принимаете? Вы-то сами не во снѣ ли? — И она задыхалась...

— Матушка, нѣтъ, не то; я хотѣлъ попросить васъ, чтобы вы разсказали поподробнѣе... Ахъ ты, Боже мой! — И онъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Понимаете ли вы? — И она стучала указательнымъ пальцемъ по столу. — Послѣ болѣзни ея Карлъ Ивановичъ приказалъ ей гулять всякій день. Карлъ Ивановичъ, надо отдать ему справедливость, не отходилъ отъ нея во время

болѣзни; я приказала ей гулять съ человѣкомъ... Ну, а эта проклятая нянька изволила ее познакомить съ какой-то старушонкой, у которой сынъ малюетъ стѣны. Она всякій Божій день и зачастила туда: обрадовалась, моя голубушка, что нашла по себѣ общество. Благородная кровь, видно, у нея въ жилахъ обращается, нечего сказать!

— Богъ знаетъ, что это такое? Какъ же вы это узнали? кто же вамъ сказалъ, что влюблена въ этакого?..

— Тебѣ давно хотѣлъ сказать Теребенышнъ, да не смѣлъ, и ко мнѣ вчера пришла жена его да все и поразсказала. Спасибо еще ей, — она хоть простая, но хорошая женщина, — плакала, разсказывая. Живописишка этотъ ей родня, да ужъ и она отрекается отъ него, потому что пьяница, негодный мальчишка. Она было его, мѣсяцевъ съ восемь тому, рекомендовала мнѣ, и я имѣла глупость позволить такой дряни притти ко мнѣ писать портретъ съ меня! Хорошо, что я его выгнала тогда, не помню почему, — онъ пришелъ не во-время. И, вообрази! мать его хвастаетъ вездѣ: знайте, говоритъ, нашихъ! въ моего сына влюблена дочка знатнаго человѣка и сама навязывается намъ. Какъ со мной параличъ не сдѣлался, какъ я это услышала!

— Да, да, да! ай-ай-ай... Что тутъ прикажешь дѣлать? Ну, а спрашивала ли ты у нея, правда ли это?

— Я послѣ этого и видѣть-то не могу ее, не только спрашивать. Не угодно ли вамъ будетъ послать за ней теперь и поразспросить ее при мнѣ обо всемъ? Посмотримъ, что она заговоритъ. А Ваньку, который за ней ходилъ, сегодня же выгнать изъ дома.

— Такъ позвать, что ли, ее?

— Нѣтъ, лучше оставить такъ, — пусть позоритъ ваши сѣдые волосы...

Г-нъ Поволокинъ позвонилъ.

— Попросите ко мнѣ Софью Николаевну.

Черезъ минуту она вошла въ кабинетъ.

Глаза бѣдной дѣвушки были болѣзненно-томны, и густой румянецъ, котораго у нея никогда не было, покрывалъ ея щеки. На ней было темное ситцевое платье, совершенно

закрытое, и голубой платочекъ на шеѣ; но, несмотря на эту простоту одежды, въ ея походкѣ, во всѣхъ ея движеніяхъ было столько благородства, столько непринужденности, что вы вездѣ и во всемъ отличили бы ее съ перваго взгляда... Она подошла къ отцу и хотѣла поцѣловать его руку, но онъ отдернулъ ее... Сердце ея сильно забилось; она взглянула на мать и поняла все.

— До насъ, — началъ Николай Мартынычъ, не смотря на нее: — доходятъ такіе странные слухи, такіе, что, признаюсь, я никакъ не могъ... Это просто ни на что не похоже, невѣроятно...

— Что же вы молчите? — закричала Надежда Сергѣевна: — извольте отвѣчать вашему отцу, онъ ждетъ вашего отвѣта.

— Я не знаю, что́ угодно сказать батюшкѣ.

— Вы не знаете? а? это прекрасно! Разскажите ему, какъ вы ходите на чердакъ, изъ любви къ живописи, смоттрѣть, какъ тамъ какой-то маляръ пачкаетъ кистью. Вы берете уроки у него, сударыня, или онъ снимаетъ съ васъ портретъ, или вы служите для него?.. Вы думали, что я такъ глупа, что ничего не знаю?

Кровь бросилась ей въ голову, однако она отвѣчала твердымъ голосомъ:

— Матушка, выслушайте меня прежде, а потомъ оскорбляйте, если вамъ угодно. Я только виновата въ томъ, что безъ вашего позволенія ходила къ бѣдной, но благородной и честной женщинѣ, думая ей помочь чѣмъ-нибудь. Правда, у этой женщины есть сынъ, живописецъ, молодой человѣкъ, образованный и съ дарованіемъ; но я ходила къ ней, къ старушкѣ, къ его матери, не думая, чтобъ это было преступленіе.

— Слышите? она еще осмѣливается грубить намъ. Это ужасно! *Благородная женщина, молодой человѣкъ, образованный, съ дарованіемъ!* Такъ это ваша компанія, сударыня? Къ тому же вы лжете: старушка эта побродяга, а сынъ ея негодяй и пьяница.

— Матушка! для чего вы оскорбляете честныхъ людей, матушка!..

— Замолчи! Слышишь ли? Я, твоя мать, приказываю тебѣ, — молчи! Вотъ ваша литература, вотъ ваши писатели до чего довели васъ! какъ хорошо они образовали васъ!.. Вы унижаете себя и хотите вмѣстѣ съ собою затоптать и насъ въ грязь, — насъ! Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Вы кладете насъ заживо въ гробъ, зарываете въ могилу? Прекрасная дочь! Вмѣсто того, чтобъ итти все выше и выше, помогать возвышаться отцу, какъ это бы сдѣлала другая благородная дочь, вмѣсто того, чтобъ поддерживать знакомство княгини Д* и ея дочери, стараться войти къ нимъ въ дружбу, сдѣлаться домашней въ ихъ домѣ и черезъ нихъ составить себѣ блестящую партію, вы, сударыня, вы... да мнѣ и говорить-то съ вами стыдно!.. вы сводите дружбу съ такими тварями, которыя могутъ ходить только къ намъ на кухню. Вы не смѣйте съ сегодняшняго дня называть меня вашею матерью, — вы влюбляетесь...

При этомъ словѣ Надежда Сергѣевна захохотала.

— Влюбляетесь... Что, вѣдь вы, говорятъ, влюблены въ сына этой торговки, этой старушонки?

Отецъ все ходилъ по комнатѣ, покачивая головою и повертывая въ рукахъ табакерку. Силы оставляли бѣдную дѣвушку; она прислонилась къ стѣнѣ, боясь упасть; кровь застывала въ ней; ей было холодно, она дрожала всѣмъ тѣломъ... Вдругъ, при послѣднихъ словахъ матери, она какъ бы очнулась отъ смертнаго обморока; щеки ея снова зардѣлись пурпуровымъ румянцемъ; глаза страшно засвѣтились. Она приподняла голову и посмотрѣла на мать:

— Да, — сказала она, — я влюблена въ ея сына, въ сына этой старушонки, я въ него влюблена!..

Это была ужасная минута: у г-на Поволокина выпала изъ рукъ табакерка, а г-жа Поволокина сдѣлала какое-то странное движеніе и остановилась; она усиливалась что-то произнести, но языкъ не повиновался ей.

Удушливая тишина передъ грозой, минута гробового молчанія, — только маятникъ стѣнныхъ часовъ стучалъ мѣрно и

однозвучно. Сердце несчастной билось неровно и мучительно, дыханіе ея становилось тяжелѣе и тяжелѣе; наконецъ скорыми шагами и съ угрожающимъ видомъ Надежда Сергѣевна подошла къ дочери.

— Знаешь ли, что я могу проклясть тебя? что я прокляну тебя? Понимаешь ли ты, что̀ такое проклятіе матери?

Она вытянула руку надъ головою страдалицы и вперила на нее глаза свои.

Та застонала, бросилась отъ нея, упала къ ногамъ отца, уцѣпилась за его ноги и умирающимъ голосомъ сказала: «Спасите меня, спасите, батюшка! спасите меня!»

У Николая Мартыновича закапали изъ глазъ слезы... Чувство отца, можетъ быть, впервые взяло верхъ надъ чувствомъ чиновника, но онъ не смѣлъ ей сказать слово утѣшенія въ присутствіи своей неумолимой супруги: онъ приподнялъ и, незамѣтно наклонясь, поцѣловалъ ее въ голову, прошептавъ: «поди въ свою комнату».

Она вышла изъ кабинета.

Когда, безъ памяти, она добрела до своей комнаты и упала въ кресла, блуждающими глазами обвела она кругомъ себя и облокотилась на столъ, который стоялъ передъ нею. На этомъ столѣ лежала книга въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, съ мѣдными застежками. Эта книга была Евангеліе. Дѣвушка перекрестилась слабѣющею рукою, развернула книгу, хотѣла читать, но въ глазахъ ея потемнѣло; голосъ ея замеръ, голова скатилась на книгу... Она лишилась чувствъ.

Оставшись въ кабинетѣ глазъ на глазъ, супруги долго ни слова не говорили; потомъ Надежда Сергѣевна презрительно взглянула на Николая Мартыновича и сказала:

— Вы, старый плакса, вы избаловали эту дѣвчонку; теперь пеняйте сами на себя, — и вышла изъ кабинета, громко хлопнувъ дверью.

Николай Мартыновичъ вздохнулъ, подошелъ къ одному изъ столовъ, взялъ банку съ о-де-колономъ и потеръ себѣ виски.

ГЛАВА VIII.

Все это честолюбіе и честолюбіе оттого, что подъ язычкомъ находится маленькій пузырекъ и въ немъ небольшой червячокъ, величиною съ булавочную головку, и это все дѣлаетъ какой-то цырюльникъ, который живетъ въ Гороховой.

(*Гоголь.*)

Послѣ этого рокового утра Софья слегла въ постель. Болѣзнь, которая давно таилась въ ней, теперь обнаружилась со всѣми ея страшными признаками и съ каждымъ днемъ развивалась больше и больше. Лицо дѣвушки все горѣло румянцемъ, и глаза какъ-то странно свѣтились. У нея отняли послѣднее утѣшеніе: къ ея страдальческому изголовью не допускали эту добрую старушку-няню, которая прежде замѣняла ей мать, и послѣдніе дни свои на землѣ она должна была проводить безъ привѣта, безъ ласки. Но няня каждый день ходила тайкомъ къ людямъ провѣдывать о здоровьѣ своего *ненагляднаго сокровища,* и всякій день заливалась слезами. Отецъ раза два въ день на минуту приходилъ къ постели больной дочери, и она, какъ ангелъ, улыбалась ему, говорила всякій разъ: «мнѣ сегодня полегче» и цѣловала его руку. Разъ какъ-то онъ проговорился въ присутствіи своей супруги:

— Она, кажется, не жилица у насъ; надо бы позабыть все прошедшее.

И Надежда Сергѣевна разгнѣвалась и закричала: «не безпокойтесь! повѣрьте, что она очень живуча».

Но когда Карлъ Ивановичъ, черезъ недѣлю послѣ этого, объявилъ, что у нея въ сильной степени развилась чахотка, которая давно скрывалась въ ней, и что врядъ ли она проживетъ съ мѣсяцъ, Надежда Сергѣевна призадумалась и съ этой минуты она, говорятъ, стала снисходительнѣе и внимательнѣе къ умирающей. Впрочемъ, она никогда не остава-

лась долго съ нею; не знаю, можетъ быть совѣсть, а можетъ быть и равнодушіе были тому причиной. Обрученница смерти, бѣдная дѣвушка, казалось, вполнѣ примирилась съ своею участью. Несмотря на страданье и болѣзнь, лицо ея выражало совершенное спокойствіе: видно она чувствовала себя счастливѣе. Часто заставали ее пристально смотрящую на образъ Спасителя, стоявшій у ея изголовья. Въ эти минуты уста ея шевелились, произнося молитву, и эта молитва изливалась слезами, которыя катились по впалымъ щекамъ ея. Страшно видѣть человѣка, избалованнаго земнымъ счастьемъ и неприготовленнаго къ святымъ таинствамъ загробнаго бытія, когда смерть внезапно налагаетъ на него ледяной перстъ свой, когда она отмѣчаетъ его вдругъ своею разрушительною печатью; но смотрѣть, какъ потухаетъ жизнь несчастливца, у котораго ничего не остается, кромѣ высшаго обѣтованнаго блаженства, кромѣ надежды на милосердіе Господа, — о, это совсѣмъ другое!.. Да, смерть — или безобразный скелетъ съ острою косою, или свѣтлый ангелъ, разрѣшающій земныя узы, или душная и тѣсная яма, которую зовутъ могилой, или радужныя крылья, уносящія въ безпредѣльность и вѣчность...

Для нея смерть была свѣтлымъ ангеломъ. Въ самую тяжкую минуту жизни она прикоснулась къ ней и прошептала: «Пора! Я буду твоей спасительницей, мѣра страданій твоихъ начинаетъ переполняться»...

Дѣвушка перекрестилась и подумала: «благодарю Тебя, Господи, Ты сдѣлалъ меня причастницей твоей благости. Ты принялъ мои кровавыя слезы, Ты услышалъ мои горячія молитвы!»

Прошелъ мѣсяцъ, и лицо ея такъ измѣнилось, что трудно было узнать ее. Она безпрестанно забывалась; видно, какіе-то образы носились передъ нею, потому что она говорила: «вотъ онъ, въ послѣдній разъ я могу посмотрѣть на него; вотъ она; благословите, перекрестите меня, будьте мнѣ матерью: я съ вашимъ крестомъ лягу въ могилу».

— Она бредитъ, — говорили люди, окружающіе ее. Однажды, проснувшись, она почувствовала себя слабѣе обыкновеннаго. Безпокойство и желаніе чего-то вдругъ выразились

на лицѣ ея. Она подозвала горничную. «Подай мнѣ перо и бумаги,— сказала она: — я хочу писать».

Рука ея дрожала такъ, что она едва могла написать нѣсколько строкъ; потомъ прочла написанное, отодвинула чернильницу, посмотрѣла еще разъ на свою записку и спрятала ее подъ подушку.

Черезъ два дня послѣ этого, часу въ десятомъ утра, она попросила къ себѣ свою мать.

Надежда Сергѣевна явилась въ ту же минуту и сѣла у ея постели. Бѣдная дѣвушка, казалось, собиралась съ силами, чтобъ начать говорить.

— Ну что? какъ твое здоровье, милая?

— Я чувствую, что часъ мой близокъ, матушка. Я хотѣла бы причаститься святыхъ тайнъ. Но прежде, чѣмъ приступлю къ этому великому дѣлу, я должна просить у васъ прощенья. Я такъ много, хоть и неумышленно, огорчала васъ. Простите меня...—И слова ея безпрестанно перерывались кашлемъ, и дыханіе становилось слышнѣе и тяжелѣе; она силилась приподняться съ постели, чтобъ упасть къ ногамъ матери.

— Вы видите, — продолжала она, задыхаясь отъ усильнаго движенія: — я хотѣла бы лежать у ногъ вашихъ, но не могу... Богъ прощаетъ всѣхъ, по своему милосердію... Простите меня.

Голова ея упала на колѣни матери — и она запекшимися устами искала руки ея.

Мать приподняла ее и положила ослабѣвшую ея голову на подушку.

— Моя совѣсть, — сказала Надежда Сергѣевна дрожащимъ голосомъ, — въ отношеніи къ тебѣ чиста: я готова предстать на судъ Божій, пусть Онъ насъ разсудитъ съ тобою; я всегда хотѣла твоей пользы, хотѣла видѣть твое счастье.— Она взглянула на образъ и вздрогнула.—Я прощаю тебя.

— Перекрестите меня! — произнесла больная едва слышно.

Надежда Сергѣевна перекрестила ее.

— Теперь у меня еще одна просьба къ вамъ, добрая

матушка, одна... Допустите къ мнѣ мою няню; я хочу проститься съ нею.

Тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Надежды Сергѣевны; но она тотчасъ скрыла это.

— Изволь, моя милая, я согласна.

— Благодарю васъ... Еще я не хочу ничего скрывать отъ васъ, и могу ли я скрываться въ такія минуты? Я поручу нянѣ отнести записку къ матери этого живописца, къ простой и честной старушкѣ; она любила меня безъ всякихъ видовъ: я только прощаюсь съ нею въ этой запискѣ, больше ничего. Вы сдѣлаете мнѣ и это снисхожденіе? — Въ этотъ разъ брови матери грозно надвинулись на глаза, такъ что она вдругъ не могла расправить ихъ. Судорожное движеніе гнѣвно покривило ея губы; однако чрезъ минуту она успокоилась и отвѣчала: «пожалуй, если ты этого непремѣнно хочешь»...

— Прикажите же послать за нею и за священникомъ; мнѣ непремѣнно хочется причаститься сегодня. Скажите батюшкѣ.

Къ вечеру больная сдѣлалась безпокойнѣе.

— Что же нѣтъ няни? — спрашивала она; — послали ли за священникомъ?

Она вполголоса читала молитвы и по временамъ вздрагивала и прислушивалась, не идетъ ли кто. Дверь скрипнула, точно кто-то вошелъ на цыпочкахъ.

— О, это она, это моя няня! — произнесла Софья шопотомъ; — теперь мнѣ легче.

Въ самомъ дѣлѣ, то была она. Старуха шла къ постели умирающей, глотая слезы и заглушая въ груди рыданія.

— Няня, няня! это ты? — И дѣвушка протянула къ ней руки и улыбнулась: — я ужъ совсѣмъ не думала видѣть тебя; подойди ко мнѣ поближе.

Старуха не выдержала, взглянувъ на свою вскормленницу; она зарыдала въ голосъ, бросилась на колѣни передъ нею, схватила ея руку — и цѣловала ее, обливая слезами.

— Голубчикъ мой, красное мое солнышко! — приговаривала она: — думала ли я, что Господь Богъ приведетъ меня увидѣть тебя такою? Сердце-то мое пополамъ разрывается,

глядя на тебя. Охъ, лучше бы мнѣ, горемычной, не дожить до этого часа! Пташка ты моя ненаглядная!.. улетаешь ты отъ насъ далеко. Ужъ возьми и меня съ собою!

Она еще что-то говорила, но словъ нельзя было различить: эти слова сливались въ отчаянный, безнадежный вопль.

— Прощай, родная моя няня! молись только обо мнѣ Богу; не плачь — я счастлива; только мнѣ такъ тяжело дышать... Положи руку ко мнѣ на грудь, вотъ такъ. Исполни мою послѣднюю просьбу, няня: возьми эту записку, отдай ее, когда меня не будетъ, Пелагеѣ Семеновнѣ. Она меня любила; поклонись ей отъ меня, скажи, что я ее не забыла. Какъ мнѣ становится тяжело, няня!

Въ эту минуту священникъ вошелъ въ комнату съ святыми дарами; отецъ и мать подошли къ ея постели. Она простилась съ ними.

— Теперь ненадолго оставьте меня. Я хочу быть одна,— сказала она: — хочу приготовиться къ святому причастію.

Всѣ отошли. Отецъ заливался слезами, няня рыдала, закрывъ лицо передникомъ; мать смотрѣла въ окно, приподнявъ стору, хотя на дворѣ было темно, какъ ночью; умирающая молилась...

Черезъ четверть часа три человѣка ее приподняли, прислонили къ подушкамъ, такъ что она могла сидѣть, и отошли.

Священникъ въ полномъ облаченіи приблизился къ ея постели... Непродолжительна была исповѣдь; онъ причастилъ ее. Послѣ совершенія обряда она такъ уже ослабѣла, что едва могла пошевелить рукою; но когда няня подошла къ ея изголовью, она посмотрѣла на нее, но уже едва могла прошептать: «Записку, няня, мою записку... да гдѣ ты? У меня вдругъ потемнѣло въ глазахъ. *Во имя Отца*»... Это было ея послѣднее слово.

Еще нѣсколько минутъ, раздался звонокъ въ передней, и послышались чьи-то шаги.

— Докторъ пріѣхалъ! — сказала Надежда Сергѣевна: — я узнаю его походку. — и побѣжала къ нему навстрѣчу.

Карлъ Ивановичъ подошелъ къ постели больной, посмотрѣлъ на нее, взялъ ея руку: рука была холодна; наклонился къ лицу ея: дыханія не было слышно... Онъ осмотрѣлся кругомъ, всѣ ждали его слова. Онъ произнесъ вполголоса:

— *Она скончалась!*

Изъ груди отца вырвался стонъ; Надежда Сергѣевна перекрестилась, сказала:

— Его святая воля! — и подняла къ глазамъ платокъ.

Няня бросилась къ умершей, закричала страшнымъ, раздирающимъ голосомъ:

— Нѣтъ, постойте, можетъ статься, она жива еще, мое дитятко; дайте мнѣ отогрѣть ее! — и припала къ ея постели.

Не знаю, сколько времени пролежала бѣдная старуха у ногъ ея, только вдругъ она почувствовала, что кто-то тянетъ ее за платокъ. Она оглянулась, открыла глаза: передъ нею стояла Надежда Сергѣевна.

— Довольно и безъ того слезъ и крику въ цѣломъ домѣ. Поди за мною.

Старуха едва могла приподняться и кой-какъ поплелась вслѣдъ за нею. Надежда Сергѣевна пришла въ свою спальню, заперла дверь за вошедшею няней, которая прислонилась къ стѣнѣ, чтобъ не упасть.

— Отдала ли тебѣ Софья Николаевна записку, чтобъ отнести матери этого живописца?

— Отдала, матушка.

— Гдѣ же она?

— У меня, со мною.

— Дай мнѣ ее сейчасъ; я не хочу, чтобы записка моей дочери была въ рукахъ у... — Она не договорила.

— Ну что же? Подай мнѣ эту записку. Я приказываю тебѣ.

— Я не отдамъ ее вамъ ни за что! Дѣлайте со мной, что́ хотите.

— Какъ ты смѣешь?.. Я тебя не выпущу изъ дома.

— Убейте меня, старуху, коли вы не считаете это грѣхомъ, а тогда берите и записку.

— Дерзкая грубіянка! ты погубила дочь мою знакомствомъ

съ этими тварями и еще осмѣливаешься противиться мнѣ; ты уморила ее!

Старуха вся затряслась какъ въ лихорадкѣ.

— Нѣтъ, матушка, ваше превосходительство! За нее, мою кормилицу, будетъ кто-нибудь отвѣчать Богу, только не я. Не я уморила ее. — Она подошла къ Надеждѣ Сергѣевнѣ. — Сказать ли вамъ, кто ее убилъ, матушка? Я знаю! — и скажу это такъ же передъ вами, какъ и передъ Богомъ. Я простая женщина...

— Кто? кто? — вскрикнула въ бѣшенствѣ Надежда Сергѣевна, сверкая глазами.

— Вы, сударыня! извините меня, я простая женщина: у меня что̀ на умѣ, то и на языкѣ.

Вѣрно такого отвѣта не ожидала Надежда Сергѣевна, потому что она покачнулась и удержалась только рукою за кровать.

— Вонъ, вонъ, съ глазъ моихъ! — прошипѣла она: — чтобы и духа твоего не было въ моемъ домѣ!

Александръ скоро узналъ о болѣзни Софьи, и хотя ни онъ, ни мать его не думали, чтобы болѣзнь эта была такъ опасна, но они оба безпокоились, тѣмъ болѣе, что няня ея давно не приходила къ нимъ. Александръ разъ какъ-то попытался узнать о здоровьи Софьи Николаевны у людей г-на Поволокина, но изъ отвѣта ихъ не могъ вывести никакого заключенія. Всѣ эти люди смотрѣли на него подозрительно и нехотя, односложно и грубо отвѣчали: «больна лежитъ». Онъ спросилъ Ивана, того самаго человѣка, который всегда ходилъ за нею, — ему сказали, что онъ болѣе уже двухъ недѣль какъ не живетъ у нихъ. Дни медленно тянулись для старушки и ея сына; и вотъ въ одинъ вечеръ, когда они сидѣли вдвоемъ, сильно зазвенѣлъ колокольчикъ. Они оба вздрогнули и посмотрѣли другъ на друга.

— Кто бъ это въ такую пору? — сказала Пелагея Семеновна.

Былъ часъ седьмой вечера. Александръ со свѣчой пошелъ отворять дверь.

Онъ отворилъ дверь — и отшатнулся. Передъ нимъ стояла няня Софьи. Голова ея тряслась, сѣдые волосы безпорядочно торчали изъ-подъ платка, она все запахивала полы своего салопа. Александръ хотѣлъ ее спросить: «что съ нею?» и не могъ. Наконецъ она сказала:

— Ухъ, какъ сегодня холодно! Не топится ли у васъ печка, дайте, ради Христа, погрѣться... Я едва дотащилась досюдова.

И Александръ, съ предчувствіемъ чего-то страшнаго, смотрѣлъ на нее.

— Что́ съ тобою, Өедосья? — спрашивала Пелагея Семеновна, сажая ее на стулъ: — откуда это ты? Гдѣ ты такъ назяблась? Я сдѣлаю тебѣ чаю, ты немножко поотогрѣешься.

— Нѣтъ, вы ужъ не отогрѣете моихъ старыхъ костей! зажилась я, глупая баба, на свѣтѣ; полно! Пора и честь знать... Дитятко мое сердечное! И могилку-то ея такъ скоро занесло снѣгомъ! Разрою этотъ снѣгъ, непремѣнно разрою.

Александръ почувствовалъ, что ледяныя иголки колятъ его въ темя.

У Пелагеи Семеновны забилось сердце.

— Что́ это, не помѣшалась ли ты, Өедосья?

— Помѣшалась! лучше бы помѣшалась, матушка, Пелагея Семеновна! — Она вынула изъ-за пазухи какую-то бумажку. — Вотъ вамъ вѣсточка отъ моей барышни: приказала вамъ кланяться. Я сейчасъ только отъ нея. Она переѣхала въ спокойное мѣстечко.

Пелагея Семеновна дрожащими руками развертывала бумагу, въ которую вложена была записка.

— Позвольте, я прочту, матушка.

— Нѣтъ, погоди, погоди, Саша! — И старушка надѣла очки. Она едва могла разобрать слѣдующее:

«Благодарю васъ за тѣ немногія минуты счастія, которыя вы мнѣ доставили. И теперь, когда смерть возлѣ меня, я вспоминаю объ этихъ минутахъ; даже, мнѣ кажется, толь-

ко еще и живу этими минутами. Помолитесь о той, которая любила васъ отъ всего сердца! Скажите вашему сыну, что онъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, потому что вы его мать. Пусть онъ бережетъ себя для васъ и для искусства. До свиданія — *тамъ!* С*».

Старушка сняла очки. Крупныя слезы лились по лицу ея.

«Господи! Помяни во царствіи своемъ рабу свою Софію!» прошептала она, перекрестившись.

Четыре дня и четыре ночи послѣ этого вечера Пелагея Семеновна прострадала, не смыкая глазъ. На ея рукахъ умерла въ горячкѣ няня Софьи.

— Другъ мой, не убивай себя и своей старухи, — говорила Пелагея Семеновна сыну, когда все въ ихъ квартиркѣ приняло прежній порядокъ послѣ похоронъ старушки-няни: — подумай только о томъ, что наша Софья Николаевна теперь счастливѣе. Ты зналъ, какова была ея жизнь. Отслужимъ-ка лучше по ней панихиду, помянемъ ее и помолимся о душѣ ея.

— Матушка! Я не могу забыть ее... Она была моимъ небеснымъ видѣніемъ, моею мечтою о счастіи. О, если бъ вы заглянули въ мою душу! Но скоро, можетъ быть, скоро и я успокоюсь. О, люди отвратительны, матушка!.. Я не хочу жить! Но я пойду къ этому чудовищу, къ этой убійцѣ...

— Что это значитъ? ты не хочешь жить?

Боязливо она посмотрѣла на сына.

— Признаюсь вамъ, я хотѣлъ бы умереть, матушка!

— Ужъ не хочешь ли ты?.. Да помилуй тебя Богъ!.. А твоя мать? твоя мать? или уже она для тебя ничего? О, подумай о бѣдной твоей матери!—И старушка бросилась къ ногамъ его, и голосъ ея былъ вопль отчаянія, звуки страданья невыносимаго.—Хоть не для меня, другъ мой, хоть не для меня, не я прошу тебя,—ты не послушаешь меня, если я тебѣ буду говорить, что такая смерть есть грѣхъ ничѣмъ неискупимый, ты все-таки не послушаешь меня! Но ты забылъ слова *ея*, она приказывала тебѣ—это была послѣдняя ея воля—беречь себя для твоей матери... Я достану тебѣ ея записку, перечти ее хорошенечко: воля усопшей—свя-

тая воля,—нельзя противиться ей.—И старушка захлебнулась слезами; голова ея упала на полъ. Александръ забылъ все; онъ бросился на колѣни передъ лежавшей на полу матерью, приподнялъ ее и крѣпко прижалъ къ груди своей.

— Простите меня, матушка! Я безумецъ, я не зналъ, что̀ говорилъ. Богъ свидѣтель, что съ этой минуты вся жизнь моя принадлежитъ вамъ, вамъ одной!

Черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ дочери его превосходительства у Осипа Ильича былъ *вечеръ* по случаю полученія имъ давно ожиданнаго награжденія,—и вечеръ, правду сказать, на славу!

На этомъ вечерѣ не было особы ниже надворнаго совѣтника; шампанское лилось, что называется, рѣкой: надо же было вспрыснуть награду! Аграфена Петровна удивительно расщедрилась и разлюбезничалась, даже сама подносила бокалы нѣкоторымъ особенно почетнымъ гостямъ.

— Мастерица угощать Аграфена Петровна!—сказалъ толстый и плѣшивый чиновникъ другому тоненькому съ сердоликовой печаткой внизу жилета.

— Ужъ эту честь ей надо отдать! Знаете, что̀ я вамъ скажу: великое дѣло угощеніе, то-есть, просто отъ него все зависитъ въ домѣ.

— Точно-съ, справедливо-съ замѣтить изволили.

— Да, да, я вамъ скажу, что надо уже такъ родиться на это: найти каждому сказать приличное словцо, къ тому, къ тому подбѣжать, съ картой ли или съ бокаломъ. Въ этомъ состоитъ умѣнье жить, свѣтское обращеніе.

Толстый чиновникъ говорилъ прекрасно, и около него постепенно составился кружокъ слушателей. Таково всегда дѣйствіе истиннаго краснорѣчія! Всѣ внимали ему съ разинутыми ртами, и самъ Осипъ Ильичъ не утерпѣлъ, подошелъ его послушать съ двумя своими пріятелями, съ Маркомъ Назарычемъ и Николаемъ Игнатьевичемъ.

— Вотъ я,—продолжалъ ораторъ:—я бываю вездѣ, во

всѣхъ лучшихъ обществахъ, и ужъ приглядѣлся ко всему. Часто все хорошо, и угощеніе, и то, и сё, а все недостаетъ чего-то,—просто, души нѣтъ въ обществѣ. Конечно, намъ, частнымъ людямъ, нельзя давать такіе балы, какъ напримѣръ въ Благородномъ Собраніи. Кто и потребуетъ этого? Ну, тамъ и комнаты большія, и освѣщеніе; однѣ свѣчи сколько стоятъ! ослѣпнуть можно, я вамъ скажу. Но мы, если не тѣмъ, такъ другимъ должны брать: мы,—я говорю о частныхъ людяхъ. Внимательность хозяйки, любезность—вотъ что пріятно въ гостяхъ.

— Точно, точно!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Его превосходительство г-нъ Поволокинъ, ихній знакомый (ораторъ указалъ пальцемъ на Осипа Ильича), человѣкъ отличный, *баринъ*—ужъ нечего сказать, и мало говоритъ, а что-то есть въ улыбкѣ располагающее,—и это, я вамъ скажу, много значитъ: какъ взглянетъ, и комплиментовъ не нужно. Жаль мнѣ его, душевно жаль! Экое, подумаешь, несчастье: лишиться дочери. Впрочемъ она всегда была что-то такая больная на видъ. И мать-то бѣдная! ахъ какая потеря!..

— Говорятъ, —сквозь носъ замѣтилъ одинъ чиновникъ, тоже очень важный и серьёзный:—она была влюблена... правда ли это? Что-то странно... въ какого-то живописца, да, знаете, занемогла по сему случаю и умерла.

— Да и я слышалъ-съ,—закричалъ кто-то тонехонькимъ голоскомъ: —тутъ было что-то не совсѣмъ чисто-съ; она...

При этомъ толстый чиновникъ такъ взглянулъ на пискуна, что тотъ совсѣмъ смѣшался и замолчалъ, а Осипъ Ильичъ въ ту же минуту скрылся, когда услышалъ, что разговоръ принимаетъ такой щекотливый оборотъ.

Чиновникъ, который говорилъ въ носъ, наклонился къ уху краснорѣчиваго чиновника и прошепталъ:

— Что *она* была влюблена въ живописца и тайкомъ видалась съ нимъ—это достовѣрно. Между нами, мнѣ это дѣло разсказывала Аграфена Петровна подробно; по дружбѣ, пожалуй, я вамъ разскажу все когда-нибудь. Къ тому же, объ этомъ ужъ многіе начинаютъ шушукать.

— Чортъ знаетъ!—возразилъ краснорѣчивый чиновникъ.— Унизиться до такой степени, и еще кому же? *Дочери чиновнаго человѣка*! Скажите, пожалуйста, кто бы это могъ подумать?

— Антонъ Гаврилычъ! Въ бостончикъ!—кричала Аграфена Петровна, подходя къ статскому совѣтнику.—Партія ваша составлена. Я ужъ всѣмъ разнесла карты. Вотъ вамъ осталась кёровая дама.

— Очень пріятно-съ, Аграфена Петровна!..

РАЗДѢЛЪ ИМѢНІЯ.

Отрывокъ.

(*Изъ записокъ благонамѣреннаго человѣка.*)

I.

...Когда я подъѣзжалъ къ своей деревнѣ, вечеръ былъ ясный и тихій, а воздухъ растворенъ благоуханіемъ, точно весною. По мѣрѣ приближенія моего къ моему наслѣдію, мнѣ все становилось пріятнѣе, и даже лошадки мои стали пободрѣе: видно, онѣ, сердечныя, почуяли близость стойла. Доброй рысцой бѣжали онѣ по узенькой гладкой проселочной дорогѣ; пристяжныя извивались въ кольца и мордами задѣвали наливавшіеся колосья ржи и ячменя. Тотъ годъ былъ отмѣнно урожайный. Любо было смотрѣть на полосатую степь, засѣянную хлѣбами: рожь сіяла, какъ золото, а подымалась въ ростъ человѣческій; ячмени же еще зеленые, но такіе тучные, что въ иныхъ мѣстахъ полегли отъ тяжести колосьевъ, а между ними красныя полосы гречихи, покрытыя сверху серебряными цвѣточками. Овсы были, правда, въ тотъ годъ немного плоховаты. «Ну, да не все же вдругъ,—подумалъ я,—и за то, что есть, надобно благодарить Бога: всѣ мы зависимъ отъ Его правосудной воли. Онъ насъ награждаетъ, Онъ и лишаетъ насъ, а ропотъ—есть грѣхъ...» Вотъ онъ деревянный домикъ, немного нагнувшійся на одну сторону отъ ветхости,—мѣсто моего рожденія; вотъ роща за этимъ домикомъ—мѣсто моихъ дѣтскихъ забавъ; вотъ рѣчка

Утка. Утка! Утка! въ душный лѣтній день я, бывало, купался въ водахъ твоихъ! по твоей гладкой поверхности спускалъ кораблики! А этотъ густой восьмидесятилѣтній вязъ передъ домомъ... Господи! у меня такъ и забилось сердце, такъ и закапали слезы. Кибитка остановилась у подъѣзда, и я перекрестился.

Если бы обладалъ я самымъ бойкимъ и краснорѣчивымъ перомъ, и тогда не могъ бы описать того, чтò почувствовалъ, войдя въ комнаты, особенно въ спальню матушки, гдѣ оставалось все, какъ было при ней. Въ углу старинный большой кіотъ, и въ немъ образа въ почернѣвшихъ отъ копоти старинныхъ ризахъ съ каменьями; и передъ каждымъ образомъ свѣча желтаго воска; диванъ работы домашняго столяра нашего, обитый ситцемъ съ изображеніемъ памятника Минину и Пожарскому; шкапъ со стеклами, въ которомъ стояли никогда неупотреблявшіяся парадныя чашки; круглое зеркало съ голубемъ наверху... Воспоминаніе охватило меня со всѣхъ сторонъ; но къ пріятности, ощущаемой мною, присоединилась грусть, потому что я въ первый разъ вполнѣ постигнулъ невыгоду одиночества и то, что домъ безъ хозяйки все равно, чтò тѣло безъ души. Пыль густымъ слоемъ покрывала мебель, а паутина висѣла около зеркала и кіота.

Въ нѣкоторомъ волненіи я вышелъ изъ дома прямо въ рощу. Здѣсь каждое дерево, каждый кустъ были мнѣ знакомы. Эта береза посажена дѣдушкой, этотъ клёнъ—батюшкой, а этотъ кустъ—матушкой. Подъ этою сосною батюшка очень строго меня наказывалъ, за чтò матушка очень разсердилась на него; за этими кустами барбариса я прятался отъ своей няньки, которая оглашала всю рощу своими криками, зовя меня къ маменькѣ учиться. «Отчего все прошедшее имѣетъ такую необыкновенную пріятность?»—подумалъ я.

Черезъ два дня сосѣди мои узнали о моемъ пріѣздѣ, а на третій день утромъ пріѣхалъ ко мнѣ врачъ нашего уѣзднаго города. Онъ былъ человѣкъ моихъ лѣтъ, изъ нѣмцевъ, впрочемъ только по имени и по фамиліи, а по манерамъ и

по всему нельзя было отличить его отъ нашего брата русскаго; ростъ имѣлъ средній, волосы темнорусые и каріе глаза, которыхъ зрачки бѣгали изъ стороны въ сторону съ неимовѣрною, можно сказать, быстротою, что̀ всегда поражало меня въ его физіономіи.

О свойствахъ души его въ то время я еще не зналъ ничего положительнаго; несмотря на то, мнѣ казалось, что онъ человѣкъ кроткій и услужливый, почему я и принялъ его съ изъявленіемъ непритворнаго удовольствія. Обмѣнявшись привѣтствіями, мы сѣли другъ противъ друга.

— Что новенькаго, Христіанъ Францевичъ, въ нашемъ уѣздѣ?—спросилъ я его.

Онъ вынулъ изъ кармана табакерку и предложилъ мнѣ понюхать табаку.

— Новенькаго-съ?.. Да. Старичка-то Коробова знавали вы али нѣтъ? Добрая былъ душа покойникъ! мы всѣ по воскресеньямъ у него обѣдывали: я, исправникъ, судья и всѣ наши. Бывало, тотчасъ послѣ обѣдни и шлетъ за нами...

— Очень зналъ. Пользовался ихнимъ вниманіемъ. Ну, скажите, Бога ради, что наслѣдники-то склонились ли къ полюбовному раздѣлу?

— Пополамъ съ грѣхомъ приступили къ дѣлу, и то за нѣсколько дней до вашего пріѣзда. Правда, сундуковъ пять, шесть поразрыли. Комедія, я вамъ скажу! Меня тоже втянули: одинъ изъ наслѣдниковъ, человѣкъ безотвѣтный и благоправный такой, не хотѣлъ лично связываться съ своею роденькою, говоритъ: возьми отъ меня довѣренность; дѣлать нечего, думаю, и не хотѣлось, а взялъ... Какъ вы поживаете? Надолго ли къ намъ?

— Хотѣлось бы и подольше собственными глазами обозрѣть все. Но что̀ дѣлать? вѣдь нельзя: человѣкъ служащій, занимаешь постъ. Нештатные чиновники совсѣмъ другое, и отвѣтственности нѣтъ; имъ ничего, разница большая! А позвольте узнать, многіе ли наслѣдники налицо?

— Пять налицо, а три повѣренныхъ, въ томъ числѣ и я. Домъ-то небольшой, они тамъ какъ піявки въ банкѣ; впрочемъ общій обѣденный столъ довольно хорошій и вино

петербургское. Покойникъ оставилъ богатѣйшій погребъ. Есть шампанское—рублей по 15 бутылка въ Петербургѣ стоитъ, такого, совсѣмъ розоваго цвѣта. Очень пріятное вино.

— Знаете, Христіанъ Францевичъ, вино по комплекціи: иное собсѣмъ пить не можешь, а другого самъ желудокъ требуетъ.

— Конечно... Наслѣдники-то ни за что не приступили бы къ полюбовному раздѣлу, если бы не гражданская палата. Двухгодичный, положенный законами срокъ истекаетъ: заплатить восемьдесятъ тысячъ штрафа, такъ и въ затылкѣ зачешется; они же всѣ такіе, между нами будь сказано, скряги. Ихнія дамы всѣ лоскутки такъ и рѣжутъ на мелкія части, настоящую лапшу дѣлаютъ. Шаль или англійскій платокъ попадется подъ руки—такъ и шаль, и платокъ пополамъ. Если бы не дамское дѣло, иной разъ лопнулъ бы со смѣха. Мы съ Матвѣемъ Ивановичемъ исподтишка надъ ними порядочно подтруниваемъ. Вы, можетъ, изволите быть знакомы съ Матвѣемъ Ивановичемъ Лакаевымъ?

— Въ Петербургѣ я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ нимъ въ одномъ домѣ.

— Онъ человѣкъ очень солидный и разсказываетъ, что часто награды по службѣ получаетъ. Петръ Петровичъ—самый меньшій изъ наслѣдниковъ, который всегда живетъ въ Петербургѣ, *свистунъ* должно быть какой-нибудь,—просилъ его пріѣхать вмѣсто себя на раздѣлъ и далъ ему такую довѣренность, что онъ по ней все можетъ. Тонкій человѣкъ Матвѣй Ивановичъ, хорошо свои дѣла обрабатываетъ.

— А Илья Петровичъ тоже повѣреннаго прислали?

— Онъ самъ и съ супругой уже гораздо болѣе двухъ мѣсяцевъ здѣсь и Марья Дмитріевна, вдова Гаврилы Петровича, Михайла Петровичъ съ супругой, Николай Петровичъ, Θедоръ Петровичъ...

— Такъ Илья Петровичъ здѣсь? Боже мой, скажите! Мы ребятишками вмѣстѣ съ нимъ въ лапту игрывали! Да и кàкъ игралъ онъ! Во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ онъ былъ у насъ первый! Супруги его не имѣю удовольствія знать, братцевъ также не знаю, а его!.. на одной лавкѣ си-

дѣли, Христіанъ Францевичъ! да вѣдь какой забавникъ былъ; за то и доставалось ему, бывало. Онъ, кажется, годками четырьмя постарше меня... Давно не видалъ его... Что̀, онъ все такой же толстый?

— Въ корпусѣ толстоватъ, а лицо средственное, по препорціи.

— Илья Петровичъ! Скажите! Любопытно взглянуть на него.

— Что̀ жъ? поѣдемте сегодня въ Плющиху обѣдать.

Несмотря на то, что мнѣ необыкновенно хотѣлось увидѣть Илью Петровича, я задумался при этомъ предложеніи. «Обѣдать!» Строго соблюдая всѣ приличія въ продолженіе всей моей жизни и будучи увѣренъ, что отъ несоблюденія ихъ и отъ необдуманности происходятъ, по бо̀льшей части, наши различныя непріятности и несчастія, послѣ минуты молчанія я отвѣчалъ:

— Не полагаю, чтобы приличіе дозволяло ѣхать въ первый разъ обѣдать, не сдѣлавъ сначала утренняго визита и не познакомившись предварительно съ другими господами наслѣдниками.

— Полноте, что̀ за церемоніи въ деревнѣ. Мы живемъ за̀просто, а вы привыкли къ столичному этикету.

Замѣчаніе это показалось мнѣ небезосновательнымъ. Подумавъ немного, я убѣдился, что въ деревнѣ точно не можетъ и не должно существовать такого строгаго этикета, какъ въ столицѣ или губернскомъ городѣ.

II.

Плющиха находится въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Мы доѣхали скоро, тѣмъ болѣе, что дорога шла подъ гору. Христіанъ Францевичъ первый вышелъ изъ брички и сдѣлалъ, помнится, остроумное замѣчаніе насчетъ ветхихъ ступенекъ лѣстницы у подъѣзда дома.

Мы вошли въ залу.

Надобно упомянуть, что до сей минуты ни разу еще не случалось мнѣ лично находиться при какомъ-либо раздѣлѣ; оттого зрѣлище, представившееся мнѣ, оставило во мнѣ сильное впечатлѣніе.

Зала была средней величины, продолговатая и невысокая, а оштукатуренный потолокъ и стѣны немного закопчены отъ времени; извѣстно, что низкія комнаты всегда скорѣе коптятся. Во всю длину залы стоялъ столъ простого дерева, на которомъ навалены были груды разныхъ вещей, какъ-то: старинные камзолы, обшитые позументомъ, бархатные и шолковые французскіе кафтаны, милиціонные мундиры, панталоны — драдедамовые, плисовые, демикатонные и другіе. Въ числѣ прочаго замѣтилъ я нѣсколько кусковъ холста, робропы, мантильи и прюнелевые башмаки на высокихъ и узкихъ каблукахъ.

Кругомъ стола сидѣли наслѣдники и наслѣдницы; позади же ихъ стульевъ стоялъ цѣлый строй лакеевъ въ длинныхъ сюртукахъ изъ зеленаго домашняго сукна. Лакеи эти были, какъ на подборъ, всѣ молодцы, плотные и высокаго роста.

Раскланявшись на всѣ стороны, я остановился, ища взорами Илью Петровича; но онъ предупредилъ меня, вскочилъ со стула и подбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Лѣтъ семь не видалъ я Ильи Петровича. Онъ, показалось мнѣ, много измѣнился: волосы на головѣ съ затылка уже начиналъ зачесывать вверхъ, что̀ придавало ему видъ болѣе степенный; въ глазахъ его не было замѣтно той живости, которая всегда отличала его отъ другихъ; по всему должно было заключить, что онъ былъ большой хозяинъ и что не даромъ прорѣзались на его лбу три глубокія складки. Въ корпусѣ онъ замѣтно потучнѣлъ, чему я впрочемъ нимало не удивился, убѣжденъ будучи нѣсколькими примѣрами, что люди, оставившіе службу и пользующіеся свободою и деревенскимъ воздухомъ, въ короткое время незамѣтно поправляютъ свое здоровье.

Три раза поцѣловалъ меня Илья Петровичъ, не выпуская

изъ своихъ объятій; потомъ минуты двѣ молча и пристально смотрѣлъ на меня.

— Все такой же, какъ и былъ,—произнесъ онъ:—и глаза тѣ же, и все,—развѣ что похудѣлъ только немножко. Душевно, братецъ, радъ видѣть тебя... Ну, а...

Но въ эту минуту зазвенѣлъ тоненькій, раздражительный голосокъ и прервалъ привѣтствіе Ильи Петровича:

— Этотъ камзолъ надобно пополамъ: вѣдь онъ обшитъ не мишурнымъ, а золотымъ позументомъ; позументъ можно спороть и отдать на выжигу.

— Пополамъ, пополамъ, все пополамъ!—громкимъ голосомъ закричалъ Илья Петровичъ, отвращая свои взоры отъ меня и обращаясь къ столу.

Спинка камзола затрещала.

— Я старый солдатъ,—говорилъ Илья Петровичъ, обращаясь ко мнѣ:—меня въ этомъ не надуешь; я сумѣю отличить мишуру отъ золота. Помнишь, братецъ, какъ я надувалъ тебя въ школѣ аладьями: сахаромъ посыплю, да и продаю по восьми гривенъ аладью? а?—При этомъ Илья Петровичъ расхохотался.—Имѣю честь представить вамъ моего стараго товарища и пріятеля... Дашенька, ты, я думаю, по моимъ разсказамъ заочно знакома съ нимъ?

Илья Петровичъ произнесъ мое имя, отчество и фамилію, обозрѣвъ своихъ родственниковъ, сидѣвшихъ вокругъ стола. Дарья Яковлевна, которую онъ называлъ *Дашенька*, была его супруга.

Я, будучи въ ту пору еще очень застѣнчивъ, молча отвѣтствовалъ на привѣтствія и рукопожатія и подошелъ къ ручкѣ Дарьи Яковлевны.

— Позвольте вамъ рекомендовать себя,—сказала она мнѣ съ самою тончайшею свѣтскою вѣжливостью.

Я поклонился, отошелъ отъ нея, взглянулъ прямо... и — минута важная въ моей жизни! — глаза мои встрѣтились, самъ не знаю какъ, съ прекрасными темнокарими глазами дамы въ отличномъ чепцѣ съ розовыми лентами, сидѣвшей у стола вмѣстѣ съ прочими. Нельзя описать, какое пріятное ощущеніе разлилось по всей моей внутренности отъ одного

ея взгляда. Магнетическое ли вліяніе, или другое что̀ дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ, не знаю: скажу только, что этотъ взглядъ, скромный и пріятный, видимо принималъ участіе въ моей застѣнчивости и ободрялъ меня. Дамѣ этой было на лицо лѣтъ около тридцати, — но объ ней послѣ.

— Недурно бы закусить, дружище! а у насъ есть свѣжая икорка,—говорилъ Илья Петровичъ;—такой икорки и въ Петербургѣ не найдешь. Мы, правда, закусили, да для тебя, пожалуй, закусимъ и въ другой разъ,—не бѣда. Ѳомка! къ водкѣ... Садись-ка, полюбуйся на нашъ дѣлёжъ. Въ школѣ-то я дѣленіе зналъ плохо, а здѣсь немного понаучился.

Я сѣлъ. Къ слову скажу, что запахъ отъ залежавшагося въ сундукахъ платья былъ рѣзкій и непріятный; на меня, какъ пришедшаго прямо съ воздуха, этотъ запахъ подѣйствовалъ, и я чихнулъ.

— Будьте здоровы!—раздался чей-то голосъ надъ самымъ ухомъ моимъ, и я почувствовалъ чью-то руку на моемъ правомъ плечѣ. Оглянувшись, увидѣлъ я передъ собою господина небольшого роста, немного сутуловатаго, у котораго голова, какъ я замѣтилъ впослѣдствіи, имѣла изумительное свойство наклоняться и выдаваться впередъ, прикасаясь теменемъ своимъ къ сердцу того, съ кѣмъ онъ разговаривалъ объ интересныхъ дѣлахъ. Искусно сдѣланный парикъ, съ небольшими завиточками, прикрывалъ его голову; большіе черные глаза и бакенбарды, занимавшіе по полущекѣ, придавали ему нѣчто мужественное; борода его, хотя тщательно выбритая, рѣзко отдѣлялась своею синевою отъ щекъ и лба. Къ нему очень шла табачнаго цвѣта съ отливомъ венгерка, или, лучше сказать, архалукъ безъ аграманта и кистей, съ крючками на груди; къ этому архалуку пришиты были орденскія ленточки, на которыхъ висѣли два ордена средней величины и дворянская медаль. — Это былъ Матвѣй Ивановичъ Лакаевъ.

Услышавъ привѣтствіе его на мое чиханье, я, соблюдая свѣтскія приличія, всталъ со стула, поклонился и поблагодарилъ его, а онъ протянулъ мнѣ свою руку и съ большою пріятностью сказалъ:

— Необыкновенно радостная встрѣча увидѣть васъ здѣсь совершенно неожиданно. Мы съ вами въ Петербургѣ имѣемъ общихъ знакомыхъ и часто, если изволите помнить, видались у его превосходительства Конона Карповича: могу сказать, что онъ истинный мой благодѣтель и, самъ не знаю за что̀, любитъ меня и жалуетъ; жена моя также вхожа къ нему въ домъ; онъ и ее, и дочь мою ласкаетъ, по добротѣ своей... А вы здѣсь, вѣроятно, изволите находиться по домашнимъ обстоятельствамъ?

— Да-съ, я пріѣхалъ въ отпускъ: захотѣлось на свою деревню взглянуть. У меня матушка скончалась, такъ надо устроить хозяйство.

— Прекрасное, я вамъ скажу, дѣло. Хорошія мѣста въ окружности: вѣдь ваша деревня здѣсь поблизости? Скажите, пожалуйста, кто бы могъ подумать, что мы съ вами въ такой отдаленности встрѣтимся? Я тоже совсѣмъ нечаянно попалъ сюда. Петръ Петровичъ просилъ убѣдительнѣйше принять довѣренность; — я, по деликатности своей натуры, отказать ему въ этомъ посовѣстился; выгоды же никакой нѣтъ, еще свои деньги проѣздишь...

Онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ.

— Ахъ, какая вещица! — воскликнула дама съ раздражительнымъ голосомъ, отрывъ въ кучѣ жилетовъ и другихъ вещей вѣеръ, на коемъ довольно мило нарисованы были пастушки: — Хорошенькая вещица! — Говоря это, дама разсматривала вѣеръ и повѣвала имъ около своего лица.

Уѣздный лекарь вдругъ обратился къ ней и сказалъ ей съ весьма неприличною улыбкою:

— А что̀, сударыня, и вѣеръ-то не разломать ли пополамъ?..

Всѣ подробности этого дня сильно врѣзались въ моей памяти, ибо день этотъ былъ рѣшительнымъ въ моей жизни.

Въ эту самую минуту, когда Матвѣй Ивановичъ, кончивъ разговоръ со мною, сталъ разговаривать съ Христіаномъ Францевичемъ, лакей на большомъ подносѣ принесъ завтракъ, а другой за нимъ шелъ со штофомъ водки и съ

рюмкою. Илья Петровичъ вслѣдъ за водкою потащилъ меня въ другую комнату.

— Вотъ, братецъ, жизнь, — говорилъ мнѣ Илья Петровичъ, прихлебывая травникъ: — вотъ жизнь... а? что̀ это такое? и обѣдаешь не въ пору, и завтракаешь не во̀-время. Все отъ этого раздѣла навыворотъ; не будь этого раздѣла, все шло бы своимъ чередомъ. Чортъ знаетъ, я сегодня въ третій разъ завтракаю. Спрашиваю тебя, братецъ, будешь ли тутъ обѣдать? Прежде четырехъ часовъ и не думай кончить то, что̀ на столѣ навалено. Вотъ тебѣ и жизнь!

Къ исходу четвертаго часа стали однако постепенно убывать вещи, лежавшія на столѣ. Раздѣлъ былъ жеребьевой, а въ жеребьевомъ раздѣлѣ сначала дѣлимыя вещи приводятся въ цѣнность, поровну раскладываются въ кучи, по числу наслѣдниковъ, потомъ на каждую кучу кладется билетикъ съ нумеромъ; наконецъ свертываются соотвѣтственные этимъ билеты съ нумерами, другіе же съ фамиліями наслѣдниковъ, — нумера кладутся въ одну посудину, фамиліи въ другую, и вынимаются обыкновенно постороннимъ лицомъ. Господинъ высокаго роста, длинный, сѣдой, въ синемъ сюртукѣ по щиколотку, ловко свернулъ билеты въ трубочки и положилъ ихъ въ попавшіеся ему подъ руку мою фуражку (при чемъ онъ извинился) и въ картузъ Христіана Францевича. За симъ одинъ изъ лакеевъ притащилъ въ залу двороваго мальчика съ волосами цвѣта поспѣлой ржи, который, всхлипывая, смотрѣлъ исподлобья и утиралъ носъ кулакомъ. Лакей подвелъ его къ картузу и фуражкѣ.

— Вынимай одинъ билетъ прежде изъ картуза, а другой изъ фуражки, — сказалъ басомъ господинъ въ синемъ сюртукѣ по щиколотку.

Мальчикъ заревѣлъ, опуская руку въ картузъ.

Когда всѣ жеребья были вынуты мальчикомъ и онъ, немного успокоенный, хотѣлъ выйти изъ комнаты, чтобы скорѣе присоединиться къ своимъ товарищамъ, которые съ разинутыми ртами ожидали его на господскомъ дворѣ, Матвѣй Ивановичъ, вѣроятно для доставленія удовольствія обществу, подбѣжалъ къ мальчику, сдернулъ съ себя парикъ

и началъ дѣлать передъ нимъ разныя гримасы. Всѣ расхохотались, исключая меня и дамы съ темнокарими глазами, у которой былъ чепецъ съ розовыми лентами. Она даже не улыбнулась. Она поняла всю неприличность такого поступка. Въ самомъ дѣлѣ, позволительно ли чиновнику въ извѣстныхъ лѣтахъ, имѣющему уже знаки отличія, до такой степени унижать себя: прыгать передъ глупымъ мальчишкой и строить изъ своего лица такія рожи, что иныя маски благовиднѣе?

Въ четыре часа ни одной ниточки не оставалось на столѣ: все имущество, лежавшее на немъ, разнесено было въ восемь различныхъ угловъ. Двѣнадцать лакеевъ раскладывали на этотъ столъ скатерть, не совсѣмъ чистую и нѣсколько дырявую; это мнѣ показалось страннымъ, но я узналъ послѣ, что столовое бѣлье было все раздѣлено и никакой общей, кромѣ этой скатерти, не оставалось. Какъ сію секунду вижу передъ глазами лакея, захватившаго нѣсколько тарелокъ, споткнувшагося о порогъ буфета залы и уронившаго двѣ тарелки, которыя разбились въ дребезги съ страшнымъ шумомъ. Илья Петровичъ стоялъ въ эту минуту возлѣ меня и разговаривалъ со мною объ устройствѣ риги. Разсердясь на неосторожность лакея, онъ перебилъ начатый имъ разговоръ, плюнулъ и сказалъ мнѣ:

— Вотъ, братецъ, тебѣ и наслѣдство: еще до раздѣла все перебьютъ, бестіи! Что́, у тебя гдѣ глаза-то, Васька?— закричалъ онъ, строго смотря на лакея.

— Во лбу, сударь, глаза... гдѣ же?—отвѣчалъ Васька;— вѣдь я не вашъ, а Петра Петровича. Еще отъ своего барина худого слова не слыхалъ, а вы...—И онъ продолжалъ ворчать, удаляясь въ буфетъ.

— Будь онъ у меня въ эскадронѣ,—говорилъ Илья Петровичъ:—я бы его! показалъ бы ему Петра Петровича!.. Такая разнобоярщина,—въ усъ не дуютъ, грубіяны!.. До обѣда, я чай, не успѣешь выкупаться, а жара, братецъ, такая, что чортъ знаетъ, хоть цѣлый день въ водѣ сиди!

И точно въ тотъ годъ съ іюля мѣсяца сдѣлались необычайныя жары, о чемъ сказано было впрочемъ и въ «Брюсо-

вомъ календарѣ». Отъ продолжительной засухи всѣ луга выгорѣли, такъ что, бывало, идешь по лугу, а нога скользитъ, какъ на паркетѣ въ комнатахъ нашего директора. Мухъ было столько, что Боже упаси! отъ несносныхъ мухъ мы не знали куда дѣться. Ничего нѣтъ непріятнѣе на свѣтѣ этихъ насѣкомыхъ. Часто думалъ я, и теперь думаю, къ чему служитъ существованіе такихъ гадинъ, какъ мухи, блохи и другія имъ подобныя...

Едва сѣли мы за столъ и только что я занесъ ко рту ложку супа,—глядь, а въ супѣ барахтаются три мухи; едва Илья Петровичъ успѣлъ мнѣ налить рюмку *виссанта*, вино цвѣта мутнаго и вкуса непріятнаго, глядь — и въ виссантѣ муха; но, что́ было всего досаднѣе, я большой охотникъ до кваса, вотъ и налилъ я себѣ квасу, думая этимъ нѣсколько освѣжиться отъ жара, — а вмѣстѣ съ квасомъ такъ и полились проклятыя мухи.

Разговоръ за обѣдомъ касался большею частью предметовъ хозяйственныхъ, толковали однако и о литературѣ немного. Я заговорилъ о «Благонамѣренномъ». Въ то время еще Александръ Ефимовичъ Измайловъ издавалъ *Благонамѣренный* — журналъ весьма хорошій по тогдашнему. (Нынче обо всемъ судятъ совершенно иначе и все старое почитаютъ дурнымъ.) Самое названіе журнала зарекомендовало публику въ его пользу и ясно показывало намѣреніе почтеннаго издателя. Во всѣхъ сочиненіяхъ прозаическихъ или стихотворныхъ, помѣщенныхъ въ «Благонамѣренномъ», строго соблюдаема была моральная цѣль. Младшіе писатели всегда имѣли глубокое почтеніе къ старшимъ и безъ совѣтовъ ихъ и наставленій не печатали ни одного своего произведенія. Горько каждому благомыслящему человѣку, горько смотрѣть, что дѣлается въ наше время въ литературѣ! мораль не уважаютъ, и молодые писатели, пробующіе еще только перо, съ оскорбительными насмѣшками отзываются о почетныхъ нашихъ стихотворцахъ и прозаикахъ, тогда какъ достоинство ихъ несомнѣнно, ибо признано не только публикою, но и многими учеными обществами, въ которыхъ они состоятъ членами. Не стыжусь быть староверомъ и откро-

венно скажу, что новѣйшія стихотворенія невозможно читать: въ нихъ нѣтъ никакой мысли и въ выраженіи чувствованій ни малѣйшей нѣжности, — все только однѣ картины, ни къ чему не ведущія, изъ которыхъ, какъ ни бейся, не извлечешь никакого поученія. Долго ли все это продолжится—не знаю; я не сочинитель, слѣдовательно въ чужія дѣла вмѣшиваться не буду... Такъ я заговорилъ о «Благонамѣренномъ» и къ слову прочелъ оттуда стихи, всегда особенно нравившіеся мнѣ, подъ заглавіемъ: *Въ альбомъ къ запутанному въ сѣти Амуру:*

Подъ сѣнію любви я проводилъ свой вѣкъ,
Плѣненный красотой твоей, моя Плѣнира,
И дни мои Борей свирѣпый не пресѣкъ
Затѣмъ, что о тебѣ моя гремѣла лира.
　　И нынѣ вижу я —царица красоты,
Что самъ Амуръ въ тебя влюбился
　　И очутился
У ногъ твоихъ,—неся въ рукѣ цвѣты!
Едва лишь на тебя малютка заглядѣлся,
　　Своею сѣтью самъ одѣлся
И ужъ съ тѣхъ поръ на мигъ тебя не покидалъ,
Твоимъ рабомъ божокъ крылатый сталъ,
　　Слѣдя повсюду за тобою
Въ деревнѣ, въ городѣ, — съ колчаномъ и стрѣлою!

Чтецъ я былъ не дурной, по увѣренію многихъ, и въ этотъ разъ во время декламаціи моей видѣлъ одобреніе на многихъ лицахъ, особенно на лицѣ той дамы, у которой были темно-каріе глаза и чепецъ съ розовыми лентами. Она съ чувствомъ ловила каждое слово стихотворенія, и лицо ея съ каждымъ стихомъ принимало болѣе и болѣе нѣжное выраженіе. По какому-то неясному движенію сердца, при стихѣ:

Твоимъ рабомъ божокъ крылатый сталъ,

я обратился невольно къ ней. Она закраснѣлась, потупила глаза въ тарелку, поспѣшно взяла ножикъ и вилку и начала разрѣзать говядину подъ краснымъ соусомъ.

— Какое милое эротическое стихотвореніе! — сказала она минуты черезъ двѣ, взглянувъ на меня съ тою привлека-

тельною застѣнчивостью, которая служитъ вѣрнымъ признакомъ хорошаго воспитанія.

Тонкое замѣчаніе дамы съ темно-карими глазами заронилось мнѣ въ душу. «Какимъ изящнымъ вкусомъ надѣлена она!» подумалъ я.

Послѣ обѣда я подошелъ къ ней.

— Вы изволите быть охотницей до чтенія?—спросилъ я ее.

— Это моя страсть, — отвѣчала она: — хозяйство и книги; я ужъ такъ была пріучена съ малолѣтства.

— Это похвально-съ. («Она должна быть превосходной хозяйкой, это сейчасъ видно», подумалъ я).—Ржаные хлѣба что-то нынѣшній годъ совсѣмъ не удались,—произнесъ я послѣ минуты молчанія: — вотъ на яровые такъ нельзя пожаловаться.

— Ужъ ржаного хлѣба нынче ни зерна не будетъ. Повѣрите ли, въ Бакеевкѣ, что̀ мнѣ теперь досталась, хоть шаромъ покати.

— Неужели Бакеевка вамъ досталась? — спросилъ я съ радостнымъ изумленіемъ. — Моя Орловка только въ четырехъ верстахъ отъ Бакеевки. Я долженъ благодарить судьбу за доставленіе мнѣ такого сосѣдства.

Она покраснѣла.

— Очень пріятно, — сказала она, и какимъ голосомъ произнесено было «очень пріятно»! — А вы на житье сюда или на время?

Зная, что по истеченіи отпуска я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, я отвѣчалъ, самъ не зная отчего, трепещущимъ голосомъ:

— Не знаю.

— Послѣ столичныхъ увеселеній и развлеченій, — продолжала она, — наша деревенская жизнь покажется не такою деликатною. Это я знаю по собственному опыту, потому что прежде жила въ столицѣ. Провинція ужъ все провинція, какъ ни говорите.

— Деревня имѣетъ свои пріятности; воздухъ здѣсь совсѣмъ другой. Я такъ чувствую себя гораздо лучше на свѣ-

жемъ воздухѣ, особенно когда можно отдохнуть послѣ занятій по службѣ; къ тому же уединеніе...

— Въ самомъ дѣлѣ. Вы, вѣрно, меланхолическаго расположенія?

Меланхолическаго! это слово мнѣ никогда не приходило въ голову. Вѣдь именно я всегда былъ меланхолическаго расположенія! Она угадала мой характеръ. Робость, которую я ощущалъ въ присутствіи женщины, въ первый разъ смѣшивалась во мнѣ съ какимъ-то пріятнымъ ощущеніемъ, когда я былъ съ нею; продолжить разговоръ я не могъ, а мнѣ хотѣлось постоять возлѣ нея, послушать ее.

Въ эту минуту Илья Петровичъ ударилъ меня по плечу.

— Что́, братъ, ужъ ты познакомился съ Марьей Дмитріевной? Вотъ счастливица-то у насъ на раздѣлѣ, сто́итъ только задумать ей: хочу этого — и вѣрнѣе смерти достанется это. Рекомендую вамъ его, Марья Дмитріевна. (Я поклонился и покраснѣлъ, она улыбнулась.) Ей Богу, славный малый, да и къ тому же сосѣдъ вамъ. А скромникъ какой! Бывало, я...

Есть люди, совершенно неумѣющіе вести себя при дамахъ и позволяющіе себѣ говорить вещи, которыя, по моему мнѣнію, неприличны даже и въ мужской компаніи. Илья Петровичъ принадлежитъ къ такимъ людямъ. Чтобы удержать въ этотъ разъ его нескромность, я кашлянулъ. Онъ заикнулся. Къ счастью, очень во́-время подошелъ къ нему Христіанъ Францовичъ. Глаза доктора, по обыкновенію, двигались изъ стороны въ сторону, и правый глазъ онъ прищуривалъ самымъ страннымъ образомъ.

— А что́, Илья Петровичъ, матрасъ въ диванной на кушеткѣ, обитый желтымъ ситцемъ, не нуженъ вамъ? Уступите-ка мнѣ его безъ раздѣла, для тарантаса. Другіе наслѣдники всѣ согласны. И Марья Дмитріевна вѣрно согласится?

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчала она.

— Ну, ужъ я, чортъ возьми, не постою: уступать, такъ уступать! — воскликнулъ Илья Петровичъ.

Докторъ, кажется, былъ доволенъ.

Матвѣй Ивановичъ подскользнулъ къ нему. Онъ при-

вѣтно погрозилъ ему пальцемъ.—Умѣете, Христіанъ Францевичъ,—замѣтилъ онъ,—и словцо ввернуть во̀-время. Я такъ прошу-прошу Илью Петровича, чтобы согласился уступить мнѣ кусокъ синей бомбы съ цвѣтами. Я, пожалуй, отъ денегъ не прочь, хоть сейчасъ выложу на столъ. Оно не то, чтобы какая-нибудь завидная матерія,—старина, изъ моды вышла; дорогого купить не могу, а женѣ нужно гостинца купить. На что̀ вамъ эта матерія?

— Объ этомъ мы съ вами поговоримъ послѣ.—Илья Петровичъ, сказавъ это, подмигнулъ мнѣ.

— Послѣ, то-то послѣ, Илья Петровичъ!—Онъ вынулъ изъ кармана, поморщиваясь, табакерку.

— Не хотите ли табачку? Я всегда покупаю у Головкина, этотъ табакъ идетъ и въ иностранныя земли.

Возвратясь домой часу въ десятомъ, я раздѣлся и легъ въ постель, но долго не могъ заснуть. Мнѣ было какъ-то неловко, я съ бока на бокъ ворочался безпрестанно. «За тридцать лѣтъ холостая жизнь—настоящее бремя!—подумалъ я, поправляя подушку.—И приласкать нѐкому!»...

III.

На слѣдующее утро я былъ уже въ семь часовъ на погахъ, и до девяти часовъ успѣлъ осмотрѣть ригу, мельницу, скотный дворъ и другія хозяйственныя заведенія. Въ девять часовъ, возвратясь домой, я почувствовалъ голодъ и спросилъ чего-нибудь закусить. Любимѣйшая закуска моя—это копченая ветчина, и никто такъ не умѣлъ коптить ее, какъ, бывало, покойная матушка. При этомъ любилъ я соленые грибки, которые подъ надзоромъ маменьки приготовляли прекрасно. Мнѣ подали вмѣсто всего этого рѣдьку и масло, притомъ не совсѣмъ свѣжее. Я невольно вздохнулъ и подумалъ:

«Вотъ что значитъ, когда нѣтъ въ домѣ хозяйки».

Отъ этой мысли я перешелъ къ тому заключенію, что человѣку въ извѣстныхъ лѣтахъ, имѣющему, по милости Бо-

жіей, свой кусокъ хлѣба, непремѣнно надобно жениться. Къ тому же, имѣя чинъ коллежскаго асессора, не стыдно сдѣлать предложеніе. «Въ самомъ дѣлѣ, не выйти ли въ отставку?»

Предлагая самому себѣ такой вопросъ, я смутился. Уже такъ привыкъ я къ моей регулярной жизни въ Петербургѣ, къ моей маленькой квартиркѣ въ Поварскомъ переулкѣ у Владимірской, къ моему департаменту, къ этой дорогѣ отъ Поварского переулка до арки, что въ Милліонной, даже къ сторожу департаментскому, который снималъ съ меня шинель и пряталъ мои калоши въ продолженіе десяти лѣтъ ежедневно, — такъ привыкъ, что вдругъ, когда я только въ мысляхъ оторвался отъ всего этого и вообразилъ, что буду жить совершенно по-новому, мнѣ сдѣлалось страшно, очень страшно.

«Но, — и тутъ я провелъ рукою по лбу, — но... не умереть же мнѣ холостымъ! Кто будетъ ходить за мной, если я занемогу, если (и объ этомъ надобно подумать), если я буду лежать на смертномъ одрѣ — кто закроетъ мнѣ глаза?»

Слезы проступили у меня на глазахъ отъ такихъ мыслей. Первый разъ я серьезно раздумался о своей будущности. Черезъ полчаса я приказалъ заложить свою бричку.

— Пошелъ въ Городню, — сказалъ я кучеру.

Въ Городню иначе нельзя было проѣхать, какъ черезъ Плющиху. Какое-то таинственное чувство, совершенно непостижимое, влекло меня въ ту сторону, но я не рѣшился сказать кучеру «въ Плющиху».

Видно, кучеру моему показалось страннымъ такое приказаніе, потому что онъ переспросилъ меня два раза: «куда сударь?»

Городня небольшая деревня, въ которой не было и до сихъ поръ нѣтъ никакихъ хозяйственныхъ заведеній. Подъѣзжая къ Плющихѣ, я почувствовалъ неловкость во всемъ тѣлѣ, и краска выступила у меня на лицѣ; вынувъ изъ кармана щеточку съ зеркаломъ, которую я имѣлъ привычку носить въ карманѣ, оправилъ свои волосы.

У конюшенъ, направо, при въѣздѣ въ деревню, стоялъ

Илья Петровичъ въ драгунскомъ сюртукѣ съ брусничнымъ воротникомъ, въ нанковыхъ сѣрыхъ шальварахъ и въ бѣломъ пуховомъ картузѣ; онъ курилъ табакъ изъ коротенькаго чубука съ преогромною пѣнковою трубкою, обернутою въ замшу, придерживая ее правой рукой, а лѣвой ероша усы свои. Противъ него стоялъ вкрадчивый Матвѣй Ивановичъ; бородка его синѣла издалека; возлѣ Матвѣя Ивановича Христіанъ Францевичъ; возлѣ Христіана Францевича длинный медіаторъ въ синемъ сюртукѣ по щиколотку, а возлѣ медіатора какой-то молодой человѣкъ пріятной наружности, въ голубомъ жилетѣ. Это былъ также повѣренный одного изъ наслѣдниковъ. Рядомъ съ нимъ стояли два господина средняго роста, худощавые, а между ними третій пониже и потолще — всѣ три брата Ильи Петровича. Словомъ, полное собраніе и наслѣдниковъ, и повѣренныхъ было тутъ налицо, за исключеніемъ Марьи Дмитріевны. Прежде нежели я размыслилъ, чтó мнѣ слѣдовало дѣлать и какъ отвѣчать на вопросы и привѣтствія, долженствовавшіе посыпаться на меня со всѣхъ сторонъ, Илья Петровичъ замахалъ обѣими руками, увидѣвъ меня, отошелъ отъ толпы, остановился на срединѣ дороги и закричалъ самымъ густымъ басомъ:

— Стой! кто ѣдетъ? — потомъ, пресерьезно подойдя къ дверцамъ моей кибитки, онъ сказалъ также серьезно: — пожалуйте подорожную прописать.

Всѣ стоявшіе тутъ господа, услышавъ это, громко расхохотались. Илья Петровичъ при всемъ общемъ залпѣ смѣха также не могъ выдержать, и самъ покатился со смѣха. Я ничего не говорю о себѣ, но можете вообразить, что при такой сценѣ я не могъ не выйти изъ состоянія раздумья, въ которомъ находился.

— Вылѣзай-ка, братъ, изъ кибитки, вылѣзай. Кстати пріѣхалъ, а мы еще не завтракали: все лошадей дѣлили, насилу кончили, а есть, я тебѣ скажу, жеребчики недурные. Мнѣ достался одинъ полово-сѣрый, такъ ужъ мое почтеніе! Постой-ка, я велю его вывесть. Да вылѣзай же, братецъ.

— Я позавтракалъ дома, и вдругъ что-то голова разбо-

лѣлась, захотѣлось проѣхаться, я проѣзжалъ мимо... совсѣмъ нечаянно, не думалъ...

Я хотѣлъ показать, что понимаю приличія и знаю, что не водится въ общежитіи ѣздить ежедневно въ тотъ домъ, гдѣ одинъ только хозяинъ коротко знакомъ, а прочіе также хозяева, — но еще не короткіе знакомые. Въ Плющихѣ же всѣ наслѣдники были ровные хозяева. Когда я произнесъ: «нечаянно, не думалъ», Илья Петровичъ, поправивъ свой лѣвый усъ лѣвою рукою, правою раза два ударилъ меня по спинѣ и сказалъ:

Вздору-то не болтай,
А изъ коляски вылѣзай.

— Что, братъ, каково? Мы и стихами говорить умѣемъ.

Добрый человѣкъ Илья Петровичъ, но о свѣтскости и о приличіи не имѣетъ ни малѣйшаго понятія! Я и вышелъ изъ коляски; только что я ступилъ ногою на землю, какъ Матвѣй Ивановичъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ мою руку и, потирая теменемъ своей головы около моего сердца, съ вкрадчивою улыбкою произнесъ:

— Мы васъ не выпустимъ. Какъ ваше здоровье? Какъ изволили вчера доѣхать? — Онъ ухватилъ меня за талію и на ухо шепнулъ мнѣ: — Здѣсь, въ провинціи, когда встрѣтишься съ петербургскимъ, такъ легче на душѣ станетъ, право.

Я поблагодарилъ его за вниманіе и поздоровался съ прочими, сказавъ каждому какую-нибудь свѣтскую бездѣлку.

Когда черезъ калитку, выходившую на улицу, мы прошли къ самымъ конюшнямъ, Илья Петровичъ приказалъ вывести конюхамъ доставшагося ему полово-сѣраго жеребца, чтобы показать мнѣ. Жеребца вывели; онъ подошелъ къ нему, погладилъ его по шеѣ, посмотрѣлъ ему въ зубы, прищелкнулъ языкомъ и сказалъ мнѣ:

— Конекъ, братецъ, знатный; ему невступно четыре года. Знаешь ли, какую я хочу дать ему кличку?

— Какую?

— Вольтеръ! а? что́ скажешь?

При семъ Илья Петровичъ засмѣялся.

Послѣ того мы отправились къ ожидавшему насъ завтраку.

Дорогою отъ конюшенъ до дома Илья Петровичъ, шедшій рядомъ со мною, все подшучивалъ надъ своимъ братомъ, который пришепётывалъ.

— А, что, покончили ль свой дѣлежъ дамы? — съ усмѣшкою замѣтилъ Христіанъ Францевичъ, поглядывая па Матвѣя Ивановича.

— Бьюсь объ закладъ, что еще не кончили! — закричалъ Илья Петровичъ. — Знаешь ли, братецъ, чѣмъ это онѣ занимаются, что́ дѣлятъ? — спрашивалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Во всѣхъ кладовыхъ всѣ углы перешарили, отыскивая тамъ какія-то банки съ столѣтнимъ вареньемъ и бутылки съ наливками—и давай изъ одной бутылки переливать въ другую, чтобы всѣмъ досталось поровну. Да бутылки-то еще ничего,—авось либо и найдется наливочка, годная къ употребленію, — а то варенье изъ банки въ банку перекладывать: это каково? Впрочемъ, всѣ женщины уже созданы на то. Серьезнымъ ничѣмъ заниматься не могутъ.

Сердце мое забилось, когда я вошелъ въ залу; но въ залѣ ни одной дамы не было. Тамъ на полу сидѣли четыре лакея, необыкновенно раскраснѣвшіеся, и занимались переցѣживаніемъ наливокъ изъ одной бутылки въ другую. Наканунѣ въ этой комнатѣ попахивало залежавшимся платьемъ, въ эту минуту такъ и бросался въ носъ спиртъ.

Дамы сидѣли въ гостиной передъ двумя ломберными столами, соединенными вмѣстѣ, на которыхъ разставлены были банки съ вареньемъ и небольшія фаянсовыя крынки. Илья Петровичъ угадалъ: онѣ еще все продолжали дѣлить варенье.

Я подошелъ къ ручкѣ Дарьи Яковлевны и почтительно раскланялся съ прочими дамами.

— Милости просимъ садиться, очень рады васъ видѣть,— сказала Дарья Яковлевна: — извините насъ, не претендуйте, что при васъ будемъ заниматься такимъ дѣломъ.

Я сказалъ «помилуйте» и сѣлъ.

Марья Дмитріевна была очень задумчива и машинально

разбивала ложечкой имбирное варенье, передъ ней стоявшее. Нельзя описать, какъ она была мила въ этотъ день! Какъ удивительно шло къ ней лиловое платье съ зелеными цвѣточками! Я посмотрѣлъ на нее и снова опустилъ глаза.

Илья Петровичъ нѣсколько минутъ послѣ меня вошелъ въ гостиную. Когда Дарья Яковлевна увидѣла его, она вся перемѣнилась въ лицѣ и съ безпокойствомъ вскрикнула:

— Ну, что́? кончили? а каковы намъ жеребцы достались?

— Славные, матушка, и полово-сѣрый четырехъ лѣтъ нашъ! Вотъ конь! гордость какая!

При этомъ та дама, у которой былъ раздражительный голосъ, нахмурилась, а Дарья Яковлевна, казалось, успокоилась и обратила опять свое вниманіе на варенье.

— Изволили разставить на восемь частей, — сказалъ Христіанъ Францевичъ Дарьѣ Яковлевнѣ: — теперь, сударыня, только билетики, да и жеребіи?

— Совсѣмъ разставлено. Части, кажется, все ровныя.

— А я полагаю, что совсѣмъ не ровныя! — воскликнула дама съ раздражительнымъ голосомъ: — имбирное варенье все на одну почти часть положили; имбирное же варенье, сами знаете, рѣдкое и дорогое. Я васъ спрашиваю, Христіанъ Францевичъ, гдѣ теперь достанешь имбирнаго? Нигдѣ въ свѣтѣ; а противъ него что́ поставлено? клубничное, малиновое, черная смородина, да и то еще такое, что прабабушка...

Дарья Яковлевна вспыхнула.

— На васъ не угодишь! Извольте разставлять сами! Ка́къ вы лучше разставите? интересно посмотрѣть. Довольно смѣшно: имбирнаго варенья три кринки, а другихъ вареньевъ сорокъ банокъ. Варенье все хорошее, — нужды нѣтъ, что старое: не бросить же его; можно подварить, такъ изойдетъ для гостей, которые попроще.

— Для чего изъ-за этой малости спорить, сударыня? — возразилъ Матвѣй Ивановичъ, обращаясь къ дамѣ съ раздражительнымъ голосомъ. — Извольте лучше бросить жеребьи:

можетъ, имбирное варенье и вамъ достанется, — почемъ вы знаете? На все судьба!

Жребіи были брошены.

Одна кринка имбирнаго варенья досталась Дарьѣ Яковлевнѣ, а двѣ Марьѣ Дмитріевнѣ. У дамы съ раздражительнымъ голосомъ кровь на лицѣ выступила пятнами. Она старалась скрыть свой гнѣвъ и не могла. Съ досадой толкнула она локтемъ одну изъ доставшихся ей банокъ съ клубникой, встала съ креселъ и отошла къ окну. Марья Дмитріевна, увидѣвъ это, также встала съ своего мѣста и подошла къ ней.

— Мнѣ достались двѣ банки имбирнаго, — сказала она: и сколько нѣжности, уступчивости и доброты было въ ея голосѣ! — Извольте, я вамъ съ моимъ удовольствіемъ уступлю одну, тогда у васъ у трехъ будетъ поровну...

Она говорила, а я глядѣлъ на нее и думалъ:

«Какая женщина! Боже мой, какая женщина!»

— Маменька, дайте мнѣ варенья!—закричалъ сынъ Марьи Дмитріевны, вбѣжавъ въ комнату. Это былъ очень недурной собою, бѣлокурый мальчикъ въ ситцевой рубашкѣ, съ сумкой черезъ плечо. Онъ до такой степени забѣгался въ лошадки съ дворовыми мальчишками, что потъ лилъ съ его лица ручьями, и онъ едва переводилъ дыханье.

— До обѣда нельзя, душаточка, лакомиться вареньемъ,— сказала Марья Дмитріевна: — но если хорошо будешь вести себя за столомъ, то послѣ обѣда ложечки двѣ получишь. Чтó это, какъ ты раскраснѣлся? Теперь не извольте ходить на улицу, а сидите здѣсь. Какъ не стыдно носикъ не вытирать! — И, говоря это, Марья Дмитріевна вынула изъ его сумочки носовой платокъ и вытерла имъ носъ сына.

— Маменька, позвольте еще побѣгать.

— Нѣтъ, нѣтъ; изволь сидѣть и быть послушнымъ.

Я подошелъ къ Мишѣ, который опустилъ голову и нахмурился, потрепалъ его по щекѣ и поцѣловалъ. Марья Дмитріевна, увидѣвъ это, не могла скрыть своего удовольствія.

— Оставьте его. — произнесла она съ улыбкой, одной ей

свойственной: — онъ капризный мальчикъ и не заслуживаетъ ласкъ.

— Да чѣмъ же я капризенъ, маменька? — говорилъ Миша, всхлипывая.

Марья Дмитріевна подошла ко мнѣ.

— Не подумайте, — сказала она самымъ пріятнѣйшимъ тономъ: — чтобы я была мать-баловница. Нѣтъ, ужъ это не въ моихъ правилахъ! Я его часто и строго наказываю; но все, знаете, женское дѣло: онъ меня не такъ боится; вотъ если бы отецъ былъ живъ!.. Способности же имѣетъ большія, благодаря Бога; я все сама съ нимъ занимаюсь, иногда даже по четыре часа сряду. Онъ у меня очень бѣгло читаетъ по-русски и по-французски, половину же священной исторіи, что̀ съ вопросами и отвѣтами, наизусть слово въ слово знаетъ.

Отъ восхищенія я не могъ произнести ни слова. «Сама занимается!» скажите, много ли такихъ матерей въ нынѣшнемъ свѣтѣ? Однако и она, при всемъ своемъ умѣ, чувствуетъ, что безъ мужа, безъ главы дома, трудно обойтись!

IV.

Съ этого дня, проведеннаго мною въ Плющихѣ съ неизобразимымъ удовольствіемъ, я чаще и чаще сталъ ѣздить туда, и всякій мой пріѣздъ по часу и болѣе бесѣдовалъ съ Марьей Дмитріевной. Изъ этихъ бесѣдъ я вполнѣ убѣдился, что она надѣлена добродѣтельнымъ сердцемъ и основательнымъ умомъ, потому что обо всѣхъ предметахъ разсуждаетъ солидно, и въ особенности очень хорошо говоритъ о нравственности. Прошло уже два мѣсяца съ того дня, какъ я въ первый разъ увидѣлъ ее. Раздѣлъ приближался къ окончанію. Раздѣльный актъ былъ совершонъ въ гражданской палатѣ и подписанъ. Раздѣлятъ серебро и всѣ разъѣдутся въ разныя стороны, и опустѣетъ Плющиха!..

Однажды я не спалъ почти всю ночь напролетъ. Срокъ моего отпуска былъ на исходѣ. Я представилъ себѣ даль-

ность и неудобства дороги и свое одиночество. Это одиночество такъ и щемило мое сердце. Я подумалъ, можетъ статься, никогда болѣе не увижу Марьи Дмитріевны; мысль, что если приказчикъ мой обманываетъ меня въ моемъ присутствіи, что́ же должно быть, когда меня нѣтъ въ деревнѣ?.. Все это, взятое вмѣстѣ, заставило меня окончательно рѣшить мое будущее.

Подъ утро я всталъ съ постели и началъ ходить вдоль и поперекъ комнаты.

Остаться въ деревнѣ, или ѣхать въ Петербургъ? служить, или выйти въ отставку и жениться?

Въ этотъ разъ «выйти въ отставку» уже не представлялось мнѣ такъ страшно, какъ первый разъ, когда мнѣ это пришло въ голову.

«Коллежскаго асессора я получилъ недавно, столоначальникомъ сдѣланъ недавно. Что́ же? до надворнаго совѣтника еще далеко, до начальниковъ отдѣленія подавно. Перспектива есть, но не близкая. Къ тому же сидячая жизнь, петербургскій климатъ... Но... согласится ли *она* принадлежать мнѣ? Ея мужъ былъ начальникомъ отдѣленія! Впрочемъ, что́ жъ? — я не какой-нибудь нищій, имѣю свой кусокъ хлѣба и чинъ почетный!.. Предложеніе—легко сказать—и подумать, такъ голова закружится... Ну, какъ Богу угодно, такъ и будетъ!»

Нѣсколько дней спустя послѣ этого размышленія, часу въ шестомъ вечера, по окончаніи раздѣла серебра, Марья Дмитріевна вышла пройтись въ садъ, или въ огороженную плетнемъ четвероугольную площадь, которую всѣ называли садомъ. На этой площади, впрочемъ довольно обширный, росло нѣсколько яблонь, нѣсколько липъ, нѣсколько елей, дубковъ, и тянулись двѣ длинныя аллеи разросшихся акацій. Въ этихъ двухъ аллеяхъ только и можно было прогуливаться, ибо остальная половина четвероугольника предполагалась только къ распланированію. Въ правой сторонѣ между зеленью мелькало прекрасное каменное зданіе съ небольшой деревянной башенкой, на которой вертѣлся желѣзный пѣтухъ, раскрашенный разными цвѣтами: это оранже-

рея. Въ серединѣ четвероугольника красовался прудъ изрядной величины, въ которомъ Марья Дмитріевна удила рыбу.

Вечеръ былъ теплый, несмотря на то, что сентябрь приближался къ исходу. Желтые листья грудами лежали на дорожкахъ... Господи, ка́къ я живо все это помню, даже вереницу дикихъ утокъ, промелькнувшихъ по небу! Марья Дмитріевна шла по дорожкѣ, обсаженной акаціями, шла тихо и задумчиво, въ чепцѣ, убранномъ розовыми лентами, въ томъ самомъ чепцѣ, въ которомъ я видѣлъ ее въ первый разъ.

Незамѣченный ею, я подошелъ къ ней сзади.

— Вы гуляете, Марья Дмитріевна?—спросилъ я ее дрожащимъ голосомъ.

Она испугалась и немного вскрикнула.

— Ахъ, это вы!

— Точно я, я, Марья Дмитріевна... вы, вы такъ легко одѣты; теперь вечера не лѣтніе: можно простудиться.

— Ничего-съ, и простужусь, такъ жалѣть будетъ нѐкому!

— Какъ можно! И передъ Богомъ грѣшно не беречь своего здоровья.

Она ничего не отвѣчала, и я молчалъ.

— Вашъ раздѣлъ теперь совсѣмъ конченъ, Марья Дмитріевна?

— Да, совсѣмъ-съ.

— А что́, вы отсюда скоро уѣдете?

— Предполагаю очень скоро.

У меня кровь такъ и застыла.

— А куда вы изволите поѣхать, Марья Дмитріевна?

— Въ свою прежнюю деревню Маматовку, верстъ за двѣсти отсюда. Мнѣ давно пора бы во-свояси. Ахъ, Боже мой! и хлѣбъ-то нынѣшній годъ безъ меня убрали!

— Прощайте, Марья Дмитріевна! можетъ быть, мы съ вами болѣе не увидимся. И я также скоро отправлюсь къ должности, въ Петербургъ.

Я шелъ по лѣвую ея сторону, и, произнеся это, едва

осмѣлился искоса взглянуть на нее. Мнѣ показалось, что на ея глазѣ дрожала слеза.

— Вы, вѣрно, соскучили здѣсь? очень натурально: кто пристрастился къ свѣтскимъ удовольствіямъ...

— Нѣтъ, не говорите этого, Марья Дмитріевна, — непреодолимое влеченіе приковываетъ меня къ здѣшнимъ мѣстамъ.

— Почему же вы, позвольте спросить, не останетесь здѣсь?

— Я человѣкъ служащій, чиновникъ, а скоро конецъ моему отпуску; служба не шутитъ-съ.

— Вы, благодаря Бога, обезпечены. Почему же вамъ не выйти въ отставку: вы свой долгъ сдѣлали—послужили. Останьтесь навсегда съ нами... Здѣсь, я вамъ скажу, не то, чтобы въ глуши: дворянство отличное, образованное.

— Оно точно такъ, да я человѣкъ совершенно одинокій. Матушка моя скончалась, я безъ нея совсѣмъ осиротѣлъ и хозяйствомъ заняться некому.

Я чувствовалъ, что голосъ измѣнялъ мнѣ, я оробѣлъ, а она не вымолвила ни слова, ни слова...

Мы шли такимъ образомъ нѣсколько минутъ молча и подошли къ самому берегу пруда. Отсюда слѣдовало повернуть назадъ, ибо дорожекъ ни вправо, ни влѣво не было.

— Марья Дмитріевна, — началъ я, когда мы повернули, сердце у меня такъ билось, что пересказать невозможно: — Марья Дмитріевна, я давно, Марья Дмитріевна, желалъ поговорить съ вами... я... съ первой минуты, какъ увидѣлъ васъ, почувствовалъ такое, что если бы пересказать...—да вдругъ и бахнулъ: — отъ васъ, Марья Дмитріевна, зависитъ мое счастіе.

Я чуть не умеръ отъ страха; у меня совсѣмъ потемнѣло въ глазахъ, а послѣ того меня такъ въ потъ и бросило. Будто сквозь сонъ услышалъ я эти восклицанія:

— Ахъ, ахъ! Боже мой! что́ это вы говорите... ахъ!

Я открылъ глаза и взглянулъ на нее. Въ лицѣ ея не было ни кровинки. Къ счастію, что тутъ случилась скамейка; она не сѣла, а въ совершенномъ изнеможеніи опустилась на нее. Я испугался, бросился къ ней и спросилъ:

— Не дурно ли вамъ?

— Ничего, ничего... ахъ, обдумали ли вы то, чтó сказали?

— Обдумалъ, ей-Богу, обдумалъ, Марья Дмитріевна!

Она заплакала. Я не смѣлъ переводить дыханіе. Вдругъ она встала, посмотрѣла на меня съ чувствомъ и произнесла:

— На все есть предопредѣленіе, теперь я это ясно вижу. И я только что взглянула на васъ, почувствовала необыкновенное біеніе сердца. Видно такъ Богу угодно!

Послѣ сихъ словъ у меня всѣ предметы передъ глазами стали яснѣе.

— Позвольте же поцѣловать вашу ручку. — Я взялъ ея руку и поцѣловалъ; она поцѣловала меня въ щеку.

— Но сегодня еще не объявляйте этого. А вы будете любить моего Мишунчика? вы замѣните ему отца?

— Не сомнѣвайтесь, ради Бога, Марья Дмитріевна, успокойте меня на этотъ счетъ; я буду любить его больше родного сына.

Она еще разъ и еще съ бóльшимъ чувствомъ посмотрѣла на меня и сказала:

— Благодарю васъ; сердце матери безсильно вамъ выразить всего: вы такъ меня утѣшили, что я не могу притти въ себя, — примите мою благодарность.

Влюбленное состояніе скрыть невозможно, и потому, вѣроятно, многіе изъ родственниковъ Марьи Дмитріевны и изъ постороннихъ, находившихся въ Плющихѣ, замѣчали наши взаимныя другъ къ другу склонности. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго; однако, когда черезъ два дня послѣ объясненія нашего съ нею, было объявлено, что я женихъ, а она невѣста, то это поразило многихъ, какъ нечаянность.

— Вишь плутъ какой, — говорилъ Илья Петровичъ: — и отъ меня, своего стараго товарища и пріятеля, скрывался! Поздравляю, братецъ! къ намъ въ роденьку записываешься. Чортъ возьми, это не дурно: деревни ваши съ нею рядомъ; земля съ землей, такъ вамъ и размежевываться теперь не нужно. Мужъ и жена — одна сатана.

Матвѣй Ивановичъ, уѣзжая въ Петербургъ и пожимая мнѣ руку, говорилъ:

— Отъ души желаю вамъ счастія, потому что семейственное благополучіе дороже всякой славы и честолюбиваго поприща, а ужъ какая милая и тонкая дама Марья Дмитріевна, и какія у нея хозяйственныя распоряженія!.. Прошу о продолженіи знакомства, а я ужъ никогда не забуду самыхъ пріятнѣйшихъ дней, проведенныхъ съ вами.

— Благодарю васъ. Возьмите на себя трудъ сказать Петру Петровичу, чтобы онъ принялъ меня въ свое родственное дружество.

— Непремѣнно, все исполню, какъ вы приказываете.— Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ въ грудь.

Христіанъ Францевичъ, моргая лѣвымъ глазомъ и обнявъ правой рукой мою талію, говорилъ:

— Раздѣлъ-то нашъ свадебкой покончится. Право, славно! Вотъ запируемъ! Да, батюшка, вы отъ насъ не отдѣлаетесь. Выставляйте-ка на столъ шампанскаго.—Скажите, кажется, Марьѣ Дмитріевнѣ достались мельничные камни съ желѣзными обручами? Я у себя въ деревнѣ строю мельницу, подарите-ка ихъ мнѣ. У васъ вѣдь всѣ мельницы въ надлежащемъ устройствѣ. Вамъ зачѣмъ эти камни?

— Извольте, съ большимъ удовольствіемъ, — произнесъ я, не зная самъ, чтó говорю отъ радости...

Скоро Плющиха опустѣла. Все, что можно было вывезть изъ нея, вывезли, не исключая даже каменнаго столба, стоявшаго на лугу противъ оранжереи, на которомъ были устроены солнечные часы. Осталась одна оранжерея безъ растеній, да стѣны дома съ прогнившими оконными рамами, въ которыхъ половина стеколъ была перебита.

По прошествіи трехъ недѣль, считая отъ выѣзда наслѣдниковъ изъ Плющихи, я сдѣлался счастливымъ супругомъ Марьи Дмитріевны, а вскорѣ получилъ и увольненіе отъ службы. Что ни говорите, — это судьба!

Два года жилъ я душа въ душу съ моей Марьей Дмитріевной въ совершенномъ уединеніи, довольствѣ и тишинѣ. На третій годъ познакомился съ нами пріѣхавшій изъ О... губерніи родственникъ нашей близкой сосѣдки, отставной

штабсъ-ротмистръ, высокаго роста, плечистый, съ нафабренными усами...

Этимъ словомъ оканчивается отрывокъ изъ рукописи помѣщика, случайно отысканный мною. Продолженія не оказалось. Я позволилъ себѣ только небольшія сокращенія и поправки въ языкѣ.

БѢЛАЯ ГОРЯЧКА.

Повѣсть.

«Повѣсть! Въ этихъ повѣстяхъ все такія сатиры и ничего нѣтъ правдоподобнаго. Даже, повѣрите ли, иной разъ обидно читать».

— Да, они — эти сочинители, не умѣютъ совсѣмъ списывать съ натуры; всѣ они пишутъ точно въ бѣлой горячкѣ.

«Можно, я вамъ скажу, и съ натуры списывать, но такъ, чтобъ не было обидно и чтобы нельзя было принять на свой счетъ».

(*Разговоръ въ гостиной г-жи Горбачевой.*)

«Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышатъ?...»

(*Лермонтовъ.*)

ГЛАВА I.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, — и можетъ быть, нѣкоторые изъ читателей моихъ вспомнятъ объ этомъ, — на выставкѣ Академіи Художествъ обратили на себя всеобщее вниманіе двѣ картины: одна изображала Ревекку у колодца, другая какую-то дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, очень задумчиво и чрезвычайно поэтически сидѣвшую на крутомъ берегу какой-то рѣки, въ ту самую минуту, когда вечерняя заря уже потухла и вечерніе пары, медленно поднимаясь отъ земли, покрывали и горы, и лѣсъ, и луга, и воду синеватою дымкою. Правда, многіе находили, что въ лицѣ Ревекки и въ лицѣ этой задумчивой дѣвушки однѣ и тѣ же черты, одно и то же

выраженіе, и приписывали такое странное сходство недостатку творчества въ художникѣ. Но, несмотря на это, всякій день, во все продолженіе выставки, около этихъ картинъ была давка. Передъ этими картинами останавливались — и чиновница въ кожаныхъ ботинкахъ со скрипомъ, и нарумяненная барыня въ шляпкѣ съ перьями, съ удивительными и восклицательными междометіями, и дама большого свѣта, никогда ничему неудивляющаяся, и канцелярскій чиновникъ въ черной атласной манишкѣ со складочками, и его рѣдковолосый начальникъ со Станиславомъ, развѣшеннымъ на груди, и fashionable съ лорнетомъ въ глазѣ, и конно-артиллерійскій армейскій офицеръ ужасающаго роста въ очкахъ, и маленькій инженеръ, разсуждающій о наукахъ и танцующій по воскресеньямъ на вечеринкахъ у статскихъ и другихъ совѣтниковъ, и кавалеристъ, военный денди — непремѣнное лицо на всѣхъ балахъ и раутахъ, и вертлявая горничная съ Англійской набережной, въ шляпкѣ, съ затянутой таліей, воспитанная въ магазинѣ г-жи Сихлеръ, и толстая дѣвка отъ Знаменья, недавно привезенная изъ деревни. У этихъ двухъ картинъ толпились всѣ эти лица, фигуры и фигурки, которыя вы, я и всѣ мы ежедневно встрѣчаемъ на Невскомъ проспектѣ, на этой вѣчной петербургской выставкѣ.

Отчего же эти двѣ картины привлекли такое лестное, одобрительное вниманіе цѣлаго народонаселенія Петербурга? Принадлежали ли онѣ къ тѣмъ эффектнымъ произведеніямъ живописи, которыя невольно поражаютъ съ перваго взгляда и не знатоковъ? Была ли это дань удивленія и восторга истинно-художественнымъ произведеніямъ?

Картины точно были эффектны, и эта эффектность происходила отъ оригинальности ихъ освѣщенія; къ тому же выпуклость фигуръ, казалось, выходившихъ изъ полотна, рѣзко бросалась въ глаза всякому, а свѣжесть зелени, на которую художникъ, видно, не пощадилъ краски, приводила большинство въ невыразимый восторгъ. Такія достоинства должны были нешутя выдвинуть эти картины на первый планъ. Пройдя нѣсколько залъ, установленныхъ портретами, ланд-

шафтами, снятыми съ довольно плоской и незатѣйливой мѣстности, да историческими картинами, въ которыхъ фигуры группировались съ симметрическою точностью, словно размѣренныя по циркулю, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличались безукоризненными академическими *позами*,— и бѣгло обозрѣвъ всѣ эти произведенія, зритель чувствовалъ, что въ головѣ его дѣлался престрашный хаосъ, въ глазахъ у него рябило, а ноги подгибались отъ усталости... Наконецъ, запыхавшись, о блаженство! онъ достигалъ до послѣдней залы; чтобы перевести духъ, садился на окно, и вдругъ, вовсе неожиданно, поражала его зрѣніе чудная еврейка, красавица, граціозно стоявшая у колодца, на которую, право, можно было заглядѣться и послѣ великолѣпной картины Горація Вернета... Утомленное вниманіе зрителя при взглядѣ на еврейку возбуждалось снова, и онъ съ участіемъ подходилъ къ картинѣ, чтобы хорошенько разсмотрѣть ее. А рядомъ съ еврейкою — другая картина, дѣвушка на берегу рѣки въ сумракѣ вечера... Стоило вглядѣться въ эту картину: въ ней открывалось столько таинственнаго и безконечнаго...

Однако не безъ основанія можно положить, что успѣхъ этихъ обѣихъ картинъ объяснялся еще тѣмъ, что онѣ стояли въ залѣ передъ самымъ выходомъ. Послѣднее впечатлѣніе, каково бы оно ни было, всегда сильнѣе перваго, и память, растерявшаяся во множествѣ пестрыхъ явленій, мелькавшихъ передъ глазами, не сохранившая ни одного штриха, ни одной черты, ни одного образа, радехонька ухватиться за послѣдній предметъ, особенно, если этотъ предметъ поразилъ не одни глаза, а хоть сколько-нибудь подѣйствовалъ на душу. Странное дѣло! память никогда не вѣритъ однимъ глазамъ!.. Надобно при этомъ взять въ расчетъ и то, что прогулка по заламъ должна была возбудить аппетитъ у каждаго, а отъ этихъ двухъ послѣднихъ картинъ сейчасъ можно было перейти къ завтраку или къ обѣду.

Такимъ точно образомъ, послѣ прогулки на выставкѣ, за превосходнымъ завтракомъ, который былъ состряпанъ истинно-художнически, при четвертой бутылкѣ шампанскаго, нѣсколько извѣстныхъ любителей и покровителей искусствъ

рѣшили, что живописецъ, написавшій *Ревекку* и *Дѣвушку на берегу рѣки*, долженъ быть талантъ необыкновенный. Эти господа, свѣтскіе любители и покровители, пользовавшіеся самою блестящею славою въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, прожившіе много лѣтъ и много тысячъ въ чужихъ краяхъ, вывезшіе оттуда великолѣпные альбомы, сами сдѣлавшіе нѣсколько эскизовъ карандашомъ и претендовавшіе на званіе почетныхъ членовъ академіи художествъ, объявили во всеуслышаніе о новооткрытомъ ими талантѣ. —Талантъ! А-а! въ самомъ дѣлѣ талантъ?—заговорили дамы: кто онъ? «Ахъ, Боже мой, что̀ за восхитительныя картины... этакая прелесть! Какъ все живо и натурально, ахъ, ахъ!»—кричали барыни: «да что̀ онъ? да гдѣ онъ?..»

«Торжествуйте, г. живописецъ! счастіе обратилось къ вамъ своимъ лицомъ и улыбается вамъ; вы возстаете изъ мрака неизвѣстности и выходите на свѣтъ Божій, а это очень пріятно!»—думалъ я, ходя по заламъ выставки, останавливаясь порой передъ этими двумя картинами, такъ понравившимися публикѣ, и прислушиваясь къ сужденіямъ знатоковъ и любителей объ искусствѣ вообще и объ этихъ картинахъ въ особенности. Такого рода занятіе мнѣ очень понравилось: бывало, только что встану и напьюсь чаю, сейчасъ же на выставку, и не замѣчу, какъ пройдетъ утро.

Всего болѣе я любилъ гулять въ большихъ залахъ, уставленныхъ портретами. Сначала, правда, мнѣ показалось странно, какимъ образомъ болѣе или менѣе удачныя копіи съ болѣе или менѣе извѣстныхъ физіономій удостоились чести быть на выставкѣ художественныхъ произведеній? Какое до нихъ дѣло искусству?.. Но впослѣдствіи я оставилъ въ сторонѣ эти вопросы и съ большимъ любопытствомъ и наслажденіемъ принялся разсматривать выставленныя физіономіи.

Однажды, когда я стоялъ передъ портретомъ одного изъ тѣхъ красавцевъ, которые восхищаютъ барынь и которыхъ онѣ обыкновенно называютъ *бель-амами*, и любовался его побѣдоносными глазами и цѣпочкой съ супиромъ, мнѣ пришла въ голову мысль, что должно быть удивительно весело

родиться на свѣтъ красавцемъ и вырасти на славу себѣ, на украшеніе міра и на утѣшеніе барынь.

— Осипъ Ильичъ! слышишь, Осипъ Ильичъ! — вдругъ раздался женскій довольно рѣшительный голосъ возлѣ моего праваго уха:—посмотри сюда, вотъ на этотъ портретъ... Да куда ты смотришь? Налѣво... ну, вотъ. Ужъ красота, можно сказать, что красота! да и цѣпочка какая дорогая! долженъ быть милліонеръ!

— Славная цѣпочка! — возразилъ мужской нерѣшительный голосъ:—и съ какимъ вкусомъ жилетка... Замѣтьте жилетку, Аграфена Петровна...

Я обернулся, чтобы посмотрѣть, кто дѣлалъ эти остроумныя замѣчанія, и увидѣлъ подлѣ себя толстую и низенькую женщину въ чепцѣ, въ персидскомъ платкѣ, съ кожанымъ ридикюлемъ, и ея кавалера, также небольшого роста, сѣденькаго, въ вицъ-мундирѣ.

Эта барыня продолжала, обращаясь къ своему кавалеру:

— Что̀, Осипъ Ильичъ, вѣдь работа-то почище Алексашенькиной? бархатецъ на жилеткѣ каково сдѣланъ?

— Безподобно, безподобно! нечего говорить! Однако слышалъ я большія похвалы и его картинамъ, и слышалъ отъ людей солидныхъ.

— Не вѣрится что-то; да гдѣ же онѣ, мы еще до сихъ поръ ихъ и не видали?

— Видно подальше, въ другихъ залахъ. Пойдемте.

И онѣ отправились далѣе. Я вслѣдъ за ними. Что̀ это за Алексашенька? Мнѣ также захотѣлось посмотрѣть его картины...

Я проходилъ залу за залой и долженъ былъ безпрестанно останавливаться передъ различными картинами, выслушивать критическія разсужденія барыни о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ картинъ и подобострастныя, осторожныя замѣчанія ея кавалера. Мнѣ ужъ стала надоѣдать прогулка за этими господами; барыня также начала изъявлять громогласно свое нетерпѣніе, не видя Алексашенькиныхъ картинъ, и явно сердилась на своего спутника...

— Ну, да гдѣ же *его-то* картины?—вскрикивала она:—

видно тебя обманули: ихъ совсѣмъ нѣтъ, да куда ему и соваться съ своей работой...

Наконецъ мы достигли до послѣдней залы. Въ этой залѣ, какъ и во все продолженіе выставки, была страшная тѣснота. Барыня съ ридикюлемъ отважно продиралась сквозь толпу, кавалеръ ея слѣдовалъ за нею, а я за кавалеромъ. Она впереди всѣхъ остановилась передъ «Ревеккою», почти у самой рамы, и посмотрѣла внизъ на бумажку съ надписью. На этой бумажкѣ было написано большими буквами: *Г. Средневскаго.* Барыня прочла надпись и замахала рукой своему кавалеру:

— Сюда, сюда, поближе! ну, да пробирайся же!

Кавалеръ съ большими усиліями подошелъ къ ней. Я остановился немного въ сторонѣ, такъ что могъ ихъ видѣть и слышать ихъ разговоръ. Минуты три пристально разглядывали онъ и она эту картину; потомъ она обернулась къ нему, на лицѣ ея замѣтно было волненіе; и онъ обернулся къ ней: его желтое и сморщенное личико остолбенѣло, въ его мутныхъ глазахъ выразилось что-то похожее на недоумѣніе...

Она воскликнула:

— Осипъ Ильичъ?

Онъ прошепталъ:

— Аграфена Петровна?

Она указала пальцемъ на Ревекку:

— Вѣдь это покойница?

Онъ покачалъ головой:

— Покойница.

— Каковъ, сударь, Алексашенька-то?

Онъ все покачивалъ головой:

— Да, да, да! двѣ капли воды.

Такъ вотъ кто Алексашенька! Я сталъ еще внимательнѣе прислушиваться къ этому странному разговору; но въ эту минуту толстый и высокій господинъ съ лысиной очутился возлѣ Аграфены Петровны.

— Аграфена Петровна, Осипъ Ильичъ!—воскликнулъ онъ басомъ, немного въ носъ...

— Семенъ Ѳедорычъ! пріятная встрѣча.

— Что̀, какъ вамъ нравятся картины? Есть, я вамъ скажу, дорогія, просто дорогія; но лучше всѣхъ вотъ эти двѣ, онѣ однимъ живописцемъ написаны. Прелесть, просто прелесть! Кисть этакая мягкая, такъ все соблюдено; видно, что списывалъ съ натуры...

— И, батюшка, Семенъ Ѳедорычъ! да что́ въ нихъ особенно хорошаго? Я и живописца этого знаю; такой дрянненькій... Развѣ и другая-то его же картина?

— Его, — а славная вещь, просто славная!

Аграфена Петровна начала разсматривать «Дѣвушку на берегу рѣки» и черезъ минуту, указавъ на нее пальцемъ, закричала:

— Осипъ Ильичъ, знаешь ли что̀? Вѣдь и это покойница.

— Хм!—произнесъ Осипъ Ильичъ:—покойница! только та,—онъ указалъ на «Ревекку»—больше похожа на покойницу.

— Все единственно...

— Какая покойница?—съ удивленіемъ спросилъ господинъ съ лысиной и, посмотрѣвъ внизъ на Осипа Ильича, продолжалъ: не хотите ли табачку? у меня отличный, просто отличный табакъ-рапе.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана табакерку золотую съ эмалью.

— Развѣ я не разсказывала вамъ этой исторіи?.. Ахъ, Семенъ Ѳедорычъ; какая у васъ табакерка!.. дорога̀, я думаю?

— Да, цѣнная вещичка; эмаль какая, посмотрите: тончайшая отдѣлка, просто тончайшая. Я купилъ ее на аукціонѣ, она принадлежала князю Л.; у меня ихъ и не одна, правду сказать; я собираю коллекцію.

— Весело носить этакую табакерку!—вздыхая, промолвила Аграфена Петровна.

— А про какую это исторію вы говорите?.. Какая покойница? Тутъ на картинкахъ нѣтъ никакой покойницы.

— Ахъ, батюшка Семенъ Ѳедорычъ! всѣ мы смертные:

придетъ и нашъ часъ. И ее ужъ нѣтъ, сердечной. Вотъ больше двухъ лѣтъ, какъ умерла.

— Да про кого это вы разсказываете, Аграфена Петровна?

— Про дочку нашего генерала. Славная была дѣвушка, умница обо всемъ знала. Бывало, какъ сидишь съ ней, чего она не поразскажетъ... да видно лукавый попуталъ: сбилась, совсѣмъ-таки сбилась, ни за что̀ пропала!.. Ужъ *онъ* за нее на томъ свѣтѣ поплатится.

— То-есть кто онъ?

— Да вотъ этотъ живописишка. Вѣдь хотя онъ мнѣ и родственникъ причитается, да Богъ съ нимъ, я давно на него и рукой махнула и знать не хочу. Пропадай онъ совсѣмъ! Какъ лукавый-то попуталъ ее, она и влюбилась въ него...

Осипъ Ильичъ въ продолженіе этого разсказа боязливо озирался вокругъ, чтобы кто-нибудь не подслушалъ рѣчей Аграфены Петровны.

— Влюбилась! Знаемъ мы эту любовишку, была и я молода, всѣ мы были молоды, да спасибо родителямъ: дурь изъ головы какъ разъ выколачивали. Вотъ видите ли, тогда жива была старушка, его мать; съ полгода назадъ она умерла. Богъ таки наказалъ его!.. Жили они въ бѣдности: сами знаете, въ этомъ званіи скоро ли наживешь копейку! А она, Софья-то Николаевна, дочка-то генеральская, подъ видомъ добродѣтели, и ходила всякій день навѣщать старушку,— вишь хитрость какая! Тутъ они и сошлись покороче, а онъ и списалъ съ нея эти портреты, и вѣдь потрафилъ, просто какъ на живую смотришь, да еще и теперь не посовѣстился выставить въ публичное мѣсто,—безсовѣстная душа!.. Я провѣдала тогда объ ихъ шашняхъ, все и разсказала генеральшѣ,—она такъ и ахнула! Что̀ же, батюшка, Семенъ Ѳедорычъ? все поздно было: Софья-то Николаевна вскорѣ и отдала Богу душу.

— Ахъ, какая исторія!—воскликнулъ господинъ съ лысиной.—Чего не бываетъ, подумаешь, на свѣтѣ!

Въ эту минуту чья-то рука опустилась на мое плечо. Я

посмотрѣлъ назадъ: то былъ мой старый пріятель и товарищъ.

— Хочешь познакомиться съ Средневскимъ?

«Какъ нельзя кстати», подумалъ я.—Разумѣется, хочу.

— Пойдемъ же со мной.

Живописецъ, эпизодъ изъ жизни котораго — вѣрный или невѣрный—я такъ нечаянно выслушалъ, стоялъ въ сосѣдней залѣ въ амбразурѣ окна и благоговѣйно внималъ разсказамъ длиннаго человѣка въ предлинномъ сюртукѣ. Подходя къ окну, я слышалъ только нѣсколько словъ, диктаторски произнесенныхъ:

— Художникъ! великое слово... Въ этомъ словѣ вся эссенція человѣческой мудрости. Страшно шутить этимъ словомъ. Вотъ, посмотри хоть бы на эту картину — хорошо, а нѣтъ *этого*,—и длинный человѣкъ сжалъ пальцы правой руки и выставилъ эту руку впередъ, вѣроятно, чтобы яснѣе показать, чего нѣтъ и что̀ такое — *это*.

Я познакомился съ Средневскимъ. Онъ застѣнчиво поклонился мнѣ и, заговоривъ со мной, закраснѣлся... Лицо его было довольно полно, черты неправильны, но пріятны, бѣлокурые волосы его вились отъ природы. Его черный сюртукъ былъ довольно поношенъ и, казалось, сшитъ не по немъ, а купленъ готовый; онъ держалъ въ рукѣ шляпу порыжѣлую и истертую и смотрѣлъ на длиннаго человѣка, какъ ученикъ смотритъ на учителя.

Длинный человѣкъ продолжалъ:

— Ты талантъ, торжественно тебѣ объявляю и публика уже оцѣнила твои картины. Твой успѣхъ несомнѣненъ. Иди смѣло впередъ. Ты будешь ближе всѣхъ къ Доминикино, а Доминикино великій мастеръ. Дай Богъ только быть тебѣ счастливѣе его въ жизни.

И длинный человѣкъ, проговоря это, взялъ руку молодого живописца и многозначительно пожалъ ее.

Живописецъ покраснѣлъ до ушей и несвязно лепеталъ что-то, повертывая въ рукѣ свою истертую и порыжѣлую шляпу.

ГЛАВА II.

Во время оно я посѣщалъ литературныя общества. Вы, невинный читатель мой, вѣрно не подозрѣваете, что у насъ въ Россіи это самыя пріятнѣйшія изъ всѣхъ обществъ. Соберутся шесть или семь человѣкъ стихотворцевъ и прозаиковъ; нѣсколько любителей, офицеровъ и статскихъ, въ томъ числѣ одинъ или два артиста. Офицеры—по бо̀льшей части пѣхотные и морскіе, особенно морскіе: они невообразимые охотники до литературы. Статскіе все въ очкахъ, глубокомысленной наружности. Комната не слишкомъ большая, не слишкомъ маленькая. Всѣ эти господа пускаютъ изо рта страшныя тучи дыма и пьютъ чай въ стаканахъ съ лимономъ. Литераторы перваго разряда и статскіе въ очкахъ курятъ сигары, литераторы второго разряда и пѣхотные офицеры—жуковскій табакъ... Облака дыма носятся по комнатѣ и застилаютъ двѣ лампы, безъ того довольно тускло горящія. Всѣ физіономіи въ туманѣ: дымъ придаетъ этой картинѣ что-то неопредѣленное и до слезъ щиплетъ глаза. Разговоры чудо какъ занимательны:

— Тебя разругали въ такомъ-то журналѣ.

— Да и чортъ знаетъ за что, братецъ! Я ничего *его* не сдѣлалъ. *Онъ* задираетъ первый.

— А тебя расхвалили?

— Ты счастливъ, тебя вѣчно гладятъ по головкѣ!

— Твои послѣдніе стихи—прелесть, братецъ!

— Ваша повѣсть мнѣ очень понравилась.

— По двѣсти рублей за листъ.—Сколько мы вчера пили!

— Скажите, кого выставили вы въ вашей повѣсти?

— Никого: это лица вымышленныя.

— Неужели? а я думалъ, что вы съ кого-нибудь списали...—Я придерживаюсь напитковъ слабыхъ, какъ-то: мадеры, портвейна...

Въ такихъ разнообразныхъ и поучительныхъ разговорахъ время проходитъ незамѣтно; посмотришь на часы — и ужъ далеко-далеко за полночь.

И вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, недѣли три послѣ закрытія выставки, я попалъ въ такое сборище. Тамъ между прочими нашелъ я и новаго знакомца моего, живописца. Онъ, несмотря на огромный успѣхъ своихъ картинъ, о которыхъ говорили и кричали повсюду, сидѣлъ еще скромно въ уголку и смиренно покуривалъ вакштафъ изъ длиннаго деревяннаго чубука.

Я подсѣлъ къ нему.

Онъ протянулъ мнѣ руку очень искренно и дружески, будто вѣкъ былъ знакомъ со мной.

— Я все сбирался къ вамъ въ мастерскую. Ваши картины, которыя были на выставкѣ, еще у васъ?..

— Да, онѣ еще у меня,—отвѣчалъ онъ, посмотрѣвъ на меня: — многіе желаютъ пріобрѣсть ихъ и даютъ мнѣ такую цѣну, которой онѣ вовсе не стоютъ, но мнѣ жаль разстаться съ ними.

«Это очень понятно, и мнѣ болѣе, чѣмъ кому-нибудь»,— подумалъ я. Я вспомнилъ невольно разсказъ барыни о генеральской дочкѣ, подслушанный мною на выставкѣ. Мнѣ хотѣлось узнать, до какой степени этотъ разсказъ вѣроятенъ.

— Не покажется ли вамъ страннымъ и нескромнымъ мое замѣчаніе?..—началъ я этою истертою фразою.—Меня, и впрочемъ не одного меня, поразило сходство лица вашей «Ревекки» съ лицомъ дѣвушки на другой картинѣ. — И, сказавъ это, я пристально посмотрѣлъ на него.

Онъ вспыхнулъ и смѣшался.

— Да, это правда, это большой недостатокъ... Это... — И онъ не могъ ничего сказать болѣе.

«Э-ге! да видно барыня-то не совсѣмъ солгала...» Его смущеніе мнѣ однако очень понравилось. Онъ, кажется, еще слишкомъ молодъ и, повидимому, жилъ въ большой бѣдности. Что же? это ничего: года черезъ два разбогатѣетъ, да пооботрется въ обществѣ, понасмотрится и поприслушается, а тамъ и перестанетъ краснѣть... Не вѣчно же кутаться и прятаться въ дѣтскихъ пеленкахъ; право, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше сбросить съ себя всѣ эти забавныя украшенія и сойтись лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью...

— Такъ вы рѣшительно не хотите разставаться съ вашими картинами?

— Можетъ быть, я нехотя долженъ буду разстаться съ ними. Не знаете ли вы князя Б*?

— Нѣтъ, не знаю.

— Онъ пріѣхалъ сюда на время, а живетъ постоянно въ Москвѣ... Князь такъ добръ и такъ расположенъ ко мнѣ; онъ раза два или три въ недѣлю посѣщаетъ мою бѣдную мастерскую и непремѣнно хочетъ имѣть мои картины,—а ему, которому я, въ короткое время знакомства, обязанъ многимъ, ему отказать мнѣ совѣстно...

Въ эту минуту одинъ изъ морскихъ офицеровъ подошелъ къ художнику.

— Чѣмъ изволите заниматься теперь?—спросилъ онъ его.

— Оканчиваю два портрета.

— Чьи-съ?

— Генералъ-адъютанта Ф* и графини К*.

«Прекрасно!—подумалъ я,—въ добрый часъ! онъ началъ славно».—Я еще что-то хотѣлъ подумать, но вдругъ въ передней раздался звонокъ съ такою силою, что многіе вздрогнули. Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ мѣрными шагами тотъ длинный человѣкъ, котораго я видѣлъ на выставкѣ. Бѣгло взглянувъ на всѣхъ и еще не кланяясь никому, онъ подошелъ къ молодому художнику.

— Очень радъ, что нашелъ тебя здѣсь. Мы только сейчасъ говорили о тебѣ въ большомъ обществѣ, гдѣ были почти все дамы. Ты ихъ съ ума свелъ своими картинами. У дамъ тонкій эстетическій вкусъ. Я восторгу дамъ вѣрю болѣе, нежели разсужденію иного ученаго критика. Да!..

Произнеся это, длинный человѣкъ обратился ко всѣмъ.—

— Здравствуйте, господа!—Здравствуй, душа моя! здоровъ ли ты?—Здравствуйте!—раздавалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ подходили къ длинному человѣку и протягивали ему руки, и онъ всѣмъ привѣтливо улыбался. Три офицера и одинъ статскій молча поклонились ему. Четвертый офицеръ подошелъ къ статскому въ очкахъ и, толкнувъ его подъ бокъ, таинственно шепнулъ ему, указывая глазами на длиннаго

человѣка: «Вотъ, mon cher, умъ-то и талантъ! У, у, у! У него обо всемъ такія оригинальныя сужденія; послушай его... А свѣдѣнія какія! Онъ, кажется, всю ученость проглотилъ».

— Хозяинъ дома, поди сюда!—продолжалъ длинный человѣкъ, нахмуривъ борви и между тѣмъ улыбаясь едва замѣтно.—Ну, прежде всего поцѣлуемся. Вотъ такъ; а потомъ я всѣмъ скажу слово. Присядьте-ка, господа.

Мы всѣ сѣли.

— Между нами есть человѣкъ, котораго имя со временемъ станетъ на ряду съ именами первыхъ художниковъ, если онъ будетъ уменъ. Мы всѣ будемъ имъ гордиться и его чествовать. Вы догадались, о комъ я веду рѣчь?...—И ораторъ посмотрѣлъ на бѣднаго живописца, который потупилъ глаза въ столъ и, казалось, боялся пошевельнуться.

— Да, его произведенія, которыми вы всѣ любовались—диво! Надо умѣть оцѣнить ихъ вполнѣ; въ нихъ бездна того, о чемъ и разсказать нельзя, но что̀ доступно только посвященнымъ въ таинства искусства...

Офицеръ и статскій при этихъ словахъ перемигнулись другъ съ другомъ. Этимъ миганьемъ они хотѣли сообщить другъ другу то удивленіе и тотъ восторгъ, который проникалъ ихъ насквозь отъ обаятельной силы краснорѣчія длиннаго человѣка.

— Дѣло въ томъ, что ты, хозяинъ дома, во славу и дальнѣйшее преуспѣяніе русскихъ художествъ, долженъ непремѣнно угостить насъ шампанскимъ! Сегодня экстренный случай. Мы еще не поздравляли его. Итакъ, первый тостъ за его успѣхи!—И онъ указалъ пальцемъ на бѣднаго живописца, который все еще не поднималъ глазъ.

— Браво, браво! превосходная мысль! — раздалось нѣсколько голосовъ—и увы! хозяинъ, волею или неволею, долженъ былъ повиноваться.

Скоро раздался гармоническій звонъ стакановъ, и первая бутылка очутилась передъ носомъ длиннаго человѣка. Онъ любовно посмотрѣлъ на нее, ласково погладилъ ея благородную шею и занялся ея откупориваніемъ.

Съ страшнымъ залпомъ вылетѣла пробка, и шипучая, звѣздистая влага вырвалась на свободу. Стаканы были наполнены. Всѣ обратились къ художнику при неистовыхъ крикахъ. Онъ старался, и очень замѣтно, скрыть свое удовольствіе, но не могъ. Въ порывѣ этого удовольствія онъ схватилъ за руку длиннаго человѣка и крѣпко пожалъ ее; но длинный человѣкъ отдернулъ свою руку и протянулъ къ нему свои объятія.—Поцѣлуемся!—сказалъ онъ—и они наклонились другъ къ другу и поцѣловались черезъ столъ.

Потомъ длинный человѣкъ началъ декламировать о томъ, что̀ такое Шекспиръ, что́ такое Гёте и Шиллеръ, что́ такое Москва и Петербургъ, Микель Анджело и Рафаэль, какая судьба ожидаетъ художества въ Россіи...

Всѣ слушали его, и дивились ему, и пили. Морскіе офицеры были внѣ себя отъ его рѣчей. Онъ былъ оракуломъ этого маленькаго литературнаго кружка, а потому пилъ больше всѣхъ и поилъ художника. Шампанское потокомъ лилось въ уста оратора, вдохновеніе потокомъ изливалось изъ устъ его. Опорожненныя бутылки начинали вытягиваться строемъ; лица собесѣдниковъ ярко горѣли; въ краткія минуты отдыховъ оратора уже литераторы второго разряда смѣлѣе начинали подавать свой голосъ.

Вдругъ длинный человѣкъ приподнялся со стула, облокотился обѣими руками на столъ и торжественно обвелъ глазами все общество. Литераторы второго разряда тотчасъ смолкли, тишина воцарилась въ комнатѣ.

— Еще слово, и это слово опять-таки къ виновнику нашего пира, къ творцу *Ревекки*! Отъ лица русскихъ художествъ обращаюсь я къ нему и даю слѣдующій совѣтъ...

— Говори же скорѣй и чокнемся! воскликнулъ творецъ «Ревекки»...

— Молчи... Совѣтъ мой будетъ тебѣ полезенъ, и да не изгладится онъ изъ памяти твоей во всю жизнь.—Ты еще молодъ, неопытенъ, выступаешь на поприще скользкое. Тебѣ Богъ далъ талантъ, и зависть обовьетъ тебя и сдавитъ, какъ змѣи Лаокоона—и тысячи змѣиныхъ головъ устремятся и будутъ шипѣть и изливать ядъ свой. Да, я знаю это по

собственному опыту,—но не бойся. Трусость хуже всего; иди смѣло впередъ и не кланяйся на пути прохожимъ. Надобно, чтобы они тебѣ первые кланялись. Не пренебрегай деньгами изъ пустого идеализма. Деньги—все: они и любовь, и дружба, и счастіе, и слава! Не морщись,—поживи съ мое, узнаешь, правъ ли я. Деньги имѣютъ силу сверхъестественную. Съ деньгами тебѣ не опасны будутъ и змѣи, которыя обовьютъ тебя: покажи имъ горсть золота, онѣ сейчасъ же потеряютъ свою силу и отпадутъ отъ тебя... Итакъ, прежде всего наживи деньги. Искусство искусствомъ, деньги деньгами; одно не только не помѣшаетъ другому, а еще пособитъ. Безъ денегъ нѣтъ внутренняго спокойствія, а безъ внутренняго спокойствія творчество не придетъ къ тебѣ. Деньги и деньги! Наживешь деньги—поѣзжай въ Италію, подыши тѣмъ воздухомъ, которымъ дышали Торквато, Рафаэль, Данте, Тиціанъ и Доминикино... Открой въ Римѣ большую и богатую мастерскую, возьми кисти—и пиши... вдохновеніе при такихъ обстоятельствахъ явится къ твоимъ услугамъ, объ этомъ не заботься—и къ тебѣ въ мастерскую нахлынетъ вѣчный городъ и будетъ тебѣ аплодировать. Праздные путешественники съѣдутся со всѣхъ концовъ земли смотрѣть твои картины; журнальные листки прогремятъ о тебѣ... И тогда, тогда только вздохни свободно и легко и скажи самому себѣ: слава моя упрочена, теперь мнѣ за нее трепетать нечего. Потомъ, если вздумаешь, возвращайся въ Россію, живи и наслаждайся жизнію, пиши даже дурныя картины, если художественныя силы твои истощатся,—ничего: и дурными твоими картинами будутъ всѣ восхищаться, потому что имя твое уже освящено. Но, не заставивъ кричать о себѣ въ чужой землѣ, ты ничего не выиграешь въ своей. Теперь ты понравился, тебя хвалятъ, ты входишь въ моду; все это непрочно: мода пройдетъ, и тебя забудутъ, деньги ты проживешь, а вновь будетъ взять не откуда. Dixi!

И длинный человѣкъ тяжело опустился на свой стулъ. Опять раздалось громкое *браво*, но художникъ молчалъ, онъ немного попризадумался... однако черезъ минуту налилъ себѣ стаканъ вина, выпилъ вино до капли и закричалъ:

— Чтó будетъ, то будетъ, а теперь станемъ пить!

— Хорошо сказано!—проворчалъ длинный человѣкъ — и снова стаканы наполнились.

Черезъ два дня послѣ этой попойки въ одномъ петербургскомъ журналѣ объявили самыми громкими, вычурными и безтолковыми фразами, съ маленькою примѣсью чего-то въ родѣ остроумія, что молодой художникъ, г. Средневскій— кандидатъ въ геніи и что двѣ его картины, восхищавшія всю петербургскую публику на выставкѣ, могутъ смѣло соперничать съ лучшими картинами Тиціана и Рубенса!

ГЛАВА III.

Осень, скучная и грязная осень наступила, и говорили, будто ранѣе обыкновеннаго, хотя въ тотъ годъ въ Петербургѣ совсѣмъ не было лѣта. Я переѣхалъ съ дачи въ началѣ сентября; дождь лилъ ливмя, наводя уныніе; мутное сѣренькое небо оскорбляло зрѣніе; я рѣшился никуда не выходить изъ дома. Въ это время очень кстати вздумалъ довольно часто посѣщать меня мой живописецъ. Мы постепенно привыкли другъ къ другу; онъ становился со мною непринужденнѣе, открытѣе, и меня очень занимали его разговоры. Дождь стучалъ въ окна, а намъ у камина было такъ тепло и покойно! Онъ сдѣлался, какъ я замѣтилъ, вообще гораздо развязнѣе, онъ могъ даже спокойно лежать на кушеткѣ, протянувъ ноги, и не вскакивать, если кто-нибудь входилъ въ комнату. Картины свои онъ продалъ князю Б* за большія деньги: это можно было тотчасъ замѣтить, потому что на немъ былъ коротенькій сюртукъ, дивное произведеніе одного великаго и дорогого петербургскаго артиста, славно выказывавшій его прекрасную талію; черный атласный платокъ съ длинными концами, небрежно завязанный узломъ и зашпиленный маленькой золотой булавкой; тонкое бѣлье. Все это преобразило его. И какъ шли къ этому его длинные бѣлокурые волосы, его голубые глаза. Я любовался, глядя на него; я былъ увѣренъ, что женщины на него заглядывались.

И онъ былъ веселъ какъ дитя, забавляющееся новыми игрушками. Первые два портрета удались какъ нельзя лучше; объ этихъ портретахъ заговорилъ весь аристократическій людъ и удостоилъ его чести быть своимъ привилегированнымъ портретистомъ. Позолоченныя двери салоновъ отворились передъ нимъ; міръ чудный, роскошный, невѣдомый открылся передъ нимъ: и ковры, и бронзы, и шелкъ, и бархатъ, и мраморъ, и вся эта сказочная роскошь тысячи одной ночи. Онъ, очарованный, вдохнулъ въ себя эту нѣгу, эту тончайшую амбру, которая такъ непостижимо усладительно щекочетъ обоняніе бѣдняка, сыздѣтства болѣе привыкшаго къ геранямъ и ноготкамъ, чѣмъ къ пышнымъ, махровымъ розамъ, геліотропамъ и гіацинтамъ... Ярко и живо описывалъ онъ мнѣ свою робость, которую такъ мучительно ощутилъ онъ въ первый разъ при взглядѣ на расточительность богатства, на наружный блескъ, на этихъ женщинъ, такъ непостижимо-граціозныхъ, такъ страшно-соблазнительныхъ. Когда онъ говорилъ объ нихъ, онъ весь дрожалъ, на глазахъ его блестѣли слезы. Я понималъ его юношескій жаръ, но, слушая его, смѣялся отъ всей души. Ни разу однако въ разговорахъ со мною онъ не касался своего прошедшаго, даже, мнѣ показалось—избѣгалъ этого, несмотря на то, что иногда откровенно высказывалъ мнѣ свои задушевныя мысли. Случилось какъ-то, что онъ засидѣлся у меня часа до второго; я ужъ начиналъ зѣвать—онъ увлекся моимъ примѣромъ, и наконецъ взялся за шляпу; вдругъ мнѣ пришелъ въ голову разсказъ барыни на выставкѣ, я остановилъ его и передалъ ему этотъ разсказъ отъ слова до слова и въ лицахъ.

Когда я кончилъ, онъ положилъ свою шляпу на столъ и бросился на диванъ въ замѣтномъ волненіи.

— Проклятая чиновница!—сказалъ онъ:—никакъ не можетъ оставить меня въ покоѣ. Но за себя я прощаю ей; меня возмущаетъ только то, что она осмѣливается тревожить память этой дѣвушки, которую я точно любилъ. Она была чудная, рѣдкая дѣвушка! Воспоминаніе о ней—самое святое воспоминаніе моей жизни. На моихъ картинахъ точно она...

Онъ до разсвѣта просидѣлъ у меня, разсказывая исто-

рію этой бѣдной дѣвушки, *дочери чиновнаго человѣка,* и свое знакомство съ нею.

— Я бы готовъ былъ,—сказалъ онъ, уходя отъ меня:— жить снова въ бѣдности и неизвѣстности, переносить всевозможныя лишенія, только бы увидѣть ее хоть одинъ разъ еще, услышать ея голосъ. Вѣрите ли, я иногда не сплю по цѣлымъ ночамъ: мнѣ представляется, что я долженъ увидѣть ее, и я жду этого чудеснаго явленія съ сладкимъ трепетомъ сердца—но все напрасно! Мнѣ часто слышится ея походка, и я вздрагиваю.

Этой послѣдней эффектной выходкой, этими таинственными фразами онъ хотѣлъ, казалось, произвести на меня впечатлѣніе, хотѣлъ придать своей прежней любви интересъ поэтическій,—увѣрить меня, что эта любовь была такъ глубока, такъ велика, что на нее не могло имѣть вліяніе даже время всесокрушительное и всеохлаждающее; онъ хотѣлъ обмануть меня и, самъ не подозрѣвая, обманывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ самого себя. Нешутя пораздумавъ, вѣрно онъ не принесъ бы ничего въ жертву для возвращенія своего прошлаго. Настоящее всегда несравненно существеннѣе, увлекательнѣе и заманчивѣе, несмотря на всѣ краснорѣчивые доводы милыхъ мечтателей.. Жизнь внѣшняя впервые явилась передъ нимъ фантастически-разубранная, страстная, какъ вакханка въ вѣнкѣ изъ сочныхъ и продолговатыхъ гроздьевъ, съ соблазномъ на устахъ... и она манила его въ свои роскошныя объятія, звала на свою пламенѣющую грудь, и то небрежно раскидывалась передъ нимъ, то окружала себя мгновеннымъ ослѣпительнымъ блескомъ...

О, прочь всѣ благоразумные совѣты и предостереженія людей опытныхъ, и высокіе примѣры самообладанія и самоотреченія! Молодой человѣкъ жаждетъ жизни; у него страшно кипитъ кровь, радостно бьется сердце надеждами, взоръ свѣтлѣетъ любовью и вѣрою, кудри прихотливо и живописно вьются до плечъ—и онъ безъ размышленія предается лукавой чаровницѣ, и онъ, какъ у Шиллера, бросается въ мрачную и страшную бездну за драгоцѣннымъ, золотымъ кубкомъ.

Жизни, жизни ему! Онъ упивается настоящей минутой,

для него прошедшее—мертвая развалина, будущее—туманъ непроницаемый... Онъ, переполненный силами, хочетъ дѣйствовать, а не сидѣть сложа руки, не болѣзненно мечтать и пресмыкаться къ кругу фантомовъ, выходцевъ съ того свѣта, и безцвѣтныхъ идеаловъ, насильственно вымученныхъ у бѣднаго воображенія.

Моего живописца, слава Богу, занимало все, потому что для него все было ново—и онъ не успѣлъ выучиться скрывать своего дѣвственнаго восторга. Правда, по странности, свойственной многимъ людямъ, онъ нерѣдко употреблялъ стараніе казаться не тѣмъ, чѣмъ былъ, прикидываться недовольнымъ, идеальничать, говорить разочарованнымъ, элегическимъ тономъ русскихъ стихотвореній,—но это было не надолго: онъ тотчасъ же выходилъ изъ своей неприличной роли, сбрасывалъ съ себя смѣшную маску и являлся въ настоящемъ своемъ видѣ.

И въ эти идеальныя минуты онъ былъ чудо какъ хорошъ! Онъ требовалъ отъ жизни такого, чего и самъ не могъ растолковать себѣ; онъ хотѣлъ пересоздать всѣхъ и все, придѣлать къ себѣ крылья—и, въ родѣ Амура, летать въ облакахъ и упиваться небеснымъ ароматомъ, и свысока смотрѣть на презрѣнное человѣчество, ползающее внизу. Онъ разсуждалъ о предметахъ совершенно новыхъ, какъ-то: о созвучіи двухъ душъ, о счастіи быть любимымъ не по-здѣшнему, не по-земному; о высшемъ блаженствѣ найти себѣ дѣвушку, облеченную въ ризы ангельскія, и слиться съ нею въ полной гармоніи, а потомъ умереть,—и проч. и проч., о чемъ прекрасно разсуждаетъ всякій герой какого-нибудь романа или повѣсти въ высокомъ родѣ, написанной для разрѣшенія нравственно-философическаго вопроса. Иногда же онъ толковалъ о томъ, что любить никого не можетъ, даже и въ такомъ случаѣ, если бы «неземная», которую онъ хотѣлъ отыскать, вдругъ откуда-нибудь прилетѣла сама и чистосердечно объявила, что она сгораетъ къ нему самою страстною и вмѣстѣ съ тѣмъ самою небесною любовью. «Любятъ одинъ разъ въ жизни,—говорилъ онъ:—нѣтъ той, которую любилъ я—и для меня не можетъ существовать другая любовь!»

Эти слова доказывали, однако, что онъ непреодолимо желаетъ любить—и при первомъ удобномъ случаѣ готовъ влюбиться до полусмерти. Такъ прошло два мѣсяца,—и онъ до того пріучилъ меня къ себѣ, что когда не являлся въ условное время,—а это случалось рѣдко,—мнѣ становилось безъ него неловко, скучно. Привычка великое дѣло; къ тому же я необыкновенно люблю и уважаю тѣхъ людей, которые отвлекаютъ меня отъ моихъ занятій и даютъ мнѣ предлогъ оправдываться въ бездѣйствіи передъ самимъ собою. Мой юноша говорилъ много объ искусствѣ, и говорилъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ. У него было глубокое чувство—и чувствомъ онъ понималъ то, чего другіе никогда не поймутъ умомъ. Не одно искусство, которому онъ посвятилъ себя, исключительно занимало его, исключительно было доступно ему: онъ много читалъ, онъ былъ въ восторгѣ отъ Гёте; «Вильгельмъ Мейстеръ» былъ его настольною книгою: безконечный поэтическій міръ открывался передъ нимъ въ этой чудной книгѣ; его любимою мыслью было изобразить на картинѣ Миньону; онъ наизусть декламировалъ многія мѣста изъ трагедій Шиллера, и, декламируя, горячился и размахивалъ руками. Надобно было его видѣть въ ту минуту, когда онъ прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что прочелъ «Мейстера Фло» Гофмана. «Гофманъ великій поэтъ, великій!—кричалъ онъ, бѣгая изъ одного конца комнаты въ другой.—Эти господа, которые кричатъ, что онъ съ талантомъ, но чудакъ, что у него немного разстроено воображеніе,—они не понимаютъ его,—они, эти не чудаки, эти умники, читая его, видятъ только передъ своими глазами однѣ нелѣпыя и безобразныя фигуры и не подозрѣваютъ, что подъ этими нелѣпыми фигурами скрываются дивныя, глубокія идеи, идеи, доступныя только поэтической душѣ, живому сердцу, а не ихъ мертвымъ и засушеннымъ умамъ!» Воздушная красавица, незамѣтно скрывавшаяся нѣкогда въ чашечкѣ роскошнаго тюльпана и снова вышедшая оттуда во всемъ прихотливомъ убранствѣ своемъ, эта непостижимо-плѣнительная принцесса Гамагегъ долго повсюду носилась за моимъ живописцемъ и приводила его въ такой восторгъ, котораго, вѣроятно, при взглядѣ на нее, не

чувствовалъ и самъ великолѣпный царёкъ блохъ, удивительный мейстеръ Фло. Шекспиръ... но Шекспира мой живописецъ читалъ мало, благоговѣя передъ нимъ болѣе по наслышкѣ, и если говорилъ о немъ, то съ очень замѣтною умѣренностью. Душа его требовала образовъ идеальныхъ, звуковъ гармоническихъ, мыслей отвлеченныхъ; онъ искалъ въ поэзіи удовлетворенія своимъ личнымъ ощущеніемъ. Ему страшна была эта неумолимая истина, эта наружная холодность, эта могучая полнота жизни въ созданіяхъ великаго; онъ еще не приготовился, чтобы войти въ этотъ міръ безъ всякихъ украшеній, въ міръ какъ онъ есть, во всемъ своемъ возмутительномъ безобразіи и во всей увлекательной, божественной красотѣ своей; форма этихъ созданій пугала его, останавливала на каждомъ шагу, была ему недоступна, удерживала его юношескій восторгъ, не давала разыграться его чувству, невозвысившемуся до сознанія; ему еще дико казалось это творчество—громадное, безсознательное и безстрастное. И я не удивлялся этому, не противорѣчилъ ему, но всегда съ участіемъ слушалъ его восторженныя рѣчи; только, бывало, когда онъ заговоритъ о небесной «любви» и погрузится въ мечтанія, я преспокойно начиналъ дремать. Онъ замѣтитъ дѣйствіе, произведенное на меня его фантазіями, и самъ расхохочется надъ собою...

Но вмѣстѣ съ осенью кончились наши частыя свиданія, онъ почти пересталъ бывать у меня, несмотря на то, что зимніе пути сообщенія несравненно легче. Сначала это меня удивило; я думалъ, не сердится ли онъ на меня за что-нибудь, и однажды, встрѣтивъ его на улицѣ, шутя замѣтилъ ему, что онъ совсѣмъ разлюбилъ меня. Онъ извинялся, говорилъ, что не имѣетъ минуты свободнаго времени, что заваленъ работой и еще что-то въ этомъ родѣ.

Это была явная отговорка, обыкновенныя фразы, употребляемыя для того, чтобы не совсѣмъ оставлять безъ отвѣта того, кто насъ спрашиваетъ о чемъ-нибудь. Я уже начиналъ забывать о моемъ живописцѣ, но вдругъ общіе слухи о немъ дошли и до меня. Загадка, почему онъ пересталъ ходить ко мнѣ, объяснилась: онъ находился подъ вліяніемъ длиннаго

человѣка! Меня это нисколько не удивило: я зналъ, что длинный человѣкъ стоитъ на ловлѣ возникающихъ талантовъ, заманиваетъ къ себѣ неопытныхъ и опутываетъ ихъ своими сѣтями съ большимъ искусствомъ.

ГЛАВА IV.

Теперь позвольте мнѣ познакомить васъ покороче съ длиннымъ человѣкомъ. Онъ среднихъ лѣтъ, ходитъ мѣрными шагами, говоритъ съ разстановкой, важно, увѣрительно, иногда поднимая глаза къ потолку, иногда опуская ихъ къ полу; рѣчамъ своимъ онъ старается всегда придавать таинственность, относятся ли эти рѣчи къ сатаническому поэту Байрону или просто къ погодѣ. Въ первые годы молодости онъ искалъ себѣ славы — и славу свою хотѣлъ основать на трехъ сочиненныхъ имъ длинныхъ поэмахъ, въ 2.500 стиховъ каждая. Тогда еще у насъ была мода на поэмы. Этими тремя поэмами онъ возымѣлъ дерзкое намѣреніе сокрушить всю предшествовавшую русскую литературу отъ Ломоносова до Пушкина включительно. А для того, чтобы о его геніи трубили заранѣе повсюду, чтобы вездѣ прославляли его и удивлялись ему, — онъ, еще до напечатанія своихъ длинныхъ поэмъ, собиралъ около себя юношей безвѣстныхъ, невинныхъ и пылкихъ, которыхъ такъ легко приводить въ восторгъ, такъ легко заставлять удивляться. И невинные, и пылкіе отъ всей души апплодировали ему и кричали о немъ, гдѣ только могли кричать. Но вотъ появились наконецъ въ печати длинныя поэмы и заговорили сами за себя, и произвели эффектъ. Тогда длинный человѣкъ отпустилъ отъ себя невинныхъ и пылкихъ: въ нихъ уже не было ему никакой надобности. Его длинныя поэмы всѣ читали, хоть, можетъ быть, никто не дочелъ до конца, всѣ хвалили и всѣ говорили: «да посмотрите, какъ онѣ длинны, огромны!» На всѣхъ насъ, русскихъ читателей, — это истина неоспоримая, — дѣйствуетъ еще до сихъ поръ гораздо болѣе *количество*, нежели *качество*, и потому наши сочинители, какъ

люди умные и смѣтливые, основываютъ всегда свою извѣстность на количествѣ томовъ, и потому мы, напримѣръ, говоримъ: «Пушкинъ — сочинитель «Цыганъ», Херасковъ—творецъ «Россіады»!..

Длинный человѣкъ вполнѣ уразумѣлъ эту великую истину, и общій голосъ включилъ его въ почетную шеренгу *литераторовъ перваго разряда.* Но онъ не удовольствовался этимъ и возжаждалъ славы! Слава издалека улыбнулась ему, но онъ, при всемъ своемъ умѣ, не понялъ ея двусмысленной улыбки и бросился къ ней, — а она дальше и дальше, а онъ все за ней. Шли года, его никто не видѣлъ; въ эти годы онъ все гонялся за славой; между тѣмъ, люди неблагодарные и жестокіе стали помаленьку забывать и его, и его длинныя поэмы. Эгоисты! они требуютъ, чтобы безпрестанно забавлять ихъ и вертѣться у нихъ передъ глазами! Онъ наконецъ возвратился утомленный, не догнавъ ея, этой соблазнительной славы. Тогда, съ болью въ сердцѣ, увидѣлъ онъ свою ошибку. Остаться въ забвеніи онъ не могъ; надобно было придумать средства къ поддержанію своей извѣстности. Какія же средства? Длинный человѣкъ хитеръ и изобрѣтателенъ: чувствуя, что его не достанетъ болѣе и на 300 стиховъ, онъ пересталъ писать стихами и снизошелъ до прозы. Прозой писать, говорятъ, ничего не стоитъ, необыкновенно легко. Итакъ, онъ снова бросилъ имя свое неблагодарнымъ людямъ подъ какою-то прозаическою статьею. Люди вспомнили о своемъ прежнемъ забавникѣ, и хоть не съ прежнимъ энтузіазмомъ, но заговорили о немъ. Журналисты — души добрыя и неподкупныя, страдальцы, подвергающіеся разнымъ клеветамъ и навѣтамъ своихъ безталанныхъ завистниковъ, они, пріятели длиннаго человѣка, объявили благосклонной публикѣ, что длинный человѣкъ пишетъ мало и прозой оттого, что не хочетъ писать много и стихами; а стóитъ ему захотѣть — и появится удивительная, не только поэма, но цѣлая эпопея въ шесть разъ больше виргиліевой «Энеиды».

Между тѣмъ длинный человѣкъ уединился въ собственное величіе, понялъ тщету земного; онъ исподтишка лукаво

улыбается и думаетъ: «Ждите, ждите моей поэмы, друзья мои, и смотрите на меня съ надеждою, я проведу всѣхъ васъ! Я буду жить теперь не для вашего удовольствія, а для своего; я окружу себя молодыми поэтами, музыкантами, живописцами, всѣми возможными талантами, на которыхъ только обращено вниманіе: изъ нихъ я составлю блестящую рамку для своего собственнаго портрета, и мной вы будете любоваться и говорить про меня: онъ другъ такому-то первому художнику, такому-то первому композитору, онъ все знается съ «первыми»!.. Художники, особенно молодые, довѣрчивый и недогадливый народъ: они не поймутъ, что мнѣ они необходимы для собственнаго моего украшенія... Человѣкъ совѣстливый — за услугу, которую они, сами не подозрѣвая, оказываютъ мнѣ, — я научу ихъ философіи жизни; я разверну передъ ними біографіи геніевъ и докажу имъ, какъ дважды-два — четыре, что все великое и прекрасное не оцѣняется современниками и терпитъ на землѣ горькую участь. Если они испугаются этой мысли, я скажу имъ: вздоръ, пугаться нечего; хорошее прячьте отъ людей, давайте имъ посредственное и берите за это съ нихъ денегъ, какъ можно больше денегъ. Съ деньгами же и веселитесь, и пейте. Не даромъ пили и веселились геніальные художники: стало быть, вино хорошо!»

И вотъ, благодаря своему успѣху, мой живописецъ записался въ несмѣтное число друзей его и поступилъ на вакансію какого-то стараго друга, который, изучивъ вполнѣ «философію жизни», поблагодарилъ длиннаго человѣка за его уроки и удалился.

Я не зналъ, что этотъ литературный Мефистофель, передѣланный на русскіе нравы, этотъ длинный человѣкъ давно уже заманивалъ къ себѣ моего юношу. Правда, на томъ литературномъ вечерѣ, гдѣ былъ я, куда и васъ осмѣлился ввести, читатель мой, и я, и вы замѣтили, что онъ нешутя за нимъ ухаживалъ; что, подавая ему совѣты, онъ тогда же, кажется, намѣревался мало-по-малу посвящать его въ свои таинства. И должно отдать ему справедливость: онъ такъ мастерски растревоживалъ самолюбіе своей жертвы, такъ прі-

ятно льстилъ этому неугомонному самолюбію! Онъ на себѣ извѣдалъ, что самолюбіе есть вѣрнѣйшій проводникъ къ человѣческому сердцу.

Длинный человѣкъ любилъ публичную жизнь. Онъ былъ повсюду: и въ театрахъ, и въ концертахъ, и въ ресторацiяхъ, и на улицахъ. Юноша мой всегда рядомъ съ нимъ; онъ сдѣлался его неразлучнымъ спутникомъ... Не вините моего юношу: праздная и разгульная жизнь кому не была въ свое время пó сердцу?

Сколько знакомствъ доставилъ ему длинный человѣкъ, и какихъ знакомствъ! Въ Петербургѣ, какъ и во всѣхъ европейскихъ столицахъ, есть особенный классъ молодыхъ людей, которыхъ вы не встрѣтите никогда и ни въ какомъ обществѣ. Они составляютъ свое отдѣльное братство и равно подсмѣиваются надъ фешенеблями большого свѣта и надъ любезными кавалерами средняго сословія. Это — молодежь веселая и безпечная, для которой жизнь ровно ничего не стоитъ, для которой въ жизни нѣтъ ничего такого, надъ чѣмъ бы стоило призадуматься, для которой всякій день — столы, уставленные жирными устрицами, и трюфелями, и кровавыми ростбифами, и бутылками разныхъ формъ и величинъ: съ звѣздистымъ, замороженнымъ шампанскимъ, которое дѣйствуетъ такъ скоро, съ бархатнымъ, подогрѣтымъ лафитомъ, который дѣйствуетъ такъ медленно, и съ сокрушительной, темноцвѣтной мадерой, и съ густымъ, пѣнистымъ портеромъ, и съ этою ароматною влагою въ золотыхъ бутылкахъ съ береговъ Рейна...

Эти господа молодые люди родятся и воспитываются для того, чтобы одѣваться по послѣдней картинкѣ, спать до перваго часа, пить кофе и курить сигару до трехъ часовъ, а съ трехъ до пяти гулять по Невскому проспекту для возбужденія аппетита, а съ пятаго до восьмого обѣдать и пить у Дюмè или въ другихъ ресторацiяхъ, а съ восьми до пяти утра пить и... вообще веселиться.

Корифеями этого разгульнаго братства всегда бываетъ нѣсколько человѣкъ, носящихъ старинныя аристократическія фамиліи и имѣющихъ довольно значительное состояніе; око-

ло нихъ-то собираются остальные — люди разныхъ сословій, и легонькіе дворяне, проматывающіе свое крошечное состояньице, и купчики-франты, разрушающіе немилосердно капиталы, скопленные многолѣтними трудами и усиліями бородатыхъ отцовъ ихъ, — и все изъ высокой чести, изъ одного высшаго наслажденія участвовать въ княжескихъ или графскихъ забавахъ и прохаживаться съ извѣстнымъ и знатнымъ человѣкомъ по Невскому проспекту, такъ, чтобы всѣ видѣли. Къ нимъ присоединяются иногда французскіе артисты, изрѣдка даже русскіе художники. За бокалами шампанскаго сближаются скоро; эта влага производитъ дѣйствіе чудное: она располагаетъ сердца къ искренности, она усмиряетъ барскую спѣсь, заставляя забывать и великолѣпныхъ предковъ и полосатые гербы съ коронами...

Длинный человѣкъ былъ давно въ пріязни съ нѣкоторыми членами этого братства, и онъ познакомилъ съ ними моего живописца...

И для него начались пиры за пирами, дни въ чаду, во снѣ, и ночи безъ сна — нескончаемая вереница безобразныхъ вакханалій, отъ которыхъ претяжелое похмелье и престрашная пустота въ сердцѣ. Новые товарищи его были довольны имъ; они не понимали только одного, почему онъ, *добрый малый*, часто скученъ сидитъ въ громѣ общаго веселья и задумывается, тогда какъ они ни о чемъ не думаютъ. «Онъ пьетъ довольно для новичка, — восклицали многіе: — онъ подаетъ блистательныя надежды, онъ молодецъ, ему скоро прискучитъ шампанское — вино дѣтей, онъ перейдетъ къ винамъ зрѣлаго возраста».

— Умно замѣчено! — восклицалъ длинный человѣкъ. — Это вѣрный взглядъ на вина! Но нельзя съ такимъ пренебреженіемъ отзываться и о шампанскомъ. Въ шампанскомъ нѣтъ солидности, — такъ; зато въ немъ есть поэтичность, которой нѣтъ въ другихъ винахъ.

— Вино вещь хорошая, господа, — замѣтилъ мой юноша, у котораго голова начинала кружиться: — но всякій день одно и то же, пиры за пирами...

— Какіе пиры? — раздалось нѣсколько удивленныхъ голосовъ.

О, невинность! онъ не зналъ, что эта буйная жизнь только ему представлялась въ видѣ пировъ, а для прочихъ окружающихъ его была обыкновенное препровожденіе времени, существенная крайняя необходимость, какъ для насъ обѣдъ, чай...

Деньги становились для него очень важны, онъ начиналъ понимать цѣну деньгамъ. Вино, платье, извозчики — все это такъ дорого, а женщины... о, въ туманѣ винныхъ паровъ мелькали передъ нимъ головки темнорусыя, и бѣлокурыя, и черныя; изъ нихъ нѣкоторыя, право, были очень недурны; эти головки улыбались ему, иныя впрочемъ ужасно отвратительно, а вотъ эта съ длинною черною косой, съ влажными глазами...

Денегъ, денегъ! И онъ съ заспанными глазами, полудремлющій, для добыванія денегъ принимался за портреты. Писать портреты чрезвычайно прибыльно, и вся мастерская его была загромождена портретами.

— Что деньги — вещь хорошая? — спрашиваетъ его длинный человѣкъ.

— Да, но безъ денегъ нѣтъ соблазновъ, безъ денегъ я былъ покойнѣе. У меня теперь голова безъ мыслей, и такая тяжелая! Ни за что не хочется приняться; только и могу малевать физіономіи. Чѣмъ же все это кончится?

Длинный человѣкъ медленно покачалъ головой.

— Не то! — съ важностью произнесъ онъ. — Я люблю искусство или нѣтъ? отвѣчай мнѣ.

— Любишь.

— Такъ знай же, что тобой я дорожу болѣе, чѣмъ... ну чѣмъ бы? болѣе, чѣмъ самимъ собою, — и при этомъ онъ поднялъ указательный перстъ.— Слѣдовательно, если бы тебѣ могла повредить теперешняя жизнь твоя, тогда я первый вывелъ бы тебя неволею изъ этого содома и сказалъ бы: «не обращайся назадъ, а не то бѣда». Да! кого я полюбилъ, съ тѣмъ я всегда дѣйствую деспотически. Но успокойся, не думай ни о чемъ, продолжай веселиться; товарищи наши, ко-

нечно, люди ограниченные, — да и они пригодятся, и ими можно со временемъ воспользоваться; они богаты и глупы. Пиши теперь портреты, — ничего, такъ должно! Не кручинься о томъ, что у тебя въ головѣ нѣтъ мыслей. Погоди: внутренняя твоя художническая сила, что̀ тамъ во глубинѣ-то, въ свое время, когда надобно, пробудится въ тебѣ и заговоритъ громко, рѣзко, повелительно: поди въ свою келью, запрись, не пускай къ себѣ никого, твори — и безъ твоего усилія все пойдетъ, какъ слѣдуетъ. Настанетъ это время, и самъ я наклонюсь къ твоему уху и шепну тебѣ: брось всѣхъ этихъ безумцевъ, гулякъ; не теряй минуты, не пренебрегай внутреннимъ голосомъ и помни, что искусство — святыня!

Время шло, а длинный человѣкъ не наклонялся къ уху своего друга и не шепталъ ему ничего; внутренній голосъ живописца также молчалъ. Ему становилась въ тягость вся эта праздношатающаяся ватага его пріятелей. Однако онъ еще прогуливался съ ними по Невскому проспекту; ему опротивѣло вино, однако онъ пилъ такъ же много, только поморщиваясь; ему надоѣли петербургскія улицы, прямыя и однообразныя, съ высокими и гладкими каменными стѣнами, а онъ только по утрамъ сидѣлъ дома. Болѣзненное равнодушіе овладѣло имъ; онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ; ему ни съ кѣмъ не хотѣлось говорить; ему ни о чемъ не хотѣлось думать...

— Добрый знакъ! — утѣшалъ его длинный человѣкъ: — отъ этой апатіи ты скоро перейдешь къ сильной дѣятельности. Повѣрь мнѣ: приготовляй теперь краски, палитру и кисти; закупай полотна, а я между тѣмъ объявлю въ газетѣ, что ты замышляешь огромную картину, которая превзойдетъ все, что̀ мы доселѣ имѣли въ живописи.

— Ради Бога, не дѣлай этого! — вскричалъ живописецъ, пробужденный отъ своей дремоты: — можно ли такъ гнусно обманывать! Я не могу писать и рѣшительно ничего не напишу.

— Когда тебя не спрашиваютъ, молчи. Я лучше тебя знаю все, даже и тебя-то самого. Картину ты напишешь, а если и не напишешь, такъ не велико горе. Людей морочить позволительно; это имъ полезно. О тебѣ давно не говорили

въ печати, надо разсѣять безсмысленные городскіе толки, что ты пьешь и ведешь жизнь праздную. Эти тупыя головы думаютъ, что художникъ, какъ чиновникъ съ знакомъ отличія безпорочной службы, долженъ исправно ходить къ своей должности, умѣренно пить и ѣсть, чтобы не отягощать желудка, ложиться во-время да по воскресеньямъ въ бѣломъ галстукѣ прогуливаться до обѣда на Невскомъ или въ Лѣтнемъ саду.

— А обо мнѣ говорятъ, что я веду буйную жизнь?

— Вотъ ужъ и испугался! Не хочешь ли ты въ самомъ дѣлѣ, въ угоду имъ, сдѣлаться чиновникомъ? Да избавитъ тебя отъ этого Рафаэль!..

ГЛАВА V.

Въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца, въ одно сіяющее утро, когда въ Петербургѣ благоуханіе весны смѣшивалось съ запахомъ грязи, которую счищали съ улицъ, мнѣ очень захотѣлось пройтись и подышать этимъ свѣжимъ воздухомъ. Я было взялся за шляпу, какъ дверь комнаты моей съ шумомъ отворилась, и передо мною, вообразите мое изумленіе, стоялъ живописецъ. Болѣе полугода онъ не былъ у меня, и я думалъ, что мы совершенно раззнакомились, но онъ такъ радушно и крѣпко пожалъ мою руку, какъ будто мы съ нимъ все попрежнему были коротко знакомы; онъ казалось, такъ радъ былъ меня видѣть; онъ, слава Богу, не извинялся и не оправдывался передо мною: эти извиненія и оправданія всегда нестерпимо-пошлы. Откровенно разсказалъ онъ мнѣ о своей разгульной жизни, смѣялся надъ своими безпутными пріятелями и съ восторгомъ восхвалялъ мнѣ умъ и таланты длиннаго человѣка. «Я слышалъ, о немъ многіе отзываются дурно, — прибавилъ онъ, будто предвидя возраженіе съ моей стороны на эту похвалу: — по совершенно напрасно; надобно знать его такъ близко, какъ я знаю, чтобы имѣть право судить о немъ».

Я еще ничего не успѣлъ сказать, а все слушалъ его и все смотрѣлъ на него и убѣждался, что онъ быстрыми ша-

гами шелъ къ совершенству. Въ эти полгода онъ уже мастерски развернулся и съ успѣхомъ изучилъ небрежную манеру свѣтскихъ щеголей. Ему не доставало только ихъ милыхъ, но немного дикихъ привычекъ да еще ихъ благовоспитанной дерзости. Увы! послѣднее качество дается рожденіемъ, совершенствуется воспитаніемъ. Кстати, я припомнилъ, что аристократическая манера, эта неограниченная свобода во всякомъ обществѣ со всѣми и вездѣ, не измѣняя себѣ, обращаться одинаково, быть всегда какъ у себя дома, соблазняла многихъ людей средняго сословія. Они, люди впрочемъ очень хорошіе и добрые, захотѣли вести себя такъ же свободно и равнодушно, и, не подозрѣвая того, сдѣлались невѣроятно смѣшны, непозволительно карикатурны: свѣтская дерзость и развязность у нихъ превратились въ оскорбительную наглость, въ пошлую провинціальную грубость. На нихъ нельзя было смотрѣть безъ сожалѣнія, а бѣдныхъ никто не предостерегъ, и они, не подозрѣвая своей нелѣпости, были очень довольны собой, воображали, что необыкновенно милы и удивительно какъ всѣхъ собой озадачиваютъ.

Мой живописецъ никогда не могъ быть пошлымъ, развѣ — и то изрѣдка — немножко смѣшнымъ, можетъ быть. Онъ имѣлъ вѣрный глазъ и чудное искусство усвоивать себѣ то, что мелькомъ успѣлъ увидѣть въ молодыхъ людяхъ большого свѣта.

Онъ въ короткое время дошелъ въ своей наружности до того, что, если бы какими-нибудь неисповѣдимыми судьбами ему удалось попасть въ толпу блистательнаго бала или пышнаго раута, на него никто не указалъ бы пальцемъ, отъ его прикосновенія никто бы не поморщился. А это ужъ много! Передъ нимъ его собратія, русскіе художники, казались чудаками, дикарями, готтентотами. Они чувствовали это и преостроумно подсмѣивались надъ его франтовствомъ.

— Вы принимали во мнѣ нѣкогда участіе, — сказалъ онъ мнѣ: — и я къ вамъ пришелъ съ доброю вѣстью о себѣ. За четыре дня передъ этимъ я не зналъ, что́ съ собой дѣлать, мнѣ было такъ грустно, я надоѣлъ самому себѣ, а теперь я снова ожилъ, и такъ неожиданно... Лучшія надежды мои

могутъ осуществиться, — то, о чемъ я всегда бредилъ и на яву и во снѣ!

Онъ вынулъ изъ бокового кармана письмо и отдалъ его мнѣ.

— Прочтите. Что́ вы объ этомъ думаете?

Это письмо было отъ князя Б., который купилъ его картины. Князь чрезвычайно ласково и убѣдительно приглашалъ его пріѣхать въ Москву прожить тамъ до осени. «Мой московскій домъ, — писалъ онъ: — къ вашимъ услугамъ. Я велю все приготовить въ комнатахъ, что нужно для вашей художнической дѣятельности и для вашего спокойствія; но вы сдѣлали бы мнѣ еще болѣе удовольствія, если бы согласились провести лѣто въ моемъ подмосковномъ селѣ вмѣстѣ со мною». Осенью же князь съ своею дочерью отправлялся въ Италію и приглашалъ его ѣхать вмѣстѣ съ собою. Князь просилъ какъ можно скорѣйшаго отвѣта на его предложеніе и прибавлялъ ко всему этому, что каждому русскому, особенно художнику, передъ отъѣздомъ въ чужіе края необходимо надобно прежде побывать въ Москвѣ и покороче познакомиться съ этимъ истинно-русскимъ городомъ.

— И вы вѣрно воспользуетесь такимъ прекраснымъ случаемъ? — спросилъ я моего живописца, возвращая ему письмо.

— Да, я рѣшился, совершенно рѣшился, тѣмъ болѣе, что князь человѣкъ благородный, вовсе не тщеславный, не желающій корчить мецената. Онъ совсѣмъ не похожъ на этихъ князей, которыхъ всегда изображали намъ въ русскихъ повѣстяхъ.

Молодой человѣкъ въ замѣтномъ волненіи началъ прохаживаться по комнатѣ.

— Я рѣшился; да, я поѣду, — говорилъ онъ: — сегодня же я напишу отвѣтъ къ князю. Петербургъ мнѣ смертельно наскучилъ, я здѣсь ничего не могу дѣлать... Такъ вы совѣтуете мнѣ воспользоваться этимъ предложеніемъ?.. И я наконецъ увижу Италію... Мнѣ что-то не вѣрится. Я буду въ Римѣ и въ Неаполѣ, я буду ходить по той землѣ, по которой ходили всѣ *они!* Да сбудется ли это?

Онъ вдругъ оборотился ко мнѣ; на глазахъ его дрожали слезы; въ эту минуту онъ нисколько уже не былъ похожъ на свѣтскихъ щеголей. Нѣкоторые изъ нихъ, съ которыми онъ обѣдалъ и пилъ, расхохотались бы надъ нимъ при этомъ дѣтскомъ восторгѣ и послѣ такихъ съ его стороны поступковъ смотрѣли бы на него немного съ сожалѣніемъ.

Черезъ полторы недѣли живописецъ давалъ прощальный ужинъ для своихъ короткихъ знакомыхъ. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. Тутъ присутствовало между прочими нѣсколько литераторовъ перваго и втораго разядовъ, и, разумѣется, во главѣ ихъ длинный человѣкъ. Литераторы, по обыкновенію, очень много пили и, по обыкновенію, съ большимъ чувствомъ разсуждали о предметахъ близкихъ ихъ сердцу: о томъ, какъ одинъ журналистъ поссорился съ другимъ, какіе они теперь смертельные враги и какъ остроумно издѣваются другъ надъ другомъ, какъ литератора одной партіи переманили въ другую партію за *лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей* и проч. Да еще одинъ, судя по физіономіи, сочинитель съ большимъ талантомъ, возставалъ противъ повѣстей, гдѣ свирѣпствуютъ чиновники. «Стóитъ ли того, — замѣтилъ онъ: — чтобы ими заниматься, чтобы до нихъ дотрогиваться? Разверните исторію, и передъ вами возстанутъ громадные, гигантскіе, колоссальные образы, умѣйте только эти образы заключить въ тѣсную, сжатую рамку повѣсти»...

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, — воскликнулъ кто-то не изъ литераторовъ: — оставьте въ покоѣ чиновниковъ. Они очень сердятся на васъ за то, что вы ихъ *критикуете въ своей литературѣ*. Я слышалъ даже, что они хотятъ когда-нибудь собраться да общими усиліями написать на васъ презлую сатиру въ формѣ *отношенія* къ вамъ.

Длинный человѣкъ пилъ и ораторствовалъ, по привычкѣ, болѣе всѣхъ. Голосъ его покрывалъ всѣ голоса.

За ужиномъ онъ обратился къ отъѣзжающему.

— Смотри, — произнесъ онъ, поднявъ вверхъ указательный перстъ: — не раскаивайся послѣ, что не послушалъ меня. Къ чему тебѣ ѣхать такъ рано? Чтó тебѣ до осени дѣлать въ Москвѣ? Москва, конечно, городъ большой, но не евро-

пейскій. Къ тому же, въ Москвѣ можно только проживать деньги, а не наживать. Москва отстала на столѣтіе отъ Петербурга. Впрочемъ, тамъ ѣдятъ хорошо, и народъ гостепріимный. Занимаются тамъ также философіей, такъ называемой «московской», ну, да Богъ съ ними! (Онъ махнулъ рукой)... Настоящаго кремана тамъ и за 20 рублей не найдешь; — а почемъ ты покупалъ это вино? вино доброе... Я предпочитаю бургонь-муссё — клико, кто что́ ни говори!

Всѣ литераторы второго разряда, никогда невыѣзжавшіе изъ Петербурга, были восхищены замѣчаніями длиннаго человѣка о Москвѣ. Градъ остроумія и каламбуровъ посыпался изъ устъ ихъ на Москву и на бѣдныхъ московскихъ жителей. Изъ этихъ остротъ и каламбуровъ былъ даже впослѣдствіи слѣпленъ водевильчикъ, который, говорятъ, не принятъ театральною дирекціей.

Первые лучи восходящаго солнца озарили блѣдныхъ и разстроенныхъ гостей, которые толпою возвращались съ ужина живописца домой, но длиннаго человѣка не было среди ихъ: онъ не узрѣлъ великолѣпнаго свѣтила дня, въ нетлѣнномъ убранствѣ своемъ восходившаго на горизонтъ, — его отвезли домой уснувшаго.

На другой день послѣ этого ужина, въ исходѣ десятаго часа утра, дилижансъ перваго заведенія отправился изъ Петербурга въ Москву. Одинъ изъ пассажировъ, бѣлокурый молодой человѣкъ, грустно сидѣлъ или дремалъ, прислонясь головою къ подушкѣ и закрывъ лицо воротникомъ шинели. При поворотѣ съ Царскосельской дороги на Московскую, онъ вскочилъ, будто разбуженный кѣмъ-нибудь, высунулся въ окно, посмотрѣлъ на петропавловскій шпицъ, который блестѣлъ золотой иглой на блѣдно-сѣромъ небѣ, и опять прислонился къ подушкѣ, и опять закрылъ лицо воротникомъ шинели. То былъ мой живописецъ. — «Прощай, Петербургъ! — думалъ онъ: — можетъ быть я тебя и не увижу болѣе. Прощай! Только въ минуту разставанья съ тобой я понялъ, что мнѣ можетъ взгрустнуться по тебѣ».

Теперь, о, читатель мой! позвольте мнѣ отдохнуть. Я, вмѣсто собственнаго разсказа, могу вамъ представить нѣсколько выдержекъ изъ журнала моего живописца, который онъ посылалъ въ Италію къ своему товарищу. Эта выдержка послужитъ продолженіемъ его приключеній... Журналъ его доставленъ мнѣ тѣмъ, къ кому онъ былъ адресованъ.

ГЛАВА VI.

26 мая 183... Москва.

...Я ужъ болѣе мѣсяца въ Москвѣ и до сихъ поръ не могу къ ней приглядѣться. Правда, всякій небольшой городокъ, только раскинувшійся на горѣ, поразилъ бы меня, меня, варвара, никогда не выѣзжавшаго изъ Петербурга, но ты все-таки не можешь представить себѣ того безконечно глубокаго впечатлѣнія, которое произвелъ на меня этотъ дивный, семисотлѣтній, безконечный городъ божіихъ храмовъ. Знаешь ли ты, счастливчикъ, перелетѣвшій изъ Петербурга въ Римъ, что ты слишкомъ много потерялъ, не видавъ нашей родной Москвы? Ты не имѣешь понятія о настоящемъ русскомъ городѣ. Не смѣйся надъ истертымъ выраженіемъ: Москва — сердце Россіи, въ полномъ и высокомъ значеніи этихъ словъ. Она живая, величественная лѣтопись нашей славы народной. Вотъ ея святой Кремль съ золотыми, сердцеобразными куполами, съ безчисленными крестами, между которыми красуются старинные двуглавые орлы, почернѣвшіе отъ времени; съ пестрыми теремами и башнями; съ Иваномъ Великимъ, который господствуетъ надо всѣми громадами зданій. Эти столѣтніе камни производятъ эффектъ поразительный. Войди въ эти мрачные и узкіе соборы, взгляни на темныя иконы, въ тяжеловѣсныхъ драгоцѣнныхъ окладахъ и кивотахъ, передъ которыми горятъ неугасаемыя лампады; на царственные гробы, на мощи святыхъ чудотворцевъ... Здѣсь является наша Русь, облеченная торжественно въ свои древнія ризы, во всемъ очарованіи поэтическомъ.

И какъ живописно раскинулась Москва по горамъ и

пригоркамъ, съ совершенно барскимъ привольемъ и прихотями, съ истинно русскою нерасчетливостью, и какъ роскошно утонула она въ зелени садовъ и бульваровъ своихъ! Сколько переулковъ и закоулковъ въ Москвѣ! и всѣ эти переулки зигзагами: нѣтъ ни одной улицы прямой, —Москва ненавидитъ прямыя линіи. И какая она пестрая, узорчатая! Какъ она любитъ украшать домы свои гербами, балконы позолотою, а ворота львами! Повѣришь ли, я каждый день, гуляя, открываю новые виды, новыя картины, и всегда неожиданно. Мнѣ необыкновенно нравятся эти отдѣльные красивые деревянные дома на скатахъ горъ, въ тѣни душистыхъ сиреней и липъ, а на берегу Москвы-рѣки деревянныя лачужки, одна къ другой прилѣпленныя, нищета которыхъ прикрывается роскошью зелени густо разросшихся березъ и рябинъ. Къ этимъ лачужкамъ ведутъ переулочки, превращающіеся въ тропинки, исчезающія подъ горой. Здѣсь, недалеко отъ Дорогомиловскаго моста, я часто стою по вечерамъ и смотрю на противоположный берегъ рѣки: вонъ виднѣются двѣ каменныя пирамиды съ двуглавыми орлами,—это Дорогомиловская застава, а за нею Поклонная гора и даль, сливающаяся съ горизонтомъ. Кстати, я набросалъ въ своемъ дорожномъ портфелѣ виды Москвы отъ Симонова монастыря и съ Поклонной горы. Съ этой-то горы величаво, во всемъ протяженіи своемъ, предстала она орлинымъ очамъ Наполеона, и онъ ждалъ ее, колѣнопреклоненную

...съ ключами стараго Кремля;

а она, для спасенія своей Руси, уготовляла себѣ костеръ, сама зажигала его и, страшно возставая изъ дыма и пламени, прорицательно указывала владыкѣ полміра на померкавшую звѣзду его!..

Если бы могъ я передать тебѣ, какъ нравится мнѣ Москва! Сколько отрадныхъ, свѣтлыхъ минутъ она доставила мнѣ! На-дняхъ вечеромъ, именно наканунѣ праздника вознесенія, я отправился въ Кремль. Вечеръ былъ теплый, лѣтній. Долго бродилъ я по Царской площади, зашелъ въ Чудовъ монастырь и вспомнилъ «Бориса Годунова» Пушкина,

эту келью, въ которой отецъ Пименъ передъ лампадой дописывалъ свое *послѣднее сказанье,* и Григорія, который въ минуту, когда кровь бунтовала въ немъ и когда его покой «бѣсовское мечтанье тревожило», любовался величавымъ спокойствіемъ отжившаго старца... Когда я вышелъ изъ соборной монастырской церкви, начинало темнѣть; на площади никого не было; городской шумъ замиралъ въ отдаленіи; тихій звонъ колоколовъ торжественно и гармонически разливался въ воздухѣ; огни нигдѣ еще не зажигались, но Замоскворѣчье уже облекалось въ синій туманъ, уже Воробьевы горы исчезали; но на темнѣющемъ небѣ горѣли въ двухъ или въ трехъ мѣстахъ облитыя свѣтомъ пирамидальныя колокольни праздничныхъ церквей... Я съ полчаса простоялъ на одномъ мѣстѣ; замоскворѣцкія зданія стали сливаться въ одну неопредѣленную массу — и скоро на всемъ этомъ пространствѣ, опоясывавшемъ подножіе Кремля, огоньки засвѣтились въ окнахъ, мелькая и перебѣгая, и то потухали, то снова вспыхивали. Въ эту минуту я ни о чемъ не думалъ, я смотрѣлъ, мнѣ было хорошо и весело... Весь вечеръ я чувствовалъ такую полноту, силу и такое спокойствіе...

Повѣришь ли, что даже московскія гулянья мнѣ нравятся несравненно больше петербургскихъ?.. Кремлевскій садъ необыкновенно хорошъ. Несмотря на то, высшее общество не удостаиваетъ его своимъ посѣщеніемъ: въ этомъ саду гулянье народное — и я иногда сижу здѣсь въ вечерній часъ, въ большой аллеѣ, любуясь движущимися передо мной фигурами. Какое разнообразіе! Среди различныхъ особъ женскаго пола медленно прохаживаются молодые и старые купчики съ бородками и безъ бородокъ; бѣгаютъ студенты, ищущіе случая полюбезничать; ходятъ армейскіе офицеры съ густо нафабренными усами и блестятъ своими эполетами (увы! въ Москвѣ эполеты большая рѣдкость), и гремятъ своими саблями, и озадачиваютъ публику своими султанами, и кушаютъ шоколадъ въ садовой кондитерской при восхитительныхъ звукахъ тирольской пѣсенки, сопровождаемой очаровательнымъ брянчаньемъ на арфѣ,—кушаютъ шоколадъ и бросаютъ побѣдоносные взгляды на худощавую, малиноваго

цвѣта пѣвицу, на эту Хлою въ пастушеской шляпкѣ, удивительно закатывающую глаза подъ лобъ. Сколько здѣсь венгерокъ и синихъ, и зеленыхъ, и съ кистями, и съ аграмантами! Я не знаю, къ какому классу людей принадлежатъ эти господа въ венгеркахъ, но они прелестны. Всѣ они носятъ предлинные волосы, отъ которыхъ въ Петербургѣ пришли бы въ ужасъ, и небольшіе усики, завитые въ кольца. Ходятъ они — локти впередъ, покачиваясь и напѣвая. Портреты этихъ господъ можно видѣть на московскихъ цырюльныхъ и другихъ вывѣскахъ... Я, какъ живописецъ, не могу смотрѣть безъ особеннаго чувства на здѣшнія вывѣски: онѣ мнѣ доставляютъ неисчерпаемое удовольствіе. Дамы, изображенныя на нихъ въ подвѣнечныхъ платьяхъ и вуаляхъ, а кавалеры въ венгеркахъ съ эспаньолками, во фракахъ съ блестящими пуговицами, даже въ чулкахъ и башмакахъ,—могли бы красоваться на нашей выставкѣ и плѣнять зрителей, любящихъ болѣе всего въ картинахъ яркость колорита. Въ Петербургѣ нѣтъ такихъ вывѣсокъ. Въ Москвѣ столько же венгерокъ, сколько въ Петербургѣ вицъ-мундировъ, столько же толстыхъ франтовъ, сколько въ Петербургѣ тоненькихъ. Московскіе толстые франты съ неимовѣрно дикими прическами, медленно, важно, съ одышкою прохаживаются по Тверскому бульвару, а петербургскіе, ты знаешь, стригутъ волосы гораздо короче, ходятъ по Невскому довольно скоро, а иные, ужъ очень тоненькіе, просто бѣгаютъ. Москва, сколько я могъ замѣтить, живетъ или для потребности желудка и спокойствія тѣла, или для внутреннихъ, духовныхъ потребностей, а Петербургъ—весь во внѣшней жизни. Ему некогда мыслить; онъ вѣчно въ движеніи, вѣчно занятъ: бѣгаетъ по Невскому, сочиняетъ дорогой проекты, танцуетъ, кланяется, изгибается — и все для выгодъ; набираетъ акціи, перепродаетъ ихъ, забѣгаетъ на публичныя лекціи — съ желаніемъ мимоходомъ проникнуть въ таинства языка, для усовершенствованія своего канцелярскаго слога; даетъ обѣды, вечера, балы, рауты, и все это для угожденія тому-то или для полученія того-то. Москва веселится просто изъ желанія веселиться, даетъ обѣды и балы единственно по

неограниченному добродушію своему и гостепріимству... Я не выдаю всего этого за непреложную истину, но мнѣ такъ кажется, и такъ разсказываютъ многіе люди знающіе. Москва, патріархальная и лѣнивая, никогда не достигнетъ этого блестящаго развитія практической стороны жизни, до которой изволилъ возвыситься Петербургъ... Только на берегахъ Невы можно набивать свои карманы. Вотъ и я, по милости Петербурга, теперь съ деньгами! Да здравствуетъ Петербургъ! о, милая моя родина, на которую я такъ неблагодарно нападаю!..

Ахъ, чуть было не забылъ тебѣ сказать, что въ Москвѣ есть невиданныя дива: кареты и коляски, ровесники Ноеву ковчегу, издающія страшный свистъ, скрипъ и бряпчаніе, да еще казачки сзади этихъ полу-ковчеговъ, а у казачко́въ на головахъ шапки, въ видѣ пополамъ разрѣзанной дыни, красныя суконныя, съ золотыми и серебряными шнурочками и съ кистью на маковкѣ. Это очень мило!..

Я познакомился со многими здѣшними литераторами. Они о своихъ сочиненіяхъ толкуютъ меньше, чѣмъ наши петербургскіе, и увѣряютъ, будто пишутъ совсѣмъ не для денегъ. Это мнѣ показалось дико. Вотъ безкорыстные чудаки! подумалъ я и невольно вспомнилъ нашего умнаго и милаго Рябинина *). Я къ нему непремѣнно напишу объ этомъ, — да не повѣритъ, злодѣй! Напрасно онъ предрекалъ мнѣ, что я соскучусь въ Москвѣ; на этотъ разъ онъ, мудрый прорицатель, ошибся. Несмотря на мою дружбу съ нимъ, я не могу до сихъ поръ понять въ немъ многаго, и между прочимъ, какимъ образомъ ему могла не понравиться Москва, которую онъ торжественно называетъ Азіею, да еще зачѣмъ онъ допускалъ въ наши пріятельскія бесѣды людей ограниченныхъ и посредственныхъ. Неужели съ его проницательнымъ умомъ, съ его опытомъ онъ можетъ восхищаться тѣмъ, что они безсмысленно удивляются рѣчамъ его и восторгаются отъ каждаго его слова? неужели ихъ нелѣпыя похвалы могутъ льстить ему?

---

*) Фамилія длиннаго человѣка.

Я чуть было не забылъ сказать тебѣ, что живу на Тверской, въ княжескихъ чертогахъ. Передъ ними обширный дворъ и красивая рѣшетка, а надъ воротами ея преизрядной величины гербъ. Комнаты отведены мнѣ внизу и съ отдѣльнымъ подъѣздомъ. А какъ меблированы онѣ! мебель вся изъ Петербурга, и патѐ, и кушетки, и кресла съ разными вычурными спинками. Мастерская моя довольно обширна и устроена съ роскошью. Князь—добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Его вниманіе ко мнѣ заставляетъ краснѣть меня. Дочери его я еще не видалъ, потому что князь переѣхалъ до пріѣзда моего въ подмосковное село свое за 20 верстъ отъ города, и я въ огромномъ домѣ одинъ. Прекрасная коляска къ моимъ услугамъ; однако, я мало пользуюсь ею: ты знаешь, что я большой охотникъ ходить пѣшкомъ. Я хотѣлъ было тотчасъ послѣ пріѣзда отправиться въ деревню къ князю, но случилось такъ, что онъ пріѣхалъ въ это время въ Москву по дѣламъ и прожилъ въ ней три дня. Онъ далъ мнѣ мѣсяцъ срока на знакомство съ Москвою и въ продолженіе этого мѣсяца полную свободу, а потомъ взялъ съ меня честное слово переѣхать къ нему въ подмосковную...

Срокъ этотъ кончается; черезъ два дня я ѣду туда. Говорятъ, будто дочь князя красавица, что отъ нея вся Москва въ очарованіи. Посмотримъ...

ГЛАВА VII.

30-го мая. Село Богородское.

По обѣимъ сторонамъ большой *** дороги, почти на версту, протягиваются красивые крестьянскіе домики села Богородскаго, принадлежащаго князю Б***. За ними, немного въ сторонѣ отъ этой дороги, на значительномъ возвышеніи, изъ-за густой зелени выходитъ обширный княжескій домъ и пятиглавая церковь. Темная дубовая аллея ведетъ къ дому — массивному зданію временъ екатерининскихъ, и оканчивается круглой лужайкой противъ главнаго фасада; въ

серединѣ ея, на высокой клумбѣ, растетъ нѣсколько кустовъ сирени. У параднаго подъѣзда покоятся два льва, смотрятъ другъ на друга и придерживаютъ лапами шары. Кадки съ апельсинными и померанцовыми деревьями стоятъ по обѣ стороны подъѣзда, надъ которымъ балконъ, поддерживаемый каріатидами. Два флигеля, выдавшіеся впередъ, соединяются съ большимъ домомъ полукруглыми галлереями.

Все это я разглядѣлъ послѣ, а въ ту минуту, когда подъѣзжалъ къ княжескимъ хоромамъ, я вовсе былъ не въ такомъ расположеніи духа, чтобы спокойно заняться разсматриваніемъ мѣстности. Я попризадумался немного о самомъ себѣ и отъ нечего дѣлать сравнивалъ мое прошедшее съ настоящимъ, дивился своимъ незаслуженнымъ успѣхамъ, вспомнилъ о тебѣ и о всѣхъ васъ, товарищахъ моего дѣтства, близкихъ мнѣ по сердцу, которыхъ судьба разметала въ разныя стороны. Качка коляски расположила бы меня, вѣроятно, еще къ какимъ-нибудь думамъ, но вдругъ лакей, сидѣвшій на козлахъ, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Вотъ, сударь, княжна изволятъ прогуливаться верхомъ...

— Гдѣ? — спросилъ я, вздрогнувъ и осматриваясь.

Въ концѣ дубовой аллеи, въ которую только что повернула моя коляска, увидѣлъ я двухъ всадницъ, возвращавшихся домой съ гулянья въ сопровожденіи жокея. Ты будешь смѣяться надо мной, если скажу тебѣ, что я смутился не на шутку отъ такой нечаянности. Встрѣтиться съ княжною, еще не зная ея, показалось мнѣ очень неловко: поклониться ли ей, или проѣхать мимо, какъ будто не замѣчая ее? что́ дѣлать?.. Я сказалъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ тише, чтобы не обгонялъ дамъ, но кучеръ не слыхалъ моихъ словъ: четверня моя неслась, а дамы ѣхали шагомъ... У меня забилось сердце отъ какой-то глупой боязни обратить на себя насмѣшливые взоры княжны. Мнѣ почему-то представлялось, что она непремѣнно должна посмотрѣть на меня насмѣшливо... Коляска уже нагнала ихъ... Тутъ только одна изъ всадницъ, въ синемъ амазонскомъ платьѣ и въ черной круглой шляпѣ, откинула отъ лица вуаль, повер-

нула свою голову, посмотрѣла на знакомый ей экипажъ, на меня, незнакомаго ей — и сказала два слова своей спутницѣ, которая тоже обернулась. Въ глазахъ у меня рябило. Я могъ замѣтить только, промчавшись мимо всадницъ, что у одной изъ нихъ темные волосы, у другой рыжеватые, что одна очень стройна, другая безобразно-худощава. Коляска остановилась у одного изъ боковыхъ подъѣздовъ...

У двери этого подъѣзда стоялъ бѣлокурый мальчикъ лѣтъ десяти въ красной рубашкѣ съ золотымъ поясомъ и съ цвѣткомъ въ рукѣ, точно на картинкѣ. Когда я выскочилъ изъ коляски и вошелъ въ длинный коридоръ, мальчикъ побѣжалъ за мною.

— Это вы тотъ гость, котораго ждалъ папенька? — спросилъ онъ, нахмурясь и осматривая меня.

— А кто твой папенька?

— Развѣ вы его не знаете? Папенька, Демидъ Петровичъ.

Лакей, провожавшій меня, объяснилъ мнѣ, что Демидъ Петровичъ — главный управляющій и дворецкій князя.

— Папенька велѣлъ, — продолжалъ мальчикъ, — приготовить вамъ комнаты туда, окнами въ садъ. Князь ему приказалъ... Да куда жъ вы идете? надо направо.

Такъ же богато убранныя комнаты, какъ въ московскомъ домѣ, ожидали меня и здѣсь. Только въ этомъ убранствѣ слишкомъ замѣтны претензіи на деревенскую простоту. Окна точно выходятъ въ садъ, и въ комнатѣ, назначенной мнѣ для спальни, кусты жимолости, прислонившіеся къ самымъ стекламъ, могутъ замѣнять шторы.

Чемоданы мои тотчасъ были принесены, и я началъ переодѣваться. Мальчикъ, положивъ руки на столъ и опершись на немъ своимъ подбородкомъ, все пристально смотрѣлъ на меня...

— А что, миленькій, ты не знаешь, князь дома? — спросилъ я его.

— Можетъ быть дома, а можетъ быть и въ саду, — и вдругъ онъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ, показывая цвѣтокъ: — А этотъ цвѣтокъ мнѣ подарила сегодня княжна.

— Она тебя любитъ?

— Она все цѣлуетъ меня и даетъ мнѣ конфеты... Хотите, я вамъ подарю леденецъ? А вотъ и папенька пришелъ...

Въ самомъ дѣлѣ, въ дверяхъ показался низенькій, толстенькій человѣкъ съ рѣдкими на головѣ волосами, съ круглымъ лицомъ и въ бѣломъ накрахмаленномъ галстукѣ.

— Прикажете ли къ вамъ велѣть принести завтракъ,— сказалъ онъ, поклонясь мнѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства и придавая каждому слову своему особенную важность: — или вы пожалуете завтракать къ князю? Онъ сейчасъ только узналъ отъ княжны о вашемъ пріѣздѣ и прислалъ меня къ вамъ.

Княжна сказала ему о моемъ пріѣздѣ! Это немного удивило меня.

— Потрудитесь доложить князю, что я иду къ нему.

— Хорошо, сударь... А ты, Ванюша, что́ здѣсь изволишь дѣлать? — И управляющій полустрого, полуласково обратился къ своему сыну.

— Не сердитесь на него,—сказалъ я:—онъ со мной познакомился и, кажется, полюбилъ меня. Онъ все до вашего прихода занималъ меня разговорами. Я ему очень благодаренъ.

— Что касается до этого, онъ у меня, я вамъ скажу, мальчикъ неглупый, и все бы, изволите видѣть, какъ слѣдовало, да ея сіятельство княжна изволитъ насъ немножко баловать. Ваня! пойди-ка къ мамонькѣ домой, а я сейчасъ иду къ князю доложить о вашей волѣ...

Князь прохаживался по большой залѣ, украшенной сверху донизу картинами, заложивъ руки назадъ. Увидя меня входящаго, онъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу.

— Очень, очень радъ вашему пріѣзду, — говорилъ онъ, взявъ меня за руку...—Ну, что́? вы насмотрѣлись на нашу пеструю Москву? Теперь вы совсѣмъ къ намъ въ деревню, не правда ли?

— Да, князь, совсѣмъ. Какое у васъ чудесное собраніе картинъ! — замѣтилъ я, съ любопытствомъ смотря на стѣны.

— Здѣсь еще не все, не все, — и лицо князя замѣтно просіяло, онъ оживился. — Мой дѣдъ былъ большой люби-

тель живописи и знатокъ. Вамъ извѣстно, что и я немножко знаю толкъ въ картинахъ. У меня есть славныя вещи изъ школы Каррача, оригиналы Гвидо и Альбани. Погодите, мы съ вами...

Онъ не договорилъ, потому что вдругъ въ сосѣдней комнатѣ кто-то съ силою ударилъ по клавишамъ, такъ что мы оба вздрогнули, и вслѣдъ за этимъ раздался женскій голосъ, сильный, звучный и страстный, доходящій до сокровенной глубины души.

— Это, кажется, послѣдняя сцена изъ глюковой «Армиды». Дочь моя съ нѣкотораго времени, къ сожалѣнію, пристрастилась къ нѣмецкой музыкѣ, — сказалъ съ улыбкою князь, подходя къ двери комнаты, откуда раздавались звуки. Я слѣдовалъ за нимъ.

Въ этой комнатѣ за роялемъ сидѣла она. Ея темные волосы длинны и густы, ея локоны опущены до плечъ, ея бѣлое, немного продолговатое лицо едва-едва оттѣняется легкимъ румянцемъ; круглыя брови немножко приподняты; длинныя рѣсницы въ половину закрываютъ блѣдно-голубые глаза, которые иногда кажутся сѣрыми; все это вмѣстѣ такъ хорошо, такъ легко и воздушно, что на нее нельзя насмотрѣться. Я недавно прочелъ Шекспировъ *Сонъ въ лѣтнюю ночь*, и мнѣ кажется, что Титанія должна непремѣнно походить на княжну... Но все это — *слова, слова...* они не дадутъ тебѣ и приблизительнаго понятія о ней, объ этой княжнѣ. Къ тому же всѣ описанія красоты, какъ бы ни были краснорѣчивы, до невѣроятности надоѣли и прискучили... Не даромъ же въ Москвѣ ее величаютъ красавицей. Она, должно быть, точно,

Какъ величавая луна,
Средь женъ и дѣвъ блеститъ одна.

Она поразила меня съ первой минуты; я остановился передъ нею, проникнутый благоговѣйнымъ трепетомъ, какъ передъ дивной картиной великаго мастера, и не могъ отвести отъ нея глазъ; сердце мое сильно билось въ груди... Боже, Боже, какъ хороша она!

Она не замѣтила, какъ я и князь вошли въ комнату. Мы остановились у окна. Она продолжала пѣть... глаза ея горѣли, она, казалось, вся была проникнута вдохновительною силою композитора. Вдругъ, вообрази мое удивленіе, на половинѣ сцены княжна смолкла. Раза два зѣвнула, впрочемъ съ большою граціею, потомъ перевернула ноты, лежавшія въ пюпитрѣ, еще зѣвнула и наконецъ оборотилась къ окну.

Она нимало не удивилась, увидѣвъ князя, и посмотрѣла на меня съ ужасающимъ равнодушіемъ.

— Браво, браво, Lise! — воскликнулъ князь, когда она подходила къ нему: — зачѣмъ же ты не продолжала? мы тебя расположились слушать. Однако лучше, если бы ты спѣла намъ что-нибудь изъ Россини.

— Ка́къ я устала!—сказала княжна:—ка́къ мнѣ жарко! если бы вы могли вообразить, ка̀къ я устала! Мы съ миссъ Дженни ѣздили верхомъ и вѣрно сдѣлали верстъ десять. Бѣдная Дженни теперь лежитъ.

Князь представилъ меня дочери.

Она сдѣлала едва замѣтное движеніе головою, мелькомъ взглянувъ на меня.

«О, какая она важная!» — подумалъ я.

— Что́ же? мы будемъ сегодня завтракать? — продолжала княжна, обращаясь къ отцу: — я ужасно проголодалась...

— Завтракъ готовъ.

Мы отправились въ залу. Удовлетворивъ свой аппетитъ, княжна, утомленная, сѣла въ кресла и прислонилась головой къ высокой подушкѣ этихъ креселъ.

— Зачѣмъ же ты ѣздишь такъ далеко? — спросилъ ее князь. — Не дурно ли тебѣ? ты такъ блѣдна!

— О, нисколько!..—И она вскочила съ креселъ и съ быстротою изумительною очутилась у балкона, заставленнаго цвѣтами, позабывъ объ усталости, на которую жаловалась за минуту передъ тѣмъ.

— Зачѣмъ здѣсь такъ много наставили туберозъ? отъ нихъ всегда такой сильный запахъ, отъ нихъ у меня болитъ голова.

— Не правда ли, въ этомъ старикѣ есть что-то рембрандтовское? — сказалъ мнѣ князь, не обращая вниманія на капризы дочери и показывая на одну изъ картинъ, изображавшую старика за книгой.

Я подошелъ поближе къ картинѣ. Картина точно была недурна, и я распространился въ похвалахъ ей, къ немалому удовольствію князя, который, сколько я замѣчаю, ужасно высоко цѣнитъ свою небольшую галлерею.

Княжна подошла къ намъ. Она посмотрѣла на меня въ этотъ разъ довольно милостиво и довольно пристально.

— Не правда ли, Москва очень скучна? — спросила она меня.

— Я еще не успѣлъ въ ней соскучиться; для меня въ Москвѣ все такъ ново...

— Да!.. вы любовались видами.

— Кстати, гдѣ эти московскіе виды, которые ты сдѣлала карандашомъ на память?

— Я разорвала ихъ.

— Можно ли это?..—Князь пожалъ плечами.

— Княжна любитъ заниматься рисованіемъ? — осмѣлился спросить я, не обращая однако вопросъ мой прямо къ ней.

— О, я большая артистка!—отвѣчала она очень серьезно.

Цѣлый день, возвратясь отъ князя, я устраивалъ свои комнаты и обѣдалъ у себя. Вечеромъ, часу въ десятомъ, онъ прислалъ меня звать къ чаю. Тутъ я увидѣлъ, кромѣ рыжей и молчаливой англичанки, новое лицо—тетушку князя и бабушку княжны, дѣвицу лѣтъ 65-ти, въ морщинахъ, съ маленькими усиками, съ блестящими перстнями на сухощавыхъ рукахъ, ненавистницу всего новаго, безъ умолку воркующую про блаженныя времена Екатерины и Павла. Чай былъ приготовленъ въ комнатѣ, отдѣланной во вкусѣ помпейскомъ. Это любимая комната князя. Княжна сама разливала чай; мы всѣ усѣлись около круглаго стола, на которомъ блестѣлъ великолѣпный серебряный самоваръ... Руки княжны точно изваяны изъ мрамора, пальцы продолговатые, тонкіе и бѣлые. Она подала чашку своей бабушкѣ, потомъ мнѣ. Бабушка отвѣдала чай и поморщилась.

— Ты, странное дѣло, — ворчала она, — до сихъ поръ не можешь выучиться приготовлять какъ слѣдуетъ чай: или слишкомъ сладко, или совсѣмъ безъ сахара. Я, въ твои лѣта, Lise, была такая мастерица дѣлать и разливать чай, что, бывало, свѣтлѣйшій князь Борисъ Дмитріевичъ, который ѣзжалъ къ намъ всякій Божій день, выпивалъ чашекъ по пяти моего чая и не могъ имъ нахвалиться, а онъ былъ знатокъ въ чаѣ!

Княжна улыбнулась.

— На васъ не угодишь. Не правда ли, мой чай не такъ дуренъ, какъ увѣряетъ бабушка? — сказала она, обращаясь ко мнѣ.

Не знаю отчего, но я смѣшался, покраснѣлъ и несвязно пробормоталъ что-то.

Старушка съ усиками престрашно посмотрѣла на меня.

Княжна не могла не замѣтить моего смущенія. Можетъ оттого, что ей стало жаль меня, она снова обратилась ко мнѣ.

— И вы вѣрно будете пить еще? Я не устану наливать вамъ. Мнѣ только хочется доказать бабушкѣ, что и моего чая можно выпить до пяти чашекъ.

Дрожащею рукою подалъ я княжнѣ выпитую чашку и поблагодарилъ ее.

Князь позвонилъ и велѣлъ подать сигаръ.

— Вы курите? — спросилъ онъ меня.

— Очень мало и рѣдко...

А ты знаешь, какой я охотникъ курить, и въ эту минуту я сталъ бы курить съ большою пріятностью, но пускать дымъ при дамахъ и въ такой великолѣпной комнатѣ мнѣ показалось невѣжливо.

Княжна, въ то время какъ бабушка подозвала къ себѣ зачѣмъ-то лакея, взяла со стола сигару и подала ее мнѣ и сказала вполголоса:

— Пожалуйста, курите.

— Въ деревнѣ смѣло можно курить и при дамахъ, — прибавилъ князь.

Старушка съ усиками, увидѣвъ меня съ сигарою во рту, еще страшнѣе посмотрѣла на меня.

— Курить при дамахъ, — заворчала она, относясь къ князю: — на дачѣ, въ деревнѣ или въ городѣ въ наше время считалось величайшимъ невѣжествомъ. Я помню, какъ молодой графъ, сынъ графа Александра Кирилловича, однажды на блистательномъ балѣ у покойной матушки, — на балѣ, который удостоила своимъ посѣщеніемъ блаженныя памяти императрица, — сказалъ при дамахъ, что онъ охотникъ до трубки. Что жъ бы вы думали, князь? Да мы, дѣвицы, перестали смотрѣть на него, всѣ отъ него стали бѣгать, какъ отъ чумы.

— Времена не тѣ, бабушка!

— Знаю, княжна, знаю. Вы теперь ни за что не въ претензіи: при васъ мужчины лежатъ, а васъ это нимало не оскорбляетъ.

Вчера утромъ я гулялъ по саду и встрѣтился съ княжною, которая довольно привѣтливо отвѣчала на мой поклонъ. Она шла съ своей рыжей англичанкой, миссъ Дженни. На ней было темное платье и полосатая мантилья. Какъ все, чтó ни надѣнетъ она, къ лицу ей! Долго провожалъ я ее глазами, покуда она совсѣмъ исчезла за деревьями... Другъ! такую дѣвушку я вижу первый разъ въ жизни. Въ ея походкѣ, въ ея малѣйшемъ движеніи необъяснимая грація, въ ея взглядѣ сила и очарованіе, отъ котораго тщетно стараешься высвободиться; въ голосѣ ея звучность и мягкость, такъ могущественно дѣйствующая на душу... Не брани меня за мои восторженныя рѣчи. Слышишь ли? я никогда не видалъ такой дѣвушки, рѣшительно никогда... Прежняя любовь моя кажется мнѣ смѣшною и жалкою. Это было желаніе любви, а не любовь: это былъ первый ребяческій лепетъ сердца... Но полно; я что-то хотѣлъ сказать тебѣ о княжескомъ садѣ... Да, этотъ садъ, несмотря на свою огромность, содержится въ величайшемъ порядкѣ. Мѣстоположеніе его красиво, потому что гористо. Отъ дома до большого

озера прямыя, классическія, подстриженныя аллеи, установленныя мраморными бюстами Гераклита, Демокрита и другихъ шутовъ древности, точно какъ въ Лѣтнемъ саду. За озеромъ же мастерски распланированный англійскій садъ.

Вечеромъ мы катались въ линейкѣ: князь и я, княжна и англичанка. Окрестности здѣшнія удивительно живописны; жаль, что мало воды. Княжна два раза была въ чужихъ краяхъ и съ энтузіазмомъ говорила мнѣ о Неаполѣ и его окрестностяхъ. Прости мнѣ! по ея отрывочному разсказу я составилъ себѣ гораздо яснѣйшее понятіе объ этомъ чудномъ городѣ, чѣмъ по твоимъ подробнымъ письмамъ... Я начинаю обращаться съ нею свободнѣе, я перестаю бояться ея... Она совсѣмъ не такъ горда, какъ показалось мнѣ въ первый разъ. Сколько я могъ до сихъ поръ замѣтить, она глубокая дѣвушка, съ душою полною и прекрасною... а наружность ея, наружность!

О, теперь вижу я, что только блестящее воспитаніе большого свѣта даетъ женщинѣ эту волшебно-поэтическую, художественную форму. Противъ этого нечего спорить. Мнѣ становятся отвратительны, гадки и глупы всѣ выходки противъ большого свѣта нашихъ и другихъ сочинителей, особенно нашихъ. Я всѣмъ бы имъ сказалъ: *зеленъ виноградъ*, милостивые государи! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, общество генеральши Поволокиной лучше?

Если умному человѣку непремѣнно надобно толкаться въ обществѣ, такъ пусть онъ толкается тамъ, гдѣ по крайней мѣрѣ хоть внѣшность ослѣпительна, а не оскорбительна. Я думаю, ни ты, другъ мой сердечный, ни я не въ состояніи итти теперь на *балокъ* къ г-жѣ Липрандиной, гдѣ мы нѣкогда, воспитанники академіи, въ синихъ мундирахъ съ золотыми галунами, такъ отъ души выплясывали по воскресеньямъ съ барышнями и восхищали ихъ своею любезностью?..

ГЛАВА VIII.

8-го іюня.

Съ половины апрѣля до сей минуты мы пользуемся такой неоцѣненной погодой, что, право, не завидуемъ вамъ, живущимъ въ странахъ, благословенныхъ Богомъ и дивно изукрашенныхъ его щедротами. Я каждый день вижусь съ княжной, часто гуляю съ ней; въ двѣ недѣли я сдѣлался человѣкомъ домашнимъ въ домѣ князя. Она показывала мнѣ рисунки свои: въ этихъ рисункахъ много таланта, но всего болѣе я люблю ее за роялемъ. Музыка просвѣтляетъ ее. Едва проникнется она гармоніей любимца своего, Моцарта, — обыкновенно веселое и безпечное лицо ея вдругъ дѣлается задумчивымъ; глаза принимаютъ выраженіе неясное, туманное, но за этой туманностью неизмѣримый міръ любви и блаженства!

Въ ноябрѣ князь располагаетъ быть въ Римѣ, и я наконецъ обниму тебя послѣ безконечной разлуки, — и ты увидишь ее. Тогда рѣшишь, правъ ли я, прибавилъ ли я хоть одно лишнее слово, говоря объ ней... Я до того счастливъ теперь, что иногда сдается мнѣ, будто такое полное счастье не можетъ быть продолжительнымъ, и мнѣ становится страшно за себя... Я начинаю совершенно мириться съ жизнію. Другъ, она прекрасна, эта жизнь! Я убѣждаюсь, что въ ней-то, цвѣтущей и могучей, а не въ собственныхъ грезахъ должны мы искать собственнаго удовлетворенія... И люди, право, не такъ гадки, какъ говорятъ и пишутъ объ нихъ... Я тебѣ долженъ передать двѣ занимательныя новости.

Третьяго дня я получилъ два письма изъ Петербурга: одно отъ Осипа Ильича Теребеньина и его достопочтенной супруги Аграфены Петровны, которые изъ всѣхъ силъ и самымъ отборнымъ канцелярскимъ слогомъ стараются увѣрить меня, что всегда принимали во мнѣ нѣжнѣйшее участіе, считали меня ближайшимъ своимъ родственникомъ, благодарятъ теперь Бога за мое счастіе и проч. и проч. Все это предисловіе ведетъ къ тому, что Аграфенѣ Петровнѣ очень

хочется къ слѣдующему новому году быть статской совѣтницей, и она съ чего-то изволила вообразить, что князь возьмется хлопотать объ этомъ. Какова?

Другое письмо отъ нашего пріятеля Рябинина. Оно удивило и обрадовало меня. Я тебѣ выпишу нѣсколько строкъ изъ этого письма, и ты увидишь, въ чемъ дѣло:

«Знаешь ли что? не улыбайся, я говорю не шутя. Съ охотою поѣхалъ бы я съ княземъ Б*** въ чужіе края, если у него будетъ лишнее мѣсто, для того только, чтобы не разставаться съ тобой. Ты сдѣлался необходимъ моему духовному бытію. Да! часто въ головѣ моей блеснетъ мысль яркая, лучезарная... но съ кѣмъ раздѣлить ее? людей много вокругъ, людей со смысломъ и съ чувствомъ, но они не такъ глубоко поймутъ меня, какъ ты. Въ странѣ любви и искусствъ мы вмѣстѣ преклонили бы колѣни передъ твореніями избранниковъ Божіихъ, и въ одно время въ душахъ нашихъ затеплилась бы молитва!.. Къ тому же, я могу быть полезенъ князю, какъ писатель; пожалуй, я велъ бы путевыя записки; ты вѣрно взялся бы сдѣлать къ моему тексту нѣсколько рисунковъ; все это князь издалъ бы великолѣпно, какъ прилично меценату. Похлопочи-ка объ этомъ да подъѣзжай къ князю половче, похитрѣе. Если это удастся, то я скоро обниму тебя и крѣпко прижму къ груди моей... А вѣдь ей Богу славно бы мы прокатились, да еще и на чужой счетъ...»

Чудакъ! онъ не можетъ обойтись безъ всякихъ фразъ ни въ письмахъ, ни въ разговорѣ; онъ безпрестанно твердитъ о деньгахъ, и оттого о немъ многіе думаютъ, какъ о человѣкѣ, для котораго нѣтъ другого кумира, кромѣ денегъ, о немъ, такъ пламенно и безкорыстно преданномъ искусству!

Я тотчасъ же пошелъ къ князю.

Князь былъ въ своемъ кабинетѣ. Кабинетъ этотъ весь заваленъ англійскими гравюрами и заставленъ избранными картинами, особенно нравящимися князю... Этой чести удостоилась и моя «Ревекка», недостатки которой начинаютъ только теперь выясняться мнѣ...

— Читали ли вы, мой милый, — началъ князь, увидя меня: — читали ли вы разсужденіе о живописи Леонарда да-Винчи? Эту книгу не вездѣ можно достать; впрочемъ, она переведена на французскій языкъ. Къ ней приложены рисунки, сдѣланные Пуссеномъ. Сколько тутъ мыслей, сколько вѣрности во взглядѣ! Прочтите, она у меня есть; я только сейчасъ все думалъ о ней. У меня библіотека полная, старинная, что́ хотите найдете въ ней; есть сочиненія очень рѣдкія. Пожалуйста, пользуйтесь ею.

Я поклонился князю.

— Полноте; я вамъ говорю это не для того, чтобы вы благодарили меня. Мы съ вами познакомились такъ, что церемоніи можно въ сторону... Знаете ли, что Леонардо да-Винчи между прочимъ былъ и поэтъ, какъ и Микель-Анджело? Онъ написалъ сонеты и одинъ, совсѣмъ недурной по тогдашнему времени, дошелъ до насъ...

— Я не зналъ этого, князь.

— Да, да; это извѣстно... О, сколько наслажденій въ Италіи готовится вамъ, молодой человѣкъ!.. Вѣрите ли, что я завидую вамъ? Для меня уже тамъ нѣтъ ничего новаго: мнѣ извѣстенъ каждый сокровенный уголокъ въ самомъ незначительномъ монастырѣ. У меня, надо сказать вамъ, есть инстинктъ угадывать, гдѣ хорошее; иногда по этому инстинкту я отыскивалъ удивительныя картины, о которыхъ, — князь взялъ меня за руку и наклонился ко мнѣ, — о которыхъ не подозрѣваютъ и сами итальянцы. Хотите ли меня имѣть своимъ чичероне?

— Мнѣ это будетъ очень лестно, князь, — отвѣчалъ я.

— Вамъ должно непремѣнно, и поскорѣй, прежде всего познакомиться съ флорентинской школой, съ этой матерью всѣхъ школъ, которая произвела Леонарда да-Винчи и Микель-Анджело. А венеціанская школа? а великій Тиціанъ? Правда, въ его историческихъ картинахъ вы не найдете исторической вѣрности: онъ не заботился объ изученіи древностей; но, несмотря на это, онъ великій живописецъ. Вѣдь и въ шекспировскихъ историческихъ драмахъ исторія часто прихрамываетъ, а все-таки Шекспиръ геніальный поэтъ!

Сказавъ это, князь началъ прохаживаться по комнатѣ, потомъ остановился передо мною и посмотрѣлъ на меня.

— Знаете ли вы, — сказалъ онъ мнѣ, указывая на картины: — моя жизнь въ этомъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ во мнѣ родилась страсть къ живописи. Я могъ бы служить и выслуживаться; одно мое имя открываетъ дорогу ко всѣмъ почестямъ, но я предпочитаю свободную и независимую жизнь всему на свѣтѣ. Вотъ отчего я живу въ Москвѣ и только заглядываю въ Петербургъ.

Добрый князь никогда не былъ такъ расположенъ къ откровенности, какъ въ сію минуту. Это ясно увидѣлъ я по выраженію лица его, по рѣзкимъ движеніямъ, которыхъ прежде не замѣчалъ въ немъ. Мнѣ показалось удобнымъ воспользоваться этой минутой, и я, намекнувъ ему сначала о томъ, что во время нашихъ странствованій по Италіи недурно было бы вести путевыя записки, которыя можно посвятить особенно предметамъ, относящимся до художествъ, — указалъ ему на Рябинина, какъ на литератора опытнаго, извѣстнаго, и — главное — занимающагося издавна изученіемъ художествъ.

Сильно подѣйствовало на князя мое предложеніе.

— Превосходно, превосходно! — воскликнулъ онъ. — Кáкъ прежде мнѣ не приходило въ голову?.. Превосходно!.. Я благодаренъ вамъ за этотъ намекъ. Да! путевыя записки, посвященныя на описаніе всѣхъ сокровищъ, которыми обладаетъ Италія... Превосходно! Но согласится ли ѣхать съ нами г. Рябининъ?

— Онъ мой хорошій знакомый; я напишу къ нему и заранѣе увѣренъ въ его согласіи.

— У насъ, кажется, ничего не было до сихъ поръ въ этомъ родѣ! — продолжалъ воспламененный князь: — превосходно!.. Вы берете на себя живописную часть, не правда ли?.. Я ничего не пожалѣю на это изданіе, оно сдѣлается извѣстнымъ всей Европѣ... мнѣ знакомы лучшіе лондонскіе граверы... А г. Рябининъ точно съ талантомъ писатель?

— Съ большимъ талантомъ, князь. Вы не читали ли его поэмы «Вальтазаръ»?

— «Вальтазаръ»!..—Князь задумался...—Позвольте, «Вальтазаръ»... Да, я слышалъ, кажется, про нее; ее очень хвалятъ, она произвела впечатлѣніе, да... Если она у васъ здѣсь, пришлите ее мнѣ, я непремѣнно прочту. Пожалуйста, напишите же къ г. Рябинину съ этой почтой...

Я сказалъ князю, что тотчасъ же пойду за поэмой, но онъ удержалъ меня.

— Послѣ; вы ее пришлите ко мнѣ. Я что-то хотѣлъ спросить у васъ. А! замѣтили ли вы въ большой залѣ надъ дверьми въ голубую гостиную небольшой портретъ?

— Не помню, князь.

— Славная вещь! Кажется, можно утвердительно сказать, что это работа Іоанна Гольбейна. Внизу стоитъ 1548 годъ. Пойдемте-ка посмотрѣть.

И князь потащилъ меня за собою.

Въ залѣ встрѣтили мы старушку съ усиками, которая сильно не благоволитъ ко мнѣ; я раскланялся съ ней и принялся разсматривать картину мнимаго или настоящаго Гольбейна, который мнѣ совсѣмъ не понравился.

Старушка съ усиками, разряженная, ходила по залѣ и ворчала:

— Картины хорошо имѣть для украшенія комнатъ, для того, чтобы при случаѣ сказать: у меня картинная галлерея. Но прилично ли заниматься ими съ утра до ночи, не знаю, и не понимаю такой страсти. Другое дѣло, собирать драгоцѣнные камни и антики...

И она перебирала, говоря это, перстни на своей сухощавой рукѣ.

Отъ Гольбейна мы перешли къ старушкѣ съ усиками. Князь, посмотрѣвъ на меня съ улыбкою, обратился къ ней:

— Хотите ли, тетушка, я подарю вамъ мой античный перстень съ Ромуловой головой?

Маленькіе глазки разряженной старушки засвѣтились при этомъ вопросѣ, голова ея затряслась, ленты на чепцѣ заколебались.

— Вы шутите, князь!—сказала она, приподнявъ голову и посмотрѣвъ на своего племянника.

— Нисколько, и въ доказательство я вамъ сейчасъ принесу его.

Князь вышелъ и скоро возвратился съ перстнемъ.

— Вотъ онъ, тетушка...

Дрожащею рукой взяла она знакомый ей перстень и начала его вертѣть въ рукѣ, разсматривая...

— Дорогой, чудесный перстень, — ворчала она, надѣвая его на указательный палецъ и поднося руку къ глазамъ. — Вы не умѣете цѣнить его. Благодарю васъ, князь.

Она старалась улыбнуться и пожала князю руку.

— Вообще старыя дѣвы необыкновенно забавны, — сказалъ князь: — но моя тетушка уморительна. У нея такія претензіи и причуды!

Я чуть не вздохнулъ, подумавъ, какъ всѣ мы умѣемъ замѣчать странности другихъ, а о своихъ собственныхъ и не подозрѣваемъ. Страсть князя къ живописи и желаніе показать себя знатокомъ въ ней — тоже маленькая странность. Впрочемъ, онъ такъ добръ, въ немъ столько человѣчности, что ему отъ всего сердца прощаешь этотъ грѣшокъ!.. Онъ чрезвычайно начитанъ, много видѣлъ, знаетъ милліоны анекдотовъ и съ необыкновенною пріятностью разсказываетъ ихъ. Его иногда можно заслушаться. Въ Москвѣ онъ пользуется величайшимъ уваженіемъ, потому что имѣетъ огромное состояніе, даетъ великолѣпные вечера, во всѣхъ парадныхъ процессіяхъ выступаетъ первый въ своемъ камергерскомъ мундирѣ, и, главное, имѣетъ дочь-красавицу, къ которой перейдутъ всѣ его богатства. Говорятъ, что княжна наслѣдовала красоту своей матери. Прошло уже болѣе пяти лѣтъ отъ смерти княгини, но князь не можетъ до сихъ поръ равнодушно слушать, когда зайдетъ рѣчь о ней. Послѣ ея смерти онъ, говорятъ, полтора года не ѣздилъ въ Англійскій клубъ! Теперь вся любовь его перешла къ дочери. Онъ, кажется, исполняетъ всѣ ея желанія и безпрекословно повинуется ея волѣ...

Письмо къ Рябинину отослано. Онъ вѣрно получилъ его.

Князь читалъ «Вальтазара» со вниманіемъ. Стихи ему нравятся, два стиха онъ даже запомнилъ наизусть. но во-

обще поэму онъ находитъ растянутой. Едва ли онъ не правъ въ этомъ случаѣ. Я недавно, перелистывая ее, то же замѣтилъ.

ГЛАВА IX.

13-го іюня.

Скоро два мѣсяца, какъ я не бралъ въ руки кисть. И меня это не безпокоитъ. Въ Италіи примусь я работать... О, поскорѣй бы въ Италію! Если меня никто не выведетъ изъ того блаженнаго и бездѣйственнаго состоянія, въ которомъ нахожусь, я долго не проведу ни одного штриха, ни одной черты... У меня не достаетъ силъ самому вырваться изъ этого обаятельнаго міра. Признаться ли тебѣ... о, тебѣ я признаюсь, другъ моего дѣтства, что моя жизнь такъ, какъ она есть теперь, вполнѣ удовлетворяетъ меня. Мой неподкупный судія, неужели, основываясь на томъ, что чувство художника такъ долго молчитъ во мнѣ, ты станешь отрицать во мнѣ призваніе? Будь снисходительнѣе къ твоему другу!.. Мнѣ надобно оправдать общій голосъ, поддержать собственные успѣхи,—все это я знаю... Но еще впереди много, много дней, я еще молодъ. Ты говоришь мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ, что минута творчества есть минута высшаго наслажденія для художника, что передъ этой минутой всѣ наши наслажденія жалки, бѣдны и ничтожны. Я понимаю тебя, совершенно понимаю, хотя самъ покуда не испыталъ этого. Когда мысль проникала меня и я брался за кисть, во мнѣ не было того спокойствія, которое необходимо для творящаго... Голова моя горѣла; образы, вызванные моимъ воображеніемъ, являлись передо мною въ туманѣ, кисть дрожала въ рукѣ моей. И при всемъ этомъ, увѣряю тебя, надежда быть истиннымъ художникомъ не оставляетъ меня, — я не отчаяваюсь, нѣтъ! Зачѣмъ же мнѣ Богъ далъ душу, способную понимать все прекрасное, сочувствовать всему великому? Отчего же природа не мертва для меня? Отчего благоговѣйный, священный трепетъ проникалъ меня, когда я въ тихій часъ вечера стоялъ на берегу моря и смотрѣлъ, какъ на

легкой зыби его отражались огненныя полосы догорающей зари? Слушай, слушай, другъ мой! Сегодняшній вечеръ еще болѣе незабвененъ въ моей жизни: сегодня я ощутилъ въ себѣ еще полнѣе то неизмѣримое, безконечное блаженство, которое чувствовалъ нѣкогда тамъ, на берегу моря...

Я сидѣлъ въ саду на скамейкѣ, стоящей на высокомъ холмѣ, съ котораго виднѣется вся синеватая гладь озера. У его берега чуть замѣтно колебался небольшой пестрый яликъ. Цвѣты, посаженные на холмѣ, оживали, утомленные послѣ дневного жара, и приподнимали свои лучезарныя, радужныя головки и сильнѣе начинали дышать ароматомъ. Солнце, медленно заходящее, просвѣчивало сквозь темную и густую зелень деревъ, и каждый листокъ становился прозрачнымъ; свѣтлые кружочки обозначались на желтой песчаной дорожкѣ; вдали раздавался пастушій рожокъ... Не знаю, долго ли я просидѣлъ на этой скамейкѣ до той минуты, когда услышалъ вблизи себя шорохъ женскаго платья. Я обернулся на этотъ шорохъ и увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя княжну съ рыжею миссъ.

— Вы мечтаете?—спросила меня княжна насмѣшливо.

— Отсюда видъ очень хорошъ, такъ я смотрѣлъ на видъ, княжна,—отвѣчалъ я какъ могъ равнодушно. Насмѣшка ея была мнѣ досадна.

— Это моя скамейка, я здѣсь велѣла поставить ее: отсюда видно мое озеро, мое любимое озеро.

Голосъ и лицо княжны совсѣмъ измѣнились, когда она произносила это. Можно было поклясться, что ни этотъ голосъ, ни это лицо не способны къ насмѣшкѣ.

— А вы умѣете грести?

— Умѣю.

— Вы не боитесь воды?—И, предложивъ мнѣ послѣдній вопросъ, княжна смѣясь посмотрѣла на меня.

— Нѣтъ, не боюсь.

— Это вамъ дѣлаетъ честь. Хотите кататься съ нами въ лодкѣ?

— Если вы позволите, княжна.

— Я прошу васъ.—И она съ важностью неизобразимою

присѣла, какъ присѣдала ея бабушка во времена Екатерины Великой. Послѣ того, улыбаясь, она обернулась къ своей англичанкѣ и сказала ей что-то по-англійски. Рыжая миссъ значительно кивнула головой, и мы отправились къ ялику.

Вскочивъ въ яликъ и отцѣпивъ его, я подалъ руку княжнѣ. Ея рука была безъ перчатки, и ею она крѣпко сжала мою для того, чтобы не поскользнуться, входя въ яликъ. За нею неловко прыгнула миссъ, пребольно упершись костлявыми пальцами въ мою ладонь. Я взялъ оба весла, но княжна отняла у меня одно, еще разъ коснувшись своей рукой моей руки.

— И я хочу грести, только намъ надо грести ровнѣе... Постойте: разъ, два, три... ну, теперь начинайте....—Рыжая миссъ взялась управлять рулемъ, и яликъ разрѣзалъ зеркальное пространство и пошелъ, оставляя за собою струю.

Мы дружно ударяли весла; яликъ двигался все быстрѣе; княжна была необыкновенно довольна общею нашею ловкостью.

— Ахъ, какъ весело, какъ весело!—повторяла она.

— Не устали ли вы, княжна?

— Нисколько. Какой чудесный вечеръ!.. Для меня гораздо веселѣе здѣсь, на озерѣ, нежели въ бальной залѣ.

Она взглянула на меня, полная внутренней тревоги,—это я видѣлъ въ глазахъ ея.

Солнце скрылось въ облако и раскалило его своимъ прикосновеніемъ, и облило пламенемъ весь западъ. Мы плыли молча; только слышались однообразные всплески воды, возмущаемой веслами. Заря блѣднѣла, ея пурпуръ смѣнялся кроткимъ розовымъ свѣтомъ, который отражался въ водѣ. Лицо княжны разгорѣлось, локоны развились, маленькая ножка ея въ черномъ шелковомъ башмакѣ упиралась въ перекладину ялика.

— Погодите грести, отдохните,—сказала она:—я устала...

— Развѣ я не могу грести одинъ, княжна? позвольте мнѣ ваше весло.

— Нѣтъ, не позволю,—произнесла она разсѣянно.

Яликъ остановился на срединѣ озера.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось быть теперь на морѣ, — говорила она:—на кораблѣ—и плыть долго, долго... Хоть я люблю это озеро, но оно слишкомъ мало: его по-настоящему нельзя даже величать громкимъ титломъ озера... Мнѣ всегда было такъ легко, когда я смотрѣла на морскую даль, сливающуюся съ горизонтомъ...

Княжна задумалась и черезъ минуту продолжала:

— Я увижу опять Средиземное море... Неаполь. У меня такъ много воспоминаній въ Италіи! Видите ли, и я иногда мечтаю?.. А вы поѣдете вмѣстѣ съ нами?

— Я думаю.

— Вы только еще думаете?

— Я ѣду навѣрное, княжна. Къ вашимъ услугамъ будетъ и живописецъ, и поэтъ.

— Какой поэтъ?

Я разсказалъ ей о предположеніи вести путевыя записки, о Рябининѣ и о прочемъ.

— До сихъ поръ я ничего не слышала объ этомъ... Поэтъ! а скоро будетъ сюда поэтъ?

— Можетъ-быть, скоро.

— Это прелюбопытно. Я знала только одного поэта, но его теперь нѣтъ въ Москвѣ. Въ Италіи я видѣла импровизатора, страшнаго, съ черными, сверкающими глазами, съ длинными, всклоченными волосами. Онъ ужасно кричалъ и размахивалъ руками.

— Поэтъ, который поѣдетъ съ нами, совсѣмъ не такъ свирѣпъ.

— Право?.. Сказать ли вамъ, о чемъ я теперь думаю? Я думаю о васъ... то-есть о томъ, какъ вы умѣли хорошо передать на вашей картинѣ вечеръ. Я часто смотрю на вашу картину. Она стоитъ въ моей гостиной.

Княжна опустила свои длинныя рѣсницы и потомъ, какъ-будто ожидая, что я заговорю, посмотрѣла на меня младенчески-простодушно.

Я молчалъ...

— Вы думаете,—начала она, продолжая смотрѣть на меня:—вы думаете, что свѣтская дѣвушка не въ состояніи

чувствовать красоту въ искусствѣ, не можетъ оцѣнить вдохновенія художника?.. У нея есть и восторгъ, и молитвы, и слезы,—повѣрьте мнѣ. Если найдется человѣкъ, достойный ея довѣренности, она ищетъ только минуты, ищетъ только случая, чтобы высказать ему душу свою... и ей такъ же, какъ и другимъ, нужно сочувствіе...

— Княжна, я не знаю свѣтскихъ дѣвушекъ, я видѣлъ ихъ издалека и не могъ дѣлать о нихъ никакихъ заключеній: но съ первой минуты, какъ я увидѣлъ васъ...

Англичанка, о которой я было забылъ, вдругъ пошевельнулась въ лодкѣ, и я остановился.

— Ахъ, мои бѣдныя перчатки!—воскликнула княжна жалобнымъ голосомъ, смотря на нихъ.—Посмотрите, какъ я ихъ изорвала!—И княжна протянула ко мнѣ свою руку, потомъ сняла перчатки и бросила ихъ въ воду.

Я посмотрѣлъ на безмолвную миссъ. Она была нехороша, но въ эту минуту показалась мнѣ отвратительною.

— Начинаетъ смеркаться,—сказала княжна:—посмотрите, вотъ зажглась звѣзда... Мнѣ такъ хорошо, что я готова бы встрѣтить восхожденіе солнца на этомъ яликѣ. Къ тому же, я никогда не видѣла восхожденія солнца,—прибавила она печально.—Однако пора домой. Теперь вы должны взять оба весла, потому что мои перчатки въ водѣ и я очень устала.

Княжна пересѣла къ англичанкѣ. Она совсѣмъ протянула свои ножки, опустила голову на грудь, руки ея лежали на колѣняхъ безъ движенія.

Мѣсяцъ уже серебристымъ столбомъ отражался въ озерѣ, когда я причалилъ къ пристани... Она выходила изъ ялика, рука ея опять была въ моей рукѣ—и она стояла на дорожкѣ сада, съ минуту еще не отнимая ее у меня...

Подходя къ дому, мы увидѣли, что помпейская комната ярко освѣщена.

— Бабушка вѣрно очень сердится на меня въ ожиданіи чая.

Княжна кивнула мнѣ головой, схватила подъ руку англичанку—и онѣ исчезли.

Я люблю ее, ты это видишь,—люблю страстно, безумно; чувствую, что она и жизнь для меня одно и то же. Безъ нея мнѣ нѣтъ жизни и нѣтъ счастія... Ты спросишь меня: къ чему поведетъ эта любовь?—Я не знаю. Ты скажешь мнѣ, что я не имѣю никакого благоразумія, что я легкомысленъ,—можетъ быть; но, ради Бога, не читай мнѣ наставленій, я не буду слушать ихъ; брось совѣты... Другъ, предоставь меня судьбѣ моей!

ГЛАВА X.

15-го іюня.

Ваня, сынъ дворецкаго, часто ходитъ ко мнѣ и иногда своимъ болтаньемъ забавляетъ меня. Онъ пребойкій и преумный мальчикъ. Сегодня онъ мнѣ принесъ отъ княжны «Feuilles d'automne» Виктора Гюго̀. Вчера у насъ былъ страшный споръ съ нею о французской литературѣ. Жаль, что она, взлелѣянная французскими книгами,—Гюго̀ и Ламартина считаетъ величайшими геніями и ставитъ ихъ чуть не на ряду съ Байрономъ, хотя изъ Гюго̀ она ничего не читала, кромѣ его лирическихъ стихотвореній. Я истратилъ все мое краснорѣчіе, желая убѣдить княжну, что этимъ господамъ до Байрона, какъ до *звѣзды небесной далеко*... Увы! всѣ мои убѣжденія были напрасны. Она чуть не разсердилась на меня за нихъ и взяла съ меня слово перечесть хоть одну книгу стихотвореній Гюго̀.

Вотъ почему она прислала мнѣ «Feuilles d'automne». Я расцѣловалъ ея посланника и спросилъ его, любитъ ли онъ княжну?

— Послѣ папеньки,—отвѣчалъ онъ:—я люблю больше всѣхъ княжну, а потомъ маменьку.

— Отчего же маменьку-то послѣ?

— Она сердитая, и папенька ее боится...

Я подарилъ ему картинку, и онъ въ полномъ восхищеніи убѣжалъ отъ меня. Развернувъ книгу,—вообрази мою радость, мою бѣшеную радость,—я нашелъ въ ней небольшую цвѣтную бумажку въ родѣ закладки, на которой было написано

мелко рукою княжны по-русски: *Прочтите стихи*: Oh! pourquoi te cacher? Tu pleurais seul ici, *и согласитесь, что* Hugo *истинный поэтъ*...

Не правда ли, это очень мило? Разумѣется, я прочелъ тогда же стихи, указанные ею, и они мнѣ въ самомъ дѣлѣ показались лучше другихъ.

17-го іюня.

Получилъ отвѣтъ отъ Рябинина на мое письмо къ нему. Онъ хочетъ пріѣхать сюда немедля. «Ну, такъ и быть,—пишетъ онъ:—для того, чтобы поскорѣй увидѣть тебя, я рѣшаюсь проскучать нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ. Жертва великая!.. Да нельзя ли мнѣ будетъ жить вмѣстѣ съ тобою въ подмосковной князя? Это, кромѣ другихъ выгодъ, имѣетъ и ту, что я заранѣе ознакомлюсь съ его сіятельствомъ. Отпиши мнѣ, будетъ ли такая штука политична?»

Я сказалъ объ этомъ князю—и онъ тотчасъ же велѣлъ приготовить комнаты для Рябинина противъ моихъ. Мысль, что онъ будетъ окруженъ артистами, ему, кажется, удивительно нравится.

Ту же секунду увѣдомилъ я нашего пріятеля о княжескихъ распоряженіяхъ и съ нетерпѣніемъ жду его сюда съ минуты на минуту...

30-го іюня.

Онъ здѣсь, онъ пріѣхалъ! Можешь себѣ представить мою радость!.. Вчера я было совсѣмъ собрался спать, вдругъ слышу необыкновенный шумъ и страшную возню въ коридорѣ: двери передней моей комнаты отворяются съ эффектнымъ трескомъ; раздаются шаги мѣрные, тяжелые, знакомые мнѣ, и двѣ длинныя руки протягиваются ко мнѣ для заключенія меня въ объятія. Я обнялъ Рябинина отъ всего сердца.

Послѣ объятій онъ отошелъ отъ меня шага на два.

— Постой, ни слова! Дай мнѣ сначала обозрѣть тебя съ ногъ до головы,—сказалъ онъ и съ обыкновенною своею важностью, нахмуривъ брови, началъ меня разсматривать.

— Похудѣлъ! что бы это значило? въ Москвѣ толстѣютъ... а гдѣ же твоя мастерская?..

— Я и кисть не бралъ въ руки съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой разстались.

— Гм! Хорошо. Въ Москвѣ такъ и слѣдуетъ. Здѣсь только всѣ много говорятъ, а никто ничего не дѣлаетъ. Теперь я посмотрю твою комнату. Ба! что это? Викторъ Гюго! у тебя Гюго? Вѣдь ты прежде сходилъ съ ума отъ нѣмцевъ?..

— Я и теперь схожу отъ нихъ съ ума.

— А эта книга зачѣмъ?

— Меня заставила прочесть нѣсколько стихотвореній княжна и хотѣла, чтобы я непремѣнно ими восхищался.

— Заставила?.. княжна? а что у нея смазливенькое личико?

— Она чудо какъ хороша!

— И читаетъ стихи?

— Французскіе и англійскіе, а твоихъ стиховъ она не читала.

— Моихъ? Я и пишу не для этихъ княженъ, а для той, которая... Ну, да что говорить объ этомъ? Скажи-ка, какое впечатлѣніе произвела на тебя Москва?

— Для той, которая... Поздравляю тебя, ты влюбленъ.

— Ни слова объ этомъ. Что, въ Москвѣ скучно?

— Нѣтъ, ты не угадалъ. Эти мѣсяцы для меня прошли, какъ одинъ день. Я очень полюбилъ Москву.

Рябининъ качалъ головой.

— Молодость, молодость! Что же ты нашелъ здѣсь? Мѣстоположеніе, правда, недурное, довольно гористое, церкви съ позолоченными главами.

— И тебѣ эти шутки не наскучили?

— Какія шутки? я говорю отъ души. Истинно-то хорошаго ты, вѣрно, здѣсь и не замѣтилъ...

— Чего это?

— Да что въ Москвѣ всего лучше?

При этомъ вопросѣ я призадумался.

— Такъ и есть—не знаетъ

— Что же такое? Кремль?

— Вотъ куда зашелъ! Кремль!

— Калачи?

— Не то! — Англійскій клубъ и въ немъ кулебяка. Славная кулебяка! тѣсто сдобное, разсыпчатое, куски большіе... Узнаешь ли ты его? Вспоминаешь ли то время, когда мы сиживали вмѣстѣ, съ такимъ удовольствіемъ внимая рѣчамъ его и дивясь его способности мѣшать шутки съ дѣломъ?

— Впрочемъ, я не прочь пожить въ Москвѣ,—продолжалъ онъ.—Я отдохну здѣсь. Въ Петербургѣ надоѣли мнѣ и пріятели и враги. Всѣ значительные петербургскіе журналисты меня хвалили и хвалятъ, хотя ихъ похвалы глупы, но все-таки похвалы. А вотъ недавно,—говорятъ, я самъ не читалъ,—появились въ журналистикѣ какія-то проклятыя насѣкомыя, шмели—и точно слышу, жужжитъ что-то надъ самымъ ухомъ, того и гляди, что укуситъ. Я давно бы раздавилъ этихъ шмелей, но руку лѣнь приподнять.

До трехъ часовъ утра просидѣли мы съ нимъ, разговаривая о будущей нашей поѣздкѣ въ чужіе края, о князѣ, его семействѣ и о прочемъ.

17-го іюля.

Князь съ каждымъ днемъ начинаетъ чувствовать болѣе и болѣе расположенія къ Рябинину. Рѣзкая, немного странная манера, вѣчно-таинственный видъ знатока, умѣнье дѣйствовать незамѣтно на самолюбіе, придавая рѣчамъ сухость и даже грубость, порою истинно-поэтическое одушевленіе—все это вмѣстѣ, чѣмъ вполнѣ обладаетъ нашъ пріятель, дѣйствуетъ необычайно на князя.

Рябининъ ходитъ съ нимъ по заламъ и останавливается безпрерывно передъ картинами, восхищается ими и увѣряетъ, что такихъ драгоцѣнностей, какъ у него, нѣтъ даже и въ петербургскомъ Эрмитажѣ. Однажды мы втроемъ ходили въ большой залѣ. Рябининъ посмотрѣлъ на одну картину, остановился, поднялъ руки вверхъ и съ жаромъ воскликнулъ:

— Это оригиналъ, князь, повѣрьте мнѣ, оригиналъ! я узнаю въ этой картинѣ Франциска Альбани. У него вся манера Аннибала Карачча, такъ что иныя произведенія Альбани невглядѣвшійся глазъ можетъ смѣшать съ созданіями Карачча. Хотя въ Альбани нѣтъ своего, типическаго, но онъ замѣчательный мастеръ.

— Позвольте, дайте вглядѣться въ эту фигуру. Ба! да это рѣдкость... Венеціанской школы... Тинторетъ! настоящій Тинторетъ!.. Славная у васъ галлерея, князь... И знаете ли, что я скажу вамъ? я радъ, что у васъ мало картинъ нѣмецкой школы... Хороши они, эти Дюреры, но можно обойтись и безъ нихъ. Не люблю нѣмцевъ, откровенно признаюсь вамъ—народъ отвлеченный... Одинъ Шиллеръ, да и тотъ не нѣмецъ, а итальянецъ...

— Какъ итальянецъ?—спросилъ удивленный князь.

— Натура южная; здѣсь вотъ, въ лѣвомъ-то боку, горячо, пламенно... Съ какимъ омерзѣніемъ смотрѣлъ онъ на своихъ злодѣевъ, вызванныхъ имъ на Божій свѣтъ изъ глубины поэтическаго духа, и съ какою любовью на свои чистѣйшія созданія, на маркиза Позу, на Телля! Его драмы—это вдохновенныя импровизаціи. Итальянецъ! настоящій итальянецъ!

— А Гёте? развѣ вы Гёте ставите ниже?—Князь пристально посмотрѣлъ на Рябинина.

— Гёте—великій геній, такъ: но въ немъ есть душокъ этой нѣмецкой философіи, которая больно мнѣ не по сердцу.

— Да, правда,—замѣтилъ князь:—вся эта философія—заносчивость, бредъ; однако Гёте... Но растолкуйте мнѣ, откуда вы набрались такихъ свѣдѣній въ живописи, ни разу не ѣздивъ въ чужіе края? У васъ глазъ необыкновенно мѣткій и вѣрный.

Рябининъ улыбнулся.

— Откуда набрался? Читалъ, и читалъ много и долго, не пугался книгъ in-folio; глядѣлъ и глядѣлъ пристально на то, что было у меня передъ глазами; проводилъ недѣли и мѣсяцы въ Эрмитажѣ; ловилъ художниковъ прямо съ парохода, только что изъ Италіи, и разспрашивалъ ихъ о чудесахъ искусства, соображалъ съ тѣмъ, что вычиталъ, и пома-

леньку входилъ въ міръ художественный. Мои друзья, князь, вотъ они,—и Рябининъ положилъ руку на мое плечо:—живописцы, музыканты, всѣ артисты... Люди съ дарованіемъ какъ-то любятъ меня и бѣгутъ ко мнѣ, а я благодарю за это Бога!

— Жаль,—сказалъ князь:—право жаль, что я не имѣлъ удовольствія прежде познакомиться съ вами...

— А я васъ зналъ и прежде, князь, по слухамъ, и уважалъ васъ за вашу любовь къ искусству и за вниманіе къ намъ, бѣднымъ артистамъ. Спасибо вамъ за то, что хотите меня ввести въ самый храмъ, гдѣ священнодѣйствовали великіе художники, въ эту благословенную Италію. Безъ васъ у меня не было средствъ войти въ этотъ храмъ.

Князь съ большою пріятностью посмотрѣлъ на Рябинина.

— Я уже говорилъ г. Средневскому, что мнѣ извѣстенъ каждый уголокъ этого храма. И мы будемъ вмѣстѣ ходить вездѣ... Наши путевыя записки могутъ быть очень интересны, не правда ли?

— Это будутъ не простыя записки... (Рябининъ подошелъ къ князю и взялъ его за руку) а монументальная книга для художествъ!

Глаза князя заблистали отъ удовольствія.

— Хочется мнѣ посмотрѣть въ Болоньи на Св. Петра Гвидо-Рени,—продолжалъ Рябининъ, задумываясь:—разные толки объ немъ: иные его превозносятъ до небесъ, другіе умѣренно отзываются о немъ...

— Какъ? кто же изъ видѣвшихъ эту картину можетъ безъ восторга говорить о ней?—произнесъ князь.—Это chef-d'oeuvre. Голова апостола Петра и другого апостола, который утѣшаетъ его, это такія головы! въ нихъ столько выраженія! Къ тому же нѣжность колорита, отчетливость въ отдѣлкѣ... Помилуйте, да эта картина—чудо!

— Такъ, я заранѣе зналъ, что вы это скажете. Всѣ истинные знатоки художествъ, а не самозванцы, отзываются о св. Петрѣ, какъ вы. Ужъ эти мнѣ самозванцы-любители! Я человѣкъ простой и откровенный, князь,—вы это видите,—

и этихъ господъ отдѣлываю по-своему, безъ жалости, кто бы они таковы ни были...

— Такъ и должно; вы дѣлаете очень хорошо,—подхватилъ князь:—обманъ надобно всегда изобличать!

— Неужели,—сказалъ я Рябинину, когда мы остались съ нимъ вдвоемъ:—неужели тебѣ не жаль морочить князя и такъ недобросовѣстно льстить его слабости къ художествамъ? Мнѣ всегда досадно, когда ты такъ говоришь съ нимъ, какъ говорилъ сейчасъ. Знаешь ли? въ немъ столько хорошаго, что будь какая-нибудь возможность, я открылъ бы ему глаза, я показалъ бы ему смѣшную его сторону...

— Долго ли ты будешь ребячиться?—отвѣчалъ мнѣ чудакъ нашъ:—пора перестать! Брось нелѣпую мысль исправлять людей. Невинное дитя мое, если ты вздумаешь выводить ихъ, по своему добродушію, изъ заблужденій, въ которыхъ они погрязли, какъ въ тинѣ, горе тебѣ! они нападутъ на тебя и растерзаютъ тебя... И что за дѣло тебѣ до другихъ? Пусть тѣшатся своими погремушками; бренчи и ты передъ ними, а исподтишка улыбайся. Тогда они будутъ хвалить и превозносить тебя. Я увѣренъ, что князь теперь отъ меня въ восторгѣ, а заговори-ка я съ нимъ другимъ языкомъ, онъ посмотрѣлъ бы на меня съ презрѣніемъ и, встрѣчаясь со мною, отворачивался бы отъ меня... Не забудь, что онъ нуженъ намъ. Мы его станемъ водить за носъ; онъ будетъ нами доволенъ, мы имъ, а русская публика всѣми нами за дешевое, но великолѣпное изданіе путевыхъ записокъ съ гравюрами, на велeневой бумагѣ...

И Рябининъ правъ. На-дняхъ князь сказалъ мнѣ, пожимая мою руку:

— Я благодаренъ вамъ за знакомство съ Рябининымъ. Онъ имѣетъ глубокія познанія въ художествахъ. Правда, наружность его нѣсколько странна, но зато онъ такъ уменъ, и такъ оригинально обо всемъ судитъ!

При княжнѣ Рябининъ чувствуетъ себя какъ бы неловкимъ. Ты знаешь, что его смутить трудно, а передъ нею онъ явно смущается.

Однаъ разъ князю и мнѣ разсказывалъ онъ содержаніе

своего новаго романа, который давно намѣревается писать. Мы слушали его съ большимъ вниманіемъ, потому что онъ говорилъ съ увлеченіемъ; вдругъ, въ дверяхъ появилась княжна... Рябининъ увидѣлъ ее и остановился на самомъ интересномъ мѣстѣ своего разсказа. Черезъ минуту онъ продолжалъ, но одушевленіе его исчезло, онъ старался кончить разсказъ свой какъ можно короче.

Въ другой разъ, въ присутствіи княжны зашелъ разговоръ о музыкѣ. Князь человѣкъ совершенно артистическій и меломанъ, между прочимъ. Для него итальянская опера—верхъ возможнаго совершенства.

— Выше Россини, — говорилъ князь, — выше его я никого не знаю въ музыкальномъ мірѣ. Моцартъ и Бетховенъ прекрасны, слова нѣтъ, да въ нихъ много, если такъ можно выразиться, дикости. Правда, моцартовскій «Донъ-Жуанъ» созданіе колоссальное... но въ Россини все: и сила, и грація, и нѣжность,—это музыкальный Рафаэль. Его «Танкредъ», «Семирамида», «Donna del lago»...

— Да, князь, люблю и я Россини. Звуки этого итальянскаго чародѣя полны и роскошны, какъ морскія волны, и въ нихъ сладко нѣжиться... Средиземное море, куполъ св. Петра, звуки Россини и токватовы октавы—вотъ поэзія жизни. Впрочемъ, что̀ касается до музыки, то мы должны обратиться къ княжнѣ. Всѣ наши мнѣнія уничтожатся передъ ея музыкальнымъ авторитетомъ...

И съ низкимъ поклономъ онъ обратился къ княжнѣ.

Княжна взглянула на него и этимъ взглядомъ молча спросила у него:—зачѣмъ онъ безпокоитъ ее?

— Я лѣтомъ не занимаюсь музыкой: я гуляю по саду и ѣзжу верхомъ,—сказала она по-французски, не обращаясь ни къ кому.

Князь и Рябининъ вскорѣ послѣ этихъ словъ вышли изъ комнаты, а я подошелъ къ ней.

— Вы бываете очень немилосердны, княжна.

— Немилосердна?

— Онъ, право, заслуживаетъ, чтобы вы обращались съ нимъ снисходительнѣе...

— Кто же это *онъ?*

— Рябининъ, княжна.

— Какъ онъ смѣшно говоритъ и какая у него страшная и большая запонка на галстукѣ, точно фермуаръ!..—произнесла она протяжно и пресерьёзно.

— Я не думалъ, чтобы вы обращали вниманіе на одну только наружность. Онъ, можетъ быть, одѣтъ, княжна, не такъ, какъ одѣваются свѣтскіе люди, не имѣетъ ихъ ловкости, но онъ человѣкъ вовсе не дюжинный, онъ...

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула княжна въ нетерпѣніи: — что мнѣ за дѣло до всего этого?..

— Отчего же такое оскорбительное невниманіе къ человѣку, который...

— Къ человѣку, который мнѣ кажется скучнымъ... Неужели всѣ ваши поэты такъ же милы, какъ онъ?

Я ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ.

— Вы хотите,—продолжала она,—вы хотите, чтобы я со всѣми была одинакова, чтобы я всѣмъ равно съ пошлою довѣрчивостью, съ дѣтскимъ простодушіемъ высказывала мой образъ мыслей? Я могу быть довѣрчива, я буду откровенна, но съ тѣмъ, кого уважаю, кого... А вашъ господинъ Рябининъ, хотя онъ и пишетъ стихи, по вашему мнѣнію, вѣрно лучше Ламартина, все-таки смѣшонъ. И какъ онъ страшно поднимаетъ указательный палецъ, когда заговоритъ, и какъ забавно хмуритъ свои брови. Скажите ему, что это совсѣмъ нехорошо...—И съ этимъ словомъ она вышла изъ комнаты, оставивъ меня одного.

Слышишь ли ты? княжна только съ тѣмъ откровенна, кого она уважаетъ, кого... Она не договорила?.. Растолкуй мнѣ, ради всего на свѣтѣ, что̀ это значитъ? что̀ она хотѣла мнѣ сказать этимъ? Я не смѣю думать, чтобы я могъ заслужить ея уваженіе; я былъ бы дерзокъ, если бы мнѣ вошла въ голову мысль, что она любитъ меня... По крайней мѣрѣ, со мной она часто говоритъ довольно серьёзно, она не считаетъ меня недостойнымъ своего общества, на меня она не смотритъ съ такою гордою недоступностью, какъ на Рябинина. Чему же приписать все это? Тысячи сомнѣній и надеждъ

попеременно раздирают и волнуютъ меня. Я похожъ на утопающаго, который то видитъ берегъ и спасеніе и одушевляется на минуту, рвется къ нему, къ этому берегу, напрягая последнія силы; то, отчаянный, предается гибельнымъ волнамъ, влекущимъ его въ бездну... Мнѣ и горько, и весело... Я, право, не знаю, что со мной...

Я забылъ сказать тебѣ, что старушка съ усиками къ Рябинину питаетъ еще бо́льшее неблаговоленіе, чѣмъ ко мнѣ.

— Что, князь, этотъ длинный человѣкъ, который пріѣхалъ къ вамъ недавно, стихотворецъ, что ли?—ворчала она, искоса посмотрѣвъ на меня.

— Онъ теперь одинъ изъ первыхъ нашихъ поэтовъ,— отвѣчалъ князь.

— Изъ первыхъ? а какой имѣетъ чинъ?

— Не знаю; онъ нигдѣ не служитъ.

— Не служитъ? Что жъ, онъ баклуши бьетъ да стишки пишетъ?.. Первый стихотворецъ! Да въ наше время первые стихотворцы были и первыми государственными людьми... Покойникъ Гавріилъ Романовичъ былъ министръ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, человѣкъ, пользовавшійся милостью въ продолженіе трехъ царствованій. Императрица особенно изволила его отличать отъ всѣхъ другихъ; онъ былъ любимымъ ея статсъ-секретаремъ. Вотъ будто сейчасъ вижу, какъ онъ у княгини М* читаетъ свои стихи на смерть графини Румянцевой. Когда онъ продекламировалъ:

Румянцевъ молньи дхнетъ сугубы,
Екатерина — тишину...

онъ, какъ теперь помню, посмотрѣлъ на меня, а у меня слезы такъ и лились...

Не правда ли, старушка забавна?

ГЛАВА XI.

25 іюля.

На-дняхъ княжна опять завела со мною рѣчь о французской литературѣ. Гюго́ она уже пожертвовала мнѣ, но Ламартина сильно отстаиваетъ. Я рѣшительно объявилъ ей, что она въ музыкѣ гораздо далѣе, чѣмъ въ поэзіи.

— Но я не могу вамъ передать на словахъ всего, что́ я думаю о его талантѣ, я вамъ напишу...—сказала она мнѣ: — я постараюсь вамъ изложить всѣ мои мысли о немъ, не знаю только, сумѣю ли. Впрочемъ, чувствую, что я буду дурная его защитница.

Я принялъ эти слова за шутку, но вчера ко мнѣ пришелъ Ваня и принесъ отъ княжны «Meditations Poëtiques» съ замѣтками карандашомъ. Въ книгѣ я нашелъ листокъ почтовой бумажки, сложенный въ видѣ письма и весь исписанный рукою ея по-французски... Такъ она не шутила? О, великій, геніальный Ламартинъ! безъ тебя она не стала бы писать ко мнѣ! Жадно пробѣжалъ я этотъ листокъ—и потомъ положилъ его въ карманъ, взялъ книжку Ламартина, присланную ею, и отправился ходить... Мнѣ захотѣлось еще перечесть ея строки гдѣ-нибудь подальше отъ дома, на свободѣ... Въ верстѣ отъ княжескаго дома, живописно извиваясь, протекаетъ небольшая рѣчка; одинъ берегъ ея довольно холмистъ и покрытъ мелкимъ березовымъ кустарникомъ, между которымъ растетъ шиповникъ и дикая малина. Среди кустарника возвышается одинокая береза, пощаженная топоромъ и на свободѣ широко разросшаяся. Отъ нея идутъ тропинки въ разныхъ направленіяхъ внизъ къ рѣкѣ. Здѣсь деревенскіе мальчики и дѣвочки собираютъ малину. Береза эта видна издалека, и, гуляя, я часто отдыхаю въ тѣни ея развѣсистыхъ вѣтвей и смотрю на противоположный берегъ, гдѣ желтѣютъ поля, засѣянныя овсомъ и рожью, да вдали чернѣетъ деревня...

И въ этотъ разъ я отправился къ привычному мѣсту моего отдохновенія, къ этой березѣ. День былъ сѣроватый. Солнце

на минуту выглядывало изъ-за облаковъ и потомъ тотчасъ пряталось. Я расположился подъ березою, вынулъ изъ кармана листокъ княжны и въ такомъ уединеніи принялся читать его. Я не сомнѣвался, нѣтъ,—у нея глубокая душа, я говорилъ тебѣ объ этомъ и прежде... Что за бѣда, что она увлекается французскими фразами: вѣдь и мы съ тобой эти фразы не различали нѣкогда отъ истинной поэзіи!

Я читалъ и перечитывалъ ея строки; въ головѣ моей опять забродили странныя мысли, несбыточныя картины... И все это было для меня правдоподобно. Теперь я краснѣю, вспоминая о странномъ состояніи, въ которомъ находился тогда. Другъ! не суди меня строго холоднымъ разсудкомъ, не морщись, читая журналъ мой съ ледяною важностью мудреца, не сожалѣй обо мнѣ, какъ о заблуждающемся мальчикѣ. Мнѣ нужно теперь твое сочувствіе, мнѣ необходимъ въ эту минуту ты съ твоею безконечно-любящею душой!..

Вдругъ вблизи меня кусты зашевелились, я привсталъ и увидѣлъ любимца княжны, Ваню, который за часъ передъ этимъ принесъ мнѣ отъ нея книгу. Онъ, сбѣгая по тропинкѣ къ рѣкѣ, нисколько, кажется, не подозрѣвалъ, чтобы кто-нибудь за нимъ подсматривалъ. Меня удивило, что онъ такъ далеко отъ дома и одинъ. Сбѣжа въ подъ-гору, Ваня сталъ на колѣни и наклонился къ водѣ, чтобы спустить корабликъ, склеенный искусно изъ картонной бумаги,—свою новую игрушку, которую онъ показывалъ мнѣ въ восторгѣ наканунѣ... Спущенный на воду корабликъ заколыхался и скоро остановился безъ движенія... Ваня сталъ поправлять его палочкой, но корабликъ его не слушался и не двигался съ мѣста. Онъ бросилъ палочку въ воду и легъ на песокъ, облокотясь на руку. Я спустился тихонько внизъ и изъ-за куста смотрѣлъ на него. Онъ лежалъ серьёзно, будто думалъ о чемъ-то, не спуская глазъ съ рѣчной поверхности. Наконецъ вскочилъ, поднялъ камень и съ досадою бросилъ его прямо въ середину кораблика—и корабликъ вмѣстѣ съ камнемъ пошелъ ко дну. Ваня засмѣялся, бросилъ еще камень въ воду и хотѣлъ бѣжать на гору,—но я вышелъ къ нему навстрѣчу—и онъ, удивленный, остановился.

— Ваня, какъ ты это очутился такъ далеко отъ дома?— спросилъ я его.

— Я ушелъ тихонько. Маменька все велитъ мнѣ гулять въ палисадникѣ, а палисадникъ такой узенькій, такъ скучно. Маменька велитъ мнѣ спускать мой корабликъ въ прудѣ, а прудъ заросъ травой...

— Зачѣмъ же ты утопилъ свой корабликъ?

— А затѣмъ, что онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ плавалъ.

— Онъ не могъ плавать, потому что нѣтъ вѣтра...

— Коли не могъ плавать, такъ и не нужно его. Когда вы поѣдете съ княжной кататься по озеру, вы возьмете меня съ собой?

— Какъ съ княжной? Отчего же ты думаешь, что я непремѣнно поѣду съ нею?

— Она васъ любитъ, такъ вы съ нею и поѣдете.

— Развѣ она меня любитъ? Кто тебѣ сказалъ?

— Она меня про васъ все спрашиваетъ, я ей разсказываю, какъ у васъ бываю. И меня она любитъ, и про меня все разспрашиваетъ у папеньки.

Я расцѣловалъ Ваню, я почти готовъ былъ повѣрить словамъ его... Онъ дитя? да вѣдь иногда дѣти видятъ лучше взрослыхъ... Ваня вырвался отъ меня: ему надоѣли мои жаркія ласки — и онъ убѣжалъ.

Было около четырехъ часовъ, когда я возвратился домой и пошелъ въ комнаты къ Рябинину, но онъ уѣхалъ въ Москву. Жизнь деревенская, кажется, не по немъ. Онъ непутя полюбилъ Англійскій клубъ и иногда возвращается оттуда часу въ восьмомъ утра, проигравъ цѣлую ночь въ палки.

«Палки игра занимательная, — говоритъ онъ. — Почему изрѣдка не позволить себѣ подурачиться? Это мой отдыхъ отъ занятій мысленныхъ. Когда голова отягчится отъ напора идей, я беру въ руки карты, и головѣ станетъ сейчасъ легче».

Не найдя Рябинина, я отправился къ князю и у больного

подъѣзда встрѣтилъ дворецкаго. Онъ шелъ со свойственною ему важностью въ бѣломъ накрахмаленномъ галстукѣ.

— Александръ Игнатьевичъ, мое почтеніе, — сказалъ онъ, кланяясь мнѣ. — Гдѣ, сударь, гулять изволили? Правда, вы домосѣдъ, не то, что г. Рябининъ: по его милости такъ четверню за четверней и гоняютъ въ городъ. Сами знаете, теперь жаръ; лошади хорошія, непривычныя къ такой гоньбѣ; да и по-мóему деликатность надо знать... И чтó такое въ немъ князь находитъ? Удивляюсь и вамъ тоже, Александръ Игнатьевичъ, вѣдь это вы, сударь, его выписали?

— Есть кто-нибудь наверху? — перебилъ я его.

— Г. Анастасьевъ. Онъ на-дняхъ только пріѣхалъ въ Москву, и то, говорятъ, ненадолго. Живетъ онъ болѣе въ чужихъ краяхъ. Я знавалъ его покойнаго родителя; и его видѣлъ такого маленькаго, съ моего Ванюшу, не больше, а посмотрите-ка теперь: молодчикъ, я вамъ скажу. Покойный старикъ жилъ бариномъ, открыто, но при всемъ томъ расчетливо, хоть у него стояли сундуки биткомъ набитые золотомъ и серебромъ, хоть у него денегъ-то куры не клевали, зато теперь у сынка несмѣтныя суммы, между нами сказать.

Кто не знаетъ про чудовищное богатство Анастасьева? Странную исторію о томъ, какими средствами разжился его дѣдушка въ началѣ царствованія Екатерины, какъ потомъ онъ сталъ счастливо торговать и хитро ворочалъ огромными капиталами, слышалъ и я нѣсколько разъ отъ матушки да отъ старушекъ, ея пріятельницъ. Въ этихъ разсказахъ быль простодушно перемѣшивалась съ самыми смѣшными небылицами. Богатство всетворящее и все покоряющее доставило отцу Анастасьева въ молодыхъ лѣтахъ мальтійское командорство и съ нимъ великолѣпный красный мундиръ. Онъ сдѣлался человѣкомъ знатнымъ, и всѣ позабыли о его происхожденіи и о томъ, что дворянскій гербъ его такъ недавно вышелъ изъ герольдіи, что на немъ еще не успѣли обсохнуть краски.

Человѣкъ смѣтливый, пользуясь благопріятными обстоятельствами для приданія себѣ еще бóльшаго величія, онъ породнился съ однимъ несостоятельнымъ графомъ, и такимъ

образомъ сынъ его сдѣлался неотъемлемою принадлежностью большого свѣта.

Въ послѣднее время въ Петербургѣ, когда я велъ, какъ тебѣ извѣстно, отъ внутренней пустоты жизнь бродячую и безумно-разгульную, среди самыхъ свирѣпыхъ петербургскихъ людей, — я составилъ себѣ по словамъ ихъ какое-то странное и фантастическое понятіе о молодомъ Анастасьевѣ. Они всѣ, даже и старшины ихъ, питали къ нему большое уваженіе; они говорили, что онъ надѣленъ всѣми блистательными и неоцѣненными качествами героевъ проходящаго поколѣнія, нимало не походя на нихъ, то-есть, что можетъ выпить бутылку шампанскаго, не отнимая ее отъ губъ и не поморщиваясь; согнуть полуимперіалъ безъ всякаго усилія; выстрѣлить въ сердце туза изъ пистолета на ужасномъ разстояніи; имѣть въ одно время десять любовницъ въ обществѣ и по крайней мѣрѣ пять на сценѣ, которыя бы всѣ вмѣстѣ и каждая порознь, тайно или явно, были отъ него въ восторгѣ; но что онъ не пользуется ни однимъ изъ этихъ неоцѣненныхъ качествъ: къ сожалѣнію, пьетъ безъ особенной охоты, силой своей никогда не хвастаетъ, напротивъ даже кажется слабымъ, изнѣженнымъ; на женщинъ смотритъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ, безъ всякаго однако желанія корчить разочарованнаго, и вотъ чего, несмотря на всѣ его достоинства, они не прощали ему — выѣзжаетъ въ общества!

Ко всему этому прибавляли, отдавая ему заслуженную дань удивленія, что онъ одѣвается съ такимъ вкусомъ, какъ никто, да еще хвалили его за то, что въ продолженіе года онъ никакъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ проводитъ въ Россіи.

Ты поймешь, какъ послѣ такихъ описаній мнѣ любопытно было увидѣть Анастасьева.

И я увидѣлъ его, и онъ, какъ это всегда случается, когда мы заранѣе составляемъ въ головѣ идеалъ человѣка, почему-либо интересующаго насъ, вовсе непохожъ на этотъ идеалъ. Въ немъ нѣтъ ничего такого, чтó бы поразило съ перваго взгляда. Средняго роста, болѣе худощавый, чѣмъ полный, блѣдный, съ темными коротко подстриженными волосами, онъ не отличается своею наружностью ничѣмъ отъ другихъ:

взглянувъ на него, никакъ не представишь себѣ, чтобы онъ могъ совершать тѣ исполинскіе подвиги, о которыхъ я слышалъ. У него, какъ и у многихъ, на тоненькомъ шнуркѣ виситъ тоненькій черепаховый лорнетъ; только, надо отдать ему справедливость, онъ дѣйствуетъ имъ съ особенною ловкостью: вставляетъ его въ глазъ безъ всякихъ усилій и смотритъ въ него безъ малѣйшей гримасы; въ покроѣ его чернаго сюртука нѣтъ ничего новаго, но, правда, онъ сидитъ на немъ съ изумительною ловкостью; въ его движеніяхъ, въ его разговорѣ непринужденность доведена до небрежности, какъ у многихъ, но эта небрежность въ другихъ непріятна, а въ немъ ничего. Я думаю, это оттого, что онъ не желаетъ казаться чѣмъ-нибудь, а кажется тѣмъ, чѣмъ есть въ самомъ дѣлѣ. На княжну смотритъ онъ такъ спокойно, такъ равнодушно, какъ на самую обыкновенную дѣвушку, — на нее-то, Боже мой! передъ которой

... остановишься невольно...

Послѣ обѣда князь, княжна и Анастасьевъ пошли въ садъ, а я, стоя на балконѣ, смотрѣлъ на нихъ, то-есть смотрѣлъ на нее. Она взглянула вверхъ, увидѣла меня и, улыбаясь, кивнула мнѣ головою... Что́ ты скажешь о ея внимательности ко мнѣ? Можетъ быть, она... но нѣтъ, ты назовешь меня *мечтателемъ*, а для меня это слово ужасно противно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ княжна спросила меня насмѣшливо: не мечтаю ли я? Мнѣ кажется, что между мечтаніемъ и сантиментальничаньемъ нѣтъ никакой разницы. И въ томъ, и въ другомъ словѣ заключена идея возмутительнаго безсилія и растлѣнія, и то, и другое слово отзывается безпутностью XVIII вѣка и его кощунствомъ, соединеннымъ съ нѣжными ощущеньицами...

Однако она обернулась назадъ и улыбнулась мнѣ: это я видѣлъ не въ мечтѣ, а наяву. Она знала, что я буду смотрѣть на нее, иначе для чего бы ей было обертываться, для чего бы ей было глядѣть наверхъ?.. И я точно смотрѣлъ на нее, тихо идущую по темной аллеѣ, въ бѣломъ платьѣ.

Хорошо бѣлое платье на всякой дѣвушкѣ въ саду, въ зелени, а на ней...

Но вотъ эта несносная старушонка притащилась на балконъ.

— Гдѣ князь? — проворчала она, смотря на меня.

— Князь въ саду, — отвѣчалъ я.

— И княжна въ саду?

— Да, вонъ они идутъ по аллеѣ.

Старушка приставила свою руку въ перстняхъ къ глазамъ и смотрѣла въ садъ.

— А третій-то кто?

— Анастасьевъ...

— А-а-а! Чтò это онъ и итти-то прямо не можетъ, весь раскисъ. Это молодые люди! Господи Боже мой!.. Потрудитесь-ка мнѣ поставить большія кресла сюда.

Нечего дѣлать, я долженъ былъ подставлять ей кресла.

— Поближе къ периламъ; такъ, хорошо; покорно васъ благодарю, батюшка.—И, разсѣвшись въ креслахъ, она начала мыслить вслухъ:

— Отчего же это въ наше время молодые люди были вытянутые, какъ струночки, сидѣли прямо, говорили обращаясь къ каждому съ аттенціей, передъ старшими показывали особенное уваженіе, и свое мнѣніе произносили послѣ всѣхъ, скромно, съ приличіемъ, съ боязнью не проговориться, не сказать что-нибудь лишнее?..

Дѣйствіе лѣтняго теплаго вѣтерка прекратило ворчанье старушки; она сначала потупила глаза въ свои перстни и начала произносить тише, тише какія-то невнятныя слова, потомъ совсѣмъ закрыла глаза, но еще губы и подбородокъ ея долго шевелились.

Я оставилъ балконъ, пройдя на цыпочкахъ мимо дремлющей старушки.

Скоро пріѣхалъ Рябининъ. Онъ на этотъ разъ послѣ обѣда не хотѣлъ оставаться въ клубѣ, потому что дня три передъ этимъ порядочно проигрался.

— Сегодня въ клубѣ, — сказалъ онъ мнѣ, — обѣдъ посредственный... (Я нарочно отъ слова до слова передаю тебѣ его

разговоры со мною, чтобы ты могъ живѣе и во всей подробности представить его) — весьма посредственный; хорошо еще, что у меня аппетита не было, спросилъ себѣ бутылку мадеры и одинъ провозился съ нею. Рюмка за рюмкой, и раздумался я о тебѣ.

— Чтó же ты думалъ обо мнѣ?

— Много и очень много! Ты мнѣ кажешься подозрительнымъ, — и онъ погрозилъ мнѣ.

— Подозрительнымъ? — спросилъ я.

— Не притворяйся! Ты понимаешь, въ чемъ дѣло. Ты разлюбилъ меня, а иначе былъ бы со мною откровеннѣе.

— Растолкуй же мнѣ, чтó ты хочешь сказать?

— Гм! растолковать!.. — Рябининъ положивъ руки на мои плечи и сказалъ мнѣ протяжно:—Посмотри на меня прямо, открыто.

Я не могъ не разсмѣяться, смотря на него.

— Смѣешься, плутъ?.. На твоемъ лицѣ я читаю все, все; отъ меня не укроешься. И зачѣмъ бы, казалось, укрываться отъ меня? Я передаю тебѣ то, чтó еще и не выработалось въ моей внутренней лабораторіи, сокровенное сердца моего тебѣ извѣстно, а ты себѣ на умѣ... Но предисловія всѣ въ сторону. Я знаю, ты любишь. Такъ ли?

— Да напрасно ты думалъ, что я стану передъ тобой скрываться.

Рябининъ задумался и опустилъ голову.

— Кого любишь, спрашивать мнѣ нéчего — я знаю. И мнѣ это горько, потому что любовь твоя не такая, какъ бы должна быть... Не возражай мнѣ... Морали я тебѣ читать не буду, не бойся, а объявить тебѣ долженъ, что ты затѣялъ игру опасную. Эти княжны по большей части отличныя куколки, нарядныя, красивыя. Ихъ поставить бы подъ стеклянный колпачокъ да и любоваться ими. Издалека, въ театрѣ, въ экипажѣ, на балконѣ, на гуляньѣ смотри на нихъ сколько душѣ угодно. Пожалуй, люби ихъ, но чистою любовью художника, какъ любишь отличныя картины въ богатой галлереѣ. Влюбляться же въ нихъ, какъ влюбляются молодые и пылкіе люди, сохрани Боже и помилуй! Притворяться влюбленнымъ

для какой-либо цѣли, почему не такъ, — противъ этого я ни слова.

Эта длинная тирада взбѣсила меня.

— Притворяться для какой-нибудь цѣли?—закричалъ я: — это подло и низко! ты самъ не знаешь, чтó говоришь...

— Въ жару не можетъ и шутки понять! Молодая кровь!

— Увѣрять, — продолжалъ я: — что всѣ княжны не болѣе, какъ нарядныя куклы — старо и нелѣпо. И почему ты ихъ знаешь? развѣ ты былъ въ большомъ свѣтѣ? развѣ только одно среднее сословіе по-твоему пользуется привилегіями на глубокость души, на истинное чувство?..

— Погоди! — съ дьявольскимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ мнѣ Рябининъ: — ты забросалъ меня словами. Я далекъ отъ такой нелѣпости; положимъ, что я говорю неправду, что всѣ эти княжны, безъ исключенія, такъ же хороши внутренно, какъ и наружно; увѣренъ, что твоя княжна выше и глубже ихъ всѣхъ, но я тебя только спрошу одно: если любовь твоя не очищена отъ земного сора, къ чему поведетъ тебя она? Отвѣчай.

Вопросъ этотъ я предвидѣлъ и на него я отвѣчалъ то же, что нѣкогда писалъ къ тебѣ: «не знаю».

— Отъ *не знаю* происходятъ всѣ бѣды и несчастія наши. На *авось* жить нельзя: надобно заранѣе обдумывать каждый шагъ впередъ — чтó, и почему, и для чего? Тогда только и будешь пользоваться спокойствіемъ и счастіемъ...

— Когда любишь, тутъ не до расчетовъ, любезный! только люди бездушные и ограниченные...

— Главное, не горячись и выслушай меня, поусмиривъ свое волненіе. До сихъ поръ я молчалъ; но ты вынуждаешь меня выговорить тó, чего я доселѣ никому не выговаривалъ и чтò бы унесъ съ собою въ могилу. Сердце мое давно указало мнѣ на предметъ высокій и недоступный для меня и, сильно забившись, сказало: вотъ мой выборъ, повинуйся мнѣ! И я повиновался ему, и полюбилъ избранницу моего сердца; моя любовь къ ней изливается въ пѣснѣ, въ молитвѣ, въ благоговѣйномъ созерцаніи красоты ея; этою любовью я невольно служу искусству. Бывало, идешь, она повстрѣчается,

взглянешь на нее, и отъ этого взгляда рождается стихотвореніе. Сила воли сняла съ любви моей земную, чувственную кору и улетучила ее, одухотворила. Такая любовь свѣтла и возвышенна, ее прячу я отъ людей. Это моя святыня, а остальное все въ жизни моей — математика, расчетъ. Стало быть, видишь ли, не одни люди ограниченные разсчитываютъ. Люби свою княжну такою любовью, таи это чувство отъ всѣхъ, даже отъ нея самой, и живи имъ, и просвѣтляйся имъ. Такая любовь поведетъ тебя ко благу, а всякая другая къ погибели. Но, лелѣя въ душѣ небесное, не пренебрегай земнымъ: земное само по себѣ. Посмотри на меня: я умѣю сочетать одно съ другимъ. За доброе же слово не сердись. Обнимемся и поцѣлуемся.

Мы поцѣловались.

Рѣчь Рябинина очень краснорѣчива; только въ ней больше фразъ, чѣмъ истины, оттого она не произвела на меня надлежащаго дѣйствія. Я самъ нѣкогда, въ спокойномъ состояніи, разсуждалъ о неземной любви, но теперь ясно для меня, какъ Божій день, что любовь, о которой толковалъ Рябининъ, не любовь живая и дѣйствительная, а просто мечта смѣшная и ребяческая. Мнѣ кажется, онъ меня мистифицировалъ. Желалъ бы я узнать предметъ его вдохновеній, на который указало ему сердце. Но, статься можетъ, этотъ предметъ не существуетъ, и, какъ новый Петрарка, онъ создалъ себѣ свою Лауру для приданія себѣ еще бóльшей таинственности, которою онъ такъ любилъ окружать себя...

ГЛАВА XII.

7 августа.

Трудно передать тебѣ то состояніе духа, въ которомъ я нахожусь послѣднее время. Я сдѣлался ко всему нестерпимо равнодушенъ; книги ужасно надоѣли мнѣ, я не могу ничего читать. Даже если бы кто-нибудь пришелъ и сказалъ мнѣ: вотъ произведеніе Гёте, недавно найденное; оно выше всѣхъ извѣстныхъ его произведеній, вся литературная Европа отъ

него въ страшномъ волненіи, о немъ только и говорятъ и пишутъ, — я выслушалъ бы все и не взялъ бы труда взглянуть на такое поэтическое чудо. Мало того, если бы дрезденская Мадонна очутилась сейчасъ передъ моими глазами, я взглянулъ бы на нее безъ всякаго участія, какъ на тѣ масляныя картины въ рамахъ, которыя носятъ въ Москвѣ по Тверскому бульвару, а въ Петербургѣ по Невскому проспекту. Если бы *ты* вдругъ предсталъ передо мною, перенесенный изъ Рима въ подмосковную какими-нибудь чародѣйскими силами, — я и на тебя, кажется, безцѣнное сокровище мое, не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія... Я только и живу ею, только и перечитываю ея листки, и смотрю на нее, и слушаю ее; для меня только одно искусство вполнѣ существуетъ въ эту минуту — музыка. Музыка наполняетъ душу мою стремленіемъ необъяснимымъ и безконечнымъ. И чѣмъ болѣе вслушиваюсь я въ *ея* пѣніе, тѣмъ болѣе расширяется во мнѣ это отрадное чувство любви, и грудь, иногда стѣсняемая боязливымъ предчувствіемъ, начинаетъ дышать свободно... Я жажду звуковъ, божественныхъ звуковъ... таинственный міръ окружаетъ меня, когда раздаются эти звуки... я блаженствую.

Бѣдная кисть моя! Лежи въ бездѣйствіи, покрытая пылью: я долго не прикоснусь къ тебѣ. Богъ съ тобою! ты ни разу не доставила мнѣ такихъ благодатныхъ минутъ!

Князь нѣсколько разъ шутя замѣчалъ мнѣ, что во мнѣ онъ находитъ всѣ признаки истинныхъ художниковъ и между прочимъ необыкновенное разсѣяніе.

— У кого безпрестанно носятся въ головѣ различные мысли и образы, тому немудрено быть разсѣяннымъ, — сказалъ онъ мнѣ. — Я это совершенно понимаю.

У меня мысли и образы! Если бы онъ зналъ, что у меня нѣтъ другой мысли, кромѣ мысли о ней, о его дочери; что передо мною нѣтъ другого образа, кромѣ ея...

Рябининъ исподтишка, кажется, посмѣивается надо мною; сидя же со мною наединѣ, онъ уже не читаетъ мнѣ проповѣдей, но молча помаваетъ головой и порой, грозя пальцемъ, произноситъ съ разстановкою:

— Странно! тебя и узнать нельзя; ты сталъ ни на что непохожъ.

Въ Англійскомъ клубѣ онъ свелъ знакомство съ однимъ изъ самыхъ толстыхъ московскихъ франтовъ, который замѣчателенъ своимъ парикомъ à la moujik, отлично сдѣланнымъ, и своимъ необычайнымъ знаніемъ въ гастрономіи. Этотъ господинъ — толстый франтъ, у себя дома обѣдаетъ отъ пятаго до девятаго часа, а въ клубъ пріѣзжаетъ обѣдать, когда всѣ выходятъ изъ-за стола, и полвечера остается въ столовой залѣ.

— Люблю его, — говоритъ Рябининъ: — ѣстъ славно, съ аппетитомъ; на него смотрѣть любо. Какой у него ростбифъ! а вина, вина — какихъ нѣтъ въ цѣлой Москвѣ! Чудесный человѣкъ!.. Такими людьми пренебрегать не должно: ѣда — не послѣднее въ жизни...

Привычка мистифицировать у Рябинина дошла до такой степени, что онъ, забываясь, говоритъ и со мной такъ же, какъ съ людьми мало знакомыми, которыхъ онъ хочетъ удивлять и поражать.

Онъ ничего не знаетъ о нашей литературной перепискѣ съ княжною. На первый листокъ ея ко мнѣ о Ламартинѣ я отвѣчалъ ей предлиннымъ посланіемъ, и послѣ того получилъ отъ нея три письма. Я могу назвать эти листки ея, адресованные ко мнѣ, письмами. Не такъ ли? Въ нихъ идетъ рѣчь не объ одной литературѣ. Она такъ добра, что дѣлаетъ часто отступленія отъ главнаго предмета, и сколько прекраснаго, поэтическаго въ этихъ отступленіяхъ... Въ нихъ виденъ ея свободный, самостоятельный духъ, ея независимость отъ пошлыхъ свѣтскихъ мнѣній. Нѣкоторыя строчки заставляютъ меня крѣпко задумываться; я вчитываюсь въ нихъ — и то, чтó живетъ во мнѣ, какъ предчувствіе, какъ возможность, начинаетъ будто осуществляться, переходитъ въ явленіе дѣйствительное. Я не убѣжденъ, что она любитъ меня, но не сомнѣваюсь въ томъ, что она отличаетъ меня отъ другихъ. Я счастливъ, слишкомъ счастливъ... она отличаетъ меня отъ другихъ!..

Теперь не нужна мнѣ эта извѣстность, которой добивался

я изо всѣхъ силъ, не нужна мнѣ и слава, нѣкогда въ жаркихъ юношескихъ грезахъ являвшаяся мнѣ во всей лучезарности. Все это такъ бѣдно, жалко и ничтожно! Если бы она сказала мнѣ: брось свое искусство, я не хочу, чтобы ты былъ живописецъ, иди за мною, — я бросилъ бы все и пошелъ за нею. Любить — высшее назначеніе въ жизни... Да... Но я слышу твой голосъ, ты мнѣ произносишь свой тяжкій приговоръ, ты изгоняешь меня изъ свѣтлой храмины искусствъ... Погоди, другъ... Можетъ быть я еще не въ состояніи отказаться отъ искусства; можетъ быть, все, что̀ я сказалъ тебѣ сію минуту, ложь, — не вѣрь мнѣ. Разстанусь ли я навсегда съ моею кистью? Нѣтъ! Въ Италіи, обновленный, примусь я за нее снова и не обману тѣхъ надеждъ, которыя ты, другъ, возлагалъ на меня, помнишь ли? давно, давно... Обо мнѣ опять заговорятъ...

Что ты не пришлешь о себѣ никакой вѣсти? Не сердитъ ли ты на меня? Подвигается ли твоя картина? Окончишь ли ты ее къ моему пріѣзду? Послѣднее письмо твое и первое, полученное мною здѣсь, произвело на меня самое пріятное впечатлѣніе. Спасибо тебѣ за славные разсказы о твоемъ чужеземномъ житьѣ... Ты требуешь отъ меня подробностей о моей жизни?.. Журналъ мой, который я веду довольно безпорядочно и отсылаю къ тебѣ аккуратно, нельзя, я думаю, упрекнуть въ недостаткѣ подробностей, а скорѣе въ излишней словоохотливости... Что̀ дѣлать? Мнѣ хочется передать тебѣ все; ты вызвался слушать, такъ слушай же, добровольный мученикъ мой!

...Она отличаетъ меня отъ другихъ; но меня безпокоитъ Анастасьевъ. Онъ пріѣзжаетъ сюда всякій день... Не называй безпокойство мое ревностью. Могу ли и смѣю ли я ревновать ее? Къ тому же, этотъ Анастасьевъ, повидимому, холоденъ, какъ ледъ; онъ сидитъ возлѣ нея, онъ говоритъ съ ней, но такъ, не́хотя, будто для того, что надобно же говорить съ кѣмъ-нибудь и о чемъ-нибудь. Равнодушіе его ко всѣмъ, ко всему изумительно, какъ будто для него нѣтъ въ жизни ничего новаго, какъ будто онъ все видѣлъ, все испыталъ, — и все надоѣло ему. Однажды зашла рѣчь о чьихъ-то стихахъ,

онъ улыбнулся и, протягиваясь на диванѣ, сказалъ точно сквозь сонъ: «Неужели находятся люди въ наше время, которые читаютъ стихи?.. Стихи — это пустыя погремушки; стóитъ переложить хоть Байрона въ прозу, чтобы убѣдиться въ этомъ». Въ другой разъ князь спросилъ его: знаетъ ли онъ остроумное замѣчаніе Леписье́ о Корреджіо?

Онъ покачалъ головой.

— Превосходное замѣчаніе, — продолжалъ князь: — *Корреджіо,* говоритъ Леписье́, *не хотѣлъ подражать никому, а Корреджіо никто не могъ подражать.*

— Можетъ быть это остроумно, — отвѣчалъ Анастасьевъ: — только не знаю, справедливо ли? Я никогда не бралъ на себя труда изучать ни Рафаэлей, ни Корреджей; это очень скучно да къ тому же и отнимаетъ много времени.

Князь немножко нахмурился, а Рябининъ наклонился къ моему уху и шепнулъ:

— Иностранные-то журналисты видно не лучше нашихъ. Этого господина нарекли они просвѣщеннымъ любителемъ художествъ. Видишь ли, какъ важны деньги? Съ деньгами дадутъ тебѣ какой хочешь титулъ.

Нѣтъ, Анастасьевъ не можетъ нравиться княжнѣ, — ей, полной жизни, для которой нужна и радость, и грусть, и тоска, и нѣга. У нея нѣтъ съ нимъ ничего общаго, но вопросъ: для чего же онъ безпокоитъ себя, дѣлая ежедневно сорокъ верстъ сюда и назадъ — не разрѣшился для меня.

Впрочемъ, у меня начинаетъ рождаться подозрѣніе, что онъ въ иныхъ случаяхъ бываетъ не такъ хладнокровенъ, какъ всегда, и посѣщаетъ домъ князя такъ часто не безъ цѣли. Дней десять тому, часу въ девятомъ вечера, возвращаясь изъ сада, гдѣ мы ходили съ Рябининымъ, я вошелъ въ ту комнату, въ которой первый разъ увидѣлъ ее. Она сидѣла за роялемъ, какъ и тогда; одна рука ея лежала неподвижно на клавишахъ, голова ея была обращена къ нему, а онъ, развалясь, по своему обыкновенію, въ креслахъ, что-то изволилъ разсказывать ей. Увидѣвъ меня, онъ приставилъ къ глазу свой лорнетъ и посмотрѣлъ на меня довольно выразительно. Ему было явно досадно, что я вошелъ въ ком-

нату. Княжна заговорила со мной, и онъ еще разъ приставилъ къ глазу лорнетъ, обернувшись ко мнѣ. Въ первый разъ онъ удостоилъ меня своимъ вниманіемъ, и то неблагосклоннымъ.

Третьяго дня послѣ обѣда я разсматривалъ съ княжной виды Швейцаріи; она поясняла мнѣ гравюры, указывала на тѣ мѣста, которыя болѣе всѣхъ ей нравились; она чрезвычайно поэтически перенеслась въ прошедшее... Я, упоенный, внималъ ей. И ты можешь представить себѣ, какъ мнѣ было непріятно въ такую минуту услышать голосъ Анастасьева, который подошелъ къ княжнѣ:

— Вы занимаетесь воспоминаніями?

— Да, — отвѣчала она холодно.

— Швейцарія была бы страной довольно сносною, если бы не отзывалась первобытною невинностью, которая такъ нелѣпо отражается въ пастушескихъ костюмахъ ея обитателей.

Княжна молчала.

— Я сегодня чувствую большое расположеніе къ верховой ѣздѣ, — продолжалъ онъ: — и вы не чувствуете ли того же, княжна?

— Въ самомъ дѣлѣ, я поѣду, — отвѣчала она.

— Что жъ, прекрасно! мы составимъ кавалькаду... Гдѣ ваша миссъ Дженни? надобно ее выписать... А вы поѣдете? — спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я не ѣзжу верхомъ, — отвѣчалъ я.

Черезъ четверть часа три осѣдланныя лошади стояли у подъѣзда; около нихъ хлопотали княжескіе жокеи и конюхи; между ними прохаживался и дворецкій князя въ бѣломъ накрахмаленномъ галстукѣ, въ качествѣ величайшаго охотника до лошадей.

Княжна скоро вышла въ своемъ синемъ амазонскомъ платьѣ; манишка на груди ея была застегнута тремя бирюзовыми запонками; она держала въ рукѣ небольшой хлыстикъ съ бирюзовой головкой; синій вуаль ея, откинутый назадъ, развѣвался, когда она шла... Ты простилъ бы мнѣ мою безумную любовь къ ней, увидѣвъ ее въ эту минуту!

Она подошла ко мнѣ и спросила, отчего я не хочу ѣхать? и ожидала отвѣта моего, приложивъ свой хлыстикъ къ губамъ.

О, чего бы не отдалъ я, чтобы умѣть только ѣздить верхомъ, только бы сидѣть на лошади, не боясь свалиться съ нея!

Я отвѣчалъ ей, что не умѣю ѣздить верхомъ.

— Вы шутите? — сказала она, удивленная.

— Я нисколько не шучу, княжна.

— Право? это жаль! вы не имѣете понятія объ одномъ изъ величайшихъ удовольствій въ жизни.

И она обратилась къ Анастасьеву:

— Я готова.

— Такъ скоро? А я думалъ, что вы уже раздумали ѣхать. Поѣдемте, и я готовъ.

Онъ взялъ свою шляпу.

Тутъ только я въ первый разъ вполнѣ понялъ, какая разница между мною и истинно-свѣтскимъ человѣкомъ, и какая пропасть раздѣляетъ меня отъ нея. Я показался гадокъ и жалокъ самому себѣ; я стоялъ уничтоженный, подавленный мыслію, что она только изъ одного приличія не смѣется явно надо мною; что навѣрно Анастасьевъ броситъ ей какую-нибудь остроумную фразу на мой счетъ, и она улыбнется этой фразѣ... И холодный потъ выступалъ у меня на лицѣ при такой мысли.

Вслѣдъ за княземъ, за старушкой съ усиками и Рябининымъ потащился я любоваться на княжну и на него. Мы, зрители, остановились у подъѣзда. Княжна садилась на свою лошадь, и онъ поддерживалъ ее, онъ поправлялъ ея стремя и, кажется, коснулся ноги ея. Около миссъ Дженни онъ совсѣмъ не такъ ухаживалъ. Потомъ подвели и ему лошадь, которая была гораздо бойчѣе дамскихъ лошадей. Она давно копытомъ рыла песокъ и ржала нетерпѣливо. Дворецкій гладилъ ея шею съ самодовольнымъ лицомъ и сказалъ Анастасьеву таинственно, когда тотъ поставилъ ногу въ стремя:

— Лошадка славная, сударь, дорогая; только сердита, но

приведи Богъ, какъ сердита и боится щекотки. Извольте поостеречься.

Не слушая этихъ предостереженій, онъ съ ловкостью и смѣлостью вскочилъ на лошадь, но та, почувствовавъ на себѣ незнакомаго всадника, стала на дыбы, замотала головой, отряхивая гриву и намѣреваясь сбросить съ себя дерзкаго. Испуганный князь закричалъ что-то своимъ конюхамъ; старушка затряслась отъ страха; княжна поблѣднѣла и поворотила свою лошадь въ сторону; англичанка завизжала, и жокей схватилъ ея лошадь за узду; дворецкій кричалъ въ отчаяніи:

— Говорилъ вамъ, сударь, что эта лошадь боится щекотки!

Я посмотрѣлъ на Анастасьева. Лицо его не выражало не только страха, даже ни малѣйшаго безпокойства,—точно будто онъ лежалъ на диванѣ. Конюхи хотѣли подбѣжать къ нему, но онъ сдѣлалъ знакъ головой, чтобы они остались на мѣстѣ. Будто прикованный, не шевелясь въ сѣдлѣ, сдавилъ онъ бѣшеную лошадь своими ногами и какимъ-то способомъ, не умѣю сказать тебѣ, осадилъ ее, а она попятилась назадъ и, вѣроятно, почувствовавъ уваженіе къ своему всаднику, остановилась какъ вкопанная. Тогда онъ тихо проѣхалъ кругомъ зеленой площадки. Я убѣдился, что слухи о его силѣ имѣютъ основаніе. Княжна съ замѣтнымъ удовольствіемъ посмотрѣла на него; князь прошепталъ: «славный ѣздокъ»; старушка съ усиками пошевелила губами; дворецкій поднялъ голову вверхъ отъ удивленія и поправилъ свой накрахмаленный галстукъ.

Княжна кланялась Ванѣ, который прибѣжалъ къ концу общей тревоги, и погрозила ему хлыстикомъ. Кавалькада двинулась. Старушка съ усиками заговорила:

— Не знаю, князь, какъ это вы позволяете своей дочери ѣздить верхомъ; мнѣ это удивительно. Ну, долго ли до бѣды? примѣръ былъ сейчасъ передъ вами. Да и женское ли это дѣло? позвольте спросить васъ. Отчего я не имѣла этой глупой охоты, да и никто изъ моихъ сверстницъ — ни дочь князя Ивана Григорьевича, ни графиня Анна Александровна, никто!

Съ этимъ словомъ она съ важностью подала князю свою руку, и онъ повелъ ее наверхъ. Анастасьевъ ѣхалъ рядомъ съ княжной, немного наклонясь къ ней, какъ человѣкъ говорящій.

— О чемъ задумался? — сказалъ мнѣ Рябининъ. — Посмотри на сего молодого человѣка. — Онъ взялъ Ваню на руки и поднесъ его ко мнѣ. — Видишь ли, какой умница: онъ ни о чемъ не думаетъ. Поцѣлуй меня... ну...

— Какъ вы страшно протягиваете губы! — закричалъ Ваня, вырываясь изъ его рукъ: — меня княжна цѣлуетъ; васъ я не хочу цѣловать.

Рябининъ опустилъ его на землю и обратился ко мнѣ:

— Онъ счастливѣе, братецъ, насъ съ тобою. Его цѣлуютъ княжны, а насъ съ тобой княжны не поцѣлуютъ.

ГЛАВА XIII.

27 августа.

Анастасьевъ ѣздитъ сюда часто. Какъ и прежде, и все такъ же зѣваетъ, лежитъ, произноситъ слова нехотя, приставляетъ къ глазу лорнетъ; княжна, по всѣмъ моимъ замѣчаніямъ, рѣшительно равнодушна къ нему; обращеніе же ея со мною становится дружескимъ: она сказала мнѣ, что отвѣты мои на ея литературныя письма ко мнѣ будетъ всегда хранить у себя... Правда ли это? для чего она говоритъ это? къ чему мучительно раздражаетъ во мнѣ непреодолимое чувство любви, которая начинаетъ страшить меня, когда я рѣшаюсь заглядывать въ себя?..

...Дурную вѣсть я сообщу тебѣ: третьяго дня князь поразилъ меня и Рябинина, и, признаюсь, ударъ этотъ обоимъ намъ былъ очень чувствителенъ, потому что совершенно неожиданъ. Онъ прислалъ просить насъ къ себѣ утромъ ранѣе обыкновеннаго и объявилъ намъ, что, по непредвидѣннымъ домашнимъ обстоятельствамъ, онъ долженъ отложить свою поѣздку въ чужіе края до слѣдующей весны. «Не пугайтесь этого, — сказалъ онъ въ заключеніе: — прошу васъ, не пу-

гайтесь. Наши планы остаются неизмѣнными; мы должны ихъ привести въ исполненіе и приведемъ. Осень и зиму, нечего дѣлать, мы вмѣстѣ поскучаемъ въ Москвѣ; однако я постараюсь употребить всѣ средства, чтобы вамъ это время показалось какъ можно короче; а тамъ, господа, на вашу родину... Италія ваша родина, не правда ли? потому что она колыбель искусствъ».

Вышедъ отъ князя, мы посмотрѣли другъ на друга очень плачевно.

— Что? какъ ты думаешь объ этомъ? — спросилъ я Рябинина.

— А ты?

— Я, право, не знаю, чтó и думать.

— И я тоже. Недоумѣваю, чтò это заставляетъ его откладывать поѣздку. Домашнія непредвидѣнныя обстоятельства? *Непредвидѣнныя обстоятельства* случаются только съ русскими журналистами, а я не зналъ, чтобы таковыя оказіи случались и съ русскими князьями.

— Ты, вѣрно, не останешься здѣсь до весны?.. Тебѣ Москва не нравится.

Я спрашивалъ это съ маленькою боязнью получить отвѣтъ утвердительный. Оставаться одному въ домѣ князя мнѣ казалось неловко; разстаться же съ этимъ домомъ у меня не достало бы силъ. И какъ я обрадовался, когда Рябининъ произнесъ:

— Правда, что Москву я не люблю, но необходимость и собственная моя... то-есть общая наша выгода предписываетъ остаться намъ здѣсь. Мы должны играть роль весталокъ, а именно, сторожить въ князѣ тотъ пламень, который зажгли въ немъ къ превосходному литературному и художественному предпріятію, къ изданію путевыхъ записокъ. Отъ этихъ записокъ предвидятся намъ большія выгоды. Къ тому же, я говорю тебѣ все откровенно, нынѣшній годъ въ Петербургѣ для меня былъ бы неурожайный. Я передъ отъѣздомъ сюда поссорился съ книгопродавцами. Ты не имѣешь понятія объ нихъ: это торгаши. Я началъ было вразумлять ихъ, что книги не товаръ, а авторы не поставщики, что осо-

бенно поэты — конечно, не всѣ — люди, призванные на землю для свершенія высшей воли, что они окружены ореоломъ вдохновенія, а поэтому торговаться съ ними нельзя. Они слушали меня, разинувъ рты, ничего не поняли, и опять понесли свое: «Помилуйте-съ, да какъ же не торговаться-съ; господа писатели-съ очень-съ запрашиваютъ, а у насъ также свой расчетъ-съ», и прочее. Я плюнулъ, и не захотѣлъ имѣть съ ними дѣла до времени, пусть узнаютъ, что я могу жить и безъ нихъ, а впослѣдствіи я возвышу еще на себя цѣну, и они, видя, что нечего дѣлать, дадутъ мнѣ то, что̀ я захочу.

— Эге! да я не подозрѣвалъ, чтобы ты доходилъ до такихъ тонкостей.

— Такъ надобно,—и тебѣ тоже совѣтовалъ и совѣтую не пренебрегать тонкостями. Впрочемъ, вамъ, художникамъ, наживать деньгу легче, да и художники народъ-то славный, не то, что̀ наши братья литераторы—мелочь-то вся. Съ ними я рѣшился не вести компаніи, потому что завистники и сплетники эти за добро платятъ зломъ и, пожалуй, оклевещутъ тебя самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Иные изъ нихъ обнимаютъ тебя, цѣлуютъ, увѣряютъ въ любви и дружбѣ, а отвернись только отъ нихъ—они ту же секунду начинаютъ тебя чернить и поносить, и даже предпринимать противъ тебя различныя злоухищренія... И въ головѣ-то у нихъ ничего нѣтъ: начнешь читать имъ не стишки, а вещь солидную, напримѣръ, поэму, или другое что—дремлютъ. Художники не таковы... А! кстати, я еще не читалъ тебѣ отрывка изъ новой моей поэмы. Пойдемъ-ка домой.

Отъ двѣнадцати до половины пятаго слушалъ я Рябинина, не промолвилъ слова. И это только отрывокъ! Мѣстами много поэтическаго, но все вмѣстѣ утомительно. Не знаю, я ли перемѣнился, или его сочиненія, только они на меня не производятъ такого дѣйствія, какъ во время о̀но; увы! не приводятъ меня въ такой неописанный восторгъ!

Вечеромъ я сидѣлъ въ саду, на любимой скамейкѣ княжны, стоящей на холмѣ, откуда видно озеро. Листья начинаютъ желтѣть и опадать; заносимые вѣтромъ, они колеблются на

поверхности озера; свинцовыя волны его лѣниво движутся; рыболовы, ныряя, съ крикомъ летаютъ надъ самою водою. Небо застилается сѣрыми облаками; трава потеряла свою изумрудную яркость... Грустно на сердцѣ!

Долго, долго мы еще не увидимся съ тобой, а можетъ быть и совсѣмъ не увидимся.

ГЛАВА XIV.

3 сентября.

Передъ отъѣздомъ въ городъ князь даетъ всякую осень балъ въ своей подмосковной, и, говорятъ, несмотря на такое невыгодное время, когда большая часть Москвы въ разъѣздѣ, на этихъ балахъ всегда бываетъ очень много. Въ этомъ я убѣдился вчера, потому что вчера былъ этотъ прощальный балъ съ деревнею,—деревенскій балъ, bal champêtre, какъ называетъ его князь. Хлопотливый дворецкій за полторы недѣли объявилъ мнѣ объ этомъ высокоторжественномъ днѣ, и, признаюсь, самъ не знаю отчего, я ждалъ этого дня съ большимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ онъ наступилъ. Я проснулся ранѣе обыкновеннаго и вышелъ на крыльцо. Утро было холодное, но свѣтлое; солнце еще не успѣло обогрѣть землю, и въ тѣни на травѣ бѣлѣлъ иней. Въ домѣ и около дома замѣтно было необыкновенное движеніе: въ кухняхъ неумолкаемо и мѣрно стучали ножи; повара и поварёнки мелькали взадъ и впередъ по аллеѣ въ бѣлыхъ курткахъ; лакеи перебѣгали изъ одного отдѣленія дома въ другое... Дворецкій прохаживался съ большою торжественностью и подзывалъ къ себѣ лакеевъ, отдавая имъ приказанія съ нахмуреннымъ челомъ, и чаще обыкновеннаго поправлялъ свой бѣлый, накрахмаленный галстукъ. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ и, приподнявъ свою фуражку, сказалъ:

— Доброе утро, Александръ Игнатьичъ! Хлопотъ сегодня, хлопотъ, Боже ты мой, полны руки! Благодаря Бога, погода благопріятствуетъ намъ, и я вамъ скажу, это всегда

такъ: князь изволитъ назначить балъ еще за двѣ недѣли, говоритъ «въ такой-то день», и въ этотъ день всегда благорастворенная и прекрасная погода.

— Это уже особенное счастье,—замѣтилъ я.

— Точно особенное счастье. Могло случиться, что и дурная была бы погода: у Бога все возможно.

— Разумѣется; а скажите, любезный Демидъ Петровичъ, не знаете ли, отчего князь отложилъ поѣздку въ чужіе края?

Дворецкій потеръ лобъ.

— Самъ я удивляюсь: причины особенной нѣтъ; если бы, напримѣръ, что-нибудь, я зналъ бы: князь, я вамъ скажу, отъ меня ничего не скрываетъ; но на этотъ разъ, лгать нечего, такого грѣха я не беру на душу, не знаю. Эй, Владиміръ!—закричалъ онъ бѣжавшему лакею:—разставьте канделябры въ столовой—сейчасъ же. Я иду вслѣдъ за тобою... До свиданія, Александръ Игнатьичъ! дѣла, дѣла, я вамъ скажу, не оберешься сегодня! Дорогà каждая минута...

Въ общихъ утреннихъ приготовленіяхъ одна княжна не принимала никакого участія. Она сказала мнѣ, что ей совсѣмъ не нравятся московскіе балы съ тѣхъ поръ, какъ она провела одну зиму въ Петербургѣ, а другую въ Вѣнѣ...

Въ девять часовъ домъ и садъ князя горѣли огнями, и, вѣрно, далеко въ окружности виднѣлось зарево, пылавшее въ этотъ вечеръ надъ селомъ Богородскимъ...

Долго толкался я въ танцовальной залѣ; мнѣ хотѣлось ангажировать княжну, но я не рѣшался, боясь обратить на себя общее вниманіе; я думалъ, что живописецъ, танцующій на аристократическомъ балѣ—это что-то смѣшное и нелѣпое, бросающееся въ глаза. Рябининъ ходилъ вслѣдъ за мною и все твердилъ мнѣ, «что ему душно, что онъ ненавидитъ этикетъ, что всѣ эти движущіяся куклы, мужскія и женскія, ему противны»; однако на княжну онъ поглядывалъ съ особеннымъ чувствомъ.

— Хороша, соблазнительна, пышна, на нее и я заглядѣлся,—говорилъ онъ:—и какъ эстетично одѣта! Она царица бала.

Рябининъ, восхищающійся княжною и передающій мнѣ свое восхищеніе, съ указательнымъ перстомъ передъ длиннымъ носомъ, въ широкихъ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, былъ очень забавенъ среди этой чопорной бальной толпы; но еще забавнѣе его показалась мнѣ старушка съ усиками: она, разукрашенная и подрумяненная, сидѣла съ огромнымъ вѣеромъ, на которомъ изображены были Венера и Адонисъ, и съ важностью обвѣвала имъ свое личико; въ ея тусклыхъ глазахъ, будто покрытыхъ слюдою, выражалось неудовольствіе,—балъ явно не удостоился чести ей нравиться, и я только того и ждалъ, что она безъ церемоніи, при всѣхъ, начнетъ свое ворчаніе.

— Анастасьевъ танцуетъ съ одной княжной и ни съ кѣмъ болѣе,—сказалъ мнѣ Рябининъ.—У него вкусъ недуренъ.

Я вздрогнулъ и сейчасъ же опомнился.

— А гдѣ же Анастасьевъ?—спросилъ я:—его я и не замѣтилъ.

— Вонъ направо-то:—онъ сидитъ возлѣ нея и наклонился къ плечу ея. А какія у нея плечи! это бѣлизна млечная, роскошь!

Я оставилъ Рябинина, продрался сквозь толпу и сталъ сзади нея.

Княжна безпрестанно улыбалась, нюхая свой букетъ: видно Анастасьевъ нашептывалъ ей что-нибудь смѣшное; голова его въ самомъ дѣлѣ была наклонена къ самому плечу ея, и она не думала отодвинуться отъ него.

У меня пробѣгалъ морозъ по кожѣ, мнѣ было досадно на нее, я готовъ былъ нагрубить ему.

Вдругъ вижу я, что онъ преспокойно протягиваетъ руку къ ея букету, вырываетъ изъ него одинъ цвѣтокъ и съ своимъ отвратительнымъ хладнокровіемъ продѣваетъ его въ петличку своего фрака. Я думалъ, что княжна разсердится на него за эту дерзость, что̀ же?—нисколько: она послѣ этого была такъ же спокойна, такъ же привѣтливо смотрѣла на него.

Я ужъ не могъ долѣе оставаться въ залѣ; куда шелъ и зачѣмъ—не зналъ, только очутился въ саду. Шкалики ярко

горѣли въ прямыхъ аллеяхъ, освѣщая разставленныя тамъ симметрически мраморныя рожи; горничныя бѣгали и пищали по этимъ аллеямъ, да въ разныхъ мѣстахъ стояли крестьянки, смотря вверхъ на освѣщенныя окна. Мнѣ хотѣлось быть одному, и я пошелъ къ озеру. Озеро окружено было гирляндою разноцвѣтныхъ фонарей, отражавшихся въ спокойныхъ водахъ его, а за озеромъ господствовала страшная тьма: тамъ ужъ не заблагоразсудили поставить ни одного шкалика. Я отправился было туда, но чуть не стукнулся лбомъ о дерево и возвратился, усѣвшись на скамейкѣ въ трехъ шагахъ отъ пристани, возлѣ которой стоялъ яликъ. Звуки бальной музыки слышались здѣсь едва внятно, и мнѣ стало лучше.

«Чѣмъ объяснить дерзкое поведеніе Анастасьева съ княжною?—думалъ я:—какое онъ имѣетъ право такъ самовольствовать, вырывать изъ рукъ ея цвѣты? Неужели всѣ свѣтскіе люди такіе грубіяны и такъ невѣжливо обращаются съ дѣвушками?.. Неужели всѣ дѣвушки большого свѣта позволяютъ имъ это?»

— Насилу нашелъ тебя!—раздался возлѣ меня голосъ Рябинина. — Гдѣ это ты пропадаешь? Я скажу тебѣ новость: отъ нечего дѣлать поймалъ я какого-то барина, сѣлъ съ нимъ играть въ экартѐ и выигралъ пятьсотъ рублей: вотъ и деньги... Да что̀ съ тобой? неужто все время ты просидѣлъ въ саду и въ такой холодъ? а тамъ ужъ и мазурку кончаютъ...

— Поздравляю тебя съ выигрышемъ; да съ какими же деньгами игралъ ты? Вѣдь у тебя не было денегъ.

— Не было ни гроша, да зато было предчувствіе выиграть, а съ такимъ предчувствіемъ можно всегда играть смѣло безъ денегъ. Полно,—продолжалъ онъ, ударяя меня по плечу:—поразвеселись. Не хорошо быть пасмурнымъ. Дай мнѣ твою руку, и пойдемъ ускореннымъ шагомъ; авось пляски скоро кончатся, и намъ дадутъ ужинать.

— Я ужинать не буду: у меня болитъ голова.

— Съ тобой каши не сваришь. Прощай; иди куда знаешь,

а я прозябъ и отправлюсь въ буфетъ предохранить себя отъ сырости.

Я пришелъ къ себѣ въ комнату, бросился на кресла и въ какомъ-то безчувственномъ состояніи просидѣлъ тамъ, кажется, около часа, потомъ вскочилъ съ креселъ, какъ испуганный, и, самъ не зная зачѣмъ, потащился опять въ бальную залу, гдѣ танцовали. Ужинъ кончился. Половина гостей разъѣхалась, многіе уѣзжали, иные собирались ѣхать; въ залѣ была чрезвычайная суматоха. Я искалъ ее и не находилъ. Вдругъ услышалъ голосъ ея, произнесшій мое имя... Она стояла въ трехъ шагахъ отъ меня, въ глубокой амбразурѣ окна, прислонясь къ стѣнѣ, утомленная, жарко дышащая, съ пылающими щеками, съ совершенно повисшими локонами, съ поблекшимъ букетомъ въ рукѣ.

— Гдѣ вы были?—спросила она меня.

— Я былъ въ своей комнатѣ, княжна.

— Что̀ это значитъ?

— То, что мнѣ здѣсь нечего было дѣлать.

— А я васъ вездѣ искала, я хотѣла сама ангажировать васъ...

— Я вамъ благодаренъ за вниманіе, но вы и безъ того слишкомъ устали отъ танцевъ.

— Да, это правда, я много танцовала.

— Такъ вамъ было весело?

— Очень весело.

Она выронила букетъ изъ руки. Я его поднялъ и отдалъ ей.

— Въ этомъ букетѣ недостаетъ одного цвѣтка, княжна.

— Какого цвѣтка?

— Я видѣлъ этотъ цвѣтокъ въ петлѣ чьего-то фрака...

— А! у меня отнялъ его Анастасьевъ: теперь я вспомнила. Такъ что̀ же?

— Вы ужъ забыли объ этомъ?

Княжна засмѣялась.

— Развѣ это такое важное событіе, чтобы о немъ помнить цѣлую вѣчность?

Я понялъ всю глупость моего вопроса и смутился.

Въ этотъ разъ княжна не уронила, а бросила букетъ на полъ и еще оттолкнула его отъ себя ногой.

Я опять поднялъ его и положилъ въ свой боковой карманъ.

Она посмотрѣла на меня съ величайшимъ изумленіемъ.

— Для чего вамъ эти завянувшіе цвѣты?

— Я буду беречь ихъ, какъ воспоминаніе о васъ.

— Воспоминаніе?—Она измѣнилась въ лицѣ.—Что́ это? вы оставляете насъ?

— Я долженъ былъ бы оставить вашъ домъ, но я не могу, — у меня не достанетъ столько твердости.

— Посмотрите, свѣтаетъ,—сказала она, прерывая меня:— какъ хорошъ нерѣшительный свѣтъ зачинающагося дня, и какъ непріятно смотрѣть теперь на эти догорающія свѣчи, на жалкіе остатки бальнаго блеска!.. Ахъ, вотъ миссъ Дженни! она вѣрно ищетъ меня. До завтра...

Я поклонился ей, долго смотрѣлъ на нее удаляющуюся и думалъ: если бъ она знала, какъ я люблю ее!

— Суета сует ъ и всяческая суета!—произнесъ Рябининъ, ухвативъ меня за руку...—Я подкрѣпилъ себя ужиномъ, ты это видишь, ну, а теперь пойдемъ спать: остальное же все— суета сует ъ!

ГЛАВА XV.

8 октября.

Вотъ мѣсяцъ, какъ не принимался я за перо, да и писать не о чемъ. Три недѣли, какъ мы живемъ въ Москвѣ,— говорю *мы*, потому что я съ Рябининымъ принадлежу также къ семейной свитѣ князя. Князь въ послѣднее время сдѣлался къ намъ еще внимательнѣе: онъ такъ привыкъ къ нашимъ фигурамъ, что безъ насъ, я увѣренъ, ему было бы скучно; расположеніе его къ намъ совершенно искреннее, но оно тяготитъ меня, мнѣ совѣстно жить на чужой счетъ, Богъ знаетъ для чего; ѣсть чужой хлѣбъ даромъ. Я списалъ, по просьбѣ князя, небольшой акварельный портретъ съ княжны, и ужасно недоволенъ имъ, а князь отъ него въ

полномъ восторгѣ. Онъ показываетъ его всѣмъ знакомымъ своимъ — и они, по крайней мѣрѣ при мнѣ, также приходятъ въ восхищеніе отъ моей работы, отъ моего вкуса и отъ поразительнаго сходства этого портрета съ оригиналомъ. Въ самомъ дѣлѣ, сходство есть, но я вовсе не уловилъ поэзіи ея выраженія; правда, это и нелегко. Какъ передать, напримѣръ, ея глаза, то глубокіе и томные, то свѣтящіеся дѣтскою, простодушною радостью? Разумѣется, гдѣ же этимъ господамъ входить въ такія тонкости! Отдѣлка хороша, черты лица схвачены — и портретъ чудесный. Рябининъ тотчасъ однако замѣтилъ мнѣ, когда я принесъ къ нему оконченный портретъ: — превосходно! Мастерской штрихъ! Но нѣтъ *этого*. Именно, нѣтъ «этого»! Онъ правъ.

Портретъ не могъ быть удачнымъ, потому что, когда я писалъ его, у меня все вертѣлся въ головѣ Анастасьевъ. Кстати о немъ: по Москвѣ ходятъ темные слухи, что *онъ* женихъ ея, что покуда это хранится въ тайнѣ и что будто бы такія-то обстоятельства заставили князя отложить поѣздку въ чужіе края. Я готовъ былъ бы, пожалуй, повѣрить этимъ сплетнямъ праздношатающихся свѣтскихъ особъ обоего пола, но княжна не выйдетъ же замужъ нелюбя — она, созданная для любви пылкой и безконечной? Къ Анастасьеву она просто ничего не чувствуетъ: это увидѣлъ я изъ ея отзывовъ о немъ. Онъ, если ему угодно, можетъ имѣть на нее виды, да вѣдь ему не удивить и не соблазнить ее своимъ богатствомъ? Нѣтъ, слухамъ этимъ вѣрить смѣшно и глупо! Зачѣмъ же *онъ* не выходитъ у меня изъ головы? Зачѣмъ же всякій разъ, когда заговорятъ о княжнѣ и о немъ, у меня сжимается сердце? Другой на моемъ мѣстѣ назвалъ бы это предчувствіемъ... Скажи мнѣ, другъ, не правда ли, вѣрить предчувствіямъ нелѣпо? Только люди съ раздраженными нервами да женщины вѣрятъ предчувствіямъ...

Съ ней я вижусь теперь не такъ часто; деревенская жизнь не воротится. Мое счастье и спокойствіе, кажется, исчезли также невозвратно. Здѣсь она должна безпрестанно выѣзжать то въ театръ, то къ своимъ кузинамъ и тетушкамъ, показывать имъ *свою разсѣянную лѣнь*. Она рѣдко

дома. Уже передъ нею открывается длинный рядъ баловъ и различныхъ празднествъ... И онъ будетъ вездѣ передъ нею: каждый часъ, каждую минуту. Не отходя отъ глазъ ея, онъ можетъ ее пріучить къ себѣ, даже сдѣлаться ея необходимостью, какъ сдѣлались мы для князя.

И въ тѣ минуты, когда онъ глядитъ на нее, говоритъ съ ней, наклоняется къ ея плечу, какъ, помнишь, на балѣ, въ тѣ минуты я одинъ лежу на своемъ диванѣ въ мучительномъ состояніи; тоска медленно, расчетливо впускаетъ въ меня свое жало и незамѣтно высасываетъ кровь мою. Мнѣ ни за что не хочется приняться, все лежалъ бы на диванѣ и не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій. Только по утрамъ я учу Ваню рисованію по ея просьбѣ. У этого мальчика славныя способности. Но я не желаю, чтобы онъ сдѣлался художникомъ въ какомъ-нибудь родѣ, да не только художникомъ, хоть сколько-нибудь глубокимъ человѣкомъ. Что за охота страдать и терзаться напрасно страданьями и терзаньями, которыя неизвѣстны другимъ счастливчикамъ, людямъ умнымъ и практическимъ?.. Двѣ свѣтлыя, отрадныя минуты, въ которыя готовъ обнять цѣлый міръ — и потомъ непрерывные годы тьмы, мученій, и жалобъ, и проклятій...

Я начинаю опять ссориться съ жизнью. Тяжела жизнь!..

Я завидую Рябинину, никогда неунывающему, — или онъ умѣетъ скрывать свою внутреннюю боль, такъ что не морщится отъ нея? Дома его и не ищи: онъ или проповѣдуетъ князю о святынѣ искусства, или играетъ въ карты въ Англійскомъ клубѣ и пьетъ портеръ, потому что съ недавняго времени портеръ предпочитаетъ другимъ напиткамъ. Всякій день также онъ увѣряетъ меня, что скоро засядетъ дома и примется за основательное изученіе древностей, и въ особенности древне-греческаго языка...

Вчера княжна ѣхала куда-то на вечеръ, и передъ отъѣздомъ прислала за мной Ваню. Ей хотѣлось, чтобы я посмотрѣлъ на нее въ полномъ блескѣ. Стало-быть, она помнитъ же обо мнѣ, думаетъ обо мнѣ?

ГЛАВА XVI.

20 октября.

Она помолвлена. Всѣ поздравляютъ ее и князя... И мнѣ надобно итти поздравлять ихъ? И я пришелъ поздравить его. Онъ спросилъ меня, не боленъ ли я? «Нѣтъ, я чувствую себя очень хорошо», отвѣчалъ я. Потомъ онъ сталъ говорить мнѣ, что я вѣрно вполнѣ извиню его теперь, зная настоящую причину, заставившую отложить его поѣздку въ чужіе края; что его будущій зять хоть по наружности кажется человѣкомъ холоднымъ, но, несмотря на это, любитъ искусства и тратитъ большія деньги въ Парижѣ, помогая тамошнимъ художникамъ и поощряя ихъ дѣятельность. Мнѣ это необыкновенно пріятно; къ тому же, очень полезно знать... Я поздравлялъ и ее, она молча поблагодарила меня съ тою привѣтливостью и граціей, которою удостоиваютъ свѣтскія дѣвушки людей простого сословія...

Какъ же она, созданная для любви пылкой и безконечной, рѣшилась выйти замужъ за человѣка, котораго не любила? Вѣрно, она пожертвовала собой?.. Да зачѣмъ ей приносить такія жертвы? У нея была свободная воля, отецъ — ея покорный слуга: она могла сдѣлать свободный выборъ. Она и сдѣлала свободный выборъ. Анастасьевъ предложилъ ей себя, и она подала ему свою руку, безъ всякаго размышленія, оттого, что пренебречь такимъ женихомъ было бы безразсудно, одержать же побѣду надъ милліонами славно! Теперь не только московскія граціи, но и петербургскія, и всѣ даже европейскія граціи большого свѣта безгрѣшно могутъ позавидовать ея участи... Одна только бабушка съ усиками, говорятъ, ворчитъ и сердится на свою внучку за то, что она не будетъ ни графиней, ни княгиней: да кто же станетъ смотрѣть на эту брюзгливую развалину? Она отстала отъ всего на тысячелѣтіе, она не знаетъ, что въ наше время аристократія въ деньгахъ, а не въ титлахъ. Люди нашего времени сдѣлались поумнѣе того блаженнаго времени, въ которое она расцвѣла; намъ нужна звонкая монета, а не

пустозвонныя величанья. Деньги и деньги! Рябининъ понялъ жизнь.

Но что̀ же ей, этой княжнѣ, этой глубокой дѣвушкѣ, до общаго мнѣнія, до денегъ, до богатства? Она говорила, что ей нужно море, сливающееся съ горизонтомъ, восхожденіе солнца; она говорила, что ей вечеромъ на озерѣ съ бѣднымъ живописцемъ лучше, нежели въ бальной залѣ; что у нея есть и восторгъ, и слезы, и молитвы! А бѣдный, безсмысленный живописецъ слушалъ благоговѣйно ея сладкія рѣчи и малодушно вѣрилъ этимъ рѣчамъ; поставилъ ее на драгоцѣнный пьедесталъ и молился ей, и любовь къ ней сдѣлалась для него жизнью, необходимостью, высшимъ счастьемъ! Вольно же ему было дурачиться, ея благосклонное вниманіе счесть за любовь, ея разсужденія о литературѣ, писанныя отъ нечего дѣлать, за средство выказать свою душу, обнаружить стыдливое чувство любви! Вольно же ему было жить въ несбыточной мечтѣ, окружить себя призраками, таять и блаженствовать отъ собственныхъ фантазій!..

Вѣдь не замужъ же въ самомъ дѣлѣ итти за него княжнѣ!..

Да, я, презирая имя мечтателя, мечталъ, какъ сахарный пастушокъ; я грезилъ, какъ помѣшанный; я окружалъ себя обманомъ и ложью до послѣдней минуты; называлъ догадливость милыхъ и разсудительныхъ людей сплетнями; не внималъ благоразумнымъ совѣтамъ; шелъ ощупью, закрывъ глаза, не зная куда и зачѣмъ, и вотъ — остановился въ раздумьѣ на самомъ краю бездны... Возврата нѣтъ. Ну, теперь, безъ ребяческаго трепета, безъ бабьяго ропота кинься въ эту бездну!..

А искусство, ты спросишь? А жизнь для искусства?.. Надо сбросить съ себя всѣ обманы, отогнать отъ себя всѣ *призраки*, разоблачить себя до̀-нага, по крайней мѣрѣ хоть въ послѣднія минуты явиться дѣйствительнымъ человѣкомъ, безъ всякихъ пошлыхъ претензій... Другъ! если бы я любилъ искусство, если бы во мнѣ было истинное призваніе, я не промѣнялъ бы его, это святое искусство, на женщину, или, забывшись, тотчасъ бы опомнился и, выйдя съ торжествомъ изъ заблужденія, обновленный, принялся бы тво-

рить, а для меня, ты видишь, искусство — дѣло второстепенное. Теперь ясно мнѣ, что она была для меня выше искусства, иначе я не былъ бы убитъ... Да, я убитъ! Я не хочу жить, и мнѣ не для чего жить. Если бы я такъ любилъ искусство, какъ ее, я былъ бы великимъ творцомъ.

Что умирать? я мнилъ: быть можетъ жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье...

Нѣтъ, полно!.. Ни творческихъ ночей, ни вдохновенья у меня не могло быть... Я становился на ходули, чтобы казаться чѣмъ-нибудь; двѣ картины мои удались и понравились — довольно... Бросай кисть и палитру. Мнѣ ничего не нужно, ничего!..

---

22 октября.

Остается десять дней до ея свадьбы. Я сказался больнымъ и никуда не выхожу... Рябининъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ много, кажется, все въ утѣшеніе мнѣ; я ничего не могу слушать. Пусть будетъ она счастлива. О, я желаю ей счастья отъ всего моего сердца!.. Обними меня и прости меня. Мы ужъ съ тобой не увидимся!

ГЛАВА XVII.

Однажды утромъ, въ тѣ часы, когда въ домѣ князя обыкновенно все покоится сномъ сладчайшимъ, горничная княжны, блѣдная какъ смерть, вошла на цыпочкахъ въ ея спальню, едва прикасаясь ногами къ ковру. Тамъ, въ этой спальнѣ, еще не разсвѣтало: темнозеленыя шелковыя шторы были опущены. Княжна, разумѣется, почивала. Съ осторожностью подошла горничная къ ея постели, отдернула шелковую занавѣску и тихонько, не вдругъ разбудила ее, чтобы не испугать...

Княжна полураскрыла глаза и, не отнимая головы отъ подушки, въ полуснѣ невнятно спросила у нея:

— Что̀ тебѣ надобно? Который часъ?

— Еще очень рано, сударыня, — отвѣчала горничная, — но я безпокою васъ, потому что у насъ въ домѣ случилось несчастье...

— Какое несчастье?

Княжна отняла отъ подушки свою голову...

— Сегодня ночью г. Средневскій, живописецъ...

Княжна совсѣмъ открыла глаза...

— Что̀ такое? что̀ съ нимъ?

— Онъ застрѣлился, сударыня.

Княжна, дрожа всѣмъ тѣломъ, вскочила съ постели, схватила горничную за руку и посмотрѣла ей пристально въ лицо.

— Ты съ ума сошла? застрѣлился? Кто тебѣ сказалъ это?

— Мнѣ, ваше сіятельство, сказалъ человѣкъ Григорій, который ходилъ за нимъ, — отвѣчала горничная, немного смѣшавшись. — Еще объ этомъ не знаютъ, сударыня. Еще всѣ спятъ въ домѣ, кромѣ этого человѣка.

— Точно ли ты увѣрена, Маша? Поди, бѣги скорѣй, скажи, чтобы онъ не дѣлалъ покуда никакой тревоги въ домѣ...

Горничная произнесла «слушаю», повернулась и хотѣла бѣжать, но княжна остановила ее.

— Маша, могу ли я такъ пройти въ его комнаты, чтобы никто не могъ меня видѣть, никто не зналъ, что я была тамъ? Слышишь ли, никто?..

— Я сію секунду узнаю объ этомъ, княжна.

— Бѣги же, бѣги, Маша, скорѣй, ради Бога, скорѣй!..

Когда горничная выбѣжала, княжна оперлась рукою о столъ: глаза ея остановились; казалось, она замерла, холодная, какъ мраморъ.

Минутъ черезъ десять горничная вернулась...

— Ваше сіятельство, все готово: я взяла ключъ отъ горницъ живописца и крѣпко-накрѣпко заказала Григорію молчать объ этомъ несчастьи (она вздохнула); только вамъ надобно итти, сударыня, по черной лѣстницѣ и пройти темнымъ коридоромъ внизу...

Княжна ожила.

— Все равно; пожалуй, я надѣну твое платье, чтобы меня не узнали...

— Нѣтъ-съ, этого не нужно, помилуйте-съ; васъ никто не увидитъ, я провожу васъ.

— Ты проводи меня только до дверей его комнатъ и подожди въ коридорѣ... Да слышишь ли, Маша, чтобъ объ этомъ никто не зналъ!..

— Ахъ, помилуйте, сударыня! да за кого же вы меня принимаете?..

Княжна кое-какъ надѣла свой пеньюаръ, кое-какъ пригладила свои волосы, накинула на голову старую шаль и сказала горничной:

— Я готова, я иду за тобою...—голосъ и губы ея дрожали.

По узкой лѣстницѣ спустились онѣ внизъ, прошли длинный и темный коридоръ... Въ концѣ его горничная остановилась у двери...

— Ключъ! — прошептала княжна.

Она едва могла вложить его въ замочную скважину,— такъ руки ея дрожали; дверь отперлась; горничная осталась у двери...

Страшно было посмотрѣть на княжну въ эту минуту. Едва дыша, полумертвая, съ посинѣлыми губами, она прошла мастерскую и остановилась въ его кабинетѣ у бюро... Схвативъ связку ключей, лежавшихъ на этомъ бюро, она отворила ящикъ, — въ ящикѣ ничего не было; она отворила другой — и въ другомъ ничего; вдругъ схватила она съ жадностью связку почтовыхъ листковъ, мелко исписанныхъ, на которыхъ лежалъ засохшій букетъ цвѣтовъ. И букетъ, и бумажки она спрятала къ себѣ на грудь и повернулась, чтобы выйти... Онъ лежалъ передъ нею на кушеткѣ. Она застонала, схватила себя за грудь; но сила воли спасла ее, побѣдила боль и изнеможеніе — и она, шатаясь, вышла въ коридоръ.

Возвратясь въ свою спальню, она сказала горничной едва слышно:

— Разведи огонь въ каминѣ, въ той комнатѣ... Мнѣ холодно.

Огонь былъ разведенъ.

— Теперь ты ненужна мнѣ; я позвоню...

— Какъ же мнѣ выйти? вамъ дурно, сударыня.

— Нѣтъ, ничего, поди.

Княжна бросилась на патѐ, противъ камина, потомъ приподнялась, обвела головой вокругъ, вынула письма и засохшіе цвѣты и начала ихъ разсматривать.

— Да, это мои письма... — прошептала она, — это мой букетъ.. *Неужели такъ любятъ?*

Княжна привстала еще разъ, посмотрѣла на эти письма и на этотъ букетъ и бросила ихъ въ огонь... Пламя въ минуту охватило ихъ; она вздрогнула, закричала, закрыла лицо руками и упала безъ чувствъ...

Около полудня началась тревога въ домѣ князя. Князь былъ сильно пораженъ самоубійствомъ живописца. Такое необычайное происшествіе привело его въ ужасное разстройство. Въ волненіи, въ безпокойствѣ ходилъ онъ по комнатѣ, а старушка съ усиками ворчала:

— Моя правда, князь! Развѣ я не твердила вамъ, что вы принимаете къ себѣ Богъ знаетъ какихъ людей и откуда? не по-моему вышло, что̀ ли? Слыхано ли, нанести такое оскорбленіе благородному дому за хлѣбъ-соль и ласку!.. Неблагодарный мальчишка! И я всегда видѣла въ его лицѣ что-то неестественное, дикое... Безбожникъ какой! застрѣлиться! Видишь ли, что̀ вздумалъ!.. Да хоть бы гдѣ-нибудь въ полѣ, а то въ княжескомъ домѣ, покорно прошу!

Рябининъ, сидя въ своей комнатѣ съ нахмуреннымъ челомъ, поднималъ глаза въ потолокъ и твердилъ: «Странно!..»

Одинъ Ваня, сынъ дворецкаго, плакалъ горько и неутѣшноу узнавъ о смерти своего рисовальнаго учителя...

Между тѣмъ полиція и доктора хлопотали внизу. Осмотрѣвъ трупъ и рану, доктора рѣшили, что живописецъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ *бѣлой горячки* (delirium).

Черезъ недѣлю послѣ этой тревоги, часу въ девятомъ вечера, нѣсколько экипажей стояло близъ ярко освѣщеннаго подъѣзда княжескаго дома. Двери подъѣзда были отворены, въ дверяхъ стоялъ изукрашенный швейцаръ съ огромною булавою. На тротуарѣ у воротъ и около рѣшетки толпились въ какомъ-то ожиданіи различныя женщины въ шляпкахъ и безъ шляпокъ и съ платками на головѣ. Около нихъ, при такомъ удобномъ случаѣ, увивались господа съ усиками и въ венгеркахъ... Карета, запряженная превосходными сѣрыми рысаками, двинулась къ подъѣзду...

— Вотъ невѣста поѣдетъ въ этой каретѣ, — говорили женщины, стоявшія на тротуарѣ. — Ахъ, какъ бы ее увидать! Вотъ, я думаю, нарядная-то!

— Позвольте, сударыня, я приподниму васъ, когда она поѣдетъ, чтобы вы ее могли обозрѣть, — сказалъ одинъ франтъ въ венгеркѣ, расправляя свои усики и обратясь къ той, которая была помиловиднѣе прочихъ.

— Не просятъ васъ безпокоиться...

Въ это время по широкому ковру лѣстницы, уставленной деревьями, тянулась блестящая свадебная процессія... Впереди бѣжали шаферы въ раззолоченныхъ мундирахъ; за ними шелъ маленькій пажъ, двоюродный братъ княжны, съ образомъ въ рукахъ... За нимъ она, прекрасная какъ всегда, вся въ бѣломъ, вся въ цвѣтахъ померанца, съ длиннымъ блондовымъ вуалемъ на головѣ, который живописно спускался назадъ; съ блестящимъ шифромъ на лѣвомъ плечѣ... За нею шла бабушка съ усиками, нарумяненная, съ шевелящимися губами... А тамъ вся эта великолѣпная и раздушенная толпа дѣвицъ и дамъ... Рябининъ стоялъ въ сторонѣ на послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы. Когда княжна проходила мимо его, онъ приподнялъ свои длинныя руки, поклонился ей и сказалъ:

— Княжна, сегодня вы ослѣпительны!

И княжна привѣтливо улыбнулась на это восторженное поэтическое привѣтствіе.

Поѣздъ двинулся...

Въ одно утро, нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы до-

чери, князь разговаривалъ съ Рябининымъ въ своемъ кабинетѣ.

— Надобно, — говорилъ князь, — чтобы рисунки, которые приложатся къ нашимъ путевымъ запискамъ, были превосходны, а для этого требуется художникъ въ полномъ смыслѣ слова.

— Объ этомъ не безпокойтесь, князь, — я другъ со всѣми лучшими нашими художниками; я сыщу вамъ человѣка. Онъ будетъ понадежнѣе этого Средневскаго.

— Но скажите, — спросилъ князь, подходя къ Рябинину, — отчего же у него вдругъ сдѣлалась бѣлая горячка?

— Позволите ли вы мнѣ говорить съ вами откровенно, просто, безъ чиновъ?

— Пожалуйста, я прошу васъ.

— Въ немъ эта горячка таилась давно... Онъ, сумасбродъ, вздумалъ влюбиться — шутка ли? въ дочь вашу!

— Въ мою дочь? — Князь вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Именно въ нее!

Минуты черезъ двѣ, придя въ себя, князь произнесъ:

— Если это и такъ, мнѣ все-таки жаль его!

— Да, жаль; жаль, какъ человѣка, но не жаль, какъ художника. Если бы онъ былъ уменъ и слушался моихъ совѣтовъ, правда, онъ пошелъ бы въ гору, но до самой вершины, гдѣ облака, онъ никогда бы не дошелъ. Въ началѣ я ободрялъ его сильно, давалъ ему ходъ, кричалъ о немъ, какъ о великой надеждѣ... У меня метода, князь, только что увижу искру таланта въ человѣкѣ, я начну холить и лелѣять этого человѣка и раздувать въ немъ эту Божію искру. Не удалось мнѣ возжечь въ груди его пламя, — не моя вина. Я не люблю нѣмцевъ, вы это знаете, а нѣмецъ Гофманъ сказалъ вѣрно: «Что живое, внѣшнее побужденіе многіе принимаютъ за истинное призваніе къ искусству». Нашъ живописецъ былъ изъ числа этихъ многихъ...

— —